

RS

Russian Studies

Études Russes

Russische Forschungen

1995 | 4

RS

Russian Studies

Études Russes

Russische Forschungen

**Ежеквартальник
русской филологии
и культуры**

1995 | 4

Санкт-Петербург

ЕЖЕКВАРТАЛЬНИК ВЫПУЩЕН ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ШВЕЙЦАРСКОГО ФОНДА

PRO HELVETIA
Echanges cultures Est-Ouest

ББК 83
P11

РЕДАКТОРЫ

Юрий Александрович Клейнер,
Валерий Николаевич Сажин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

David Bethea (Madison, Wisconsin. U.S.A.)
Svetlana Voym (Cambridge, Mass. U.S.A.)
Георгий Вадимович Вилинбахов (С.-Петербург. Россия)
Борис Федорович Егоров (С.-Петербург. Россия)
Caryl Emerson (Princeton. U.S.A.)
George Hyde (Norwich. U.K.)
Jean-Philippe Jaccard (Geneve. Switzerland)
Edward Kasinec (New York. U.S.A.)
Любовь Николаевна Киселева (Tartu. Estonia)
Юрий Владимирович Манн (Москва. Россия)
Eric Naiman (Berkeley, Calif. U.S.A.)
Nina Perlina (Bloomington, Indiana. U.S.A.)
Борис Николаевич Путилов (С.-Петербург. Россия)
Stephanie Sandler (Amherst, Mass. U.S.A.)
William Todd (Cambridge, Mass. U.S.A.)
Мариэтта Андреевна Турьян (С.-Петербург. Россия)
Мариэтта Омаровна Чудакова (Москва. Россия)

Адрес редакции:

Россия. С.-Петербург, 197198, а/я290
Тел.: (812) 233-18-29, (812) 583-52-56

ISBN 5-7187-0124-5
ISBN 5-7331-0066-4

© 1995 Russian Studies

ПАМЯТИ ЮРИЯ МИХАЙЛОВИЧА ЛОТМАНА

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТАТЬИ

В. Н. Муллин (С.-Петербург). Кладбище в системе петровской культуры начала XVIII века	5
И. Серман (Иерусалим). Достоевский и Просвещение	18
М. Плюханова (Рим). Творчество Толстого. Лекция в духе Ю. М. Лотмана	37
Л. Грюэль-Апер (Ренн). Размышления переводчика (По поводу перевода некоторых произведений русского фольклора и русской фольклористики на французский язык)	82

КОММЕНТАРИИ

Е. В. Анисимов (С.-Петербург). Кто показал Петру Великому место для основания Санкт-Петербурга	98
М. Д. Эльзон (С.-Петербург). «Его пример другим наука»	114
А. В. Лавров (С.-Петербург). Из комментариев к стихотворениям А. Блока	115

ОБЗОРЫ И ПУБЛИКАЦИИ

С. В. Самойлова (Москва). 1812 год. Петербургские письма. Переписка Н. М. Лонгинова с М. С. Воронцовым.	133
А. Л. Никитин (Москва). Мистические ордена в культурной жизни Советской России	189

СУДЬБЫ ФИЛОЛОГОВ

Б. Ф. Егоров, М. Б. Игнатъев, Ю. М. Лотман. Искусственный интеллект как метамеханизм культуры	277
Т. Кузовкина (Тарту). Тема смерти в последних статьях Ю. М. Лотмана	288
Л. Столович (Тарту). Юрий Михайлович шутит	304

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Русские книги гражданской печати XVIII в. в фондах научно-справочной библиотеки Российского Государственного Исторического Архива. Публикация Е. К. Авраменко (С.-Петербург)	309
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Б. Ф. Егоров (С.-Петербург). Статьи о Пушкине в английском сборнике к 70-летию Ю. М. Лотмана	363
--	-----

А. В. Вознесенский (С.-Петербург). Новый вклад в изучение старообрядческого книгопечатания	368
М. Д. Эльзон (С.-Петербург). Звездный час Николая Львова	379
М. Ш. Файнштейн (С.-Петербург). Северная Коринна	383
М. Д. Эльзон (С.-Петербург). Скучны ли «Ученые записки»?	386
М. Д. Эльзон (С.-Петербург). И педагогу, и исследователю	388
М. Д. Эльзон (С.-Петербург). Интернациональная «Philologia»	389
Б. Ф. Егоров (С.-Петербург). Новый итальянский журнал «Russica Romana»	391
В. Дмитриев (С.-Петербург). Четыре русских писателя в интерпретации американской славистики	398

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

Весть (Калуга). Вечерний Омск. Вечерний Оренбург. Кабардино-Балкарская правда. Петрозаводск. Эстония. Подготовила Е. Е. Симановская (С.-Петербург)	401
--	-----

ХРОНИКА

Бергамо. Санкт-Петербург	424
------------------------------------	-----

СТАТЬИ

---

*В. Н. Муллин
С.-Петербург*

Кладбище в системе петровской культуры начала XVIII века

В начале XVIII века совершилось два важнейших перелома в системе мировоззрения российского общества. Во-первых, «идеологическая воля» общественного кризиса достигла своего апогея — в том смысле, что стала стремительно разрушаться средневековая картина мира, прежде развивавшаяся в строго иерархической плоскости. Едва ли не самым существенным результатом этой ломки явилось ощущение себя, т. е. человека, личности совершенно в иных «параметрах»: группой, обществом, в итоге — в мире горизонтальном, т. е. в движении вперед, в историческом времени (*Бахтин* 1965:436, 438). И, во-вторых, отчетливо обозначилась двойственная ориентация культурного сознания, восточная и западная, которая еще только вырисовывалась в России второй половины XVII века. Именно теперь встреча двух культур предопределила устойчивую тенденцию к решительному перелому сознания, и это движение приняло необратимый характер. В петровскую эпоху стремление к культурной общности с Европой вовлекло в орбиту познавательной деятельности не только человека, природу и общество, но и город — строящийся С.-Петербург как культурный феномен. Сближение России и Европы приобрело решающее значение в реформах Петра Великого, и отныне жизнь по новым образцам, приобщение к новым вкусам стало «государевым делом».

Усилия в развитии духовности общества шли по многим каналам и, в частности, сосредоточились на восприятии абстрактных понятий — аллегорий, симво-

лики и эмблематики, на умении «читать» и понимать их без особого труда. Этот своеобразный «знаковый букварь» эпохи составил из разного рода эмблематических и иконологических сборников, имевших широкое хождение в европейских странах. Наряду с переводными, например, со сборником «Символы и эмблемата», изданным по распоряжению императора в 1705 году (*Боброва* 1956:170), были и на языке оригинала — Цезарь Рипа (*Ripa* 1644), Иоахим Камерария (*Cameralii* 1654), Якобо Бошио (*Boschio* 1702) и др. Многие из них находились в библиотеке Петра I, некоторые были частично подготовлены к переводу на русский язык, который наспех был сделан прямо на полях книг (*Морозов* 1974:223, примечание 116). Тематика их была весьма разнообразна и охватывала буквально все стороны бытия: это и сентенции, главным образом нравственного характера, и девизы, используемые в названиях кораблей российского флота, и «расшифровка» той или иной формы, например, памятника. Интересно, что план некоего защитного сооружения с девизом «форма укрепления», приведенный в упомянутом сборнике «Символы и эмблемата», был буквально реализован при строительстве Петропавловской крепости (кстати, книга была очень популярна и выдержала несколько изданий не только в XVIII веке, но и в XIX-м со значительными дополнениями (*Амбодик-Максимович* 1809–1811). Издавались также описания и гравюры планов церквей, могил, «старинных грабов римских» и сборники из гравюр по специальному подбору, например, «книга мавзолеев» (*Реестры книг* 1956: № 906.20, 938.52, 939.53 и др.).

С целью закрепить в сознании подданных не только Российской империи, но и остального мира безусловную правильность выбранного пути Петр предпринимает ряд символических актов, необходимость которых, как показали дальнейшие события, была неизбежна. Он начинает создавать историю еще не построенной столицы империи. Одновременно с созданием города по его замыслу учреждается Александро-Невский монастырь (*Рункевич* 1913). Выбор Петром I весной 1704 г. места для его строительства был не случаен. Недалеко отсюда, при впадении р. Ижоры в Неву, произошла в 1240 г. битва

Александра Невского со шведами. Этим актом Петр подчеркивал связь между покровителем России, святым князем, и собой, как победителем шведов (хотя и будущим) в происходящей Северной войне. Как мы увидим ниже, некоторое время спустя монастырь еще раз сослужит символическую службу.

Парадоксальным образом рост легендарных сюжетов о Петербурге опередил развитие города. Петербургская мифология описываемого времени носила в значительной степени эсхатологический характер. Среди мотивов подобного рода настойчиво варьировался один: едва ли не со дня основания города заключенное в нем проклятие. Последнее имело под собой вескую причину, ибо Петербург создавался «вдруг», без исторического движения, без исторической святыни (*Лотман* 1984:35). Еще царица Марья (умерла в 1723 г.), сестра императора, выражая мнение недовольного круга лиц, настойчиво внушала царевичу Алексею Петровичу: «Петербургу не устоять за нами, быть ему пусто, многие о том говорят». Поражает также устойчивость во времени подобного рода «гибельных мотивов». Немногим более чем через столетие, в 1839 г., в резкой форме о них пророчествовал мемуарист-иностранец: «То, что происходит на островах (имеются в виду четыре острова в Петербурге: Елагин, Крестовский, Каменный и Петровский, составляющие своеобразное единство, закрепившееся в 1830-е годы в названии «Острова» как имени собственного. — *В.М.*), когда с наступлением зимы они превращаются в снежную пустыню, заселенную волками, блуждающими вокруг былого величия, произойдет когда-нибудь и со всем городом. Пусть эта столица, без корней в истории, будет хоть временно забыта своим монархом» (*Кюстин* 1930:70; подчеркнуто мною. — *В.М.*)¹. Но была еще одна причина, которая, как представляется, может отчасти объяснять неординарность описываемого явления, при котором эсхатологические мотивы возникали одновременно со строительством города. Согласно общепринятым нормам, столица должна находиться примерно в середине государства, однако Петербург оказался на его периферии. С этим поразительным фактом сопоставимо явление из мира потустороннего. Речь идет о погребении

покойников, умерших не своей смертью, и, что существенно, неотпетых — т. н. «заложных покойников» (Зеленин 1916). По христианскому обычаю их погребали вне кладбищенской ограды, которая в эту эпоху стала восприниматься как граница, отделяющая безусловно положительное место от мира грешников². Последних могли погребать и на территории кладбища, но в его дальнем, заброшенном углу, т. е. вне ряда, вне линии, которая могла отождествляться, наряду с оградой, и с кладбищенской дорожкой³.

Постоянное бытование эсхатологических мотивов в петровское время могло показаться императору особенно «обидным», поскольку все версии их главной причиной, прямо или косвенно, называли деятельность Петра. Как бы предвосхищая будущее, в учрежденный монастырь с чрезвычайной пышностью переносят, по приказанию государя, мощи св. Александра Невского⁴. Обитель становится религиозным центром, патрональным собором. Тем самым было положено начало утверждению государственной концепции преемственности С.-Петербурга и России. Глубоко символично, что монастырь соединялся посредством «Невской перспективы» с Адмиралтейством, олицетворявшим государственную и военную мощь России, а по Неве — с Петропавловским собором, ставшим, по указанию Петра, усыпальницей императорской фамилии; этот же символ приобретал дополнительный смысл в связи с похоронной церемонией, происходившей в некоторых случаях на воде.

В С.-Петербурге, кроме четырех соборов — Петропавловского, Троицкого, Исаакиевского, Успенского — и семи приходских храмов, строились в 1700-е годы домовые церкви, где происходили погребения. Таковые имелись при дворце Натальи Алексеевны, А.Д. Меншикова, в доме графа Шереметева и др. Указом 25 ноября 1707 года Петр запретил строить часовни и держать по домам своих крестовых священников (*Историко-статистические сведения...* 1869–1885, 1:45–46). Примерно с этого времени в столице, впервые в России, появилось несколько публичных кладбищ, где погребалось «многое число христианского народа, знатных и всяких персон» (*Историко-статистические сведения...* 1869–1885, 8:134).

Кладбище при Александро-Невском монастыре имело двойную функцию: наряду с традиционным погребением на нем зримо присутствовала российская государственность, поскольку здесь по преимуществу начинают хоронить людей, состоящих на службе у императора и имеющих особые заслуги перед Отечеством. Это фельдмаршал Б.П. Шереметев, умерший в Москве и привезенный в Петербург, кн. В.В. Долгоруков и гр. А.Г. Разумовский, полковник А.М. Головин, дипломат Я.Ф. Долгоруков и др. Внесение «государственного» принципа в похоронную символику и обряд погребения стало определяющим для описываемого времени. Хорошо известно, что именно Петру Великому и его знаменитой «Табели о рангах» (1722) обязана Россия психологически-фундаментальным, едва ли не культовым отношением к службе Государству, служилому сословию. В этой связи, даже если бегло взглянуть на эпитафический корпус текстов в хронологических рамках XVIII — первой половины XIX в., то бросается в глаза очевидная деталь: почти обязательное сообщение в эпитафии о чине погребенного, иногда и параллельно с характерным примечанием — «верный слуга Государству и полезный сын Отечеству». Об этом никогда не забывалось, даже в полушутливой эпитафии:

Надгробный памятник гласит:
Смиренный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир,
Под камнем сим вкушает мир.

(Пушкин 1937:47–48)

Более того, при погребении супруги, имеющей чин, указывался чин здравствующего мужа. Надгробные памятники такого рода весьма многочисленны. Так, на одном из них надпись гласит:

Здесь погребено
тайного советника
и орденов св. Анны
и св. Владимира
кавалера
Петра Васильевича
Неклюдова
тело супруги его
Елисаветы Ивановны

НЕКЛЮДОВОЙ
урожденной Левашовой...

(Александро-Невская лавра.
Некрополь XVIII века)

В похоронный ритуал вносятся существенные коррективы. По древнему обычаю умерших погребали в тот же день или, в крайнем случае, на следующий: «они (т. е. русские. — *В.М.*) никогда не оставляют покойников на сутки, будь то государь или раб» (*Селифонтов* 1910:153). Петр отменяет его, равно как и «желая истребить непристойный обычай выть, приговаривать и рваться над умершим, строжайше приказал, чтобы никто не издавал такого непристойного вопля», — так было предписано в 1715 году на похоронах Марфы Матвеевны, супруги царя Федора Алексеевича» (*Голиков* 1838, VI:74). Иногда порядок похоронной процессии предусматривал до 18 положений. Число участников церемониала менялось в зависимости от ранга усопшего, но, как правило, всегда составляло четное число: четыре — восемь — двенадцать и могло доходить до ста человек (см., например: *Петербург в 1720 году* 1879:283–284).

Мемуаристы нередко отмечают посещение Петром I похорон, что отвечало общему замыслу императора о создании предания Петербургу — стремлению превратить похоронную церемонию в почитаемый городской обряд^{4а}. Присутствие государя создавало впечатление не только торжественности, но и превращало погребение в особого рода действо: хоронили младшего сына купца Мейера: «...отец устроил такую церемонию с такими затеями, как будто ребенок сам принц; провожали пешком до кладбища не только все купцы, но даже и сам император» (*Берхгольц* 1857, I:29). Нелишне отметить малозначимую, казалось бы, деталь: церемония происходила пешая (она исправно отмечается мемуаристами). Например, в погребении уже упоминавшегося Б.П. Шереметева: «от двора его до Александро-Невского монастыря государь сам трудиться изволил итить пешком» (*Нащокин* 1842:4). Или при погребении царицы Прасковьи Федоровны в 1723 году император «повелел сопровождать тело сухим путем и пешком» (*Берхгольц* 1860, III:167). На русской почве это было новостью; и едва ли

ошибемся, допустив, что инициатором такого обряда был сам император, хотя при этом он, возможно, опирался на традицию, однако, изрядно забытую. Подобный элемент похоронной церемонии был устойчив во времени и уходил корнями в глубокую древность вплоть до античных времен: «Брата своего Друза он (римский император Тиберий. — *В.М.*) потерял в Германии; тело его он доставил в Рим и всю дорогу шел пешком» (*Светоний* 1993:78). Такой знаток русских обычаев, как И.Е. Забелин, отмечал, что в XVII веке идти пешком считалось неприличным и даже 10 метров старались проехать.

Особого упоминания заслуживает описание церемоний, часть из которых происходила на воде. Хоронили бывшего посла в Польше князя Гр.Ф. Долгорукова: «в пять часов вечера приехали на своей барке император и императрица. <...> От самого помоста, с которого тело было перенесено на галеру <...>, когда отчалили, начали медленно палить из пушек, расставленных около дома, пока галера не скрылась из виду; тогда открылась пальба в крепости <Петропавловской. — *В.М.*> и все это продолжалось довольно долго, <...> когда галера пристала к берегу, император пошел навстречу и потом с церемониею сопровождал его в церковь» (*Берхгольц* 1860, III:132-134). Похоронная церемония вдовствующей императрицы Прасковьи Федоровны вначале «назначалась водою».

Система строго соблюдалась: «весь порядок церемониала (погребение Шаутбенахта. — *В.М.*) записал сам Великий Государь в свои тетради записные» (*Голиков* 1788, II:300). Поэтому неудивительно возмущение Петра, который «однажды на кладбище заметил, что порядок изменен и пришел в негодование: это собаки, а не бояре мои» (*Голиков* 1788, II:300). Но соблюдалась она еще по одной причине. Похоронная церемония, столь тщательно разработанная, несла и другую, дополнительную нагрузку — она была игрой, а для создания игрового пространства необходим «собственный, безусловный порядок» — и этот момент хорошо осознавался Петром Великим, — он составлял один из принципиальных его признаков, так же как и подвижная граница между двумя сферами пространств «игра—серьезное» (*Хейзинга*

1992:18, 21). В этом убеждает один, на первый взгляд, парадоксальный пример, поскольку инициатором нарушения системы являлся... сам император. Вполне закономерно недоумение мемуариста-иностранца, оценившего увиденное как явление в высшей степени необычное: «1 февраля назначены похороны маленького императорского карлика. Впереди 30 мальчиков певчих, <...> крошечный поп, <...> особого устройства сани для маленького тела, их везли 6 крошечных лошадей, <...> маленький карло-маршал, который шел во главе других карликов, следовавших за ним попарно. <...> По обеим сторонам процессии двигались с факелами огромные гвардейские солдаты в числе 50 человек, а возле обеих траурных дам стояли 4 громадных гайдука. Таковую странную процессию не в России едва ли увидишь» (*Берхгольц* 1861, IV:13–14). И в другом месте: «Вчера вечером при императорском дворе были странные похороны одного старого повара, <...> тело до могилы провожали Русские придворные служители в маскарадных костюмах, причем по сторонам шло до 50 человек, которые все одеты как повара» (*Берхгольц* 1861, IV:17–18).

В связи с описанными явлениями необходимо выделить один существенный момент — он касается личности самого императора, его культурного сознания, представившего из себя, на наш взгляд, едва ли не уникальное явление. В рамках настоящей статьи хотелось бы подчеркнуть следующее. Основное его проявление — двойственность, «которая является одной из основных черт механизма сознания в целом. То, что мыслит и само имеет смысл, создает сознание и сознанием является, в принципе должно быть явлением пограничным» (*Лотман* 1994:385). И — добавим — оно не может быть ничем иным, как безусловно пограничным. Конечно, Петр I был человеком выдающегося государственного ума, и титул «Великий» был равно значим и в глазах современников, и в глазах потомков. Но он был также и частным человеком и в этом смысле действовал, в значительной степени подчиняясь другим законам, в частности, законам игрового пространства, представляя из себя удивительный симбиоз этих двух ипостасей, о которых речь шла выше, — он как бы попеременно играл ими.

Одна из «сверхзадач» усилий в развитии духовности общества — вывести его на качественно иной уровень понимания, попытаться создать систему коммуникаций, сопоставимую с европейской. Но императору этого было мало. Он идет дальше. И тут мы сталкиваемся одновременно с парадоксальным фактом, с одной стороны, а с другой — закономерным для этой личности, которая во всех своих побуждениях и действиях стремилась к абсолюту. И в данном случае не имеет принципиального значения, приводило это к ошибкам или нет. Император как бы замыкает этот двойственный мир в рамках «игра — серьезное» на себе, тем самым играя на его взаимной контрастности. И если случаи такого рода — театрализация частной и общественной жизни — в значительной мере характерны для русского дворянина первой половины XIX века (Лотман 1973:54), то в предыдущем столетии они встречаются лишь спорадически и, как правило, относятся ко второй его половине, к тому же построены принципиально по-иному, испытывая влияние ярмарочно-балаганной системы⁵. Два последних примера, приведенные нами, интересны как одни из самых ранних. К этому следует добавить некоторые наблюдения этнографов, расширяющие наши представления о возможных истоках подобного поведения. Так, было замечено, что «шутка и буффонада так часто связаны в различных частях света со смертью, что всегда, когда мы сталкиваемся с церемониальными шутками, полезно выяснить, не присутствует ли здесь смерть, реальная или мистическая» (Hocart 1967; Абрамян 1983:49).

Приведенные примеры весьма характерны для описываемой эпохи, когда происходило существенное преобразование системы быта, привычек и т. п., жизни русского общества в целом, во всех ее многообразных проявлениях, в частности, выразившееся и в этом целиком карнавальном образе, когда ряд присущих ему черт — «нарочито нарушенные пропорции», сознательно резкое нарушение масштабов пространства, «переодевание, казалось бы <...> кощунственное осмеяние смерти» и др. — свидетельствовали о способности по-новому осваивать мир через его фамиллярное осмысление и преодоление страха перед смертью, путем максимального сжатия дис-

танции между действительным и потусторонними мирами (*Бахтин* 1965:413, 447).

Между тем действительное кощунство над таинством смерти строжайше наказывалось. В этом смысле с вышеприведенным сопоставим другой эпизод, относящийся к 1720-м гг. Обратимся опять к воспоминаниям иностранца, в частности, к тем его страницам, где речь идет о вечере у молодого князя Хованского: «Гости эти напоили его (кн. Хованского. — *В.М.*) до бесчувствия, одсли его как мертвеца и положили в найденный ими там настоящий гроб; потом отнесли в церковь, поставили перед алтарем и совершили все употребительные у русских похоронные обряды, но оскорбляющим религию образом; <...> обошлись грязно и с церковными сосудами, в особенности с чашею. Покончив все эти шалости, они ушли и оставили его в гробу перед алтарем, где он лежал до тех пор, пока не пришли некоторые из церковнослужителей и не вынесли его из церкви. Сам Хованский охотно <...> скрыл бы все дело, но оно дошло до его тестя, вице-канцлера Шафирова, который тотчас же принес жалобу императору и довел до того, что все виновные в святотатстве приговорены к смерти. Однако государь на этот раз смягчил приговор и приказал только жестоко наказать их телесно в своем присутствии» (*Берхгольц* 1857, II: 244–245).

Таким образом, кладбище и похоронные церемонии в петровскую эпоху играли многозначную роль. Едва ли не с самого зарождения Петербурга погребальный комплекс был втянут, наряду с другими сферами бытия, в принципиально новый идеологический процесс. Казалось бы, он традиционно составлял неотъемлемый элемент быта, однако оказался вплетенным в существенно иной город, и новую столицу, и в этой связи менялись его функции. Впечатление усиливалось от некоторых распоряжений и личных поступков императора, выделявшихся своей необычностью и новизной. С другой стороны, если вспомнить общие задачи, стоявшие перед Россией этого времени, и неумолимую логику Петра, обнаруживается закономерная тенденция: явления, относящиеся к кладбищенскому комплексу, никак не могли стоять особняком. Например, в Западной Европе, начи-

ная с XIII—XIV вв., начался медленный, но неуклонный процесс возвращения кладбища в топографию европейского города; окончательно он оформился в начале XIX в. (Арьес 1992). В этом смысле строящаяся столица Российской империи, которая стремилась стать в ряд европейских, не могла быть исключением. В более же «узком» смысле произошло существенное переосмысление кладбища как locus'a и погребальных церемоний, которые рассматривались теперь как «средоточие сакрального, публичного, неотделимого от людского общества» (Берхгольц 1858, II:244—245). Этот неординарный подход к погребальному циклу, как явлению «сопутствующему и рядовому», был обусловлен как общим историческим процессом, так и волей и личностью императора Петра I.

Примечания

¹ Книга эта в России в свое время имела широкий резонанс и вызвала абсолютно полярные точки зрения. Отзывы о ней современников см.: Мильчина, Осповат 1990; Темпест 1989. Любопытно, что наблюдения маркиза высвечивают определенную перспективу отношения к Петербургу, в свете которой и надо понимать вышеприведенный текст. Ср. у Достоевского: «А что как разлетится этот туман, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизкий город, подыметесь с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото». Или же у З. Гиппиус:

Ты утонешь в тине черной,
Проклятый город, Божий враг
И червь болотный, червь упорный
Извест твой каменный костяк.

² Иерархия ценностей на кладбищенском пространстве менялась в течение длительного промежутка времени и поддается хронологической фиксации. Ср. чрезвычайно интересные наблюдения на этот счет: Арьес 1992:93—110.

³ Любопытно сопоставить «топографический» мотив с вышеописанным в плане его устойчивости во времени. Так, гетевский Вертер завещал похоронить себя на дальнем краю кладбища, в уединенной долине, под двумя липами, т. к. предвидел свой конец и не хотел «навязывать благочестивым христианам посмертное наследство несчастного страдальца». Ради полноты картины приведем отрывок из стихотворения Н.А. Некрасова «Похороны» (1861):

Как у нас — голова бесшабашная —
Застрелился чужой человек!
< . . . . . >

И пришлось нам нежданно-негаданно
 Хоронить молодого стрелка,
 Без церковного пенья, без ладана,
 Без всего, чем могила крепка...
 < . . . . . >
 Меж двумя хлебородными нивами,
 Где прошел неширокий долок,
 Под большими плакучими ивами
 Упокоился бедный стрелок.

⁴ Иллюстрацией того, что Петр I придавал этому «действию» сугубо символическое значение, служит небольшой эпизод (описание относится к 1820-м гг.): «Я просила приложиться к мощам <Александра Невского. — В.М.> и мне сказали, что рака никогда не открывается, потому что Петр Первый, положив там мощи, заблагорассудил раку запереть и ключи бросил в Неву. Очень это страшным показалось мне» (*Благово* 1885:336).

^{4a} Интересно, что возникновение государственности, особенно ее начало, всегда было связано со знаком. См. об этом *Аверинцев* 1977.

⁵ Любопытный и своего рода обнаженный пример такого построения см. в романе Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» (гл. «Потешные проводы»); ср. также: *Лотман* 1973:80.

Библиография

Абрамян 1983 — Абрамян Л.А. Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983.

Аверинцев 1977 — Аверинцев С. С. Символика раннего Средневековья//Семиотика и художественное творчество. М., 1977.

Амбодик-Максимович 1809-1811 — Амбодик Н.М. Емвлемы и символы избранные, на российский, латинский, французский, немецкий и английский языки преложенные, прежде в Амстердаме, а ныне во граде Св. Петра напечатанные ст. сов. Н.М. Амбодиком: В 2-х ч. 2-е изд. СПб.: Императорская типография, 1809-1811.

Арьес 1992 — Арьес Ф. Человек перед лицом смерти/Пер. с франц. М., 1992.

Бахтин 1965 — Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.

Берхгольц 1857-1861 — Записки камер-юнкера Ф. Берхгольца: 1721-1725. М., 1857. Ч. IV.

Боброва 1956 — Боброва Е.И. Обзор иностранных печатных книг собрания Петра I/Исторический очерк и обзор фондов РО БАН. М., 1956.

Благово 1885 — Благово Д. Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. СПб., 1885.

Голиков 1788 — Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. М., 1788. Ч. II.

Голиков 1838 — Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. М., 1838. Ч. VI.

- Зеленин* 1916 — Зеленин Д.И. Очерки по русской мифологии. Вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916.
- Историко-статистические сведения...* 1869-1885 — Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии: В 10-ти вып. СПб., 1869-1885. Вып. 1, 8.
- Кюстин* 1930 — Кюстин А., де. Николаевская Россия. Л., 1930.
- Лотман* 1973 — Лотман Ю.М. Театр и театральность в строе культуры нач. XIX века//Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры. Вып. 2. Тарту, 1973.
- Лотман* 1984 — Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города.//Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 554. Труды по знаковым системам: XVIII. Тарту, 1984.
- Лотман* 1994 — Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства XVIII — нач. XIX веков. СПб., 1994.
- Мильчина, Осоват* 1990 — Маркиз де Кюстин и его книга в неизданной переписке русских современников: (А.И. Тургенев, Н.И. Тургенев, П.А. Вяземский)/Публ., вступ. заметка и примечания В.А. Мильчиной и А.Л. Осовата//Символ. 1990. № 24. С. 255-281.
- Морозов* 1974 — Морозов А.А. Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени//XVIII век. 9. Л., 1974.
- Нащокин* 1842 — Записки В. А. Нащокина. СПб., 1842.
- Петербург в 1720 году* — Петербург в 1720 году: Записки поляка-очевидца//Русская старина. 1879. Июль. Т. 25. С. 283-284.
- Пушкин* 1937 — Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16-ти т. М., 1937. Т. VI.
- Реестры книг* 1956 — Реестры книг, обретающихся на иностранных языках в Собрании Петра I//Исторический очерк и обзор фондов РО БАН. Вып. I. Л., 1956. С. 272-367.
- Рункевич* 1913 — Рункевич С. Александро-Невская лавра. СПб., 1913.
- Селифонтов* 1910 — Селифонтов Н.Н. Сборник материалов по истории предков Михаила Федоровича Романова. Ч. I. СПб., 1910.
- Светоний* 1993 — Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1993.
- Темпест* 1989 — Темпест Р. Философ-наблюдатель маркиз де Кюстин и грамматист Н.И. Греч//Символ. 1989. № 21. С. 195-211.
- Хейзинга* 1992 — Хейзинга И. Homo ludens. М., 1992.
- Alciati* 1608 — Alciati A. Emblemata. 1608.
- Boschio* 1702 — Boschio J. Symbolographia sive de arte symbolica. 1702.
- Camerarii* 1654 — Camerarii I. Symborum et Emblematum ex re herbario desumptorum centura una collecta. Francofurti, 1654.
- Ripa* 1644 — Ripa C. Iconologie. <...> Paris, 1644.
- Hocart* 1967 — Hocart A. Kingship. L., 1967.

И. Серман
Иерусалим

Достоевский и Просвещение*

I

Идеологи и писатели русского Просвещения XVIII века представляли себе положение человека в современном им обществе в одном из двух состояний: тирана или жертвы. Державин в одной из своих од так сказал о человеке, который понимает всю силу и неизменность этого противопоставления:

Он ведает: доколе страсти
Волнуются в людских сердцах,
Нет вольности, нет равной части
Царю в венце, рабу в цепях;
Несет свое всяк в свете бремя,
Других всяк жертва и тиран.

(Державин 1933:149)

Эту же мысль Достоевский мог встретить у очень им любимого Фонвизина в «Рассуждении о непременных законах», опубликованном в 1861 г. Герценом. Имея в виду Россию, Фонвизин писал: «Государство, где люди составляют собственность людей, где человек одного состояния имеет право быть вместе истцом и судьей над человеком другого состояния, где каждый, следственно, может быть завсегда или *тиран*, или *жертва*» (Фонвизин 1952:265).

Достоевский не отказался от этих определений, он только сдвинул их с постоянных мест и показал, что они находятся в самом человеке, в каждом человеке, что они

* Итальянский вариант настоящей работы см.: Iľ'ja Serman. Dostoevskij e Illuminismo//Dostoevskij e la Crisi dell'Uomo. A cura di Sante gra-ciotti e Vittorio Strada. Vallecchi Editore. Firenze, 1991. P. 41–60.

могут совмещаться, существовать одновременно, и что в этом совмещении ключ к пониманию человека вообще, а особенно человека современного, человека XIX столетия.

Первый опыт такого изображения человека Достоевский осуществил в своем комическом романе «Село Степанчиково и его обитатели», в трактовке поведения Фомы Опискина, который тиранствует над всеми обитателями Степанчикова, изображая себя при этом их жертвой¹. Душевная диалектика Фомы Опискина была у Достоевского первым опытом изображения того типа сознания, которому он сам нашел название — «подполье» — и открытие которого считал своим новым словом в русской литературе.

В русской духовной жизни конца 1850-х гг. проблемы Просвещения стали неожиданно актуальны. Дело в том, что общественное мнение эпохи формировалось под сильнейшим влиянием идеологов «Современника», прочно стоявших на просветительских позициях (*Фридендер* 1964:120).

Как известно, Достоевский с первого же появления в печати после каторги начал прямую «публицистическую и художественную... полемику с идеологами "Современника"». (*Кирпотин* 1966:150–171). Не касаясь собственно публицистической полемики Достоевского в журналах «Время» и «Эпоха», равно как и «Записок из подполья», о которых в этом смысле очень много написано (*Скафтымов* 1929), я хочу остановиться на одной из форм художественной полемики Достоевского с Просвещением — на его женских характерах.

В романе «Игрок», который создавался одновременно с последней частью «Преступления и наказания», он впервые вывел женский характер как сочетание тирана и жертвы, т. е. как женский вариант трагедии подполья. Полину, главную героиню «Игрока», и других героинь Достоевского Мочульский назвал «фатальными женщинами» (*Мочульский* 1980:259). Другие исследователи предпочитают просто говорить о «женщинах Достоевского» (*Лизетти* 1924:194–206). Но ни у кого не появляется сомнения в том, что эта галерея женских образов есть художественное открытие Достоевского.

Это новое художественное понимание женской психологии было высказано в статье, на которую впервые обратил внимание Г.М. Фридендер (Фридендер 1971:400–410). Статья написана не Федором, а Михаилом Достоевским и напечатана в журнале их общего хорошего знакомого по кругу петрашевцев, А.П. Милюкова (*Достоевский* 1860:1–36). Это рецензия на только что поставленную «Грозу» Островского. М. Достоевский пишет, что у женщин, подобных Катерине, «есть свой фатум². Только он не вне их: они носят его в собственном сердце» (*Достоевский* 1860:22–23).

И далее: «Они очень податливы на любовные искушения и мало с ними борются, как будто заранее знают, что им не побороть врага» (*Достоевский* 1860:22).

При этом, однако, сознание того, что они преступают ту нравственную норму, которую сами чтут, сообщает им какое-то особенное чувство гордости своим поступком. Еще не совершив греха, Катерина «с какою-то сладострастием, с какою-то удалью думает уже о той минуте, когда все узнают о ее падении, и мечтает о сладости всенародно казниться за свой проступок» (*Достоевский* 1860:23).

Прав Г.М. Фридендер, который на основании вышеприведенных суждений Михаила Достоевского заключает: «читая эти слова, мы невольно видим перед собой не столько героиню драмы Островского, сколько героев и героинь еще не написанных в это время романов Достоевского 60-х — 70-х годов» (Фридендер 1971:407).

Первый опыт разработки женского характера, полностью подчиненного своим собственным иррациональным страстям и влечениям, как мы уже говорили, был осуществлен Достоевским в романе «Игрок».

Один из персонажей «Игрока», англичанин мистер Астлей, замечает в разговоре с главным героем романа, Алексеем Ивановичем: «...одни русские могут в себе совмещать, в одно и то же время, столько противоположностей» (5:313). На таком совмещении противоположностей Достоевский строит и характеры и отношения русского мужчины и русской женщины — Полины и Алексея Ивановича; он показывает в самой их любви необъяснимое соединение противоположных чувств: притяжения и отталкивания, тиранства и жертвенности.

В одном из первых разговоров между Полиной и Алексеем Ивановичем она ему заявляет: «Вы мне ненавистны, — именно тем, что я так много вам позволила, и еще ненавистнее тем, что так мне нужны» (5:214). Сам же Алексей Иванович, когда думает о своей страсти к Полине, готов на все, на любое преступление — совсем как персонажи «Мертвого дома», например, Баклушин. «И еще раз теперь я задал себе вопрос: люблю ли я ее? И еще раз не сумел на него ответить, то есть, лучше сказать, я опять, в сотый раз, ответил себе, что я ее ненавижу. Да, она была мне ненавистна. Бывали минуты (а именно каждый раз при конце наших разговоров), что я отдал бы полжизни, чтоб задушить ее! Клянусь, если б возможно было медленно погрузить в ее грудь острый нож, то я, мне кажется, схватился бы за него с наслаждением» (5:214).

К тому же Алексей Иванович видит себя не только палачом Полины, но и ее жертвой, и ее рабом. «Мне кажется, она до сих пор смотрит на меня, как та древняя императрица, которая стала раздеваться при своем невольнике, считая его не за человека» (5:215).

Русский характер во всей его иррациональности и непредсказуемости — это главная тема в «Игроке». Варианты того, как Достоевский понимает этот характер, представлены всеми персонажами романа, женскими в не меньшей степени, чем мужскими.

Русским персонажам романа противопоставлены двое французов: сомнительный *маркиз* де-Грие и несомненная профессиональная авантюристка, мадмуазель Бланш. Конечно, фамилия «маркиза» — де-Грие — должна вызвать у читателя ассоциацию со знаменитым романом аббата Прево «История кавалера де-Грие и Манон Леско».

Почему же Достоевский вспомнил в «Игроке» именно этот роман?

Манон, как женский персонаж, могла ему запомниться удивительной силой влияния на своего возлюбленного и не меньше — органической аморальностью. Аморальность, т. е. вне-моральность Манон, — это ее натура, это она сама, хотя де-Грие в романе Прево убежден, что она совсем другая, а ее поведение — это что-то наносное, внешнее. Так понимал основную коллизию романа

Прево Н.Я. Берковский: «У аббата Прево история Манон строится на постоянных двоениях. Есть фактическая, материальная биография у этой женщины, которая ужасна — тут одни измены, тут продажность и предательство. Но кавалер де-Грие верит в другую, лучшую Манон, та затаилась и пребывает где-то в неисследимой глубине душевной и когда-нибудь выйдет на сцену фактов и простых реальностей. Его любовь, его жертвы — все от этой веры» (Берковский 1973:382).

Достоевский помнил роман Прево еще в связи с литературными увлечениями своей молодости. Жорж Санд, столь им любимая, варьировала основную ситуацию «Манон Леско» в своем романе «Леоне Леони» (Cellier 1965:262). И позднее к «Манон Леско» обращались часто. Александр Дюма-сын в романе «Дама с камелиями» заставляет Альфреда читать своей возлюбленной роман Прево (Cellier 1965:263–264). О значении романа Прево для последующего литературного развития писал еще В.Р. Гриб в статье 1935 г.: «Прево можно считать истинным родоначальником и предшественником литературы о “ночной стороне души”, игравшей столь важную роль в XIX веке, начиная от романтиков и кончая Достоевским и его бесчисленными эпигонами в XX веке» (Гриб 1956:282).

Можно было бы предпринять детальное сопоставление «Игрока» с этим романом Прево, но это тема особой работы. В данном случае нас интересует только один прием травестирования известного текста, который применил в своем романе Прево, а Достоевский использовал в «Игроке».

В тот момент, когда Алексей Иванович выиграл большие деньги и понял, что любовь к Полине вовсе не является, как он раньше думал, главной стратией его жизни, Бланш предлагает ему себя (за эти самые большие деньги, разумеется) и поездку в Париж.

«— Mon fils, as-tu du coeur? — вскричала она, завидев меня, и захохотала. Смеялась она всегда очень весело и даже иногда искренно.

— Tout autre... — начал было я, парафразируя Корнеля» (5:301).

В этой мало подходящей ситуации Бланш и Алексей Иванович «парафразируют» ту сцену из корнелевского

«Сида», которая является, можно сказать, ключом ко всей трагедии: оскорбленный отец призывает сына — если у него есть сердце — отомстить за нанесенное отцу оскорбление.

У Прево Манон и ее любовник поступают так же с трагедией Расина «Ифигения» с той разницей, что они не «парафразируют», а прямо пародируют ее трагические реплики. Манон, смеющаяся и веселая, травестирует расиновские стихи:

Moi! vous me soupçonnez de cette perfidie?
Moi! je pourrais souffrir un visage odieux
Qui rappelle toujours l'Hôpital à mes yeux?

И де-Грие подхватывает:

J'aurais peine à penser que l'Hôpital, madame,
Fût un trait dont l'amour l'eût gravé dans votre âme.

У Расина это звучит так:

Eriphile:

Moi? vous me soupçonnez de cette perfidie?
Moi, j'aimerais, Madame, un vainqueur furieux,
Qui toujours tout sanglant se presente à'mes yeux?..

Iphigénie:

... Ces morts, cette Lesbos, ces cendres, cette flamme
Sont les traits dont l'amour l'a gravé dans votre âme.

(*Racine* 1965:157)

Манон и де-Грие, смеясь, как дети, шутят на краю пропасти (*Sgard* 1966:233—251). Бланш и Алексей Иванович с веселым цинизмом смеются над собственной недвусмысленной ситуацией.

В пору своей работы над «Игроком» Достоевский вспомнил Манон еще и потому, что к этому времени у него уже сложилось собственное представление о русском женском характере. В отличие от другого французского квазифилософского романа («*Theres-philosophe*» — *Boyer d'Argens* 1975), героиня которого проходит не только школу эротического воспитания, но и длинный путь усвоения философских идей XVIII века о свободе любовного чувства, о морали и личности и т. д., Манон — вне идеологии. Она дитя природы, без сомнений и колебаний, без рефлексии и самооценки. Такая свобода от идеологии, в том числе от религии, как формы самосозна-

ния, сближает героинь Достоевского с Манон, при том, что полного сходства здесь, конечно, нет. Современный, французский вариант Манон и де-Грие — это Бланш со своим партнером, что всячески и подчеркнуто; но мысли, возникающие от чтения романа Прево, бросили свой ответ и на главных героев «Игрока». Достоевский нашел то, что, по его мнению, определяет поведение женщины вообще, объяснение тех тайн женской души, которым так удивляется герой Прево и вместе с ним его создатель.

Героини Достоевского иногда, как, например, в романе «Идиот», сочувствуют новейшим идеям. Генеральша Епанчина подозревает, что дочери растут «нигилистками» (8:271), но в текст романа писатель не ввел ни одного их «нигилистического» высказывания, по которому мы могли бы судить, права генеральша, или нет. Лидия Михайловна Лотман очень убедительно показала связь между образом Аглаи в романе Достоевского и ее прототипом и тезкой, одной из единомышленниц известного французского социалиста, сенсимониста Анфантена: «Не только имя героини Достоевского — Аглаи Епанчиной — совпадает с именем сподвижницы Анфантена Аглаи Сент-Илер, но и характеры этих двух женщин сходны. Обе они современные, вольномыслящие и «книжные» женщины. Аглая Епанчина перечитала всю современную литературу, включая запрещенные издания. Обе они экстравагантны и жаждут подвига. В черновых записях к роману Аглая мечтает о подвижничестве святой» (Лотман 1974:336). Однако в ходе событий романа отношение его героини к идеологии эпохи так и остается скрытым. Шестидесятническая литература уже создала к этому времени образ «новой женщины», вроде Веры Павловны из «Что делать?» Чернышевского. Достоевский же стоял на своем: «женщины живут только сердцем и чувством» (Достоевский 1973:85).

Попытки самопознания у женщин Достоевского не идут дальше частных мотивов более или менее субъективных причин или поводов их поступков. Женщины Достоевского — наиболее полное воплощение национальной стихии, не осложненной идеологией.

В «Игроке», поскольку поведение Полины мы видим только глазами Алексея Ивановича, оно открывается нам

только в той мере, в какой его может понять страстно влюбленный и жестоко ревнующий человек, т. е. женщина показана глазами мужчины. В «Идиоте» Достоевский вывел двух женщин-соперниц во весь рост. Аглая дана в основном через свои поступки; Настасья Филипповна, которую пытаются объяснять все мужчины — персонажи романа, дана и в отрывках своих писем к Аглае, через которые раскрывается ее идеал женщины. Князь Мышкин, прочитав эти письма, находит в них нечто «мучительно-действительное и страдальчески-справедливое» (8:378). Достоевский, а с ним и его герой, иначе, как такими сложно-составными эпитетами, не может определить смысл этих писем.

Настасья Филипповна пишет Аглае: «Вы одни можете любить без эгоизма, вы одни можете любить не для себя самой, а для того, кого вы любите» (8:379).

Эти фантастически-невозможные письма, эта «поэма» об ангельском образе женщины, насильственно прикрепленная Настасьей Филипповной к образу ее соперницы, подготавливает неизбежность непримиримого между ними конфликта. Один из персонажей романа говорит, что Настасья Филипповна «слишком много поэм» прочитала, «слишком много образованна» (8:472) и что ее поступки могут быть именно этими книжными влияниями объяснены. На самом деле все содержание романа и весь ход борьбы двух женщин никак не может быть сведен к влиянию «поэм» (*Холшевников* 1960:136). Стихия страсти в романе торжествует над всеми хитросплетениями разума, над всеми гипотетическими объяснениями поступков героинь «Идиота», которых так много предлагают и другие персонажи романа и иногда и сам автор.

II

Как и через какой жизненный опыт пришел Достоевский к такому пониманию русского характера и русского человека, которое было им воплощено в его женских персонажах?

Мне представляется, что ответ на этот вопрос следует искать в «Записках из Мертвого дома», если при этом

рассматривать их не как кладовую сюжетов и не как документальное сочинение или физиологический очерк в традициях 1840-х годов.

О «Записках из Мертвого дома» много писали как об этапном для Достоевского произведении; меньше — об его значении для художественного развития писателя. В нем чаще всего искали сюжетов и прототипов для позднее созданных романов.

Несмотря на полный успех «Записок из Мертвого дома» у критики и читателей, сам Достоевский был недоволен тем, что значительная часть критики увидела в его книге только мемуары, т. е. документально-художественное изображение совершенно особого мира (каторга!), а не художественное исследование русской народной психологии вообще, с попутными открытиями многого, ранее неизвестного «нашим мудрецам». Недовольство это сохранилось и стало застарелой, в числе других, обидой на русскую критику 1860–1870-х гг.

По поводу статьи Буренина в газете «Новое время» (1876, 10 декабря, № 283) Достоевский сделал для себя такую запись: «Меня всегда поддерживала не критика, а публика <...> Буренин, разбирая Григоровича и Потехина <...>, перешел к Решетникову по поводу народных романов. А «Записки из Мертвого дома», где множество народных сцен, — ни слова. В критике «Записки из Мертвого дома» значат, что Достоевский обличал остроги, но теперь оно устарело» (Достоевский 1971:605).

Это странное упущение, на которое жалуется Достоевский, мы встречаем и в современной специальной литературе — о проблематике народной жизни в 1860-е гг.³ (Лотман 1974:126).

Русская литература к тому времени, когда Достоевский стал публиковать главы из «Мертвого дома», накопила большой запас художественно воспроизведенных народных характеров и обстоятельств народной жизни. Полемицируя с Чернышевским, который объявил новатором Николая Успенского, Достоевский очень высоко ценил тех, кого он считал своими непосредственными предшественниками в изображении русской народной жизни (Островского, Тургенева, Писемского, Л. Толстого): «Предшествовавшие ему (Николаю Успенскому. —

И.С.) замечательные писатели <...> сказали во сто раз более, чем он, и сказали верно, и в этом их слава» (19:178). И далее Достоевский объясняет, в чем он видит заслугу этих «замечательных писателей»: «И хоть они все вместе взглянули на народ вовсе не так уж слишком глубоко и обширно <...>, но, по крайней мере, они взглянули *первые*, взглянули с новых и во многом верных точек зрения, заявили в литературе сознательно новую мысль высших классов общества о народе, а это для нас всего замечательнее» (19:178–179).

Следовательно, по мнению Достоевского, художественное постижение народного сознания требует новых усилий, русская литература не может остановиться на том, что уже сделано, ей нужно «взглянуть глубже и дальше, сказать собственно *свое*» (19:186). А для этого, по мнению Достоевского, нужно было бы «чтоб обстоятельства заставили нас пожить вместе с народом и хоть на время, непосредственно, практически, а не свысока, не в идее только разделить с ним его интересы, тогда, может быть, мы и узнаем народ и его характер, и что в нем кроется, и к чему он способен, и какие его желания, осмысленные им и еще неосмысленные, и, узнав народ, может быть, и поймем его народность, и что она обещает, и что из этих обещаний *непременно* разовьется и исполнится» (19:113).

Иными словами, для этого надо было получить тот опыт, который выпал на долю Достоевского.

Сразу же после выхода из Омского острога он писал брату, М.М. Достоевскому, как бы подводя итоги своему каторжному сроку: «Если я узнал не Россию, то народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, немногие знают его» (4:280).

Мы можем представить себе, что особенно занимало писателя, — а Достоевский продолжал ощущать себя писателем, — в каторжные годы по тем записям слов, фраз, диалогов, песен, которые он делал еще в Омске, рассматривая их как материал для литературных работ в будущем, на свободе. Комментатор «Сибирской тетради» так характеризует записи Достоевского: «Поговорки, пословицы, отрывки тюремных легенд, анекдотов и песен, обрывки разговоров, отдельные меткие выражения,

как будто только что сорвавшиеся с языка, доносят до читателя многоголосый и разноязычный говор тюремной толпы, волнуют живой непосредственностью реакции собеседников. Точность фиксации фольклорно-языкового материала не подлежит сомнению, о чем свидетельствуют и отрывочный характер записей, и наличие буквальных совпадений и близких вариантов в известных фольклорных собраниях и публикациях» — разумеется, сделанных гораздо позже, в конце XIX века (4:311).

Есть ли в «Сибирской тетради» отбор, так сказать, «тенденция»? Или в них все случайно?

Комментатор (см. выше) отметил, что в записях Достоевского представлена в основном прямая речь, в разных ее формах, т. е., по-видимому, писатель хотел сохранить для будущих работ живую народную речь во всей ее пестроте, разнообразии, выразительности и одновременно в социально-определенной традиционности. В этой традиционной по форме, устоявшейся системе фразеологизмов за немногими исключениями отсутствуют высказывания, в которых хоть как-нибудь выразилась религиозность народа, его вера, его приверженность к православию: «Отрицательное отношение к религии, церкви и духовенству отразилось в иронических переделках церковных молитв <...>, в насмешливых воровских названиях церковной утвари и икон...» (4:311–312).

Записывал Достоевский и такие поговорки, в которых иронически использовалась религиозная терминология: «А мне везде рай, был бы хлеба край» (4:246).

В 1876 г. в «Дневнике писателя» Достоевский утверждал, что в «сердце <...> грубого, зверски невежественного русского мужика» теплится такое же глубокое религиозное чувство, как в душе мужика Марея.

Владимир Соловьев на основании этих поздних утверждений Достоевского создал нечто вроде красивой легенды о влиянии глубокого религиозного чувства «каторжников» на писателя: «Товарищи Достоевского по острогу были в огромном большинстве из простого народа и, за немногими яркими исключениями, все это были худшие люди народа. Но и худшие люди простого народа обыкновенно сохраняют то, что теряют люди интеллигенции: веру в Бога и сознание своей греховности.

<...> Худшие люди мертвого дома возвратили Достоевскому то, что отняли у него лучшие люди интеллигенции. Если там, среди представителей просвещения, остаток религиозного чувства заставлял его бледнеть от богохульств передового литератора, то тут, в мертвом доме, это чувство должно было воскреснуть и обновиться под впечатлением смиренной и благочестивой веры каторжников» (Соловьев 1911–1914:194).

Так ли было на самом деле? Нет ли в этих выводах, сделанных на основании «Дневника писателя» 1876 г., некоего невольного, из самых лучших побуждений сделанного, смещения хронологии реального духовного развития автора «Записок из Мертвого дома»?

Насколько известно, цензура не нашла в книге Достоевского чего-либо сомнительного с точки зрения духовного ведомства. Он отвел особую главу в своей книге о каторге поведению своих товарищей в «Праздник Рождества Христова»: «Кроме врожденного благоговения к великому дню, арестант бессознательно ощущал, что он этим соблюдением праздника как будто соприкасается со всем миром, что не совсем же он, стало быть, отверженец... что и в остроге то же, что у людей» (4:105). В описании рождественской службы у Достоевского нет ни слова о каких-либо религиозных чувствах, кроме благоговения к кресту: «Крест проводили с тем же благоговением, с каким и встретили...» (4:109). А вслед за этим идет у Достоевского очень сдержанное, но достаточно выразительное описание главной части праздника — пира и всеобщего пьянства.

Есть в «Мертвом доме» еще одно описание общей молитвы арестантов: «В конце поста, кажется на шестой неделе <...> Арестанты молились очень усердно, и каждый из них каждый раз приносил в церковь свою нищенскую копейку на свечку или клал на церковный сбор. “Тоже ведь и я человек, — может быть, думал он или чувствовал, подавая, — перед Богом-то все равны...” Причащались мы за ранней обедней. Когда священник с чашей в руках читал слова: “... но яко разбойника мя приими”, — почти все повалились в землю, звуча кандалами, кажется приняв эти слова буквально на свой счет» (4:176–177).

Арестанты повалились на землю, словно их назвали общим именем разбойников — однако, не следует искать здесь выражения раскаяния или сокрушения о своих грехах. В другом месте Достоевский говорит: «Точно в самом деле звание каторжного, решеного, составляло какой-нибудь чин, да еще и почетный. Ни признаков стыда и раскаяния!» (4:13). И через страницу: «...в продолжение нескольких лет я не видал между этими людьми ни малейшего признака раскаяния...»

Можно ли на основании празднования Рождества (при том, что, как отмечает Достоевский: «Молодежь помногу не молилась: так разве перекрестится кто, вставая, даже и в праздник» (4:108)) и обязательного говения перед Пасхой делать вывод о «смиренной и благочестивой вере каторжников» и о существовавшем у них сознании «своей греховности?»

В одной из первых своих статей в журнале «Время» Достоевский, возражая западным публицистам, твердившим о религиозном фанатизме русского солдата, писал: «Вот вы, например, откуда-то взяли, что мы фанатики, то есть что нашего солдата у нас возбуждают фанатизмом. Господи Боже! Если б вы знали, как это смешно! Если есть на свете существо вполне не причастное никакому фанатизму, так это именно русский солдат. Те из нас, кто бывал и жывал с солдатами, знают это до точности» (18: 57).

Отсутствие ссылок на религию как основу русского народного мировоззрения в том, что печаталось в журнале «Время», с неудовольствием констатировал И.С. Аксаков, который, как и все славянофилы, считал себя в этом деле знатоком. В переписке с Н.Н. Страховым (*Perlina* 1979:117–188) после запрещения «Времени» в 1863 г. он писал: «Ошибка капитальная журнала “Время” всегда была та, что он думал ухватить субстанцию русской народности *вне* религии, *вне* православия, толковал о почве, не разумея свойств почвы» (*Perlina* 1979:132).

На это Страхов ответил полусогласием: «Ваши упреки относительно “Времени” заключают много справедливого <...>. Понимать же народ стараемся *по мере сил*. Вы не станете отрицать, что у “Времени” было *эстетическое понимание* народа <...> Вы указываете на религию и конечно указываете весьма метко <...> журнал до поры

до времени молчал об этом предмете, но никак не отказывался от мысли заговорить о нем» (*Perlina* 1979).

Праздник Рождества, как мы видели выше, кончается всеобщим пьянством. А вот как кончается народная встреча с искусством (глава «Представление»): «Наши все расходятся веселые, довольные, хвалят актеров, благодарят унтер-офицера. Ссор не слышно. Все как-то неприлично довольны, даже как будто счастливы, и засыпают не по-всегдашнему, а почти с спокойным духом, — а с чего бы, кажется? А между тем это не мечта моего воображения. Это правда, истина. Только немного позволили этим бедным людям пожить по-своему, повеселиться по-людски, прожить хоть час не по-острожному — и человек нравственно меняется, хотя бы то было на несколько только минут...» (4:129–130).

Искусство дает каторжнику то, чего не дает религия — ощущение радости, человеческой радости, и даже счастья, человеческого веселья («по-людски»), оно может дать ему нравственное обновление, просветить его душу, «хотя бы то было на несколько только минут». Мало того, «представление» на несколько дней примирило каторжников со своими товарищами из «господ», о постоянной и глубокой ненависти к которым говорится на всем протяжении книги. Только искусство может преодолеть ту пропасть, которая разделяет народ и господ, — таков очень важный вывод, к которому приходит Достоевский в главе «Представление».

Страхов не разъясняет в своем письме к Аксакову, что же он называет «эстетическим пониманием народа», хотя эта формулировка может помочь нам разобраться в противоречиях идеологически переходной для Достоевского эпохи его жизни — 1861–1863 гг.

В эти годы Достоевский уже, как известно, ведет полемику с публицистами «Современника», особенно с Добролюбовым, но в этом споре он еще не совсем порвал с просветительским социологизмом в объяснении причин преступности в современном обществе. Достоевский и не мог, суммируя художественно свои впечатления от «Мертвого дома», не увидеть во многих своих товарищах по каторге жертв помещичьего, чиновничьего, армейского гнета. Об этом он написал достаточно подробно и

выразительно. Но эстетически, как художника-аналитика человеческой психологии, — а он себя считал, уже с «Бедных людей», именно аналитиком человеческой души, — Достоевского больше заинтересовали не те, которых заставила пойти на преступление «среда», т. е. социальные условия русской дореформенной жизни, а преступники другого типа и другого психологического склада.

Это те, чьи деяния невозможно объяснить никакими социально-историческими причинами. Это те случаи, когда человек «вдруг выскакивает из мерки» (4:87) и начинает убивать налево и направо. Это каторжники вроде Петрова или Орлова, у которых, как казалось Достоевскому, была особая черта — чувство абсолютного превосходства над всеми остальными острожниками и чуть ли не над всем человечеством. «Над такими людьми, как Петров, рассудок властвует только до тех пор, покамест они чего не захотят. Тут уж на всей земле нет препятствия их желанию» (4:85). И Достоевский добавляет: «Эти люди так и рождаются об одной идее, всю жизнь бессознательно двигающей их туда и сюда; так они мучатся всю жизнь, пока не найдут себе дела вполне по желанию; тут уж им и голова нипочем» (4:85).

Здесь встречается впервые у Достоевского удивительное сочетание невежественного человека из народа, сибирского каторжника и очень важного для писателя понятия — ИДЕЯ, — понятия, на котором в значительной степени будут строиться его большие романы.

Четыре года каторжного опыта убедили Достоевского в том, что человек не поддается легкому и упрощенному рационалистическому объяснению и что две главные концепции человека, предложенные Просвещением — идея Руссо о естественной доброте человека и идея Гельвеция о его естественном эгоизме, оказались недостаточными при сравнительно массовой, хотя и выборочной, проверке на человеческом материале Омского острога. Тезисы, хорошо знакомые Достоевскому по той школе утопического социализма, через которую он прошел в 1840-е годы, теперь, при столкновении с живой массой русского народа, оказались несостоятельными.

«Каторжный опыт» дал право Достоевскому создать свою концепцию русского национального характера, вовсе не ограниченную персонажами «Мертвого дома». И для того, чтобы читатель убедился, что в книге изображены не просто каторжники, а русские люди вообще, стихия русского национального характера вообще, а не только преступники, он ввел в состав книги особую новеллу, где едва ли не центральным персонажем является женщина, героиня и жертва. Это рассказ «Акульский муж». Он замечателен не только сам по себе, по силе страстей и трагизму ситуаций, но и по тому, что в книге, где персонажами могли быть только мужчины, Достоевскому зачем-то понадобился женский характер такой силы и твердости.

Рассказу предшествуют слова, которые должны были, по-видимому, смягчить общее кошмарное от него впечатление: «С первого взгляда он мне показался каким-то горячешным сном, как будто я лежал в лихорадке и мне все это приснилось в жару, в бреду...» (4:165). Героиня рассказа — жертва клеветы и мучений, которые она терпит от родителей и от мужа, мучений, которые и сравнить невозможно с тем, что терпят на каторге, а ведь дело происходит *на воле*. Вся эта ситуация, с ее варварскими понятиями и приемами «ученья», могла бы выглядеть внутри «Записок из Мертвого дома» как еще одна картина из жизни дореформенного «темного царства», если бы не тот неожиданный поворот сюжета, который меняет весь характер отношений основного треугольника — Акулина, ее муж и ее оскорбитель, Филька Морозов.

Перед уходом в солдаты Филька, оклеветавший Акулину, просит у нее всенародно прощенья; она прощает его, а мужу своему объявляет, что любит (и, вероятно, всегда любила) своего оскорбителя, виновника всех своих мучений: «Да я его... больше света теперь люблю!» (4:172).

Все, что следует за этим признанием, т. е. убийство Акулины, этими словами предопределено. Этот ответ замученного и все-таки гордого и верного своему чувству человека меняет весь смысл новеллы. Из очерка традиционно жестоких народных нравов она превращается в драму, где главным характером оказывается кроткая жертва, кротость которой скрывает гордость, силу характера,

верность любви и отчаянную смелость — готовность сознательно пойти на нож убийцы-ревнивца, — совсем как писал об этих женских характерах Михаил Достоевский в статье о «Грозе» Островского. Ради этой ситуации Достоевский изменил фактическую мотивировку убийства. В «Сибирской тетради» есть запись № 326 (4:244), в которой комментатор справедливо видит «источник сюжета главы “Акушкин муж”» (4:275). Вот ее текст: «Рассказ о том, как жену убил. Режь! его в солдаты берут, я его любовница. И на что она это мне сказала. <1 нрзб.>. Ночью зарезал и все думал, что мне с ней делать» (4:244). Т. е. убийство мотивировано признанием в измене, тогда как в рассказе Шишкин убивает Акулину за то, что она признается в любви к другому. Не в измене — в любви.

Как известно, сам Достоевский относил эту новеллу к числу своих наибольших художественных удач, не понятых критикой. Перечисляя своих персонажей — Раскольникова, Степана Трофимовича, Акушкина мужа, он писал: «Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека *русского большинства* и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону». И далее — о подполье: «Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться! Что может поддержать исправляющихся? Награда, вера? Награды — не от кого, веры — не в кого! Еще шаг отсюда, и вот крайний разврат, преступление (убийство). Тайна» (16:329).

Нет надобности в подробных сопоставлениях, чтобы увидеть сходство ситуаций в рассказе «Акушкин муж» и романе «Идиот». Достоевский-художник понимал, что между поведением героев «Записок из Мертвого дома» и женщин — героинь его романов, Аглаи Епанчиной, например, разница имеет только внешний характер и связана с образованием и социальным положением, внутренняя, иррациональная мотивировка остается та же.

А что Достоевский не видел принципиальной разницы между людьми из народа и представителями образованных сословий, видно из прямых его заявлений в журнале «Время». Возражая журналу «Отечественные за-

писки» по поводу оценки Пушкина, Достоевский писал: «Так, стало быть, вы уж не признаете и за народ высшее общество, так называемых «образованных»? Что ж они, по вашему, — уж и не русские? <...> Вся разница в том, что одна половина образованная, другая нет» (19:14).

Если Достоевский так думал, — а у нас нет оснований сомневаться в том, что, когда писались «Записки из Мертвого дома», Достоевский именно так и думал, — и продолжал так думать и позднее, при всем своем критическом отношении к образованным сословиям, то у нас есть полное право посмотреть на героинь Достоевского как на художественную реализацию каторжного опыта и каторжных впечатлений писателя. Художественно воплощенная структура этих характеров в их иррациональности и непредсказуемости была одной из самых важных побед Достоевского над тем, что он хотел преодолеть в идеологии и литературе Просвещения вообще и отчасти — в самом себе.

Примечания

¹ См. комментарии А.В. Архиповой//Достоевский Ф.М. Полное собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 3. С. 501–503. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

² К.В. Мочульский не знал этой статьи, когда дал свое определение женщинам Достоевского.

³ См.: Лотман 1974:104–168, где о Достоевском есть одно мимоходом сделанное замечание на с. 126.

Библиография

Берковский 1973 — Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л., 1973.

Гизетти 1924 — Гизетти А.А. Гордые язычницы: К характеристике женских образов Достоевского//Творческий путь Достоевского/Под ред. Н.Л. Бродского. Л., 1924. С. 194–206.

Гриб 1956 — Гриб В.Р. Аббат Прево и его «Манон Леско»//Гриб В.Р. Избранные работы: Статьи и лекции о зарубежной литературе, М., 1956. С. 275–298.

Державин 1933 — Державин Г.Р. Стихотворения/Под ред. Г.А. Гукковского. Л., 1933.

Достоевский 1860 — Достоевский М. М. О “Грозе” А. Н. Островского//Светоч. 1860. № 3. С. 1–36.

Достоевский 1971 — Достоевский Ф.М. X Записная книжка//Литературное наследство. М., 1971. Т. 83. С. 517–638.

Достоевский 1973 — Из рукописи «Дневника писателя»/Публ. Г.Н. Померанца//Литературное наследство. М., 1973. Т. 86. С. 82–96.

Кирпотин 1966 — Кирпотин В.Я. Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966.

Лотман 1974 — Лотман Л.М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века: (Истоки и эстетическое своеобразие). Л., 1974.

Мочульский 1980 — Мочульский К.В. Достоевский: Жизнь и творчество. Paris: YMCA-PRESS, 1980.

Скафтымов 1929 — Скафтымов А.П. «Записки из подполья» среди публицистики Достоевского//Slavia. 1929. Т. 8. Вып. 1. С. 101–117; вып. 2. С. 312–314.

Соловьев <1911> — Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского: 1881–1883//Соловьев В.С. Собр. соч. (2-е изд.) СПб., <1911>. Т. 3. С. 186–223.

Фонвизин 1952 — Фонвизин Д.И. Собр. соч.: В 2-х т. М.; Л., 1952. Т. 2.

Фридлиндер 1964 — Фридлиндер Г.М. Реализм Достоевского. Л., 1964.

Фридлиндер 1971 — Фридлиндер Г.М. У истоков «почвенничества»: Ф.М. Достоевский и журнал «Свечеч»//Известия АН СССР. (Серия литературы и языка). 1971. Т. 30. Вып. 5. Сентябрь — октябрь. С. 400–410.

Холшевников 1960 — Холшевников В.Е. О литературных цитатах у Достоевского//Вестник университета. (Серия истории языка и литературы). 1960. № 8. Вып. 2. С. 134–138.

Boyer d'Argens de 1975 — Boyer d'Argens J.B. de Therès-philosophe. Euredit. Paris. 1975.

Cellier 1965 — Cellier L. Le mythe de Manon et les Romantique francais. L'abbé Prevost//Actes du Colloque. Publications des Annales de la Faculte des lettres Aix-en-Provence. Nouvelle série. 1965. № 50.

Perlina 1979 — Perlina N. Ivan Aksakov's and Nikolai Strahov's correspondence from 1863 through 1885: fifty-three unpublished letters//RLJ, XXIII. № 114. 1979. P. 117–188.

Prevost 1903 — Prevost L'abbe. Histoire de Manon Lescaut et du chevalier des Grieux. Paris: Granier frères, 1903.

Racine 1965 — Racine J.B. Théâtre complet. Paris: Garnier — Flammarion, 1965. V. 2.

Sgard 1966 — Sgard J. Prevost romancier//Librairie José Corti. Paris, 1966. P. 233–251.

*М. Плюханова
Рим*

Творчество Толстого *Лекция в духе Ю.М. Лотмана*

Толстой получил от природы огромный писательский дар. Не вынуждаемый к писанию никакими обстоятельствами, не получивший литературного воспитания, наоборот, выросший в аристократическом кругу, далеко от литературно-журнальной жизни, он стал писать по некоей врожденной органической потребности. Первое сочинение его, написанное в восьмилетнем возрасте, уже демонстрирует стремление создавать вторую реальность, заполненную множеством людей, переживающих множество исторических и частных событий. Это сочинение — «Рассказы дедушки» — представляет собой набросок чего-то громадного, посвященного жизни семейства из 82 человек, глава которого — девяностолетний старик, служивший под 5-ю государями, видевший сто сражений (90:95–96). В общих чертах за всю свою творческую жизнь Толстой осуществил этот замысел, описав сотни и сотни людей, их внешние и внутренние события в разные возрасты и при разных обстоятельствах.

Толстой — художник и мыслитель, основатель нового религиозного учения. Поиски истины и создание художественных миров в его деятельности едины и неразделимы. Цель Толстого на протяжении всей его жизни — это искание истины, Бога, осуществляемое через познание человека, и утверждение обретаемой истины и правды. Творчество его в высших проявлениях не есть использование художественных средств для философских целей. Это такая фаза в истории мысли, когда истина

может обнаруживаться только через художественную литературу и никак иначе. В этом отношении Достоевский стоит рядом с Толстым.

Истина, которую ищет Толстой, заключена в человеке и познается только через проникновение в суть человека в его конкретном бытии. Толстой поэтому конкретен и всю свою творческую жизнь описывает реальные опыты и черты — свои, своих близких, родных, друзей, знакомых. Замыслы, в которые не мог быть включен личный опыт, эволюционировали как бы неожиданно для него самого в таком направлении, в котором включение его собственного опыта оказывалось естественным.

Толстой — создатель религиозно-философского учения в такой степени убедительного, что за ним пошли поколения толстовцев. В царский период из-за своих убеждений толстовцы попадали в тюрьму, в советский даже жертвовали жизнью. Это учение не выражает мудрости Толстого во всей ее полноте, поскольку в нем толстовская мысль застывает в статической форме. Настоящая же мудрость его основывалась на осознании динамизма, субъективности человеческой мысли и чувств, на силе его собственной субъективности, сложности и изменчивости, и выражалась в умении изображать жизнь. Так, в шестидесятые и, отчасти, в семидесятые годы он наслаждался семейным счастьем и учил людей поклоняться семейности через изображение жизни семейств. И в этих изображениях была живость и правда. В восьмидесятые годы он возненавидел семейную жизнь и стал изображать ее как источник бедствий человечества, пользуясь для изображений все тем же своим личным опытом, и в новых картинах опять была правда. Задача целостного описания творчества и идей Толстого по существу неразрешима.

Научная литература о творчестве Толстого необъятна, она превышает, по-видимому, объемы литературы о Достоевском (если вообще можно сравнивать столь большие и столь неопределенные величины) и содержит неоспоримые достижения в области конкретных исследований, прежде всего, в текстологии. Исследования и интерпретации наиболее общего характера производятся часто за счет встраивания Толстого во внеположенные

его творчеству и идеям концепции. Среди наиболее влиятельных здесь Мережковский, который в соответствии со своей универсальной дуалистической схемой противопоставил Толстого Достоевскому как апостола плоти апостолу духа; Ленин, который в общей схеме противостояния классово-идеологических сил нашел Толстому место среди патриархального крестьянства и похвалил его за революционность; формалисты, для которых произведения Т. стали важным материалом при разработке метода и которые в задоре обоснования новой методологии утверждали, что у Т. была только одна цель — профессиональный литературный успех, достигаемый через обновление литературных приемов. Эти три донныне влиятельные концепции справедливы лишь относительно.

Из всех трех наибольшее практическое воздействие на исследования толстовского творчества произвела концепция Ленина. Признанное таким образом властями, наследие Т. попало под специальную защиту советского государства. Рукописи Т. хранились как государственные сокровища в стальных сейфах в забетонированной комнате в музее Т. На базе мемориального музея был создан большой научный институт, включенный в систему Академии наук (ныне музей потерял значение академического центра). Основным содержанием работы института стало грандиозное издание 90-томного Полного собрания сочинений, начатое в год столетия, 1928, и в основном завершенное к концу 50-х годов. «Собрание» решило сложнейшую текстологическую задачу — представило наследие Т. не как стабильные тексты, а в развитии, в вариантах, редакциях. Т. не останавливал работу над текстом. Даже последние корректуры он перерабатывал как черновики и занимался при этом не уточнением, не завершающей обработкой, а переделкой по существу. Тома содержат историю текстов и описание рукописей и не включают критику текстов, что способствует сохранению актуальности издания.

Толстой прожил огромную жизнь, исполненную размышлений, трудов и славы. В собрании сочинений его, кроме произведений, десятки томов дневников и писем. Помимо этого есть множество источников, где зафиксированы высказывания Т., — интервью, мемуары, дневники

современников. Последние годы жизни Т. его друзья, секретари и личный врач (врач — Д.П. Маковицкий — особенно подробно и часто синхронно) вели записи разговоров Т.

Полнота высказанности Т. непревзойденна, и есть проявление его титанизма. Все множество идей и впечатлений, высказанных Толстым на протяжении его жизни, можно рассматривать как его гигантское произведение, посвященное теме, которая всегда была для него главной, если не единственной. Это тема человека в его основных началах, в его жизненности, в его нравственно-психическом опыте. Человек вообще постигается Толстым прежде всего и лучше всего в нем самом, в Толстом, и потому жизненная задача Толстого решается, среди прочего, и как бесконечное высказывание самого себя, о самом себе, передача всем, кто готов выслушать, своих суждений по всякому поводу, диалог с каждым, кто стремится вступить в него. Отсюда гигантское число переписок, неисчислимы зафиксированные посетителями Ясной Поляны разговоры. Скрывать свои личные впечатления и мнения противоречило бы жизненным и творческим установкам Толстого, было бы абсурдно. Толстой в той же степени искренен, исповедален и разговорчив, в какой скрытен и замкнут Достоевский. Занимаясь психоаналитическим изучением произведений Достоевского, можно сделать увлекательное исследование. Заниматься психоанализом толстовских текстов — это значит схематизировать и переводить на язык употребительных научных терминов его собственные достижения, поскольку он сам неустанно исследовал и описывал сознательные, подсознательные и полусознательные движения души — своей собственной и человеческой вообще.

Толстой антропоцентричен. Идея, внеположенная миру ощущений и чувств человеческого существа — его самого и его героев, для него не имеет серьезной цены. Идеи осмыслены лишь тогда, когда рождаются из живого чувства жизни, и лишь пока они не теряют связи с источником своего рождения. То есть философия Т. разворачивается как воссоздание мира человеческой жизни. Она состоятельна в той мере, в какой описанные им люди воспринимаются как живые, полные живой мысли и чувства жизни.

Все это в полной мере относится лишь к центральным большим романам Т. В ранний, до «Войны и мира», период задачи философские и художественные часто достаточно отчетливо разграничиваются. А после «Анны Карениной» он сам вычленяет свое религиозное учение и противопоставляет его художественной деятельности.

Поначалу юный Т. еще не знает, чем станет для него литература, и занимается литературными упражнениями для образования, подобно тому, как он упражняется на фортепьяно. Главное же в его жизни, его пламенная страсть — это познание.

Цель познания и вместе с тем двигатель познания для юного Т. это живой инстинкт истины, ощущаемый им в самом себе и, по его убеждению, составляющий суть человеческого существа, связанный или прямо совпадающий с инстинктом или силой жизни. Начало первого самостоятельного юношеского сочинения Т. (1844—1847 гг.) — «С тех пор, как я помню свою жизнь, я всегда находил в себе какую-то силу истины...». На полях рукописи этот замысел, оставшийся в наброске, обозначен как «история моего познания» (отмечено Е. Купреяновой). Понятие о силе истины более или менее совпадает для Т. с понятием о Боге, частице Его, заключенной в человеке.

Юный Т. начинает с философского чтения и работы над своей личной практической философией для познания истины. Он пытается работать над сочинением «О цели философии», но всеобщее лучше всего понимается им через личный опыт, поэтому вскоре вся деятельность познания на некоторое время сосредоточивается в дневниках. Дневники производят странное впечатление скрупулезностью, с какой Т. анализирует всякое свое душевное движение, разлагая его на составные элементы, изобличая как ложь несоответствие внутренних импульсов внешнему содержанию поступка. Это копание в себе с покаяниями и самобичеваниями останется до конца жизни устойчивым элементом в произведениях Т. Такова естественная для него форма познания истины и богоискательства, предполагающая не только исследование человеческого начала, но и очищение, высвобождение его.

В юношеских дневниках и сопряженных с ними автобиографических произведениях Т. постигает такие особенности психической жизни, как одновременность противоположных переживаний, несовпадение действия с внутренним развитием мысли и чувства, разнонаправленность одновременных душевных движений. XVIII век уже знал о запутанности импульсов, о существовании переживаний, кажущихся несовместимыми. Исповедь Руссо была здесь высшим достижением. И далее развитие философии Просвещения в том, что касалось сущности человека, могло идти только по пути художественному, поскольку характеристика человека в умозрительных категориях уже не могла быть достаточной. Но линия художественного психологизма, доведенная до возможного совершенства Стерном, прервалась. Литература XIX века занялась в основном человеком как субъектом и объектом социальной жизни. Т. восстановил прерванную традицию, он дал этому направлению громадное развитие и тем открыл литературу XX века.

В период ранних дневников и работы над автобиографической трилогией он со свойственной ему увлеченностью проходил как уроки «Исповедь» Руссо и романы Стерна. Однако Т. быстро ушел вперед от своих учителей.

В произведениях Т. появляется множество элементов, которые с позиции эпохи Просвещения и более поздних показались бы совершенно ненужными, поскольку они не служат специально для характеристики психической жизни. Это детали, сведения, разговоры, которым трудно найти ясную мотивировку. Непосредственный предшественник Т. Тургенев, в произведениях которого мотивированность, эстетическая или идейная, любого элемента — ненарушимый закон, восхищался как читатель, но негодовал как профессиональный литератор на изобилие у Т. «лишнего» (О «Войне и мире»: «Как утомительно работает перед читателем одна память мелкого, случайного, ненужного». — Письмо к И.П. Борисову от марта 1865 г.). «Лишнее», как и все прочее, служит Т. для решения его художественной задачи, которую он сам определял как создание другой действительности. Многие детали нужны только для того, чтобы придать жизненность изображению.

Итак, первые произведения Т. выросли из дневниковых записей и опыта психологической прозы XVIII века.

Набросок «*История вчерашнего дня*» есть дневниковая запись, расширенная и обработанная в манере, уже складывавшейся в Дневнике, но здесь осознанной и укрепленной влиянием «Сентиментального путешествия» Стерна. (Стерна он тогда переводил для лучшего углубления в его метод.)

Подробный рассказ о том, как повествователь вошел в гостиную и вышел из нее, ехал в санях, лег спать и начал засыпать, прерывается беспрестанно рассуждениями то о женщинах, то об условностях человеческого общения, то о характере кучера и пр. Эта манера — сочетать фрагменты генерализующие, как их называл Эйхенбаум, с фрагментами детализирующими — становится навсегда важной чертой толстовских художественных композиций и приобретает разнообразные функции. Здесь она, сходно со Стерном, является средством передать свободное скольжение мысли.

Биографическая трилогия сохраняет многие черты дневника: подробности анализа, самообличительный пафос. Сюда уходит опыт самонаблюдения и наблюдения над окружающими, накопленный за годы работы над ранними дневниками. Герой тождествен автору не по биографии, а по психологическому опыту. Это натура Т. в разные возрастные периоды, нужная во всех подробностях, ибо цель — проследить движения души, проявления натуры, психические реакции, обусловленные возрастом и некоторыми конституционными особенностями героя. Первоначальный замысел носил название «Четыре эпохи развития» и предполагал части *Детство*, *Отрочество*, *Юность*, *Молодость*. Герой не может получить цельный, завершенный характер, сама задача требует изображения становящейся, меняющейся души. И жизнь героя Николеньки Иртеньева не дана в последовательности развития, вся трилогия — отрывочные впечатления, как бы выхваченные памятью из прошлого и воссозданные подробно и конкретно. Николенька просыпается утром и смотрит, как его гувернер, немец Карл Иванович, ловит муху, подробно описываются переживания мальчика по этому поводу и по другим, сменяю-

щимся в течение медленно наступающего дня. Описывается угол учебной комнаты, особенно памятный герою, поскольку там он претерпевал наказания, описывается картонный кружок, склеенный гувернером, чтобы защищать свои глаза от света. Маленький Николенька еще не личность, отбирающая впечатления по своим законам, а открытое для впечатлений мира чувствительное существо. Мотивы, по которым память подбирает впечатления, не поддаются формулированию применительно к «Детству». Почему описание картонного кружка дает такое сильное чувство реальности и живости восстанавливаемого памятью героя мира, объяснить нельзя, это уже тайна толстовского творчества.

В «Детстве» отдана лишь весьма небольшая дань требованиям повествовательного единства: здесь проведена пунктиром, полускрыта линия драматических отношений между неродственными натурами — матерью, полной любви, веры, и легкомысленным сангвиническим отцом. Во второй и особенно в третьей части повествование выстраивается яснее, это история помрачения доброй души и новых трудно достигаемых просветлений. Отчетливее мотивировки эпизодов — все впечатления служат формированию взрослеющей личности. Произведение все более входит в традиционные рамки романа воспитания. Чем ощутительнее мотивированность эпизодов, возвращение к традиции, тем меньше интереса испытывает Т. к «Четырем эпохам развития» и в конце концов бросает замысел, не описав четвертой эпохи.

В том же 1856 году, когда была закончена трилогия, Т. написал рассказ «Метель», обычно обращающий на себя мало внимания, но чрезвычайно важный. В «Метели» сохранен тот же повествователь, что и в трилогии, автобиографическое «Я». Этот бессюжетный этюд — воспоминание о незначительном, казалось бы, эпизоде — о блуждании в метель в 1854 году по дороге с Кавказа. Однако тема метели для Толстого, усвоившего во всей глубине пушкинское наследство, не могла быть решена в простом бытовом ключе. Метель, смешивающая землю и небо, послужила Т. символическим и вместе с тем реальным фоном, на котором он впервые и еще неявно начал развивать свою столь важную тему — тему смерти.

В «Метели» начинает получать форму важнейшее для психической жизни самого Т. и для всего его последующего творчества впечатление от соприкосновения со смертью. Герой-повествователь блуждает ночью по степи с обозом мужиков. Чувство страха в нем мимолетно, страх смерти не осознан, однако, задремав, он видит сон — в мелких подробностях воспоминание детства: в жаркий летний день мужики вытаскивают из озера утопленника. В «Метели» положено начало изображению подсознательной деятельности. Это открытие Т. связано с обращением его к теме смерти. Он показывает, как душа, затронутая страхом смерти, уходит в глубинные слои сознания, откуда поднимаются воспоминания прежних впечатлений, полученных при воздействии сходного импульса. Образы «Метели» явятся потом в «Анне Карениной», в «Хозяине и работнике», связанными с темой смерти. Так начинают накапливаться характерные для зрелого Т. метонимические символы, то есть черты реальности, выхватываемые из нее сознанием в моменты сильных потрясений и при сходных переживаниях всплывающие из памяти вновь. Такие метонимические символы характерны для всего творчества Т. в целом, разворачивающегося как единый текст в соответствии с особенностями и потребностями жизни и памяти самого Т. Вместе с тем они и механизмы их формирования изображаются Т. как черта душевной деятельности его героев.

В силу единства и органичности толстовского творческого процесса все его ранние произведения могут быть рассмотрены как подготовительные наброски к великим романам. К «Анне Карениной» ведет «Метель» и «Роман русского помещика», «Семейное счастье». Все остальное есть подготовка к «Войне и миру». И прежде всего наиболее очевидно — военные рассказы.

Военные рассказы — это этюды, задуманные или как письма («Набег»), или как корреспонденция для журнала («Рубка леса»), или как очерки для публикации в специальном военном журнале («Севастопольские рассказы»). Это особое, военное, ответвление дневниковых записей, некоторые из них велись прямо на бастионах Севастополя. Толстой здесь особенно много думает о смерти. Он

наблюдает и классифицирует людей по типам храбрости, поскольку храбрость есть для него характеристика отношения к смерти, к возможности быть убитым. Наиболее любимый им тип военного — впоследствии воспетый на страницах «Войны и мира» и уже в этих этюдах занимающий центральное положение — человек без всякой рисовки и позы, без показной храбрости, для которого военное дело — образ жизни, вынужденный обстоятельствами. Этот человек, солдат или капитан, окружен своим маленьким симпатичным бытом — скромными предметами, которые благодаря повторяющимся в тексте упоминаниям становятся символами его жизнестойкости и жизненной позиции. Такова особенная курительная трубочка капитана Хлопова в «Набеге», которая в «Войне и мире» станет достоянием капитана Тушина, — символ смиренного героизма.

Военные рассказы составлены в основном из описаний обыденной жизни солдат и офицеров, получающей особенный смысл в пространстве, где господствует смерть. Т. изображает потрясающие его сочетания картин мирной жизни и войны, страдания, крови, трупов, прекрасной природы, неба и нелепых, ненужных ужасов войны, изобретенной человеком в нарушение законов природы. Но разоблачение противоестественности войны хотя и входит в задачу военных рассказов, не слишком существенно для Т., как не существенно оно будет для «Войны и мира». Главное для него здесь — это изображение спокойного смирения солдат и офицеров перед лицом смерти. На этом же основывается изображение воюющего народа в «Войне и мире». Солдат — смиренно, с простым христианским чувством принимающий смерть или воспринимающий смерть своего товарища — наиболее выраженный религиозный образ эпохи «Войны и мира». Потом, в период депрессии и религиозного кризиса, Т. вытеснил этот образ из памяти и из своего творчества.

Среди произведений, созданных до «Войны и мира», выделяется группа, которую несколько условно можно обозначить как руссоистическую, — это «Казачки», «Три смерти», «Два гусара», «Поликушка», «Холстомер». Влияние Руссо было наиболее сильным философским влия-

нием в масштабах всей жизни Толстого. Как отмечают историки философии, вообще все идеи Толстого, разумеется, при условии их схематизации, могут быть увязаны с концепциями Руссо. Однако соотношение сочинений Т. с идеями Просвещения, как и со всеми прочими источниками, на которые он опирался, специфично. Руссо формировал Т., но вместе с тем идеи Просвещения вошли в поле зрения Т. (как и все усвоенное им со стороны) потому, что они отвечали стремлениям его страстной субъективной природы. Он любил, обожал простых людей не под воздействием Руссо, а по личной склонности и в силу условий воспитания. Идеологию для своего обожания он нашел у просветителей, без всякого смущения обратившись к философии более чем вековой давности.

В своем литературном руссоизме, как показал Ю.М. Лотман, Т. учитывает опыт русской литературы, ориентированной на Просвещение, прежде всего «Цыган» Пушкина, «Мцыри» и «Героя нашего времени» Лермонтова, «Тараса Бульбы» Гоголя. В руссоистских сочинениях Т. основная конструирующая схема — обычная для русской литературы: противопоставленность лжи цивилизованной жизни правде жизни естественной, природной. Впрочем, эта схема обнаруживается и далее почти во всех его произведениях.

Антураж повести «Казачки» — классический для русского руссоизма — Кавказ — уже для Пушкина и Лермонтова — локус дикой свободы, где могучая природа питает вольный дух своих сынов. Героиня повести казачка Марьяна в первых редакциях — красавица громадного роста, спокойная, самодостаточная, символ мощной природы, в поздних редакциях несколько индивидуализируется, но все равно сохраняет условность облика, проявляющуюся в отсутствии психической динамики. Герой — Оленин — покидает столицу, чтобы служить на Кавказе юнкером. Впервые увидев горы, оказавшись в казачьей станице, он чувствует влечение к природе, выражающееся сильнее всего в страсти к Марьяне. Он решает покинуть свое, высшее, сословие, остаться навсегда в станице и жениться на Марьяне, которая, как кажется, дает ему надежду на возможность брака. Казак дед Ерошка дружит с ним и забавляет его охотой, водкой

и своими рассказами. Даже сама природа позволяет ему раствориться в себе, почувствовать себя ее органической частью. Выведенная из своего спокойствия и равновесия ранением казака Лукашки, прежнего своего жениха, Марьяна прогоняет от себя Оленина, он покидает станицу. Толстой разрабатывал вариант развязки, по которой Марьяна даже убивает Оленина, имеющего косвенное отношение к гибели казака. Вариант сюжета с трагической гибелью одного из «детей природы», в которой герой невольно замешан и вследствие которой обнажается его чуждость миру естественных людей, уводит Т. к лермонтовским сюжетным схемам, но Т. так и не дорабатывает развязку.

«Казаки» в существующем виде — это текст, поспешно, по денежной необходимости, выделенный Т. для печати из массы материала, скапливавшейся десять лет. Сам автор надеялся продолжать работу и не считал опубликованный текст полным и законченным. Совокупность материалов, редакций, набросков показывает, как традиционная для русской литературы задача противостояния природы и культуры расшатывается под воздействием главного движущего начала повести — потока переживаний, размышлений, рассуждений героя. «Казаки» сочетают изображение казачьей жизни, простой и красивой, с изображением душевной и умственной работы Оленина, воспроизводящей духовные искания самого Т. Эта душевная работа не связывается с традицией романтического разъедающего скепсиса, она тоже проявление жизни. И сама повесть, то есть материал «Казаков», в целом воспринимается как проявление беспокойного, ищущего толстовского духа.

Многочисленные зарисовки природы и казачьего быта, частично сделанные с натуры на Кавказе, не всегда еще вовлечены в сферу духовной жизни, как это позже будет обязательно для описательных картин Т. Некоторые из них носят отрешенный, почти этнографический характер, некоторые ярко живописны и вдохновлены отчасти образами казачьей разгульной вольности, созданными Гоголем в «Тарасе Бульбе». Но основные — первое описание гор и сцена одинокой охоты Оленина, когда он чувствует себя в единстве с природой, уже вполне тол-

стовские, то есть природа представлена в них обращенной к чувствам и духу человека, сообщающей о всеединстве мира и о том, что он, человек, есть, как это понимает Оленин, «рамка, в которой вставилась часть единого Божества» (гл. XX). Перемены, произошедшие с лесом после захода солнца, внушают Оленину чувство жуткого страха и содержат напоминание о смерти как законе природной жизни.

Умение умереть, приняв смерть как часть природного цикла, есть умение настоящих детей природы. Черкес в схватке с казаками и фазан на охоте умирают одинаково: «рванулся... и упал», «взвился... кверху и... упал». Тема смерти в «Казаках» не выделена, она получает специальное развитие в отдельном рассказе «Три смерти». Барыня умирает от чахотки, боясь и не веря в свою смерть. Ее чувства беспокойны, сознание разорвано. Тихо умирает мужик, лежа на печи в чужой избе, и перед смертью отдает другому свои ненужные уже сапоги. Новый владелец сапог срубает дерево, чтобы поставить крест на могиле мужику в сияющей светом и наполненной птичьим пением роще. Впоследствии сам Т. объяснял содержание рассказа как сугубо руссоистско-дидактическое: барыня умирает плохо, поскольку далека от природы, и живет ложью, мужик — хорошо, поскольку принадлежит природе и свыкся с круговращением жизни и смерти, дерево — прекрасно. Смерть барыни изуродована деятельностью ее разума, и не важнее ли для самого Т. это уродство, чем гармония и бессознательность естественной жизни? В эпизоде смерти барыни есть моменты, которые получают развитие в целой череде толстовских описаний смерти — наивысшее через 25 лет — в «Смерти Ивана Ильича» (описание сильного живого тела или явлений жизни в контраст к явлениям смерти, конфликт между умирающим и живым, присутствие лжи как обычное для людей, находящихся на границе между миром живых и смертью). Т. восхищался тем, как умирает дерево, но всю жизнь обдумывал и описывал, как умирает человек, как угасает сознание.

Гершензон указывает на антиномию «разум-природа» как важнейшую для толстовского мышления вообще: «Как односторонняя, почти невольная вера в обновитель-

ную силу мысли, так и не менее одностороннее обожание природной, материальной естественности остались при-сущи Толстому до конца его дней».

В начале 60-х годов Т. пишет повесть «Поликушка» о самоубийстве мужика, потерявшего деньги барыни. И сам Т., и литературные критики впоследствии отмалчивались по поводу «Поликушки». Хотя повесть написана в период отмены крепостного права, когда тема мужика была ключевой в русской литературе, она совершенно выпадает из современного ей литературного движения. В ней есть влияние «Антон Горемыки» Григоровича, то есть традиции сочувственного описания «малых сих», сложившейся в 40-е годы, но она отпадает от этой традиции, поскольку сострадание как взгляд сверху отсутствует в ней. Она написана в эпоху влияния «Записок охотника» с их поэтическими картинами природы и столь же поэтическими, как природа, образами крестьян. Но отстраненно-поэтические картины в ней отсутствуют, нет даже ни одного описания природы. Повесть далека и от традиции натуральной школы, жестоко изображающей убожество, грязь и мрак народной жизни, хотя объективно говоря в ней описывается убогий быт и ужасные судьбы, вполне подходящие для «физиологического очерка». Повесть совершенно толстовская, а Толстой и был и воспринимался как явление уникальное, хотя исследователи указывают массу источников, из которых он заимствовал, и образцов, которым он подражал.

В «Поликушке» описано несколько часов жизни семьи из 7 человек, живущей в углу перегородженной и перенаселенной избы. Для описания принята двойная позиция: позиция повествователя с элементом легкой сочувственной иронии, несколько стернианская по тону и мешающая иногда цельности повествования, сплетена, сращена с внутренней позицией — позицией любви-привычки к описываемому миру того, кто в нем живет. Читателю навязывается радость и даже некоторая гордость по поводу того, что Поликушка, кроме угла, владеет еще частью большой общей печи, на которой можно спать и очень тепло. Читатель чувствует ценность и важность принадлежащей жене Поликушки пары шерстяных чулок. Здесь описано розовое платье девочки,

которое топорщится, будучи новое, еще не стиранное, мягкость спинки младенца, ощущаемая рукой жены, веселый визг детей, бегущих босиком по снегу, позы Поликушки, изготовляющего лекарство для лошадей (которых он лечить не умеет), пытающегося извлечь каплю водки из пустой бутылки или отдыхающего после дневных трудов. Все множество деталей — это получаемые Поликушкой и его женой впечатления, общий смысл которых — покой, устроенность. Автор прямо утверждает, что Бог дал Поликушке счастье, что ему было хорошо. Гибель Поликушки вызывает не социальный гнев, не протест, не желание просвещать народ (хотя Поликушка — пьяница, вор и шарлатан), а скорбь о том, что это существование, полное тепла, прервалось.

Итак, повесть уклонилась с литературных путей того времени под воздействием толстовской субъективности, его любви к семейности, его преклонения перед неискаженными ценностями народной жизни. В общественном плане она могла бы показаться необыкновенно ретроградной, патриархальной. Но никто не решился приложить к ней общую меру. В повести восторжествовали идея тепла человеческой жизни, способность и склонность воссоздать это тепло, столь важные для работы над «Войной и миром».

Последующая деятельность Т. вплоть до начала «Войны и мира» может показаться на поверхностный взгляд лишь все большим погружением в руссоизм. Статья «Кому у кого учиться писать» — по оценке Эйхенбаума — есть литературный манифест Т. Наблюдая, как крестьянские дети работают над литературными сочинениями, Т. видит действие в них творческого инстинкта. От детей и к тому же от детей крестьянских, то есть существ максимально искренних и естественных, он получает доказательство органичности, естественности литературного творчества для человека. Обратившись к народу, Т., как эпический богатырь, напитался от него невиданными силами. Он получил новую санкцию на творчество.

В «Холстомере», как это уже бывало в XVIII веке, Т. описывает цивилизацию с условно-отстраненной позиции «простодушного». «Простодушный» здесь — лошадь,

ведущая рассказ. Она не знает, что такое «мое», и изумляется тому, какое значение приобретают слова в жизни людей. Однако это только поверхность, исходная установка, не слишком существенная для результата. Забыв вскоре о необходимости разоблачать ложные ценности цивилизации устами лошади, Т. отдается творческому эксперименту, рисуя воспринятый с позиции лошади мир: это разносящийся далеко в полях звук ржания молодой кобылки, потрясающий слух молодого крестьянского конька, это красота экипажа, кучера, румяного нарядного ездока в свете специальной лошадиной эстетики, это, наконец, высшее для беговой лошади переживание — экстаз бега. Первые читатели, которым Т. отдал рукопись «Холстомера» на суд, были шокированы сценами лошадиной любви и лошадиной смерти. Завершение и печатание повести было отложено на 20 лет.

«*Война и мир*» медленно и постепенно, на протяжении семи лет, вырастает из тысяч страниц черновиков. Писание идет как интуитивные поиски ситуаций, обстоятельств, персонажей, коллизий, которые соответствовали бы творческой, органической потребности автора, то есть пробуждали бы в нем животворящую писательскую силу, и, вместе с тем, как поиски понимания того, что совершилось в истории и описывалось в романе.

В преддверии романа Толстой начал работать над произведением о декабристах. Аристократ, участник декабрьского восстания 1825 года, прошедший сибирскую каторгу и ссылку, возвращается с семьей в Москву в 1856 году, после общего помилования всех декабристов молодым царем Александром II. Непосредственный результат этой работы — малоинтересный набросок, ни для чего потом не послуживший, но самое задание — изобразить декабриста, человека, через которого прошла история, в котором она оставила наиболее очевидные следы — след 1825 года, поворот 1856 года, — указывает на идущую в Т. подготовку к «Войне и миру». Пройдя в раннем периоде творчества этап постижения человека в его возрастной эволюции, Т. теперь погружается в историю, которая для него есть существование во времени людского сообщества. Один из ранних вариантов заглавия «Войны и мира» — «Три поры» (Ср. раннее заглавие

автобиографической трилогии — «Четыре эпохи развития»).

В начальной фазе работы Т. мыслил описать ключевые для путей русского общества в XIX веке исторические моменты: от битв против Наполеоновского нашествия в России 1812 года через восстание декабристов к 1856 году. Потом он почувствовал, что 1812 год не есть начало, что поколение, которое наиболее сильно проявляется в 1812 году, переживает пору интенсивных духовных исканий, становления, первого контакта с войной раньше, в 1805—1807 годах. «1805 год» — название первой, впервые опубликованной отдельно части романа. Следующие части включали описание отступления русской армии в Европе, сражение под Шевардином (битва с французской армией малых русских сил под командованием князя Багратиона, призванных прикрыть отступление основных частей русской армии), поражение под Аустерлицем, затем 1812 год — наступление Наполеона в России, Бородинский бой, оставление Москвы и пожар ее, партизанская война и бегство французской армии с территории России, затем 1820 год — время основания первых тайных обществ, имеющих целью нравственное оздоровление страны. Для героев романа, как и полагается в эпилоге, это период относительно бессобытийный, просто жизнь зрелых людей в счастливых семьях. Но жизнь людского сообщества не останавливается никогда, и потому эпилог вместе с тем есть открытие перспективы нового подъема истории, декабрьского восстания.

В семьях, у наиболее интеллектуально подвижных их членов накапливается энергия духовной деятельности, которая впоследствии обеспечит историческую динамику. Эти уходящие в историческую перспективу герои — Пьер Безухов, который на протяжении всего романа шел по пути духовных исканий, перестрадал и осознал все важнейшие события, подобрал опыт лиц авторитетных для него и погибших, Андрея Болконского и Платона Каратаева, приобщился к сути жизненности через любовь к Наташе Ростовской, и второй, мальчик-сирота Николенька Болконский, который сохраняет беспокойный интеллект умершего отца. Любя тех, кого любил его отец, он перенимает опыт и жизненную позицию

Пьера, и ему суждено принять участие в будущем восстании и погибнуть. Знаками его будущей судьбы завершается и повествовательная часть романа. Это упоминание о его тонкой шее — деталь, наделенная в контексте романа символическим смыслом. Как обычно у зрелого Т., деталь накапливает смысл постепенно, так что глубина символического значения может быть оценена лишь по возвращении от конца романа к первым упоминаниям детали. В последнем описании наружности князя Андрея перед смертью отмечена его слабая детская нежная шея. Сын князя Андрея — наследник его качеств, продолжатель его миссии на земле, должен, как и Андрей, принять безвременную смерть, но эта смерть будет жертвенной. В главе об оставлении Москвы многократно упоминается тонкая шея Верещагина, персонажа, которому суждено быть растерзанным толпой, жаждущей кровавой жертвы. Тонкая шея, деталь его наружности, провоцирующая толпу на убийство, становится символом его неизбежной смерти и, в конечном счете, в масштабах романа, символом жертвенной смерти. В самом конце романа описан пророческий сон Николеньки Болконского. Он видит себя с Пьером во главе войска, потом Пьер исчезает и он остается один перед лицом страшной опасности, вернее, смерти и соединяется с отцом.

Окончательное название романа в проекте договора с издателем Т. написал так: «Война и мир». Таким образом он учел различие между написанием «мир» — существование вне и помимо войны, и, вместе с тем, жизнь, гармоническое существование, весь мир, свет, — и словом «мір» — община людей, людское сообщество. В дальнейшем этот способ написания заглавия был оставлен, и разница вскоре, после реформы орфографии, вообще была забыта. По-видимому, Т. имел в виду и максимально широкое значение слова «мир» и описывал жизнь міра в мире. Истолкование слова «мір» в контексте литургической формулы «міром Господу помолимся» передано Толстым Наташе Ростовской: в одной из промежуточных редакций Наташа думает: «Міром значит наравне со всеми, со всем міром», в окончательном тексте: «Міром — все вместе, без различия сословий, без вражды, а соединенные братской любовью» (Зайденшнур 1983:54).

Мир не есть национальное целое, на протяжении романа в людское сообщество входят и французы — соединяющиеся с русскими в одно целое через посредство жалости, милосердия, через личный человеческий разговор, общий смех. Вхождение, возвращение, выход в мир — повторяющаяся сюжетная коллизия едва ли не важнейшая в романе. Маршал Даву, известный своей нечеловеческой жестокостью, поднимает взгляд на Пьера Безухова, смотрит ему в глаза и после этого не может уже дать распоряжение о казни Пьера. «В этом взгляде, помимо всех условий войны и суда, между этими людьми установились человеческие отношения. Оба они в эту минуту смутно перечувствовали бесчисленное количество вещей и поняли, что они оба дети человечества, что они братья» (т. IV. Ч. 1. Гл. X). Подобно этому многие лица в романе, замкнувшиеся в жестокости, или рутине, или враждебности, или лжи, или собственном горе, или даже в смерти, открываются вдруг для чувства, соединяющего их с другими. Рождение в солдатах и партизанах жалости к бегущим и погибающим французам есть — по Толстому — главный момент второй, победной части войны 1812 г.

Эти раскрытия-возрождения совершаются, как правило, прорывом, «вдруг», хотя возможность их иногда и накапливается постепенно. Одна из метафор этой основной коллизии, важная по важности героини, к которой она применима, — Наташе Ростовой, — распахивание двери. Первое появление Наташи, еще девочки: она, распахнув дверь, врывается в гостиную, где скучают взрослые гости. Завершает оформление метафорического смысла описание улыбки Наташи, означающей пробуждение новых сил жизни и самораскрытие навстречу Пьеру — «как отворяется заржавевшая дверь...» Но, как многие важнейшие темы и символические детали в романе, этот образ способен обернуться противоположным значением: в предсмертном сне князя Андрея медленно, насильственно открывающаяся дверь означает вхождение смерти.

Слово «мир» — ключевое для духовных исканий Пьера Безухова и меняющееся, расширяющееся для него в своих значениях. В т. II, ч. 2, в разговоре с Андреем Пьер определяет мир как огромное гармоническое целое,

вечное царство правды, «огромное бесчисленное количество существ, в которых проявляется Божество». Миром называется и та внутренняя свобода и счастье, которые обретает Пьер к концу романа, пройдя путь исканий и страданий.

Проследить эволюцию слова «мир» или вывести концепт из всех употреблений его невозможно. И это слово, и слово «война», и «Бог» и «свобода» и тому подобные изменчивы, текучи, поскольку живут, наполняются смыслом в высказываниях героев романа, обусловленных множеством факторов, или в словах автора-повествователя, не скрывающего своей взволнованной субъективности. Слово в «В. и м.» не диалогично (как у Достоевского, по Бахтину), но и не авторитарно, оно субъективно. В романе нет единой концепции войны. Война — зло и ложь перед лицом мирных интересов жизни. Война — хаос, когда солдаты под страшным огнем мечутся, выбирая между жизнью и смертью, война — свобода, открывающая непрерывно возможность этого основного человеческого выбора, война красива и безобразна, она возбуждает человеческие силы и дает возможность их высших проявлений, война несет оскорбление дому, земле, стране, высшим персональным ценностям, и старый князь Болконский умирает, не вынеся этого оскорбления, война — результат необъяснимых для человеческой мысли перемещений народов, война противостоит мировой гармонии — миру, и она же есть часть мира.

Сколь бы текучи и субъективны не были значения основных слов-тем в романе, они сохраняют одно определенное свойство — обозначая жизнь, они способны обернуться обозначением смерти. Так два полюса имеет понятие любви, одно из центральных в романе. Проходя путь жизни как переживания и понимания любви, князь Андрей приходит к знанию, что любить близких, любить женщину означает жить, но расширение любви, обнимание своей любовью все большего и, наконец, всего (или — что то же самое в земном смысле — ничего) означает приближение смерти и смерть как полное растворение в мире через любовь.

Повествовательные периоды чередуются в «В. и м.» с рассуждениями от первого лица. Автор не заботится ни

о создании иллюзии непрерывно развертывающихся событий, ни о равномерности повествования. С характерной для него смелостью он переходит от сцен с подробным диалогом частных персонажей, с мелкими, скрупулезно выписанными деталями к большим панорамам. Резкая постоянная смена планов становится здесь композиционным принципом, обуславливающим впечатление огромности масштабов и всеобъемлемости текста.

Композиция романа динамична, этот текст — не структура, а поток. В романе действуют две силы, дающие энергию движения. Во-первых, это самый ход событий, неуклонно идущих вперед. Где бы и как бы не прерывалась повествовательная линия, она рано или поздно возобновляется в прерванном месте. Продолжающиеся линии бесконечны, смерть персонажа не обрывает их, она имеет продолжение, рождая в других или новое понимание, или новую жизненную силу, или дрящущую скорбь как новое качество продолжающейся жизни.

Вторая сила, динамизирующая повествование, — неустанное стремление автора найти смысл во всем и вывести законы бытия, восстановить правду там, где она утрачена. Все описываемое вовлечено в деятельность этого страстного интеллекта, этот поток тоже не может остановиться. (Ср. полушутливые слова Толстого в письме к А.А. Толстой: «Мир погибнет, если я остановлюсь»). Условный конец стремлению положен во второй части эпилога, автор подводит итог своим постижениям, гораздо более бедный, чем знания и опыты, полученные и сформулированные на протяжении всего романа. Согласно заключению, причины событий не могут быть постигнуты в их полноте, число их уходит в бесконечность, события и поступки, имеющие бесконечный ряд причин, подчинены таким образом абсолютной непостижимой для человека необходимости. Свободная воля человека — факт человеческого сознания: человек сознает себя свободным, но живет в мире необходимости.

В романе только один герой владеет именно такой истиной — это Кутузов, мудрец старик, близко стоящий к смерти и умирающий сразу после окончания войны.

Единственная задача его как полководца в Отечественной войне, по определению Толстого и его собственным высказываниям, — понимать события в их необходимости и неизбежности и не мешать им идти своим чередом. Вместе с тем даже у этого персонажа, поскольку он описан в романе во множественности своих человеческих измерений, позиция гораздо сложнее, чем то, что формулируется. Получив известие об уходе французов из Москвы, он плачет слезами счастья. Эта сцена — один из апофеозов счастья в «Войне и мире». В ее освещении за позой пассивности, за фаталистическими мыслями Кутузова яснее видится его достаточно подробно описанная в романе деятельность — поступки, решения, интриги, усилия, ведущие войну к благополучному исходу. Но вместе с тем кутузовский апофеоз счастья имеет и религиозное содержание, это счастье человека, видящего, как совершается благой замысел Творца.

Свобода как возможность выбора между добром и злом в романе не существует. Лев Шестов отмечал, что «Война и мир» написан так, как будто не было первородного греха. Место зла здесь занимает ложь как искажение реальности, как создание псевдореальности, миражей. Герой лжи — Наполеон, ему лишь кажется, что он руководит народами, его власть — лишь видимость, он как ребенок, дергающий за игрушечные вожжи, приделанные внутри кареты. Все, что он говорит и делает, — ложь.

Внутренний императив героев реальности — желание добра. И про князя Андрея, и про царя Александра, и про других сказано, что они всегда хотели быть хорошими. В «В. и м.» Т. сохраняет убеждение, прежде наиболее явственно высказанное в «Казаках», что человек — часть благого Божества, то есть часть Вселенной. И подобно тому, как это испытал в «Казаках» Оленин, здесь некоторым героям дано испытать как сильнейшее переживание жизни чувство слияния со Вселенной. Это происходит с Пьером, когда он в плену созерцает ночное звездное небо, с Наташей, когда она ночью сидит на подоконнике и стремится полететь, с Петей Ростовым, когда он в ночь перед смертью слушает симфонию, музыку вселенной, с Андреем, когда он видит небо над Аустерлицем и когда он умирает. Эти сцены, разбросанные по разным томам

и частям, по содержанию и силе напряжения передаваемых чувств составляют единый ряд и обуславливают целостность романа.

Персонажи романа не суть социально-исторические типы, они изменчивы, по-человечески многообразны в своих реакциях на внешний мир. Но среди множества факторов, определяющих эти реакции, Т. учитывает и некоторые устойчивые, то, что в романе называется «породой», черты, проявляющиеся как общее свойство семьи, имеющие разную обусловленность, иногда вырабатываемые столетиями и сохраняющиеся целым родом. Герои романа — семейства. Древняя княжеская порода Болконских имеет своими составными в мужчинах независимость, чувство чести и потребность служения Отечеству, которые могут проявиться как надменность, чудачество и честолюбие, в женщине — в княжне Марье — скрытную аскетическую религиозность древних княгинь и княжен, хранительниц христианства. Но другой княжеский род — семья Курагиных — имеет одну родовую черту — развратность, лишь отчасти обусловленную социально-историческими причинами — придворным положением рода. Животный разврат Анатоля и Элен Курагиных есть проявление физиологического и интеллектуального вырождения рода, которое в третьем — Ипполите Курагине проявляется прямым идиотизмом. Пьер Безухов — сын роскошного вельможи, фаворита императрицы Екатерины. Оттуда, из XVIII века, от царского фаворита, и несметные богатства, и графский титул, и необузданность страстей, большой рост, толщина и физическая мощь. Ростовы — семья московская, далекая от двора и государственной службы, недревнего рода. Черты их породы — просто семейная черта искренности, дара интуиции и доброты.

Метод описания, принятый в романе, — тот же, что и в «Поликушке»: описание объекта в освещении любви. Демократически настроенные критики обвиняли Т. в том, что он слишком любовно и с особенным знанием дела описывает аристократический быт, балы. Но с неменьшей любовью и знанием он описывает, например, лиловую собачку на кривых ножках, сопровождавшую ту партию русских пленных, в которой был Пьер. Ее цвет,

ее многочисленные прозвища, манера визжать от радости, позиция хвоста при беге и движения всех четырех кривых лап описаны с несомненной любовью. Это не всегда любовь самого повествователя. В случае с собачкой описание ее заряжено чувствами Пьера, пережившего в плену кризис и поднявшегося к новому высшему и светлейшему, чем прежде, пониманию жизни. Это не указано прямо, но вытекает из последовательности описаний обстановки, которые постепенно набирают силу и торжественность и завершаются панорамой звездного неба и бесконечной дали и уже прямо данными словами Пьера: «И все это мое, и все это во мне, и все это я!» (гл. XIV). Подобным образом сцены охоты и завершающего охоту вечера в поместье дядюшки Ростовых даны в освещении возрастающей радости и восхищения Наташи Ростовской. Толстой не стремится смоделировать точку зрения Наташи или кого-либо еще, как это делал Пушкин и писатели-реалисты, то есть воссоздать картину так, как она могла быть увидена человеком с социально-исторической культурной и психологической позиции, свойственной данному герою — нет. Толстой описывает объект с эпическим размахом, полнотой и всезнанием, включая в описание детали, которые никак не могли быть видены и поняты его героем, но он заряжает свое описание чувством своего героя или своей собственной страстью, когда в поле действия не оказывается никого из наиболее одаренных способностью к переживанию жизни лиц. Это чрезвычайно условный и смелый метод, синтезирующий эпическое и лирическое начала. Это специальная лирическая проза, развитие традиции страстных описаний, принадлежащей в предшествующей русской литературе прежде всего Гоголю. Уже у Гоголя страстность описания не всегда авторская, иногда часть озаряющего вещи пламенного чувства заимствована и у героя. У Т. же вообще значительность героя, место его в романе обусловлено возможностями его зарядить описание своим переживанием жизни. В этом отношении главная героиня Наташа Ростова, одаренная особым даром интуитивно-инстинктивного понимания и силой переживания, озаряющая многие наиболее яркие, светлые описания романа.

Для Пьера и Андрея происходящее есть духовный опыт, новые возможности понимания жизни. Интенсивный интеллектуализм их восприятия заряжает описания всех существенных исторических событий и обстоятельств.

Толстому было трудно описывать что-либо без этого заряда силы жизневосприятия его главных любимых героев. Так, он жаловался, что не мог описать встречу двух императоров в Тильзите и заключение мира, пока не выяснилось, что туда можно отправить по полковым делам Николая Ростова.

В центре всей этой системы озаряющих мир главных героев как нулевая точка ее находится концептуальный персонаж, простой человек, встреченный Пьером в плену, Платон Каратаев. Это идеальная фигура, не состоявшаяся как герой романа, поскольку Толстой только говорит о нем как о носителе любви к миру, но не заимствует у него энергию для своих описаний. Каратаев воспринимается Пьером как существо круглое, он во всем завершен, ровен, внепроцессуален. Он проходит в романе стороной, смерть его не описана, она не увидена Пьером, поскольку Пьер не захотел смотреть. Встреча с Платоном становится для Пьера на поверхности опытом общения с идеально добрым и естественным человеком, в глубине же — опытом соприкосновения с вечностью и смертью.

Осенью 1869 года, когда шли последние корректуры «Войны и мира», Толстой пережил кризис, «арзамасский ужас». Находясь проездом в маленьком городе Арзамасе, он испытал неожиданный приступ невыносимо тяжелых, мрачных чувств. Много лет спустя в незаконченном сочинении «Записки сумасшедшего» (1884—1903) он подробно описал этот кризис, определив его как осознание смерти и осознание жизни в ее конечности — «умирающей жизни». Арзамасский кризис был отчасти следствием подвига «Войны и мира»: огромной отдачи творческой энергии и новой ступенью в осознании открывшихся перед Толстым тайн человеческой жизни.

После «арзамасского ужаса» Толстой несколько лет восстанавливал внутреннее равновесие. Как и 10 лет

назад, источники новой энергии он искал в сферах деятельности «естественного» сознания. Он выучил греческий язык и читал Гомера и других классиков, стремясь понять, на чем основывается всеми осознаваемая гармония человеческого существования в классической Греции. Одновременно ища и созидая, как он всегда делал, Толстой стал собирать и перерабатывать тексты для детей, составляя из них «Азбуку» (потом тексты он отделил от собственно азбуки и соединил в 4 «Русские книги для чтения»). Эти тексты призваны были обеспечить детям существование в согласии с природой и людьми и защиту души от сил хаоса. Они подбирались так, чтобы не перегрузить детский ум чем-либо, не имеющим морального или практического применения в самой простой жизни. К негодованию современников—педагогов Толстой, совершенно отвергнув естественнонаучные и исторические сведения, заполняет «Русские книги» баснями, нравоучительными рассказиками, сказками, легендами. Соединяя уроки, полученные от греческих классиков, от фольклора и от русских крестьянских детей в эпоху статьи «Кому у кого учиться писать...», Толстой вырабатывает стиль небывалой простоты и строгости. Для этой прозы характерны стилистическая нейтральность лексики и точность словоупотреблений, разрешение на повторы, отказ от описательности, в том числе от описания психологических состояний, непрерывное развитие действия, симметрия в соотношении эпизодов. Детские рассказы Толстого — «Кавказский пленник», «Три медведя», «Лев и собачка» и др. — образуют фундамент всей русской детской литературы и литературы для обучения русскому языку.

Однако интеллектуальное воздержание и стилистический аскетизм сокрушаются вскоре под напором главной толстовской страсти — стремления к истине, постигаемой через художественное творчество. Соблазн входит, прикрывшись видимостью стилистической простоты — через ритм и стиль прозаического отрывка Пушкина «Гости съезжались на дачу»: Под этой простотой прятались изощренность и сильный художественный импульс: маленьким отрывком открывалось широкое дыхание романа. Внутренний настрой Т., прошедшего через

испытание классической и фольклорной формой, совпал с гармониями зрелого Пушкина. Как и Пушкин, он в эти годы зрелости пришел к поклонению семейной идее и, вместе с тем, к углубленному пониманию персональности. В отрывке же задается коллизия романа — это душевные терзания женщины, взявшей на себя непоносимое двойное бремя — бремя противостояния общественным моральным нормам и бремя собственной мучительной страсти. Перечтя отрывок как бы случайно в 1873 г., Толстой приступает к работе над *«Анной Карениной»*.

Масштабы повествования сужены в новом романе по сравнению с *«Войной и миром»*. Здесь взяты для описания события семейной и внутренней жизни двух людей, между собой не связанных, — Анны Карениной и Константина Левина. Но сужение масштабов означает углубление в жизнь личности и, тем самым, выход к столь глубоким проблемам бытия, что рядом с ними тема жизни народа в истории кажется не крупной. Со времен *«В. и м.»* преобразились основы толстовского мироощущения. Любовь к миру и переживание счастья жизни становятся второстепенными среди описываемых им теперь чувств и теряют значение творческого стимула. Если в период *«В. и м.»* основным, Богом, было для Толстого начало добра и любви, то теперь это начало теряет ясность, возможно, и смысл вообще и глядит зевом смерти. В душе человека, где он прежде видел частицу Бога, добро, теперь он различает какие-то внутренние силы, связанные со смертью, злом. Теперь свой анализ он направляет не на проявление жизненности, а на изображение многосложного процесса, лишь отчасти зависящего от внешних обстоятельств, который постепенно преобразует всю психическую деятельность, перерождает самую суть личности. Если в *«В. и м.»* герои двигались по пути обретения самих себя, освобождения своей истинной доброй сущности от разного рода ложных наслоений и приходили в апофеозах к слиянию со вселенской любовью, то теперь путь героев теряет счастливую однонаправленность. В *«А.К.»* есть и светлый апофеоз — взаимное прощение и раскрытие навстречу друг другу Анны, Вронского и Каренина у постели тяжело больной

Анны в середине романа. Но это просветление, преображая героев, не защищает их ни от чего — всех троих ждет снова вражда, Каренина — возвращение к присущей ему душевной мертвенности и ложная пародийная религиозная жизнь, Анну и Вронского — разрушение страстью и в конце концов гибель. Анна приводится к ужасной смерти — самоубийству под колесами поезда, Вронский едет на войну искать смерти. Гибель этих героев — не уход, каким была смерть князя Андрея, а раздавливание жизнью как следствие жизни.

В «А.К.» в своем неизменном деле искания истины и постижения сути человека и жизни Толстой доходит до последних вопросов бытия — греха и смерти. Анна — одно из прекраснейших творений, средоточие жизни и света, ей дано пасть, совершить исконный грех прелюбодеяния. Она грешница и жертва греха. Почему грех выбрал ее? Где падение, а где естественное подчинение требованиям жизни, природы? Где, в какой момент совершается греховный выбор и совершается ли он вообще? Где источник греха — внутри ли человеческого существа или во внеположенных человеку силах? Грех неотличим от наказания, кара начинается едва ли не раньше, чем совершается падение. Где источник кары, не там ли, где источник греха? Внутри ли человека, во вне ли? Почему, за что, где смысл? В «А.К.» эти вопросы становятся вопрошаниями, которые обращает и во вне, и к себе сама героиня, создатель ее и читатель.

Вторая сюжетная линия романа образована описанием духовных поисков и терзаний другого героя — Левина (фамилия образована от имени Толстого Лев, которое произносилось им самим как «Лёв», то есть, правильное — Лёвин). Линии внешне почти не пересекаются, сосуществование их мотивировано внутренне. В Анне и Левине одинаковы силы и напряжение переживания жизни, одинаковы искренность, прямота и бесстрашие, с которыми они задают свои вопросы, обращенные к неназываемым основным началам бытия.

Толстой передает Левину весь свой опыт, обретаемый параллельно с писанием романа, кроме опыта творчества. Роман по времени действия почти не отстает от времени писания, он разворачивается, последовательно воспроиз-

вода меняющиеся идеи и настроения Толстого в 70-е годы, подсоединяя к ним опыты 60-х годов, заменяя автору дневник (дневника практически нет за период писания «А.К.»). Левин беспокойно ищет смысл человеческой жизни. Другие многочисленные персонажи романа, те, к кому Левин обращается за содействием в своих исканиях, — земские деятели, интеллектуалы-ученые, помещики, государственные чиновники, бонвиваны, — все умеют заслониться от страшных вопросов. Тому служат социальные институты, обычаи, формулы, позволяющие существовать и мыслить в безопасных рамках. Все это отвергается Толстым — Левиным.

В романе постоянный внутренний конфликт Толстого — несовместимость патриархальных идеалов и беспокойной деятельности разума — становится и темой, и противоречием самого романа. Идеал семейной жизни и сельского труда осуществлен Левиным, но тем сильнее чувствует он, увидевший и осознавший смерть, невыносимый ужас существования. Как Толстой в параллельный период, он прячет от себя веревку, чтобы не повеситься. Герой мысли идет к самоубийству так же, как и героиня страсти. В конце романа автор, он же — Левин, приходит к заключению о необходимости поставить предел собственному стремлению к сути бытия, поскольку это стремление противоестественно, разрушительно для жизни. По Левину конца романа и Толстому, пишущему конец романа, жизненный инстинкт требует, чтобы место мучительных исканий заняла простая полубессознательная вера, такая, какую имеют крестьяне, женщины.

Роман снижает для читателя тяжесть экзистенциальных вопросов, но не через слабые решения Левина, а через творческое могущество самого Толстого. Достигнувший в «А.К.» сверхъестественного мастерства, Толстой воспринимается как творец вселенной — этой своей другой действительности. И читатель в его лице находит реальный адресат для своих вопрошаний и упреков. В этом катартический эффект романа. Постоянная особенность рецепции романа во всех поколениях — негодование читателей на автора за жестокое обращение с героями. Так, например, молодой тогда еще философ Лев Шестов (позже вырастивший из творчества Толстого и Достоев-

ского русскую ветвь экзистенциализма) за убийство Анны и моральное разрушение Вронского обвинил Толстого в отвержении добра.

Эпиграф романа — стих из Второзакония (22:35) «Мне отмщение и аз воздам» — относится и к Творцу вселенной и, силой парадокса, который заложен в абсолютном реализме, — к самому автору. Т. чувствует ответственность за созданный мир и потому вскоре после завершения романа отвернется от него с ужасом и отвращением, как от «мерзости», будет пытаться уйти от художественного творчества и пересоздавать мир через новое религиозное учение.

То ли потому, что Толстой в период работы над «А.К.» принимал существование мистического начала, то ли в связи с тем, что он достиг совершенства творческих возможностей, но все детали, все элементы «А.К.» до такой степени взаимосвязаны и взаимообусловлены, что связи эти получают не только символический, но и даже мистический смысл.

Тема смерти и образ смерти возникают в начале романа: в момент первой встречи героини с ее будущим возлюбленным. На железной дороге приходит известие о гибели сторожа, раздавленного поездом. «Бросился!.. задавило!» — этим криком на станции, соединившим две разные версии гибели сторожа, символически обозначена неразличимость личного выбора и обреченности в судьбе героини. Страсть в самом своем начале соединяется со смертью. Смерть железнодорожного сторожа и встреча с Вронским сливаются в сознании героини и в композиции романа в единое предзнаменование. На обратном пути в вагоне Анна погружается в ощущения страсти, совпадающие с предстоящими ей предсмертными ощущениями. На промежуточной станции в метель Вронский и Анна встречаются возле вагона. Метель, железная дорога и кондуктор или кто-то, стучащий по железу, переходят в сны героев и становятся в романе символами основных начал, захватывающих и подчиняющих себе жизнь Анны.

Благодаря опыту краткой детской прозы, воздействию пушкинского импульса и в силу потребностей тем, — страсти, любви, смерти, — лирических по существу, Толстой в «Анне Карениной» перешел к совершенно

новым по отношению к «В. и м.» композиционным принципам. Вместо свободной эпической формы — лирического типа композиции с тонкой отделкой. Части как сопряженные, так и удаленные друг от друга связываются отношениями параллелизма, метафоричности, контрастной противопоставленности, общностью символов и пр. Параллель к истории любви Анны и Вронского — скачка Вронского на нежной, прелестной лошади Фру-Фру, которой Вронский небрежным случайным движением ломает хребет. Осуществление страсти описано посредством ужасной натуралистической метафоры — убийца терзает тело, лишенное им жизни. Метафора реализуется в конце: Вронский видит на станции распластанное на столе тело Анны.

Вся линия мучительной страсти Анны ненавязчиво соотносится с линией слабых и нежных, полудетских и простых переживаний Кити, соотнесено все, начиная от звучаний имени, глубокого — Анна и слабого — Кити, вплоть до платьев на балу в начале романа — черного бархата у Анны и розового тюля у Кити. Еще одна параллельная линия — тяжелая, но насыщенная смыслом и деятельностью жизнь многодетной Долли. Муж Долли и брат Анны Стива Облонский несет на себе родовые черты чувственности и жизнелюбия, и он грешит, но в отличие от Анны он ненаказуем.

Обычное орудие реализма — деталь — выступает в «А.К.» не столько как средство характеристики персонажа или обстоятельств, сколько как стимул для чувства и обозначение чувства. Выделенность детали мотивирована потребностью чувства: она вызывает его, усиливает, характеризует его и, вместе с тем, объективируясь, символизирует его. Так, знаменитая повторяющаяся деталь — оттопыренные уши Каренина — отмечается сознанием Анны в силу накапливающегося в ней отвращения к Каренину и становится символом мертвенности Каренина. Вспыхивающая и гаснущая свеча становится символом жизни и смерти Анны, поскольку в более ранней сцене тени, побежавшие от вспыхнувшей и погасшей свечи, вызвали в Анне сложную гамму чувств, готовивших ее к ужасному решению. Подобное использование детали и такая соотнесенность внешнего и внутреннего

характерны для современной «А.К.» лирики, для Тютчева и Фета. От них и от «А.К.» эти принципы наследуются Анненским и Ахматовой. Вообще «Анна Каренина» в отличие от «Войны и мира», образующего отдельную вселенную, принадлежит текстуальному континууму русской литературы. Она продолжает Пушкина, взаимодействует с Тютчевым и продолжается в лирике и лирической прозе XX века. «Доктор Живаго» Пастернака с его железнодорожной ездой, метелями, с его героями, совместившими и перемешавшими в себе функции толстовских персонажей, осуществляется вполне только в сосуществовании с «Анной Карениной».

Итак, Толстой—Левин почувствовал необходимость остановиться в своих поисках смысла жизни, Толстой—Левин захотел стать на почву простой народной веры, поняв, что вера и есть смысл жизни. Но здесь расходились пути Левина и Толстого. Толстой нес на себе ответственность за судьбу мира, а полубессознательная вера не могла быть проповедуема, и он преобразовал ее в рационалистическое религиозное учение.

Путь к вере и результат, достигнутый Толстым, были описаны в трактате «Исповедь» (1879—1882), кладущем начало писаниям нового типа, проповедническо-публицистическим. Первая половина трактата отчасти представляет собой конспект линии Левина из романа как описание движения к тупику, к полной невозможности жить из-за непонимания смысла жизни. Затем путь от сомнений перед иррациональностью веры через преодоление ее разумом к ясности, к мысли, что жизнь персональная получает смысл через соотнесенность с общей жизнью, а эта соотнесенность достигается через добро и любовь. Свой экзистенциальный ужас Толстой признал следствием своей плохой, эгоистической, греховной жизни и с тех пор жил, пытаясь исправить себя и других, как пророк и исповедник новой веры.

«Исповедь», как и последующие трактаты, написана Толстым в манере выработанной уже для авторских рассуждений в «Войне и мире». Господствующая здесь субъективная убеждающая интонация определяется прежде всего обилием разного типа повторов — словесных, синтаксических, в особенности — анафорами и пр. В сред-

ную часть трактата внесен, вместе с большой цитатой, торжественный ритм ветхозаветной книги Екклизиаста.

Основной момент в деле создания нового учения, оказавший определяющее воздействие на все позднее литературное творчество Толстого, — чтение Священного Писания, работа с евангельскими текстами, перевод и комментирование их. Толстой, как и всегда, отказывается здесь от коллективного опыта, читает Евангелие глазами первохристианина. Он отказывается от традиций интерпретации Евангелия, накопленных за века существования церкви, от всех средств приспособления Священного Писания к потребностям исторического бытия.

Настоящая цель человека для него, как и для первохристиан, только одна — спасение для вечной жизни, достигаемое внутренним преображением, выполнением заповедей, освобождением от мирского бремени. Раннехристианский эсхатологизм Толстой синтезирует с никогда не покидающими его просветительскими идеями. Вечная жизнь понимается как вечное бытие природы, человечества. Он отвергает в христианстве все, что не проверяется разумом: догматы, таинства, все учение о боговоплощении, о воскресении мертвых, веру в чудеса. По-прежнему, как в эпоху рассказа «Три смерти», он сближает в своих представлениях Бога с естественным природным началом: мужик для него ближе, чем все прочие к Богу и к спасению.

Публицистические трактаты Толстого, как ни мало он стремился к этому, непосредственно связаны с его художественным творчеством и сохраняют высокий художественный интерес. Во многих из них идеи и поучения организуются вокруг автобиографической линии — рассказа о том, как автор искал излагаемую нравственную истину. Эта нравственная автобиография наполнена событиями внутренней борьбы, как жизнеописания первохристиан, она включает падения и просветления, искушения покоем и благополучием, усыпляющие совесть и приливы совестливости, разрушающие возможность спокойного существования. Автор то поддается слабости, привычкам и отводит глаза от картин зла или от нравственных истин, погружается в удовольствия обеда за чистой скатертью с лакеями и восемью блюдами, то,

встрянув сон души, казнит себя, и терзает, и обращает свой взор на муки народа и на аскетический смысл евангельского учения. Гордость добродетели, тщеславие гонятся за автором и настигают в виде суетных мыслей в моменты благотворительности, отменяя смысл его добрых дел, и он казнит себя и за них.

Наиболее сильный из публицистических текстов Т. — трактат *«Так что же нам делать?»* (1882—1884). Это, кроме картин нищеты и убожества людей в низших слоях общества, беспрестанное самонаблюдение, обычное для всего толстовского творчества со времен юношеского дневника, но теперь сопровождаемое особенно сильным самобичеванием, изобличением своей мерзости и общей греховности своего класса.

Продолжение и высшее развитие этого направления трактатов и всей обличительной и самообличительной линии в творчестве Толстого — роман *«Воскресение»*. Он был закончен в декабре 1899 года и по общему ощущению и по существу соответствовал времени появления — окончанию века. Тональность романа задана эпитафиями из Евангелия — стихами, призывающими ко взаимному прощению и возбраняющими суд человека над человеком. Разрешение всего романного напряжения в самом конце — чтение героем Евангелия. Увидев на протяжении романа мир, лежащий во зле, он впервые ясно воспринимает смысл евангельских заповедей и приходит к осознанию, что только выполнением их может быть пресечен процесс нарастания зла.

Понятие «воскресения» поддается применительно к роману множественному истолкованию. Полемически по отношению к церковному вероучению Толстой понимает под воскресением только нравственное преобразование человека. Основной для конструкции романа момент воскресения-озарения дан в завязке сюжета. Князь Нехлюдов, сытый барин, является в суд, где он должен выполнить скучные формальные для него обязанности судебного заседателя. Вдруг он узнает в подсудимой горничную своих тетушек Катюшу Маслову, которую когда-то в юности он соблазнил и бросил. Теперь она, жалкая проститутка, судится за несовершенное ею убийство. Муки совести преобразуют его, он вступает в новый

для себя мир человеческого страдания, посещает тюрьмы, казенные учреждения, где хлопочет о пересмотре дела, сопровождает этап на каторгу. Сюжет исчерпывается, когда герой добивается помилования для Масловой и она прощается с ним, сняв с него обещание жениться на ней.

Под воскресением здесь может подразумеваться также и заключающее роман принятие героем Евангелия, и нравственное возрождение к концу романа героини, Катюши Масловой, которая после многих лет страдания и озлобления возвращается к добру благодаря любви к ней народника Симонсона. Но роман не есть описание нравственного пути героев. Как автор «В.», Толстой придерживался идеи о текучести человека, то есть неравенства человека самому себе в каждый данный момент, изменчивости его в зависимости от разнообразных сложных воздействий. Такого подхода требовала центральная для романа евангельская идея неподсудности человека человеку. Многие изображаемые Толстым заключенные, люди пусть и совершившие преступления, к моменту суда и наказания уже прошли через раскаяние, изменились, пережили просветление и подверглись наказанию будучи уже по сути невиновными. Знаменитый толстовский психологический анализ, исходивший из соотношения константных и меняющихся черт личности, здесь оказался не нужен. Центральный герой почти совсем лишен облика, он не меняется в своей целостности, а подобно евангельским персонажам испытывает мгновенные озарения под воздействием впечатлений извне.

Весь роман построен на приеме, излюбленном просветителями и уже не раз применявшемся Т., — все видится как бы впервые, вне привычек и условностей, и наново проверяется разумом и идеей добра. Почти с самого начала, еще не обратившись к Писанию, Нехлюдов видит мир в лучах совести, и противоестественность, безобразие общественно-государственного устройства обнажается перед ним. Чтение Евангелия в конце — только окончательное выражение, словесное воплощение тех истин, которые он чувствует уже в начале. Таким образом, «В.», которое по конструкции прежде всего кажется романом Просвещения, есть в действительности

роман толстовства, то есть передает тот синтез просветительства с Евангелием, который был осуществлен Толстым.

Роман представляет собой последовательность довольно равномерно сменяющихся эпизодов, наблюдений, характеристик, часто соотнесенных друг с другом по контрасту: душевный комфорт и мелкие обыденные интересы судей противопоставлены преступному содержанию суда, роскошный обед у генерала — камере, где задыхаются заключенные. Эпизоды содержат мало действия и сводятся в основном к портретам, делаемым с помощью нескольких сильных штрихов-деталей. Портретов множество, это и кроткие, невинно страдающие и вообще страдающие, независимо от вины, и те, кто ответственен за зло — люди государства, и революционеры, решившиеся пойти против государства. Они часто прекрасны, полны любви и самоотвержения, но жертвы их не несут добра, поскольку злом лишь умножается зло.

Из всего множества образов выделены в конце и возведены в ранг символических два — умирающий в озлоблении молодой, прекрасный человек, революционер, и другой, странный, оборванный старик, признаваемый сумасшедшим, который называет власть имущих «войском антихристовым» и повторяет в своей проповеди идеи эпитафия. Первый — символ неудавшегося служения, непринятой жертвы. Лицо его после смерти «страшно прекрасно», как лицо павшего ангела. Второй — крестьянский пророк, воплощение народа, знающего правду. Этот старик, возможно, соотнесен автором с самим собой, автопортрет, вписанный в общую картину русской жизни. Сложная тема «сумасшествия» как знания правды в мире безумцев и как невозможности примириться с жизнью (см. «Записки сумасшедшего») стала автобиографической для Толстого среди прочего и в связи с неосуществленным намерением властей изолировать его, признав психически больным. Главное в «Воскресении» — голос совести, правда, разоблачение зла.

Три года спустя Т. начинает рассказ *«Божеское и человеческое»*, законченный уже в эпоху революции 1905

года. Здесь воспроизведена заключительная ситуация «Воскресения»: юноша революционер и старик, ищущий истинную веру. Но теперь старик является только свидетелем, настоящий герой — революционер, перед казнью читающий Евангелие, проникнувшийся евангельской истиной, идущий на смерть с лицом светлого ангела. Жертва его принята, он — зерно, упавшее в землю. Здесь в отличие от «Воскресения» и в соответствии с народными рассказами Евангелие вводится в ткань текста, и центром всего становится евангельская истина.

Народные рассказы Толстого — особая довольно обширная литература, призванная вытеснить то, чем народ действительно пользовался для чтения и развлечения: авантюрные романы, скабрзные новеллы и пр. Все это Толстой считал не только вредным народу, но и чуждым ему и хотел создать произведения, и питающие народ, и соответствующие ему по духу. Он не стал стилизоваться под народный язык и не воспользовался фольклором, а нашел те звенья, которые были общими в народных текстах с евангельскими и — шире — библейскими, и на их основе создал свою прозу. Это некоторые библейские фигуры и интонации, например, параллелизмы или распространенный в Евангелии, в молитвенных текстах и в народных пословицах интонационный рисунок — фразы из двух (иногда трех) соразмерных или соотнесенных друг с другом частей с полукаденцией в середине. Например, «Где любовь, там и Бог» — название рассказа. Или прямое вхождение в действие, как в притче и сказке, лишённое деталей, описаний, которые могли бы конкретизировать время и пространство и тем самым сужали бы значение текста: «Жил в городе сапожник Мартын Авдеич» или «Приехала из города старшая сестра к младшей в деревню» — таковы вводные временные и пространственные определения в рассказах Т. Сюжеты и темы для рассказов Т. заимствовал в основном в Писании, в древних патериках, житиях, реже — в народных религиозных легендах. Высокие темы и легендарные мотивы сращиваются с картинами простой повседневной жизни: ангел работает подмастерьем у сапожника («Чем люди живы»), башкир Ильяс повторяет судьбу Иова — теряет богатства, но, в отличие от ветхозаветного патриарха, он не ропщет на

Бога, а радуется освобождению («Ильяс»). Собственно действие происходит в бытовой обстановке бедной деревни или в городских подвалах бедняков, где, по убеждению Т., люди наиболее доступны моральному просветлению и где сильнее всего присутствие Христа.

Роль этой своеобразной прозы в нравственном воспитании народа трудно определить, сторонники толстовского учения опирались на нее, как, впрочем, и на трактаты. Несомненно ее огромное воздействие на русскую литературу второй половины XIX века: через посредство рассказов Солженицына на все так называемое «деревенское» направление и от него, а также и непосредственно — на новейшую прозу, стремящуюся к синтезу бытового и религиозно-философского начал.

Толстой написал несколько пьес для постановки в народном театре. Среди них выделилась по своему значению и вошла в мировой театральный репертуар одна — «*Власть тьмы*». Как и большинство народных рассказов и трактатов Толстого, драму предваряет евангельский текст — здесь это заповедь о прелюбодеянии. Темы пьесы — нарастание зла: совершенный грех влечет за собою все новые грехи и преступления. Последовательность влекущихся друг за другом ужасных преступлений, совершаемых в крестьянской семье, создает сильное напряженное действие пьесы. Как в трагедии, напряжение разрешается катарсисом: в конце преступный мужик Никита приносит всенародное покаяние. Раскаяние Никиты имеет сложную мотивировку вовсе не моралистического свойства: животная натура Никиты постепенно изнемогает под грузом все новых преступлений, он чувствует все возрастающее томление и скуку, которые созревают в конце концов в непреодолимую жажду смерти. Смерть в последний момент заменяется покаянием. Таков путь греха, повторяющий в диком, зверском варианте путь, пройденный Анной Карениной.

Русская деревня здесь представлена натуралистически — в пьянстве, безверии, разврате. Толстой не щадит своей любви к простому народу и демонстрирует полную осведомленность о жестокой деревне конца века. Лишь персонажи второстепенные — смиренные свидетели темных событий в доме Никиты — пьяница-работник

и девочка Анюта выписаны в манере, напоминающей «Поликушку». В пьесу включен персонаж, соответствующий канонам народных рассказов, — отец Никиты, косноязычный бедняк, всегда помнящий о Христе. Но этот святой старичок почти не участвует в действии, поскольку его проповедничество мало совмещается с психологической сложностью в разработке прочих персонажей.

До конца жизни Т. оставался на высоте творческих возможностей, достигнутых в «Анне Карениной», и продолжал дело «Анны Карениной» — исследование посредством реалистического творчества сути жизни в ее соотношении со смертью. Хотя многое в поздних повестях согласовывалось с содержанием учения, но само по себе продолжение творчества свидетельствует о том, что для Т. учение не было исчерпывающим ответом на экзистенциальные вопросы. По-видимому, в своих исканиях истины он вообще не мог удовлетвориться констатацией идеи, даже священной для него, но должен был продолжать создание художественных образов, способных к саморазвитию.

Едва ли не единственный случай неудачи, то есть создания персонажей, которые не получают возможности для саморазвития по присущим им законам, а совершают действия по воле увлеченного своими идеями и настроениями автора, — «Крейцера соната» (1887–1889). Тема тягости семейного сосуществования, намеченная в «Анне Карениной», в описании идиллии Кити и Левина, получает здесь экстремальное развитие. Повесть достигла всемирной славы благодаря смелому подходу Толстого, уже получившего европейский авторитет, к общеинтересному вопросу брака и шокирующему разрешению этого вопроса. «Крейцера соната» построена как исповедь человека, убившего свою жену из ревности и от избытка накопившейся во время брака ненависти. Исповедь его — демонстрация и обоснование этой ненависти. Обоснование поступков и настроение убийцы при исповеди, произносимой много времени спустя после событий, довольно искусственно воспроизводит аффекты, предшествующие убийству и его за собой повлекшие. Над всеми художественными задачами здесь

возобладало собственное тогдашнее настроение Толстого, которому он дал непосредственно излиться в послесловии к повести — специальном трактате против любви и брака.

Совершенно другая смелая метаморфоза идей «Анны Карениной», свидетельствующая о внутренней свободе Толстого, произведена в пьесе «*Живой труп*» (1900). Персонажи здесь как бы заимствованы из романа. Главный герой Федя Протасов — это вариант Стивы Облонского, но еще более симпатичный, еще более слабый и грешный — пьющий, бросивший семью и проводящий жизнь в кутежах с цыганами. Добродетельная жена — вариант Долли — незаметно для себя полюбила своего старого друга, вполне добродетельного, но жестоко надлепленного фамилией Каренин. Чтобы освободиться от жены и не мешать ее счастью, Федя симулирует самоубийство. Потом, когда дело вскрывается и начинается судебный процесс по обвинению жены, он совершает реальное самоубийство. Оправдание Феде в пьесе этическое — в его смирении и доброте и эстетическое — в его любви к цыганке Маше и к цыганским песням. (Толстой презирует Стиву Облонского за любовь к француженке, воплощению искусственности, но Федя любит дочь «естественного» народа). Пение создает в пьесе общий фон задумчивости, капризной изменчивости свободного чувства. Главное оправдание Феде — в невозможности принять обыденную жизнь, в способности освободиться от нее, пусть уходом в кутеж или смерть.

Все лучшие произведения позднего периода, как и это, посвящены одной теме, персонально важнейшей для Толстого, — теме личного освобождения, ухода, преобразования, спасения от смерти как бессмыслицы.

«*Смерть Ивана Ильича*» (1882–1886) — единственное в своем роде в мировой литературе описание перехода от обыденной автоматизированной жизни к ощущениям постепенно нарастающей болезни, к переживанию предсмертного состояния и самого момента смерти. Повествование идет от изображения мертвого тела с внешней позиции людей, не желающих помнить о смерти, через несколько ироническое описание карьеры и семейной жизни Ивана Ильича — совершенно заурядных, и посте-

пенно все больше сосредоточивается на внутренней позиции Ивана Ильича. Все сходится для него в переживание боли и ощущение черного мешка, в который его запихивают. Внешняя жизнь, не совмещаясь с миром чувств умирающего, демонстрирует ему свою лживую сущность, он сам начинает осознавать ложность прожитой жизни, в эти мгновения незадолго до смерти все преобразуется внутри него — он видит свет в конце мешка, страх и смерть исчезают. Толстой знает, что это все почувствовал Иван Ильич перед смертью, но потому ли, что он отрекся от своей ложной жизни или потому, что гимназистик-сын, рыдая, поцеловал ему руку и он пожалел его, или таково вообще переживание агонии, не знает ни Иван Ильич, ни Толстой.

Подробное описание предсмертных часов дано еще и в повести «Хозяин и работник» (1894–1895), это смерть от замерзания, в метель, (род смерти, о котором Т. думал 40 лет назад, в эпоху «Метели»). Здесь нет черного мешка, страданий, вместо них — впечатления от белизны снега, дыхания лошади, предсмертные сны. Страх смерти оказывается страхом одиночества, и хозяин освобождается и от него, и от жизни, отогревая своим телом замерзающего работника. Он, хозяин, освобождается от интересов прежнего стяжательского существования, чувствует радость и умиление.

Освобождению, но не как предсмертному моменту, а как сознательному делу жизни, посвящены многие произведения Т. с житийными мотивами. Повесть «*Отец Сергей*», писавшаяся в 90-е годы, разрабатывает в патериковых формах тему, часто автобиографическую для Т.: борьбы с собой во имя освобождения от земной тщеты. Аристократ, князь, ушедший с монастырь побеждает похоть, отрубает себе палец, борясь с соблазном, но обольщается славой подвижника, целителя, погружается в грех тщеславия и оказывается беззащитен для похоти, он покидает монастырь и нищим странником уходит в Сибирь. Там он становится работником у богатого мужика, и на этом повесть обрывается, она не может быть закончена, поскольку пока отец Сергей жив, он остается доступен рефлексии и греху.

Не доступны греху, по Толстому, лишь бессознательные праведники, не знающие и не думающие о своей

праведности, не заботящиеся о спасении, какова смиренная Пашенька, над которой отец Сергей, еще будучи ребенком, издевался вместе с другими детьми. Таким образом Толстой в который раз за свою жизнь обрушивается с гонениями на беспокойное сознание и ищет освобождения от него. Вершинное достижение этого поиска — рассказ 1905 года «Алеша Горшок» о безгласном кротком человеке, который на все улыбается, молится только сердцем и умирает спокойно, лишь удивившись чему-то. Здесь связывается старая христианская традиция житийного прославления смиренных, кротких и юродивых и новое направление в литературе XX века, открывающее высокую человечность в убогих, лишенных разума.

Последняя большая художественная работа Толстого, повесть «Хаджи Мурат» (1896–1905) — это, по видимости, уход от мотивов и приемов позднего периода и обретение идеалов там, где он их искал в молодости, — в руссоистическом пространстве русской литературы, среди естественных людей Кавказа. Толстой забывает здесь даже и об Евангелии: герой его — мусульманин. Но Хаджи Мурат не совсем то «дитя природы», какими были герои руссоистических повестей. Толстой сравнил его с репеем, мощным одиноким сорняком, выросшим не там и не так, как другие цветы, а возле самой дороги, где его переезжает колесо. Хаджи Мурат не имеет гармонической среды, где бы шла правильная естественная и присущая ему жизнь. Вся благородная естественность, вся природная сила сосредоточена только в нем самом. Он перебегает от своего жестокого кровного врага Шамиля, вождя горцев, к русским, которые чужды ему своими дурными обычаями, от них он пытается бежать в горы, чтобы спасти семью от рук Шамиля, но русские догоняют его и убивают. Он не применяется к обстоятельствам, действия его противоречат житейскому здравому смыслу и не достигают цели, но они совершенно оправданы и восславлены в повести, поскольку естественны, импульсивны, вызваны абсолютной внутренней необходимостью. Он живет верным себе и умирает, сопротивляясь до последнего мгновения.

Вероятно, посредством этой повести Толстой искал внутреннего равновесия, цельности и для самого себя. Это прославление естественных порывов он создал в едва ли не самую мучительную эпоху своей жизни, когда конфликт его с семьей, средой, с самим собой достиг высшей степени. Он до конца верил в естественность, природность и силу своего нравственного инстинкта, чувства истины. И ждал, чтобы этот инстинкт, это чувство оказали свое последнее действие.

В начале 1910 года Толстой получил письмо от некоего студента, который уговаривал его вырваться, наконец, из пут ложной жизни, осуществить освобождение, многократно и с такой силой им самим описанное. Он отвечал студенту: «Сделать это можно и должно только тогда, когда это будет необходимо не для предполагаемых внешних целей, а для удовлетворения внутреннего требования духа, когда оставаться в прежнем положении станет так же нравственно невозможно, как физически невозможно не кашлять, когда нет дыхания. И к такому положению я близок и с каждым днем становлюсь ближе и ближе» (17 февраля 1910 г.).

Библиография

Толстой Л.Н. Полное собр. соч.: В 90-та т. М.; Л. 1938–1958. Указатели — М., 1964. (Юбилейное издание)

Толстой Л.Н. Полное собр. соч./Под общей редакцией В. Г. Чертова. При участии редакторского комитета в составе А. Л. Толстой, А. Е. Грузинского, Н. Н. Гусева, Н. К. Пиксанова, П. Н. Сакулина, Н. А. Цявловского, К. С. Шохор-Троцкого. Проспект. М.; Л. ГИЗ, 1929.

Библиография литературы о Толстом/Составители Н.Г. Шеляпина, А.М. Дрибинский, О.Е. Ершова и др. 1917–1958. М., 1960; 1959–1961. М., 1965; 1962–1967. М., 1972; 1968–1973. М., 1978; 1974–1978. М., 1990.

Egan, David R., Egan Melinda. Leo Tolstoy: An Annotated Bibliography of Engl. Lang. Sources. Metuchen (N.J.); London: Scarecrow press, 1979 (Scarecrow bibliographies n. 44).

Альтман М.С. Этюды о творчестве Толстого: 1//Толстовский сб. Тула, 1962. С. 29–46; 2//Толстовский сб. Тула, 1964. С. 65–79.

Берман Б.И. Сокровенный Толстой. М., 1992.

Булгаков Вал. Толстой — моралист. Прага, 1923.

Виноградов В.В. О языке Толстого//Литературное наследство. Т. 35–36. М., 1939. С. 117–220.

Галаган Г.Я. Л.Н. Толстой: Художественно-этические искания. Л., 1981.

- Гершензон М.О.* Мечта и мысль И.С. Тургенева. Л.Н. Толстой в 1855–1862 г. М., 1919 (Slavische Propyläen. Bd. 103. München, 1970).
- Гинзбург Л.* О литературном герое. Л., 1979.
- Гинзбург Л.* О психологической прозе. Л., 1971.
- Горностаев А.К.* Перед лицом смерти. <б. м.> 1928.
- Громов П.* О стиле Льва Толстого: «Диалектика души» в «Войне и мире». Л., 1977.
- Гудзий Н.К.* Лев Толстой. 3 изд. М., 1960.
- Еремина Л.И.* Рождение образа: О языке художественной прозы Льва Толстого. М., 1983.
- Зайденинур Э.Е.* Как создавалась первая редакция романа «Война и мир»//Литературное наследство. Т. 94. «Первая завершенная редакция романа «Война и мир»». М., 1983.
- Иоанн, архимандрит.* Толстой и Церковь. Берлин, 1939.
- Кузина Л.Н.* К новым способам психологического анализа//Роман Л.Н. Толстого «Воскресение»: Историко-функциональные исследования. М., 1991.
- Кузина Л., Тюнькин К.* «Воскресение» Л.Н. Толстого. М., 1978.
- Купреянова Е.Н.* Эстетика Л.Н. Толстого. М.; Л., 1966.
- Леонтьев К.* О романах гр. Л.Н.Толстого: Анализ, стиль и веяния: (Поэтически... люд). М., 1911.
- Лотман Ю.М.* Истоки толстовского направления в русской литературе 1830-х годов//Труды по русской и славянской филологии. Т. 5. 1962.
- Маймин Е.А.* Лев Толстой: Путь писателя. М., 1980.
- Маковицкий Д.П.* Яснополянские записки: У Толстого: 1904–1910//Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1–4 и указ. М. 1979–1981.
- Мережковский Д.С.* Толстой и Достоевский. СПб., 1902.
- Опульская Л.Д.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1886 по 1892 г. М., 1979.
- Опульский А.* Вокруг имени Льва Толстого. Сан-Франциско, 1981.
- О религии* Льва Толстого. М., 1912.
- Основин В.В.* Драматургия Л.Н. Толстого. М., 1982.
- Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» в русской критике. Л., 1989.
- Скафтымов А.П.* Нравственные искания русских писателей. М., 1972.
- Страхов Н.* Критические статьи о И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом: (1862–1885). 4 изд. Т. 1. Киев, 1901.
- Л.Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л., 1979.
- Шестов Л.* Добро в учении Льва Толстого и Ницше. СПб., 1900.
- Шестов Л.* На весах Иова: Странствования по душам. Париж, 1929.
- Шестов Л.* Откровения смерти: (последние произведения Л.Н. Толстого)//Современные записки (Париж). 1920. № 1. С. 81–106; № 2. С. 92–123.
- Шкловский В.* Материал и стиль в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». М., 1928.
- Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой. В 2-х т. М.; Л., 1928–1931.
- Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой: 70 годы. Л., 1960, (2 изд. 1974).
- Эйхенбаум Б.М.* Молодой Толстой. Берлин; Пг., 1922.
- Berlin I.* The Hedgehog and the Fox//Berlin I. Russian Thinkers. London, 1978. P. 22–50.

Stenbock-Fermor E. The Architecture of Anna Karenina: A History of its Writing, Structure and Message. Lisse, 1975.

Tolstoy oggi. A cura di S. Graciotti, V. Strada. Firenze, 1980.

Cahiers Léon Tolstoy 1. Anna Karénine. 2. Tolstoy philosophe et penseur religieuse. 3. Tolstoy et la mort. L'Institute d'études slaves. Paris, 1984–1986.

(Итальянский вариант статьи готовится для двухтомника: *Storia della civiltà letteraria russa*. ИТЕТ. Torino.)

Л. Грюэль-Апер
Ренн

Размышления переводчика

*(По поводу перевода некоторых произведений
русского фольклора и русской фольклористики
на французский язык)¹*

Переводчики редко пишут о своей переводческой деятельности. И это жаль, так как у них иногда накапливается немаловажный опыт по способам выражения той или другой мысли на разных языках. Являясь носителем французского языка и специалистом русского языка, я имею возможность говорить о проблемах перевода. Следуя своему опыту, буду говорить о переводе некоторых произведений русского фольклора и фольклористики на иностранный язык (на примере французского языка).

Но в начале желательно было бы определить положение в области обучения русскому языку во Франции: у нас с конца войны существует полный курс обучения русскому языку в гимназиях и госуниверситетах. Такое обучение готовит французских специалистов русского языка. Я из их числа. Конечно, как везде, обучение русскому языку находится под угрозой исчезновения, тем не менее оно пока еще держится, существует, и в этом, насколько мне известно, особенность французского гособучения, не существующая ни в одной другой западной стране. Благодаря этому переводы (я имею в виду письменные переводы с русского языка на французский) обычно качественно выше, чем на другие западные языки, в том числе и на английский. Это особое французское положение объясняет, почему у нас проблемы перевода ставятся острее, чем в других западных странах.

Я начну свое изложение с самых простых указаний между плохим и хорошим переводом. Разница может быть и в самом деле очень проста: в первом случае ничего не понимаешь, во втором — все понятно. Тогда первый перевод действительно очень плохого качества. Чаще всего, однако, случается, что в плохом переводе все понимается, но исковерканно, превратно. Значит, имеются налицо три уровня перевода: перевод-непонимание, перевод-предательство по итальянской формуле *traduttore — traditore*; перевод-понимание. Как можно ожидать, самый распространенный вариант — это второй, промежуточный. Именно на нем надо останавливаться, с ним надо бороться. Это нас приведет к спору Леви-Стросса с Проппом.

Если обратиться к определениям отца современной лингвистики, швейцарца Фердинанда де Соссюра (*Saussure* 1915), известно, что каждый из нас является носителем своего родного языка, и это означает, что мы интуитивно владеем грамматикой нашего родного языка. Мы способны сразу, непосредственно и безошибочно сказать, правильна ли какая-то предлагаемая фраза, неправильна, сомнительна и т. д. Мы не способны это определить с такой же безошибочностью в выученном языке. Следовательно, мы способны хорошо переводить лишь на наш родной язык. Только француз может перевести Чехова, Афанасьева, Проппа на французский язык. Только русский сможет перевести Шекспира, Леви-Стросса или Бальзака на русский язык. Этот основной закон, к сожалению, не всегда соблюдается, особенно в случаях перевода с русского языка на какой-либо западный язык. А причину этого нарушения надо видеть в том, что не хватает западных специалистов русского языка. Чаще всего, увы, переводят с русского на иностранный язык русские эмигранты: можно привести в качестве примера некоторые неудачные переводы на французский язык Зеленина, Соколова, Рыбакова. Они настолько неудачны, что ни один француз никогда их не читал, просто потому, что их читать невозможно. Эти переводы-призраки способны ввести в заблуждение только самих русских². Они явный пример «перевода-непонимания».

Итак, мы говорили о первом основном законе в толковании Соссюра. Поговорим о втором: на любом

языке одному слову соответствуют одновременно и его означающее и его означаемое (например: французское слово *table*, английское слово *table*, русское слово *стол* — означающие означаемого-предмета, который обычно находится передо мной, когда я пишу). Оказывается, что на каждом языке отношение между означающим и означаемым — условное, значит, оно может меняться. Если это действительно так внутри одного языка в связи с эпохой, средой и т. д., это намного нагляднее проявляется при переходе с одного языка на другой, через заимствование или перевод. Заимствующий язык (или язык перевода) часто придает заимствованному (переведенному) слову значение, не вполне соответствующее его первоначальному значению на исходном языке. Отсюда возникла так называемая теория «ложных друзей», о которой будет идти речь, и именно эти «ложные друзья» приводят к печальным, а иногда и смешным результатам.

Но в переводе множество всяких ловушек. Вот что еще может случиться: на индоевропейских языках (а ими являются и русский, и английский, и французский языки) одно слово/понятие может иметь очень близкие означающие (что естественно, раз они производимы от одного корня), но намного больше расходящиеся означаемые.

Приведем в качестве примера французское слово *la mer* и русское слово *море*. С точки зрения этимологии, происхождение обоих слов одинаково, значит, означающие очень близки. Что сказать об означаемых? Оказывается, что на языке фольклора они сильно расходятся.

Что тут произошло? Русский крестьянин XIX в. (а часто и XX в.) понятия не имеет о том, что мы, французы, называем *la mer*. Он совершенно не знает, что такое соленое водное пространство с морской фауной и флорой, и он называет морем любое водное пространство пресной воды, будь ли это озеро, разлив реки и т. д. В этих водных пространствах, в сказках как и в его окружении, обитает фауна пресной воды, щуки, раки, лягушки. Приведем одну русскую поговорку, которая гласит, употребляя слово *море*: «На то щука в море, чтобы карась не дремал!» (*Даль* 1994).

Но во французской природной среде (каждый школьник знает) щуки в море не водятся. Это звучит абсурдно.

И даже если в начале века были крестьяне центра Франции, которые никогда моря не видали, море как таковое никогда не является настолько отдаленным, чтобы каждый француз не знал разницы между морской фауной и фауной пресной воды. Как должен поступить переводчик, когда вдруг, в русской сказке, речь идет о «раках в синем море»? Поправить обязательно, но как? Не задумываясь долго, плохой переводчик сохранит слово *la mer* и заменит раков на крабов, для правдоподобия. Он получит «крабы в синем море». Таким образом совершается удивительное искажение и русской географической среды, и образа мышления русского крестьянина, для которого все то, что мы называем морскими плодами, — поганая еда, и это еще только в том случае, если он подозревает об их существовании! Хороший переводчик задаст себе вопрос о настоящем значении слова *la mer* и не переведет его механически словом *la mer*. Значит, он не останется в плену у тождественной этимологии французского и русского означающих. Он тогда переведет его несколько туманно как *le lac* (озеро), *l'eau*, *l'onde* (вода), и тогда без всякой натяжки возможно будет поместить туда шук. По такой же причине придется перевести выражения морской царь или Марья Моревна как *le tsar/le roi de l'onde* и *Marie de l'onde*.

Но если обратиться к этимологическим словарям (Фасмер 1986; Преображенский 1958), мы узнаем, что первоначальный смысл этого индоевропейского корня — болото, пруд. Значит, русское понимание слова — исконное, французское — производное. Тут ничего удивительного нет, если считать, что индоевропейские народы жили далеко от моря (то есть в географических условиях русских крестьян) и только намного позднее, после долгих странствований, вековых переселений, добрались до берега моря. Русское значение слова древнее французского. Такой вывод может служить добавочным доказательством того, что движение индоевропейских народов шло с востока на запад. Тут любопытно одно замечание: в ряде бретонских сказок из сборника Люзеля (*Lusel* 1887) речь часто идет о «bras de mer» (т. е. узкий морской залив), например, в сказке по сюжету «Чудесное бегство»

(АТ 313): убегая от злой чародейки, молодая героиня с мужем переправляется (написано «переезжает») через «un bras de mer». Считают, что этот сюжет (русский вариант «Морской царь и Василиса Премудрая») зародился в древней Индии (Афанасьев 1936:612; Delarue 1976)³, и очень вероятно, что в бретонской сказке когда-то использовалось здесь, как и в русской сказке, слово la mer/море. Но бретонские сказочники, осознав, насколько нелепо переезжать через настоящее море, поправили текст, употребив «un bras de mer» вместо «la mer» для правдоподобия. Тем не менее они сохранили исконное слово mer. Это наблюдение подтверждает то, что мы знаем о происхождении этих сказок у народов каких-то континентальных стран (краев).

Несмотря на все это, понятие о море, о «море-окияне», не должно быть окончательно исключено из перевода русских сказок. Действительно, среди мифологических воззрений славян существует и понятие о море, как беспредельном водном пространстве (в одинаковой мере пресной или соленой воды), которое окружает мир (Афанасьев 1994:120–130). Значит, в определенных случаях, когда это пространство находится на краю света, возможно или даже предпочтительнее сохранить и во французском языке слово la mer, например: «Приехал стрелец-молодец на край света и остановился у самого моря» (Афанасьев 1984:345).

Тем не менее такое толкование может рассматриваться как спорное. Говоря о космогонических представлениях первобытных и в основном живущих далеко от моря народов, Борис Рыбаков настойчиво пишет об окружающем мир реках Вселенной (Рыбаков 1994:69). Одним словом, в космогонических представлениях живущих на суше индоевропейцев если земля действительно окружена водным пространством, невозможно, а может быть и безразлично знать, соленая или нет эта вода. Вопрос остается без ответа, но мы видим, к каким мифологическим представлениям нас ведет изучение семантического поля индоевропейского корня море/la mer в сравнительном контексте русской и бретонской сказки: к подтверждению того, что индоевропейцы были народом, который мечтал об окружающем землю море. Как извест-

но, часть этого народа добралась до края света, остановилась у самого моря и обнаружила, что море соленое, что переехать через него нельзя и что щуки в нем не водятся...

Приведем другое слово, над которым переводчик фольклорных текстов и особенно русских сказок должен задумываться: это слово бог, которое нельзя перевести механически как Dieu, несмотря на обычное толкование словарей.

Здесь этимология нам не поможет. Бог не восходит к индоевропейскому корню *div*, который на русском языке встречается только в словах диво, дивный. Слово бог является древнеиндийским, а может быть, и иранским заимствованием. В древнеиндийском языке *bhaga* означает: счастье, доля, наделяющий (см.: Фасмер 1986; Преображенский 1958). Отсюда идут слова богатство, убогий. Итальянский ученый Е. Гаспарини (*Gasparini* 1962–1963:85–111) делает из этого вывод, что у языческих славян Бог был божеством благоденствия, процветания, чем-то вроде мужского воплощения римской богини Фортуны. И в самом деле, множество народных выражений со словом бог являются простым пожеланием судьбы, доли, пути: «иди с богом», «слава богу», «бог с тобой»... Их перевести, употребляя слово Dieu, часто неуместно, а иногда и прямо ошибочно. Если переводчику попадается выражение «счастлив твой бог», нелепость перевода слово в слово как «ton Dieu est heureux» сразу остановит его. Есть выход из такого положения: на французском языке существует немало выражений доброго пожелания, счастья, пути: «bon voyage», «bon chance», «être né sous une bonne étoile», и т. д. Только тогда, когда перед богом оказывается слово господь, тогда речь бесспорно идет о христианском божестве и Бог означает Dieu (и должен писаться с заглавной буквы).

Итак, для некоторых фольклорных ключевых слов (чаще всего имеющих мифологическое толкование) употребляемое в XIX в. означаемое в некоторых случаях соответствует этимологии (бог), а в других отклоняется от нее (море/la mer). Как бы то ни было, для таких древних слов учитывать этимологию необходимо.

Можно было бы остановиться на русском слове баня, которое, несмотря на тождественную этимологию, не может быть переведено французским словом *le bain*, а должно быть переведено французским словом *l'étuve*, этимологически близким к русскому слову изба (от *истба*, на немецком языке: *stuba*).

Итак, перевод фольклорного текста не является простым переводом. Он доступен только тому, кто не только хорошо владеет обоими языками, но и учитывает историю слов, географическую среду, условия жизни, быт, мышление и мифологические воззрения каждого народа.

Для древних слов расхождение между означающим и означаемым происходит постепенно внутри одного языка и чаще всего незаметно для самих носителей языка.

Дело обстоит иначе для современных слов, подвергающихся заимствованиям. Нам надо знать, сохраняет ли заимствованное слово, в том случае, если его означающее очень похоже на означающее заимствованного языка, один и тот же смысл (одно и то же означаемое), как и в заимствованном языке? Мы теперь обращаемся к спору Леви-Стросса с Проппом (*Levi-Strauss* 1960), (*Пропп* 1976б) и вообще к переводу работ по фольклористике. Иначе говоря: обладают ли одним и тем же смыслом на русском и на французском языках внешне очень похожие слова французское *fonction*/русское функция, французское *sujet*/русское сюжет, английское и французское *folklore*/русское фольклор? Теория о смещении смысла слов вследствие заимствований часто применялась в переводах с французского языка на английский и наоборот, в переводах с одного романского языка на другой и вообще с одного западного языка на другой. Но она еще совершенно не отработана или даже отсутствует в переводах с русского на иностранные языки. Надеются на случай, на авось, на смекалку умелого переводчика. Такое состояние дел не может, не должно продолжаться. Спор Леви-Стросса с Проппом доказывает это. Ибо, несмотря на враждебное отношение первого и раздраженную реакцию на это второго, можно с уверенностью утверждать, что если бы они под конкретным термином подразумевали одно и то же, взаимное непонимание не приняло бы таких размеров.

Приведу пример: французское слово *fonction*/английское *function*/русское функция. Что может быть яснее, на первый взгляд? Ан нет. Посмотрим более внимательно.

Слово *fonction/function* — латинское заимствование. Заимствование довольно старое для французского и английского языков, гораздо позднее — для русского языка (очень возможно, впрочем, что на русском языке слово функция — не латинское, а французское заимствование). Следовательно, сфера употребления русского термина уже. В русском языке от этого слова не образуются производные слова или, если образуются, то с очень узкой сферой употребления. Во французском же образуется и глагол *fonctionner*, и существительное *fonctionnaire*, и выражение *en fonction de* — все с самой широкой сферой употребления. Сам русский термин функция, хотя и имеет несколько разных смыслов, употребляется всегда как узко определенный, особый, специфический, чаще всего научный термин.

Пропп употребляет это слово в «Морфологии сказки» (Пропп 1969), уточнив раз (и только раз) свое понимание этого слова. Этим он не нарушает употребления и значения этого термина на русском языке, так как на русском языке применение его всегда означает, что вводится особый научный термин.

Ничего подобного ни во французском (ни в английском) языках. Французское слово *fonction* имеет так много разных и широких значений, что автор (или умелый переводчик) должен был бы несколько раз повторить его точное определение или напомнить о нем в таком выражении, как «функция в уже оговоренном смысле». А так как это не было сделано, то Леви-Стросс как носитель французского языка вправе был задать себе и читателю вопрос: что именно хочет сказать Пропп, так часто употребляя это немножко туманное слово. И — в англо/французском контексте⁴ — он был прав, недоумевая по поводу смысла этого слова и приводя примеры употребления его по отношению к слову дерево: в мышлении индейцев, пишет он, слива вводит функцию плодородия, а яблоня — функцию «соединения неба с

землей». Мы, конечно, здесь очень далеки от смысла, придаваемого слову функция Проппом!

Такое непонимание раздражало Проппа, и он, считая, что был исключительно ясным и недвусмысленным в своем изложении, приписывает непонимание Леви-Стросса какому-то враждебному намерению. Что же произошло? Спор двух выдающихся ученых поражает, возмущает и, со временем, просто забавляет читателя. Чтобы лучше проникнуть в суть дела, я введу новый научный термин: я назову семантическим полем одного слова совокупность всех смыслов и употреблений этого слова. Итак, Леви-Стросс и Пропп употребляют слово функция /fonction, каждый с семантическим полем, действующим на языке, носителем которого он является, и удивляется тому, что противник употребляет его с другим семантическим полем. Они и правы и неправы, и спор их вызвал бы лишь недоумение современного читателя, если бы он не дал возможности выявить одно из самых сильных препятствий в переводе современных текстов: я имею в виду смещения в значениях заимствованных слов, смещения, которые лежат в основе явления «ложных друзей».

Разумеется, сознательная цель Леви-Стросса не состояла в том, чтобы вступать в спор о значениях слов с Проппом. Он хотел показать на наглядном примере, чего не должен делать современный структуралист, т. е. приступать к формалистическим рассуждениям и исследованиям. К сожалению, он ошибался, ибо Пропп (и совокупность его работ доказывает это лучше, чем его негодующие выпады) не является формалистом: для него изучение формы не исключает, а, наоборот, подразумевает изучение содержания и даже является первым шагом в этом направлении.

Их спор, который когда-то казался принципиальным, является сегодня устаревшим. По-моему, перевод на французский язык других работ Проппа был единственным правильным ответом на нападки Леви-Стросса, который не был о них достаточно осведомлен (но и французская публика тоже их не знала).

Будучи переводчиком не только пропповских, но и других фольклористических работ, я бы хотела говорить

о некоторых других недоразумениях этого спора и вообще о некоторых недоразумениях или ошибках, которые допускают переводчики и сами авторы.

Приведем в пример выражение действующее лицо, употребляемое Проппом в «Морфологии сказки»: оно было правильно переведено в английском переводе с помощью латинского выражения *dramatis personnae* и неправильно во французском переводе словом *personnage*. Надо сразу заметить, что здесь Леви-Стросс не ошибся, так как, следуя английскому переводу, он употребляет соответствующее слово *protagoniste*, смысл которого уже, чем действующее лицо, но правильнее.

Итак, вопрос состоит в следующем: возможно ли перевести действующее лицо французским словом *personnage*? Да, можно, ибо в театральной пьесе русское действующее лицо соответствует французскому *personnage*. Семантические поля обоих слов частично совпадают. Но действующее лицо означает буквально лицо, которое действует. Точно так понимал это слово Пропп, который не имел в виду персонаж (с определенным характером, полом, историей и т. д.), но того, кто играет роль (героя, противника и т. д.). Так же, как и французское слово *fonction*, французское слово *personnage* имеет столь широкое расплывчатое семантическое поле, что оно покрывает одновременно семантические поля следующих русских слов: персонаж, действующее лицо, герой, человек, фигура, лицо, особа, деятель (*Gak, Triomphe* 1991).

А я считаю, что вдобавок французскому слову *personnage* еще соответствует русское слово образ. Н.В. Новиков написал книгу о сказках, названную им на русском языке: «Образы волшебной сказки» (*Новиков* 1976). Мне кажется, что необходимо перевести заглавие на французский язык словом *Les Personnages...*, так как, несмотря на очень разные значения русского слова образ (соответствующие французским словам: *figure, image, entité, thème, sujet...*), содержание его книги, как контекст, доказывает, что автор имеет в виду *Les personnages* во французском смысле этого слова (с характером и т. д.), а не только действующие лица.

Можно было бы говорить подробнее об этом русском слове образ с очень широким, расплывчатым полем и задать себе вопрос, например, о переводе на французский язык такого выражения у Проппа: «образ крылатого коня» (Пропп 1986). Как перевести здесь образ: *image*, *figure*, *thème*? Ни одно из этих слов не подходит. Возможно, не переводить его вообще, а заменять одним определенным артиклем...

Отсюда видно, что иные слова обладают очень широкими расплывчатыми семантическими полями и что, в случае перевода, необходимо их определить, ограничить, и не один раз.

Еще один пример: французское слово *sujet*. Древнее латинское заимствование, оно соответствует русским словам: подлежащее, субъект, сюжет, тема, повод и некоторым другим (Gak, *Triomphe* 1991). Когда русский фольклорист употребляет русское слово сюжет, он имеет в виду сюжет сказки (или песни), и только. Никакого недоразумения быть не может. Но если употребить французское слово *sujet* без строгого ограничения, очень быстро читатель увидит, что не знает, о чем идет речь. И Леви-Стросс, не понимая, почему Пропп так часто употребляет это слово, пытается определить его, употребляя вместо этого слово *thème*. Никакой недоброжелательности он тут не проявлял. Можно было бы привести и другие примеры.

Из этого всего явствует, что главное затруднение для переводчика состоит в расхождении между семантическими полями слов, которые внешне кажутся очень похожими друг на друга: у одного на одном языке очень широкое, расплывчатое семантическое поле, у другого на другом языке, наоборот, ограниченное и даже иногда сводящееся к нулю.

По этому поводу я обращусь к одному недавнему опыту: в ходе конференции о Проппе я крайне удивлялась тому, что не раз слышала такие неологизмы: констатировать, корреспондировать, идентифицироваться, реализовать, ориентироваться, имитировать, акцентироваться, консекутивный, этимологизироваться, структурироваться и даже деструктурироваться, презентировать, актуализировать и т. д. Все эти слова — латинские

заимствования из французского или английского языков. У них крайне ограниченное семантическое поле, это, собственно говоря, модный научный жаргон, которого Пропп и не употреблял. Он писал «отождествляться», а не «идентифицироваться» и т. д.

Для французского или английского переводчика такие слова не составляют, конечно, никакого затруднения. Приведем в пример глагол презентировать от французского *présenter*, английского *to present*. Французский глагол *présenter* имеет такое широкое, расплывчатое семантическое поле, что в словаре Гака и Триумфа даются около сорока русских глаголов, чтобы его перевести (среди которых: представить/представлять, предложить/предлагать, показать/показывать, предъявить/предъявлять, делать, выразить/выражать и т. д.; впрочем, о презентировать в этом словаре нет и речи). Английский глагол *to present* (так как сам является французским заимствованием) не имеет столь широкого семантического поля, но все-таки найдутся четыре-пять соответствующих русских глаголов, и среди них опять нет места для презентировать! В переводе с русского на французский или на английский языки этот глагол, конечно, переводится как *présenter/to present*; в обратном же переводе с французского на русский язык следует задать себе вопрос, в каких случаях употреблять этот неологизм и стоит ли вообще его употреблять.

Из всех этих неологизмов, которые, вероятно, быстро исчезнут из русского языка, так как у них нет своего, хотя узкого, но строго определенного семантического поля, один стал употребляться с совершенно особым, своим семантическим полем и, значит, стал уже совершенно независимым от своего иностранного источника: это глагол реализовать, который уже давно не отождествляется ни с французским *réaliser*, ни с английским *to realise*. Он переводится как: *réaliser, accomplir, mettre en oeuvre, vendre*. Этот глагол уже укоренился в русском языке и не исчезнет.

Как общее правило, при заимствовании одного слова заимствующий язык не только ограничивает, определяет, но часто перемещает значение слова. Это слово на исходном языке имеет очень широкое употребление, слово в

моде, и такой успех обуславливает заимствование. Попадая в другой язык, т. е. в другую лингвистическую систему, заимствованное слово подвергается силе воздействия, пытающейся его устранить, и оно сохраняется только при строгом ограничении своего смысла.

Приведу последний пример, который нас особенно интересует: слово *folklore* / фольклор. Это очень модное слово с различными меняющимися значениями, и если их строго не определить, то они могут привести к недоразумениям несколько иного порядка, причем тут могут оказаться виноватыми не столько переводчики, сколько сами авторы.

Слово *folklore* не является старым словом. У него даже есть автор, отец, англичанин William Thoms, который, создавая его в конце прошлого столетия, только частично подозревал о будущей славе своего новорожденного. Для него (и соответствуя этимологии слова *folk-lore*) слово означает совокупность умений народа. Итак, *folklore* — это совокупность обычаев, привычек, умений, а вместе с тем, но не в первую очередь, сказки и песни народа. Народ здесь понимается как народ (или простонародье) самого ученого, этнографа, фольклориста. Это и есть первоначальный смысл (означаемое) этого слова. Русские ученые заимствовали термин (означающее), и они вправе были это сделать, но они сузили его значение, причем не всегда сознавая этого. Фольклор в русском толковании означает «устное народное творчество»; для обычаев, быта и т. д. прибегают к слову этнография. Такое сужение смысла слова фольклор вполне допустимо, конечно, но только в том случае, если новое определение слова осознано и оговорено. Оказывается, что далеко не всегда ученые определяют значение термина. Приведу здесь в пример самого Проппа, который, беспрестанно употребляя слово фольклор, определяет его только в одной статье (*Пропп* 1976а:17–18), где, впрочем, он обвиняет западных ученых, которые-де не употребляют этого западного слова с русским значением!⁵

Но может случаться и другое: у иных авторов существует свое, не осознанное и не оговоренное определение слова фольклор. Например, французский фольклорист Nicole Belmont часто употребляет в русском значении

слово *folklore* (Belmont 1986), а мне кажется, что современные русские ученые все чаще употребляют его в западном значении — это, конечно, вполне допустимо, если бы авторы оговорили значение слова с самого начала. А они этого не делают. И переводчик или читатель должен угадать смысл слова, уже прочитав всю книгу. Переводчику еще повезет, если термин сохранит один и тот же смысл в течение всей книги.

Отсюда ясно, что работа переводчика не из легких. Сколько вопросов он должен себе задать! И тут я хочу выступить в защиту переводчика. Ставится вопрос: что в одном переводе зависит от самого переводчика и что от автора?

Давно уже, к счастью, отказались от машинного перевода, если не учитывать каких-то технических приемов или способов употребления. Тем не менее переводчик — лингвист, не специалист в какой-нибудь области. Разумеется, если он вдобавок специалист, то тем лучше, ибо он может с успехом провести всю эту кропотливую работу семантического расшифровывания, без которой нет хорошего перевода. Переводчик тогда достигает перевода-понимания, он выполняет свое призвание, служит настоящим посредником для специалистов, говорящих на разных языках. Его работа — творческая работа.

Но переводчик не обязан быть специалистом в какой-либо области. Он есть и должен быть только хорошим лингвистом. Ведь он не может быть специалистом во всех областях тех научных, технических текстов, которые ему приходится переводить.

В таком случае ответственность лежит и на самих специалистах, редакторах, издателях, которые должны направлять работу переводчика и хотя бы выбирать для перевода только носителя своего языка; она лежит и на авторах, которые должны (в особенности, если они считают, что их работа достойна перевода) проверять значение употребляемых ими терминов, их уточнять, когда это необходимо, и в течение всей работы придерживаться данного в начале определения.

В итоге улучшится уровень переводов русского языка на иностранные: если найдется побольше иностранных специалистов русского языка; если будет отработана тео-

рия «ложных друзей» в применении к переводам с русского на иностранные языки; если сами авторы будут требовательнее к собственным определениям⁶.

Примечания

¹ По материалам выступления на конференции о В. Я. Проппе в мае 1995 г. Лиз Грюэль-Апер является французским переводчиком двух книг В. Я. Проппа, одной книги Б. А. Рыбакова и около трехсот сказок из сборника Афанасьева.

² Как они ввели в обман К. В. Чистова, который ошибочно считает, что Зеленин был переведен на западные языки (Чистов 1984:6). Не могу судить о переводе на немецкий язык, но насчет французского повторяю, что перевод Зеленина 1952 г. — явный пример перевода-непонимания, так и не дошедшего до французской публики.

³ Автор пишет о «замечательном сходстве между бретонской (кельтской) и русской традицией».

⁴ Я пишу об «англо/французском контексте», и не только потому, что Леви-Стросс сперва читал статью на английском языке; исхожу из более широких соображений: ведь английский и французский языки имели и имеют в прошлом и в настоящем так много исторических связей, что научные французский и английский языки очень близки друг к другу, по крайней мере намного ближе, чем каждый из них к русскому научному языку.

⁵ В.Е. Гусев определил и историю значения этого слова (Гусев 1966). Я сама допустила ошибку, переведя «фольклор» как «folklore» в двух книгах Проппа: но ведь тот нигде, ни на одной странице не объяснял своего толкования этого слова. Своими переводами я, значит, способствовала неясности положения.

⁶ Не являясь носителем русского языка, я благодарю Софию Бродскую из Ренна и Галину Федорову из С.-Петербурга, которые помогли мне отредактировать русскую версию доклада.

Библиография

Афанасьев 1936 — Афанасьев А.Н. Народные русские сказки Афанасьева/Под ред. М.К. Азадовского. М., 1936.

Афанасьев 1984 — Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3-х т. М., 1984. Т. 1.

Афанасьев 1994 — Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х т. М., 1994. Т. 2.

Гусев 1966 — Гусев В.Е. Фольклор: (История термина и современные его значения)//Советская этнография. 1966. № 2. Март-апрель. С. 3—21.

Даль 1994 — Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка: В 4-х т./Под ред. Бодуэна де Куртенэ. М., 1994. Т. 4.

Новиков 1976 — Новиков Н.В. Образы волшебной сказки. Л., 1976.

Преображенный 1958 — Преображенный А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958.

Пропп 1969 — Пропп В.Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969.

Пропп 1976а — Пропп В.Я. Специфика фольклора//Пропп В.Я. Фольклор и действительность: Избр. статьи. М., 1976. С. 16–33.

Пропп 1976б — Пропп В.Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки//Пропп В.Я. Фольклор и действительность: Избр. статьи. М., 1976. С. 132–152.

Пропп 1986 — Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Л., 1986.

Рыбаков 1994 — Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. 2-е изд. М., 1994.

Соссюр 1933 — Соссюр Ф., де. Курс общей лингвистики. М., 1933.

Фасмер 1986 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т./Перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд. М., 1986.

Чистов 1984 — Чистов К.В. В.Я. Пропп — исследователь сказки//Пропп В.Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 3–22.

Belmont 1986 — Belmont N. Paroles paiennes, mythe et folklore. Paris, 1986.

Delarue 1976 — Delarue. Le Conte populaire français. Paris, 1976. I.

Gak, Triomphe 1991 — Gak V., Triomphe T. Dictionnaire français-russe. Paris, 1991.

Gasparini 1962–1963 — Gasparini E. El patriarcato slavo. Veritia. 1962–1963. II.

Lévi-Strauss 1960 — Lévi-Strauss. La Structure et la forme, reflexions sur un ouvrage de V. Propp «Cahiers de l'Institut de sciences économiques et appliquées, serie № 7. М., 1960.

Lusel 1887 — Lusel F.M. Contes populaires de Basse Bretagne. Paris, 1887.

Saussure 1915 — Saussure F., de. Cours de linguistique générale. Genève, 1915.

КОММЕНТАРИИ

Е.В. Анисимов
С.-Петербург

Кто показал Петру Великому место для основания Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург — один из немногих великих городов мира, которые имеют точную дату рождения. Многие нам известно из первоначальной истории города, хотя до сих пор продолжают споры о том, был ли Петр I при закладке крепости на Заячьем острове, когда Санкт-Петербург официально стал столицей России и т. д. Не менее интересен для истории города и вопрос, вынесенный в заголовок статьи. Получив ответ на него, каждый петербуржец будет знать наверняка, кого ругать в непогожие дни слякотной петербургской зимы, холодной весны, дождливого лета и промозглой осени. Если же говорить серьезно, то здесь есть научная проблема, и сохранились источники, которые позволяют ее рассмотреть. В Российском государственном историческом архиве хранится следующий документ:

«Грамота Государя Императора Петра Великого.

Санкт-Петербургскому толмачу Семену Иванову за его многия службы, что в прошлых годах был он во многих походах, в вояжах и толмачах, и указывал где быть корабельному строению и зданию для Санкт-Петербурга. А с истока реки Невы за указание корабельного хода, где ныне обретается Кроншлот, за проведение к Выборху морских военных судов, и за бытность при взятые в плен шведских шкун, за полное терпение и за уход ис полону, и за раны, иметь ему кобачок в Копорском уезде в Сосновой Рощи с пашнею, с лесы, с санными покосы, и со всеми угоды вечно; никому не продавать, и у него не покупать, и в заклад не принимать, а владеть потомственно, а питья на том кобачке пиво и мед держать, продавать свое, а вино брать ис Копорья, и за вино деньги отвозить по вся месяцы в Копорье, а корчбного вина не держать, опасая себя от каторги. На подлинном подписа-

но собственною Его величества рукою тако: Петр. Ноября 16 дня 1706 года»* (Петр I. Список 1816:109).

Источник этот находится в фонде Канцелярии императрицы Елизаветы Алексеевны, в составе переплетенного в книгу собрания прошений различных лиц, обратившихся к императрице в 1816 г. Книга состоит из примерно двухсот прошений (преимущественно — о вспомоществовании), подшитых в хронологическом порядке — по мере вынесения императрицей резолюций на просьбы. Интересующий нас источник является ПРИЛОЖЕНИЕМ к прошению статского советника П.А. Арбузова от сентября 1816 г. о вспомоществовании обедневшим потомкам Семена Иванова и представляет собой КОПИЮ (СПИСОК) документа, озаглавленного «Грамота Государя Императора Петра Великого». Из него следует, что в 1706 г. царь Петр пожаловал некоему Семену Иванову урочище в Копорском уезде под Петербургом. Кабачок, о котором идет речь в «Грамоте», — это тот самый Красный Кабачок на 6-й версте Петергофского тракта, который упоминается во всех описаниях переворота 1762 г. В документе указана и причина пожалования. Среди различных похвальных деяний С.Иванова значится, что именно он указал Петру Великому место основания Санкт-Петербурга. Факт этот для истории города выглядит сенсационным.

Между тем историкам известны еще два списка этого документа. Первый опубликован в 1885 г. в статье Г.В. Есипова «История „Красного Кабачка“» (Есипов 1885: 406—412). Вот его текст:

«С.-петербургскому толмачу Семену Иванову за его многия службы и что он в прошлых годах был во многих походах в вожаках и толмачах, и что указывал корабельному ходу где быть, где ныне обретается Кроншлот, и за бытие его в выборгском походе, при взятии неприятельских шкун, за полное терпение и за уход из плена, и за раны, владеть ему, вместо жалованья, Кабачком в Капорском уезде, у сосновой рощи, с пашнею и с санными покосами, и со всеми угодыми вечно и ему, Семену, не продавать, и у него не покупать, и в заклад никому не брать, и владеть потомственно, а питья на том кабачке пиво и мед держать, продавать свое, а вино и табак брать для продажи из Капорья, и за вино и табак деньги отвозить по вся месяцы в Капорье, а корчемного вина и табаку, oprичь государева, не держать. Также и своего вина и табаку, кроме государева, отнюдь не держать, опасая себя от каторги, и о сей запретительной продаже ныне же повсю-

* Приношу благодарность С. В. Казаковой за указание документа.

гу подтвердить. Петр. Ноября 16-го 1706 года» (Петр I. Список XVIII в).

Есипов не дает никаких архивных ссылок и не указывает, пользовался ли он подлинником или списком документа. Он отмечает лишь, что приведенный им документ — указ Петра I коменданту Санкт-Петербургской крепости. Содержание его стало известно Есипову из судебного дела о наследовании Красного Кабачка, которое было начато в 1775 г. и, благодаря явным злоупотреблениям властей, тянулось до 1792 г. По тексту статьи видно, что именно материалы этого дела стали основным ее источником, поэтому будет логично предположить, что Есипов использовал список документа, представленный в суд кем-то из тяжбщиков.

Но и этот список — не единственная копия «Грамоты» Петра I Семену Иванову. Еще один список документа был опубликован в «Русском архиве» в 1898 г.:

«Санкт-Петербуржскому толмачу Семену Иванову за его многия службы что в прошлых годах был он во многих походах, в жожах и толмачах, и указывал корабельному ходу где можно быть, где ныне обретается Кроншлот, и за бытие им в Выборгском походе, при взятии неприятельских Шведских шкун, владеть ему, вместо жалованья, кабачком в Копорском уезде, у сосновой рощи, с пашнею и с санными покосы и со всеми угоды вечно и ему, Семену, не прогавать, и у него не покупать, и в заклад не брать, а владеть потомственно. А питья на том кабачке пиво и мед держать, прогавать свое, а вино и табак брать из Копорья, и за вино и за табак деньги отвозить по вся месяцы в Копорье, а корчемного вина и табаку, oprичь государева, не держать, опасая себя от каторги. На подлинном подписано его величества рукою: Петр. Ноября 16 дня 1706 года» (Петр I. Список 1809).

Из конвоя публикации документа в «Русском архиве» следует, что копия царской грамоты была приложена к прошению внуков и внучек толмача С.Иванова о вспомоществовании, датированному мартом 1809 г. Прошение адресовано сенатору И.С.Ананьевскому — душеприказчику покойного богача и мецената графа Н.П.Шереметева. Прошение родственников Иванова заканчивается припиской: «А что все сии сродники мои в действительном разорении и питаются от моей недостаточной помощи, в том свидетельствую. Статский советник Петр Антонов сын Арбузов» (Петр I. Список 1809:442) Это тот самый Арбузов, который подписал прошение на имя императрицы Елизаветы Алексеевны в 1816 г.

Итак, перед нами три списка документа: два опубликованных — Список XVIII в. и Список 1809 г. — и один неопубли-

кованный — Список 1816 г. Сопоставим списки и отметим их различия. Различия этих двух видов: языковые и текстуальные. Список XVIII в., извлеченный Есиповым из судебного дела о Красном Кабачке 1775—1792 гг., написан более современным языком, чем Список 1809 г. и Список 1816 г. В Списке XVIII в. мы читаем: «в вожаках», «за бытье его», «с... покосами», «со всеми угодыями», а в Списках 1809 г. и 1816 г. те же слова воспроизводятся иначе, архаично: «в вожах», «за бытье им» (последнее — только в списке 1809 г., в списке 1816 г. — «за бытность при...»), «с ... покосы», «со всеми угоды». Думаю, что различия в языке, точнее — более современный язык Списка XVIII в., объясняются правкой, которая была сделана при его копировании. Для полубеллетристического жанра, в котором написана статья «История „Красного Кабачка“», это весьма характерно. Очевидно, или сам Есипов, или редактор «Исторического вестника» «осовременил» Список XVIII в., изменив архаичные окончания и согласования падежей на общепринятые в 1885 г. Допущены при копировании, по-видимому, и случайные неточности: так, в начале текста Списка XVIII в. местоимение «он» стоит в другом месте, нежели в Списках 1809 и 1816 гг.

Рассмотрим текстуальные различия Списков. Наиболее важные из них по всем трем Спискам относятся к первой части документа, где аргументируется награждение Семена Иванова. В Списке XVIII в. мы читаем: «...указывал корабельному ходу где быть, где ныне обретается Кроншлот, и за бытье его в Выборгском походе при взятии неприятельских шкун, за полонное терпение, и за уход из плена, и за раны...» (По аналогии с приведенными выше языковыми разночтениями думаю, что Г.В. Есипов осовременил слово «полон», заменив его более подходящим по контексту словом «плен»). В Списке 1809 г. в целом повторяется та же аргументация (прибавилось лишь слово «можно»: «...указывал корабельному ходу где МОЖНО быть»), но в отличие от Списка XVIII в. отсутствуют слова: «за полонное терпение, и за уход из плена, и за раны». Получается, на первый взгляд, странная ситуация: подавая в 1809 г. прошение на имя сенатора Ананьевского, потомки Иванова и Арбузов в тексте приложенной копии царской грамоты опускают весьма важный с точки зрения просителей факт страданий и заслуг предка (плен, побег, раны). Это может означать только одно: при составлении в 1809 г. прошения на имя Ананьевского ни сами просители, ни их ходатай П.А. Арбузов не располагали Списком XVIII в. Следовательно, в их распоряжении был какой-то другой список, в котором не упоминалось о «полонном терпении», побеге и ранах С. Иванова. Он нам не известен, назовем его Списком Н.

Есть основания полагать, что этот Список Н. лежал не только в основе Списка 1809 г., но и в основе Списка XVIII в. Это хорошо видно при сопоставлении Списка 1809 г. со Списком XVIII в., если пренебречь языковой редактурой 1885 г. Сходство станет еще более явным, если из Списка XVIII в. исключить слова: «за полонное терпение и за уход из плена, и за раны» и часть последней фразы: «Также и своего вина и табаку, опричь государева, отнюдь не держать... и о сей запретительной продаже ныне же повсюду подтвердить».

Думаю, что при составлении между 1775 и 1792 гг. челобитной в суд ее авторы, готовя копию петровской грамоты, так изменили имевшийся у них Список Н.: 1) добавили в него фразу «о полонном терпении», побеге и ранах; 2) отредактировали последнее предложение, выбросив из него малозначащие во второй половине XVIII в. подробности, кроме слов «опасая себя от каторги». Кроме того, челобитчики включили в текст документа весьма важное в тот момент дополнение: «и в заклад НИКОМУ не брать». Выделенного слова в Списке Н. (если судить по Списку 1809 г.), по-видимому, не было. Появилось оно не случайно. Дело в том, что сам процесс о Красном Кабачке начался с того, что внучка С. Иванова, Прасковья Локтева, заложила дедово владение без ведома других наследников. Обсуждение ее права на этот заклад и стало с 1775 г. предметом длительного судебного разбирательства, причем в 1792 г. суд склонился к признанию исключительного права Прасковьи Локтевой, как прямого потомка, распоряжаться владением деда (Есипов 1885: 408—412). Наследникам-челобитчикам формула Списка Н. «и в заклад не брать», очевидно, показалась недостаточно убедительной, и они ее усилили словом «никому». Поэтому можно предположить, что Список XVIII в. возник не ранее 1792 г., а Список Н. существовал ранее 1792 г. Он-то, видимо, и попал в руки Арбузова при составлении в 1809 г. прошения на имя сенатора Ананьевского.

Самая пространная аргументация награждения Семена Иванова содержится в Списке 1816 г.: «...указывал где быть корабельному строению и зданию для Санкт-Петербурга. А с истока реки Невы за указание корабельного хода, где ныне обретается Кроншлот, за проведение к Выборху морских военных судов, и за бытность при взятые в плен шведских шкун, за полонное терпение и за уход ис полону, и за раны...» Появление в Списке 1816 г. упоминания о плене и ранах Семена Иванова можно объяснить только тем, что между 1809 г. и 1816 г. П.А. Арбузов получил доступ к Списку XVIII в. Это была скорее всего копия со Списка — вотчинные дела подде-

жали вечному хранению, и Список XVIII в. находился в деле во всяком случае до времен Есипова. То, что Арбузов был знаком с делом наследников Иванова, видно из его прошения 1816 г., в котором говорится о начале судебного разбирательства в 1775 г. и упоминается действительно существовавший указ Елизаветы Петровны, которая возвратила старшей дочери С. Иванова Дарье Красный Кабачок, отобранный в 1730-х гг. генерал-полицмейстером Петербурга В.Ф. Салтыковым (*Петр I. Список XVIII в.*). Получить эти сведения (кстати, не упоминавшиеся в прошении 1809 г.) не из судебного дела было бы затруднительно.

Располагая Списком XVIII в., Арбузов, отбросив Список Н., который был взят им ранее в основу Списка 1809 г., составил новый документ, известный нам как Список 1816 г. Представим себе, как «работал» статский советник. Он исключил из Списка XVIII в. совершенно «лишнее» упоминание о монополии государства на табак (это, кстати, не было сделано при подготовке Списка 1809 г.). Затем в перечень владений Семена Иванова Арбузов внес отсутствовавшее в Списках XVIII в. и 1809 г. упоминание о лесах (ср. тексты). Кроме того, он сократил (как и в Списке 1809 г.) традиционную для грамот XVIII в. заключительную формулу предупреждения о недопустимости нарушения государственных монополий и исключил уточнение: «вместо жалованья». Фраза о закладе по каким-то причинам также была изменена и стала звучать так: «...и в заклад не принимать».

Но интереснее всего проследить, как трансформировалась в Списке 1816 г. аргументация награждения Семена Иванова. Упоминание о том, что он указал «корабельный ход» к Кроншлоту дополняется: «с истока реки Невы»; вместо слов о «бытье» Иванова в Выборгском походе появляются слова: «за проведение к Выборху морских военных судов». Самое же главное то, что в Списке 1816 г. возникла новая аргументация: кабачок со всеми угодьями был пожалован Иванову за то, что он «указывал, где быть корабельному строению и зданию для Санкт-Петербурга». В этом разрастании заслуг С.Иванова есть своя логика: если уж «вож» был столь опытен и сведущ, что указал весь фарватер Невы и Финского залива от Ладоги до Выборга, то почему бы ему попутно не указать царю и остров, на котором удобнее всего расположить новую крепость, а также место для Адмиралтейства? Однако ни в опубликованных Списках, ни в других документах эти факты в связи (равно как и без связи) с именем Семена Иванова не упоминаются.

Сопоставляя Списки, можно найти то место в Списке XVIII в., куда внесена вставка Арбузова (вставка и граммати-

ческое согласование выделены), чтобы получить Список 1816 г.: «...и указывал где быть корабельному СТРОЕНИЮ И ЗДАНИЮ ДЛЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. А С ИСТОКА НЕВЫ ЗА УКАЗАНИЕ КОРАБЕЛЬНОГО хоДА, где ныне обретается Кроншлот, ЗА ПРОВЕДЕНИЕ К ВЫБОРХУ МОРСКИХ ВОЕННЫХ СУДОВ...»

Чтобы эта новая, принципиально важная по расчетам просителя аргументация была сразу же замечена императрицей или ее чиновниками, Арбузов в первых строках прошения это особо выделил: «Всемиловнейшая государыня! Несчастное состояние стесняет из семейства моего ближних родственников, оставшихся после мужей двух вдов с четырьмя девицами от того, что сильныя люди отняли в 1775 году дачу на Петергофской дороге на шестой версте, пожалованную Государем Императором Петром Великим прадеду за многия службы и за указание местоположения, на котором создан Санкт-Петербург». Именно так он перевел для императрицы на современный язык фразу «указывал где быть ... зданию для Санкт-Петербурга» (*Петр I. Список XVIII в.*: 108). При этом другие подвиги Иванова в прошении Арбузова не упоминаются.

Прощение, подписанное рукой Арбузова, и приложенная к нему «Грамота» Петра написаны двумя писарскими почерками на двух разных листах белой писчей бумаги. Подпись Арбузова подлинная. Листы разнятся по качеству и оттенку: лист «Грамоты» плотнее, тоньше, светлее, чем лист прошения Арбузова. Кроме того, лист прошения имеет вержирование, чего нет на листе «Грамоты». Оба листа бумаги сохранили водяные знаки одной и той же угличской бумажной фабрики Лаврентия Попова. Известны образцы подобной бумаги, датированные 1800 и 1823 гг., что позволяет датировать бумагу прошения Арбузова и «Грамоты» временем их написания (*Uchastkina* 1962: 204, 207).

Список 1816 г. имеет заголовок «Грамота Государя Императора Петра Великого», который не встречается в других Списках и, конечно, не мог быть на подлинной грамоте — императором и «Великим» Петр стал в 1721 г. Кроме того, жалованные грамоты начала XVIII в. такими заголовками никогда не оформлялись. Копия никем не заверена, хотя делопроизводство тех времен, как и более ранних, предполагало фиксацию в государственном учреждении верности копии подлинному документу, особенно если шла речь об установлении личности или имущественных прав. Подобные нотариальные подтверждения, даже с приложением печати администратора, нередко выполнявшего обязанности тогдашнего нотариуса, сохранились в той же самой книге прошений,

в которой находится и Список 1816 г. (*Петр I*. Список 1816: 7, 57об.).

Примечательно, что и челобитная Арбузова, и «Грамота» Петра I (Список 1816 г.) написаны хотя и разными почерками, но более характерными не для писарей первых десятилетий XIX в., а для копиистов XVIII в. (своеобразный канцелярский полуустав). Оба почерка — как прошения, так и «Грамоты» — принадлежат профессионалам-канцеляристам, текст написан ясно, ровно, уверенно, без поправок, клякс и помарок. Возможно, эту работу выполнял, по просьбе Арбузова, кто-то из отставных доверенных копиистов, его старых знакомых или подчиненных. На «Грамоте» (то есть на Списке 1816 г.) отчетливо видна правка рукой Арбузова: он дописал последнюю фразу текста: «опасая себя от каторги». По-видимому, тот копиист, который делал для него копию — Список 1816 г., — не смог прочитать этой фразы по тому черновику (или списку?), который представил ему Арбузов, и последнему пришлось дописывать неразборчивые слова самому.

Есть много фактов и соображений, которые, помимо текстологического и палеографического анализа, позволяют усомниться в подлинности сенсационной «Грамоты». Вначале рассмотрим те, которые связаны с «творческой историей» Списка 1816 г. Как уже говорилось, наследники Иванова не раз пытались добиться пересмотра дела, на последнем этапе ходатаем за них выступил статский советник П.А. Арбузов. Из его прошения 1816 г. следует, что к тому времени он уже находился в отставке, то есть был достаточно опытным в канцелярских делах человеком. Дело о возвращении наследникам Красного Кабачка было безвозвратно проиграно еще в XVIII в. Как сообщает Г.В. Есипов, Павел I, ознакомившись в 1798 г. с очередным прошением наследников Иванова, отказал им и при этом запретил принимать от них новые челобитные.

И в прошении 1809 г., и в прошении 1816 г. уже не поднимается вопрос о возвращении Красного Кабачка. Оба раза Арбузов пытается получить для наследников Иванова хотя бы какие-то деньги в качестве материальной и моральной компенсации. Расчет строится на том, что меценат — по доброте и из чувства патриотизма — не оставит в беде наследников замечательного человека. В прошении 1809 г. сказано: «Мы узнали о редком душевспасительном завещании покойного его сиятельства графа Николая Петровича для бедствующаго человечества. Время пожалования сей дачи предку нашему, уповаем мы, что могло случиться по представительству тогда вернаго государю фельдмаршала графа Бориса Петровича (Шереметева. — Е.А.)» (*Петр I*, Список 1809:

442). В прошении же 1816 г. внимание императрицы обращено как уже сказано выше, на тот факт, что предок показал Петру Великому место основания Петербурга. Проситель явно стремился использовать тот патриотический подъем, который испытывало тогдашнее русское общество, пережившее Отечественную войну 1812 г., когда были в большой цене имена героических «русских Сцеволл»-простолюдинов, вроде мифического Ивана Сусанина или вполне реальных Герасима Курина и Василисы Кожиной. А тут скромный толмач и вож с простой русской фамилией Иванов показал великому царю, где нужно строить столицу величайшей империи!

Вероятно, Арбузов рассчитывал, что императрица и ее окружение это обстоятельство учтут, как и довольно глухую ссылку на то, что предшественница и тезка Елизаветы Алексеевны императрица Елизавета Петровна наследников С. Иванова, как пишет Арбузов, «наградить соизволила высочайшими щедротами».

Итак, приходится констатировать, что Список 1816 г. — это фальсификация, совершенная с вполне определенными, далеко не бескорыстными целями. Нет сомнений, что Арбузов действовал в интересах собственной выгоды. В прошении 1809 г. он отмечал, что потомки Иванова — его «сродники... питаются от моей недостаточной помощи (*Петр I*. Список 1809). Та же тема развита и в прошении 1816 г.: Арбузов жалуется на собственное тяжелое материальное положение, которое не позволяет ему, как прежде, содержать наследников знаменитого Иванова («Будучи без жалованья, без имения, в наемной квартире, не возмогу дать благопристойного воспитания двум дочерям, потому и бедных моих родственниц принужден оставить в пущей горести») (*Петр I*. Список 1816: 108). Здесь используется довольно распространенный для опытного жалобщика прием: проситель (Арбузов) стремится возложить моральную ответственность за будущее тех, о ком он просит, на адресата прошения (императрицу). В случае благоприятного ответа он рассчитывает получить выгоду и для себя на правах старого опекуна потомков знаменитого человека. Арбузов шел проторенным путем — бóльшую часть прошения 1816 г. императрица удовлетворила, дав указание выплатить просителям небольшую сумму денег.

Но расчет Арбузова явно не удался — в верхней части его прошения рукой канцеляриста Дворцовой канцелярии Елизаветы Алексеевны сделана приписка: «Высочайшего соизволения не последовало. 25 Сентября 1816» (*Петр I*. Список 1816: 108). Это тоже служит еще одним косвенным дополнительным свидетельством недостоверности копии «Грамоты».

Именно сомнения в ее подлинности могли стать причиной такой нейтрально-негативной реакции: ведь приписка свидетельствует, что императрица ознакомилась с прошением Арбузова и оставила его без резолюции, как не заслуживающее внимания.

Теперь остановимся на содержательной части «Грамоты» Петра. Самый важный вопрос таков: существовал ли вообще на свете «санкт-петербургский толмач Семен Иванов»? Толмач являлся, как известно, одной из важнейших категорий служащих Посольского приказа (впоследствии — Посольской канцелярии). Толмач — это не переводчик, который готовил письменные переводы документов, толмач делал лишь то, что сейчас принято называть устным синхронным переводом. В материалах внешнеполитического ведомства трижды упоминается некий Семен Иванов. В списках служащих Посольского приказа за 1689 г. встречается толмач «с калмыцкого» Семен Иванов, что нам явно не подходит. За 1692 г. упомянут в составе Посольского приказа «старый подьячий Семен Иванов» (Белокуров 1906: 165, 167). При пожаловании царской грамоты понизить человека из «старых подьячих» в «толмачи» никак не могли. Так что и этот Семен Иванов нам тоже не подходит. Наконец, известен «подьячий Семен Иванов» в составе посольства России в Пруссии в 1718 г. с окладом 200 рублей в год (РГАДА. Ф. 248. Кн. 48. Л.95). Можно предположить, что за 12 лет он сделал карьеру, получил высокий оклад и служил в Пруссии, куда и посылали подьячих Коллегии иностранных дел, знающих немецкий язык. Но все-таки сомнительно, чтобы это был нужный нам Семен Иванов. Есипов, знакомый с судебным делом наследников Иванова, не упоминает совсем о его служебных успехах, видя в нем лишь скромного владельца Красного Кабачка, умершего до 1725 г.

Воспроизвожу тот фрагмент статьи Г.В.Есипова, где речь идет о биографии С. Иванова (ссылки на архивные материалы, как я уже говорил, Есипов не делает): «В 1703 году, когда наши войска, с Петром Великим во главе, на берегах Невы почти ежедневно сражались с шведами, к Петру явился рыбак, один из жителей лачужек, разбросанных по взморью, и предложил свои услуги доставлять сведения о неприятеле и служить переводчиком при сношениях с туземцами. Сверх того, этот вожак (обращаю внимание — Есипов употребляет здесь то же слово, которое использовано вместо слова «вож» при редакции Списка XVIII в. — Е.А.) и «толмач» указал Петру «корабельный ход», где потом и построен был Кроншлот. Обласканный и ободренный Петром, «толмач» крестился в православную веру и находился при наших войсках во всех

сражениях и на море, и на суше; был несколько раз ранен, попал даже в плен, а в 1706 году бежал от шведов и возвратился в Петербург. Услуги, оказанные толмачом, были награждены пожалованием ему «Красного Кабачка» при следующем указе петербургскому коменданту» (Есипов 1885: 406). И далее идет известный читателю текст Списка XVIII в. Чем подтверждается факт «обласкания и ободрения» скромного толмача великим царем, из статьи Есипова не ясно, упоминаний о Семене Иванове в документах Петра I не встречается. На «новеллу» Есипова об Иванове явно повлиял сам текст Списка XVIII в., где и говорится о «полонном терпении», плене и ранах.

Впрочем, возможно, Есипов располагал и какими-то другими источниками биографических сведений об Иванове — не мог же он придумать, что тот — не православный (скорее всего — лютеранин, может быть, финн, ижорец) и что он крестился. Как бы то ни было, у меня нет сомнений в том, что Семен Иванов существовал. Это подтверждается и упомянутым Есиповым указом Петра полковнику Декулону, подписанным в Кроншлоте 7 июня 1713 г., о некоторых коммерческих льготах кабатчику Иванову и об уточнении межевых границ участка Красного Кабачка (Есипов 1885: 407—408). Так как этот петровский указ для последующего судебного дела о наследовании Красного Кабачка значения не имел (ибо на решение судей выносилась другая проблема — правомерность заклада этой собственности), риск возможной фальсификации здесь не особенно велик.

То, что Семен Иванов — реальное историческое лицо, подтверждает и сам факт существования дела его наследников по поводу Красного Кабачка. Допустимо, что определение «санкт-петербургский толмач» — это не название штатной должности, а характеристика его побочного рода деятельности, как местного жителя-переводчика.

Рассмотрим сами деяния Семена Иванова. Вполне допустимо, что в числе тех, кто занимался разведкой и рекогносцировкой местности накануне и после наступления русской армии в октябре 1702 г. в районе Ладоги и Невы, были вожи (лоцманы, знатоки местности) и толмачи, услугами которых пользовались присылаемые царем разведчики, вроде С. Щепотева, да и сам Петр, вскоре прибывший сюда. Такой местный житель действительно мог указать царю и его людям фарватер. Вряд ли это нужно было делать, начиная «с истока реки Невы» — на всем ее протяжении глубина вполне достаточна для прохода небольших русских судов. Другое дело — указать царю довольно сложный, извилистый фарватер около

острова Котлин. Как известно, Петр посетил эти места поздней осенью 1703 г. и проводил замеры глубин, что позволило основать зимой 1703/04 г. на одной из мелей форт Кроншлот. Без знающего лоцмана-вожа выходить из устья Невы на морском судне Петр никогда бы не решился. Позже могла последовать и награда «за указание корабельного хода» вожу и толмачу Семену Иванову — кабачок на дороге в Петербург.

Теперь рассмотрим Выборгскую историю Семена Иванова. Наиболее достоверная, на мой взгляд, версия Списка 1809 г. выглядит так: «...и за бытѣ им в Выборгском походе, при взятии неприятельских Шведских шкун...» В списке XVIII в., как уже отмечалось, добавлено: «...за полонное терпение, и за уход из плена (точнее — полону. — Е.А.), и за раны...» В Списке 1816 г., как я уже упоминал, Выборгский поход напрямую не назван, а сама «Выборгская версия» звучит так: «...за проведение к Выборху морских военных судов, и за бытность при взятѣ в плен шведских шкун, за полонное терпение и за уход из полону, и за раны...»

Что же было на самом деле? Действительно, в октябре 1706 г. неподалеку от Выборга произошло морское сражение. 19 октября Петр из лагеря из-под осажденного русскими войсками Выборга послал А. Д. Меншикову «Реляцию партикулярного боя на море», происшедшего 12 октября, когда пять «малых лодок» с 50 бомбардирами и солдатами под командой гвардейского сержанта знаменитого разведчика С. Щепотева вышли в море на перехват идущих из Выборга шведских торговых судов, но «темноты ради ношной» случайно напоролись на два шведских адмиральских бота с четырьмя пушками и сотней солдат. Отчаянный Щепотев пошел на abordаж, боты были взяты, сам же Щепотев погиб в бою (*Петр I*. 1900: 402—404).

В «Реляции» отмечены все раненые, убитые и пропавшие без вести русские и шведы. О Семене Иванове в «Реляции» нет ни слова. Не упомянут он и среди награжденных за этот бой гренадеров, ставших после него офицерами. Впрочем, Петр мог и не упомянуть вожа С.Иванова, который в abordаже не участвовал, а сидел как лоцман в одной из лодок. Ведь в Списке 1809 г. речь идет не об участии в бою, а о «бытѣ... в Выборгском походе, при взятии... шкун», что не одно и то же.

Теперь о «полоне» и побеге Иванова. Бой 12 октября 1706 г. был таков, что попасть в плен одному толмачу Иванову было бы затруднительно — оба шведских бота были взяты русскими в плен и уведены в лагерь под Выборгом. Вот тут появляется еще один сомнительный момент. Маловероятно, чтобы Петр, подписывая 16 ноября 1706 г. грамоту С. Иванову, забыл,

какого типа были взяты отрядом Щепотева шведские суда. Это были не «шкуны», то есть шхуны — двухмачтовые парусные суда, а адмиральские двухпушечные боты — суда другого типа: одномачтовые, парусно-гребные. К сожалению, не имея никаких конкретных данных, невозможно построить достоверное предположение, каким образом упоминание о шведских шхунах попало во все три рассматриваемых нами Списка, а следовательно, и в Список Н.

Разбирая выше текстуальные различия Списков, я высказал предположение, что фраза о «полонном терпении» и побеге С.Иванова была вставлена челобитчиками в Список XVIII в. между 1775 и 1792 г. Однако отсутствие этой фразы в более раннем Списке Н. и даже в самом подлиннике царского указа еще не означает, что можно категорически утверждать, что реально существовавший Семен Иванов никогда в плену не был. Г.В. Есипов в своей статье, очевидно, руководствовался какими-то известными ему сведениями, указывая год побега Иванова: «...попал даже в плен, а в 1706 году бежал от шведов и возвратился в Петербург». Если только это не произвольная привязка к истории о Выборгском походе, то из самой конструкции фразы можно сделать вывод, что, по сведениям Есипова, Иванов попал в плен ранее 1706 г.

Само же участие Семена Иванова если не в бою, то в Выборгском походе, представляется достоверным и вполне естественным для вожа-лоцмана и переводчика. Весомым аргументом в пользу этого является сам факт пожалования ему Красного Кабачка 16 ноября 1706 г., когда Петр как раз вернулся из-под Выборга в Петербург.

Теперь о самом важном — о «здании для Санкт-Петербурга». Как известно, Санкт-Петербург был основан после взятия шведской крепости Ниеншанц, находившейся при впадении Охты в Неву. Как утверждает «Поденная записка» Петра Великого, вопрос о начале Петербурга был поставлен на военном совете как вопрос об основании не города, а крепости. На совете решали, «тот ли шанец (Ниеншанц. — Е.А.) крепить или иное место удобнее искать (понеже оной мал, далек от моря и место не гораздо крепко от природы), в котором положено искать нового места, и по нескольких днях найдено к тому удобное место остров, который называется Люст Елант (то есть Веселый остров), где в 16 день мая (в неделю пятидесятницы) крепость заложена и именована Санктпетербург» (*Петр I. Журнал*). Люст-Эланд имел и другое — финское — название: Еннисаари, или Заячий остров. Он находился не в какой-то особой закрытой лагуне, заливе, показать остров царю мог любой местный житель.

В «Журнале Кабинетском» под 1703 г. об основании крепости говорится: «Между тем временем господин капитан бомбардирской (Петр. — Е.А.) изволил осматривать близ взморья удобнаго места для здания новой фартеции и потом в скором времени изволил отыскать единой остров, зело удобной положением места, на котором в скором времени, а имянно мая в 16 день, в неделю Пятидесятницы фартецию заложили и нарекли имя оной Санкт-Петербурх» (*Журнал* 1703: 15—16). Петр, отыскивая место для будущей крепости, тщательно осмотрел и другие берега Невы. Ясно, что он ездил не один, а в сопровождении различных специалистов — найти место для крепости было делом ответственным. Нам известно, что в это время в свите Петра были два специалиста-фортификатора: французский генерал-инженер Жозеф Гаспар Ламбер де Герэн и саксонский инженер-майор В.А. Кирштенштейн. Первый делал чертежи Шлиссельбургской крепости, рукой же второго выполнены два первых плана Петропавловской крепости, он же руководил ее строительством до самой своей смерти летом 1705 г. (*Шарымов* 1992: 138—141). Примечательно, что Ламбер де Герэн в сентябре 1703 г., то есть сразу после завершения блестящей компании 1703 г., получил орден Андрея Первозванного — тогда единственный орден России. Петр не был щедр на награды и, возможно, так особо отметил заслуги своего генерал-инженера в основании крепости на Заячьем острове.

Словом, выбор места для крепости Санкт-Петербург был делом слишком важным, чтобы положиться лишь на указания некоего «вожа и толмача». Без профессионалов-фортификаторов сделать это было попросту невозможно. К этому времени существовала целая наука о том, как и где строить крепости, и царь наверняка принял решение «о здании для Санкт-Петербурга» только после тщательного осмотра невиских берегов, рекогносцировки на местности, анализа чертежей, набросков и карт и обсуждения всех технических вопросов с профессионалами — фортификаторами, артиллеристами и моряками. Все другие варианты принятия такого решения можно смело рассматривать как легенду, которых возникает немало после выдающегося исторического события.

Все эти наблюдения приводят нас к прозаическому и неинтересному для романтиков выводу: имя человека, указавшего Петру место для основания города, скорее всего никогда не будет названо, потому что такого человека не было на свете. Вместе с тем мы можем с уверенностью предположить, что в первые годы истории Петербурга существовал толмач и вож Семен Иванов,

который оказал какие-то услуги царю. Скорее всего он указал судоходный фарватер к острову Котлин и провел по нему корабли, а также участвовал в Выборгском походе 1706 г., после которого и был удостоен, согласно указу Петра, награды — урочища на копорском (петергофском) тракте, известного под названием Красный Кабачок. Все другие «подвиги» Семена Иванова были приписаны ему потомками посредством редакции списков подлинного документа.

Полагаю, что из всех Списков наиболее близким к протографу является Список 1809 г. как наименее искаженный редакциями. Непосредственным источником Списка 1809 г., как и Списка XVIII в., является неизвестный нам Список Н., самый близкий к протографу. А существовал ли вообще протограф? Думаю, да, но вряд ли в виде грамоты Петра I С. Иванову. Г.В.Есипов вскользь упоминает, что этот документ — не грамота Иванову, а указ царя Санкт-петербургскому коменданту, подобный тому, какой он дал в 1713 г. об уточнении межевых границ участка Красного Кабачка. Следовательно, протографом является подлинник указа Петра I коменданту Санкт-Петербургской или Петропавловской крепости. Он мог храниться в ныне утраченных и рассеянных по другим фондам делопроизводственных материалах комендатуры Петропавловской крепости. Скорее всего указ о Семене Иванове находился в книге именных указов комендатуры крепости. Такая практика была распространена в петровское время, и Сенат не раз требовал от учреждений, получавших именные указы Петра I, посылать копии их в Сенат. Поэтому Иванов и его потомки не могли иметь на руках подлинный указ царя обер-коменданту, они могли располагать только его копией. Возможно, что злоупотребления чиновников в деле о закладе Красного Кабачка были связаны не только с особой привлекательностью кабачка на бойком месте у петергофского тракта, но и с отсутствием (и, возможно, утратой) подлинного, подписанного Петром, указа, запрещавшего заклад этого пожалования. Эта же причина побудила потомков Семена Иванова и ходатая за них статского советника П.А. Арбузова к редактированию известных списков с целью усилить аргументацию своих прошений.

Библиография

- Белокуров* 1906 — Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906.
Есипов 1885 — Есипов Г.В. История «Красного Кабачка»//Исторический вестник. 1885. Т. 22. С. 406—412.

Журнал... — Журнал Кабинетский // РГАДА. Ф. 9 Отд. 1. Кн. 15. Л. 15— 16.

Петр I. Журнал — Журнал, или Поденная записка... Петра Великого. СПб., 1770. Ч. 1.

Петр I. 1900 — Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1900. Т. 4. Ч. 1.

Петр I. Список XVIII в. — Петр I. Грамота Семену Иванову// Исторический вестник. 1885. Т. 22. С. 407.

Петр I. Список 1809 — Петр I. Грамота Семену Иванову// Русский архив. 1896. Кн. 1. С. 442.

Петр I. Список 1816 — Петр I. Грамота Семену Иванову//РГИА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 7. Л. 108—109.

Шарымов 1992 — Шарымов А.М. Был ли Петр I основателем Санкт-Петербурга?// Аврора. 1992. № 7—8. С. 106—165.

Uchastkina 1962 — Uchastkina Z.V. A History of Russian Hand Paper: Milis and their Watermarks. Hilversum, 1962.

М. Д. Эльзон
С.-Петербург

«Его пример — другим наука»

Памяти
М. Г. Петрашевского

Внутренний монолог героя, открывающий первую главу пушкинского романа в стихах, известен наизусть. Но поскольку он остается без необходимого, на мой взгляд, комментария — приведу его.

Мой дядя самых честных правил
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог<...>

Спрашивается — если дядя был «самых честных правил», неужели его не уважали до предсмертной болезни? И как же, чем же он, будучи «на одре», **заставил себя уважать?**

Ответ на этот вопрос — в дальнейших словах «молодого повесы» и, что в данном случае первостепенно, «НАСЛЕДНИКА всех своих родных». Именно в этом — ключ к разгадке. Вести себя по отношению к умиравшему подобающим образом и при этом про себя желать ему смерти циничный племянник мог только в одном случае — в последние свои дни дядя подписал завещание в его пользу.

Думается, в комментариях к «Онегину» это положение должно быть сформулировано.

А. В. Лавров
С.-Петербург

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К СТИХОТВОРЕНИЯМ А. БЛОКА

1

«АНГЕЛ БУРИ — АЗРАИЛ»

Стихотворение «Милый друг, и в этом тихом доме...» (октябрь 1913 г.), входящее в цикл «О чем поет ветер», завершается строфой:

За твоими тихими плечами
Слышу трепет крыл...
Бьет в меня светящими очами
Ангел бури — Азраил!

(Блок 1960 — 1963, III: 286)¹.

В комментарии Вл. Орлов ограничивается указанием на то, что Азраил — «ангел смерти в восточной мифологии» (III: 602). Между тем для Блока этот образ был связан скорее всего не только с мусульманскими представлениями об Азраиле (Израиле) — многокрылом ангеле смерти, знающем судьбы людей, но и с литературными ассоциациями.

Наиболее очевидная из этих ассоциаций — с ранней незаконченной поэмой М. Ю. Лермонтова «Азраил» (1831), тематически связанной с «Демоном»². Мотив ветра — основной в блоковском цикле, отличающемся глубокой внутренней образно-тематической и композиционной спаянностью (*Спросе* 1986: 28—39) — также обозначен в начальных строках монолога Азраила: «Ветер дует, //Серебряный ковыль волнует //И быстро гонит облака» (*Лермонтов* 1980: 102)³. Азраил у Лермонтова во многом подобен его же Демону: он — отверженный Богом, падший ангел, обреченный на одинокое блуждание и мечтающий найти отдохновение и прибежище в любви к земной девушке. Во многом вдохновленная Лермонтовым «демоническая» тема была, как известно, освоена и

глубоко осмыслена в творчестве Блока (Максимов 1964: 257—262), однако в стихотворении «Милый друг, и в этом тихом доме...» она не выступает на первый план.

Среди литературных реминисценций, проступающих в тексте стихотворения, не все связаны с образом мусульманского ангела смерти: так, строка «Слышу трепет крыл...» доносит отзвук стихотворения З. Н. Гиппиус «Ограда» (1902): «Я слышу только шелест крыл //И голос, — легкий, как прохлада» (Гиппиус 1904: 118). Но и Азраил, думается, соотносился в творческой памяти Блока не только с героем юношеской поэмы Лермонтова, в которой мотив смерти (доминирующий в цикле «О чем поет ветер») отнюдь не является главенствующим. Азраил — герой восточной легенды, известной в изложении английского поэта Эдвина Арнольда (1832—1904): в цикле его «Восточных сказаний» имеется стихотворение «Азраил», переведенное на русский язык А.П.Барыковой. В этой поэтической передаче или в каком-либо ином виде сюжет о встрече индийского царевича с Азраилом, говорящий о роковой неотвратимости взгляда ангела смерти, мог быть известен Блоку:

Индийский царевич, — краса Индостана,
Приехал к царю-мудрецу Солиману <...>

Как вдруг появился в чертоге, — нежданный,
Какой-то печальный и странный,
Крылатый посланник небес.

То был ангел смерти. С царевичем рядом
Он встал и взглянул вопросительным взглядом <...>

— «Кто это?» — тихонько царевич спросил.
Ответил мудрец: «Он людей исцелитель,
И воли Отца исполнитель,
А имя ему: Азраил!"

— «Мне страшно здесь!» — молвил царевич бледнея. —
Я смерти боюсь! Повели поскорее,
Чтоб в Индию милую джины проворные,
Твоей всемогущей деснице покорные,
Сейчас же на крыльях меня отнесли».

Покорные воле «царя-мудреца», джины исполняют повеление царевича, которое, однако, согласуется с предначертанным свыше: «Сыскать его в Индии нынче дал Бог», — возвещает Азраил, —

И с бледной улыбкою ангел печальный
Сказал: «Мне пора! Он уж в Индии дальней!»
Расправил широкие крылья могучие,

По небу вечернему грозною тучею
Пронесся в сиянии последних лучей...
Наутро был найден царевич убитый,
Застывшею кровью облитый,
На мягкой постели своей.

(Барыкова 1897: 253—255)⁴

Важнейший атрибут Азраила, наглядно представленный в этой легенде, — его возвещающий о неотвратимой смерти «вопросительный взгляд», обращенный на человека, — акцентирован и в стихотворении Блока: «Даже за плечом твоим подруга, // Чьи-то очи стерегут!», «Бьет в меня светящими очами // <...> Азраил!» Сюжет «восточного сказания» звучит вполне в унисон с ведущим мотивом стихотворения и всего цикла «О чем поет ветер»; скрытый в подтексте, он служит здесь дополнительным подтверждением основной поэтической мысли Блока — об иллюзорности и зыбкости достигнутого «уюта», о близости рокового исхода:

Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьет меня.
Не найти мне места в тихом доме
Возле мирного огня!

(III: 286)

2

«ПРОКЛЯТЫЙ КОЛОКОЛ»

Образный строй этого стихотворения, написанного Блоком 7 ноября 1906 г., еще не оказывался предметом специального рассмотрения. Будучи ярким образцом творчества поэта периода «декадентской» «антитезы», «Проклятый колокол» перенасыщен «демоническими» мотивами («месяц — «красный, зловещий фонарь», «страх ночной», «чародейный туман», «черный звонарь» и т. п.), весьма характерными для его стихотворений и лирической прозы этой поры. При этом вся система образно-стилевых средств интегрирована в некое подобие спонтанно рождающегося лирического сюжета, не развернутого в связное, логически выстроенное повествование, но дающего общее представление о скрытом символическом плане действия:

А над болотом — проклятый звонарь
Бил и будил колокольную медь.
Звуки летели, как филины,
В ночное пространство.

Колокол самый блаженный,
Самый большой и святой,
Тот, что утром скликал прихожан,
По ночам расточал эти звуки. <...>

В час угрюмого звона я был
Под стеной, средь болотной травы,
Я узнал тебя, черный звонарь,
Но не мне укротить твою медь!

(II: 118)

Наиболее вероятно, что центральный образ этого стихотворения, обозначенный в его заглавии, навеян стихотворной драматической сказкой Гергарта Гауптмана «Потонувший колокол» («Die versunkene Glocke», 1896), завоевавшей на рубеже XIX—XX вв. широкую популярность. Сюжетные коллизии этого произведения, основанного на национальных фольклорных мотивах, строятся вокруг истории о том, как могучий, несравненный колокол, предназначенный для церкви в горах («Чтобы все лето петь хвалу любви и мира, // И возвещать, сквозь воздух, благодать» — перевод К.Д.Бальмонта) (Гауптман 1900: 338)⁵, при воздвижении почти у самой цели скатился с горы в пропасть и упал на дно озера (ср. определения потонувшего колокола в переводе К.Бальмонта: «схороненный», «усопший» (Гауптман 1900: 430, 437) со строкой из стихотворения Блока: «Этот колокол пленный»); позднее со дна озера раздается звон потонувшего колокола, звучащий как приговор судьбы его создателю, литейщику Генриху, который оказывается во власти чар лесной феи и превращается в демонического героя, отчужденного от людей: с помощью гномов он пытается создать новый, небывалый еще колокол, но, ослепленный честолюбивыми сверхчеловеческими стремлениями, приходит к духовному краху. В драме Гауптмана — два колокола: старый, покоящийся на дне озера, и новый, золотой, становящийся кумиром для его создателя; соответственно, и в стихотворении Блока колокол имеет два обличья, два смысловых ореола — «дневной» («Колокол самый блаженный, // Самый большой и святой, // Тот, что утром скликал прихожан») и «ночной» («страшный колокол», наделенный множеством демонических атрибутов).

Блок не только хорошо знал с юношеских лет драматическую сказку Гауптмана, но и использовал ее в собственных театрально-декламационных опытах, которым с увлечением предавался в поздние гимназические и ранние студенческие годы. В подборке материалов, озаглавленных Блоком позднее «Моя декламация, роли, заметки, стихи разных поэтов, выпис-

ки из книг и пр. 1898 и позднейшие университетские времена», имеется переписанный его рукой монолог Генриха из 3-го действия «Потонувшего колокола» (в переводе В.П.Буренина) (Гауптман 1897: 77—79)⁶: литейщик делится в этом монологе теми надеждами, которые он возлагает на свое новое творение:

О, пастор, пастор! Иль хотите вы,
 Чтоб счастье ошастливили? Награду
 Вознаградили?.. Да, зовите так
 Мое творение, как сам назвал я:
 Подбор колоколов. Поверьте мне,
 То будет дивный колокол, какого
 Досель еще не отливал никто.
 Он обладает мощной силой звона,
 Гудящего, как гром небес весной,
 Когда он яростно гремит, и нивы
 И села потрясая. Будто гул
 Трубы архангела, заставит смолкнуть
 Он всех церквей колокола, и весть
 Он принесет ликующему миру
 О новой, светлой жизни на земле!

и т. д.

(Блок. Моя декламация...: Л. 46)

Образы и мотивы драматической сказки Гауптмана отразились в ряде произведений русских поэтов символистской эпохи — в частности, в стихотворении «Via mala» (1899) Максимилиана Волошина (Волошин 1910: 12) и в «Колоколе» Юргиса Балтрушайтиса (открывающемся эпиграфом из Гауптмана). Напечатанное в том же выпуске альманаха «Северные цветы», в котором появилась одна из первых публикаций Блока — цикл «Стихи о Прекрасной Даме», это стихотворение Балтрушайтиса, живописующее ночной колокольный звон, также могло оказать свое воздействие на автора «Проклятого колокола»:

Зычно и скорбно, удар за ударом,
 Миру уснувшему колокол пел...
 Точно набат перед близким пожаром,
 Долго и гулко гудел...<...>

Пел он и в полночь и в утро святое —
 С бурей смеялся и плакал в тиши,
 Но откликалось лишь эхо лесное...
 Вместо уснувшей души!

(Балтрушайтис 1903: 180)

Балтрушайтису принадлежит еще одно стихотворение под заглавием «Колокол» («Высился, в славе созвучий...»), также имеющее образно-смысловые соответствия с «Проклятым колоколом», но говорить в этом случае о воздействии на Блока не приходится, поскольку оно было впервые напечатано в 1912 году (*Балтрушайтис* 1912: 25—26).

3

«СОЛЬВЕЙГ» И СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

Литературный источник стихотворения «Сольвейг» (20 февраля 1906 г.) — одного из наиболее мажорных в поэтическом наследии Блока — открыто декларирован автором. «Драматической поэмой Ибсена навеяны и женственный образ Сольвейг и другие образы этого стихотворения», — писал Блок в примечаниях ко 2-й книге «Собрания стихотворений» (1912) (*Блок* 1932, 2:232). Эпиграф: «Сольвейг прибегает на лыжах» (II, 98) — ремарка из 3-го действия драматической поэмы Генрика Ибсена «Пер Гюнт» (1866) (*Ибсен* 1907, 4:98). Сольвейг, крестьянская девушка, возлюбленная главного героя, предстает в этом произведении воплощением высоких духовно-нравственных качеств и поэтичности⁷.

Стихотворение открывало первые два издания второй книги стихов Блока («Нечаянная Радость», 1907 и 1912 г.), задавая ей эмоциональную тональность. Подразумевая в первую очередь образный строй «Сольвейг», С.Городецкий писал о «Нечаянной Радости» в «Воспоминаниях об Александре Блоке»: «Все же эта книга остается единственной книгой радости Блока. <...> Реакция убила его Сольвейг и от музыки зеленого леса привела его к арфам и скрипкам цыганского оркестра. Важно указать, что он знал и любил себя — силача, здоровяка. Никогда после он так хорошо не умел смеяться и шутить, как в этот период» (*Блок* 1980: 330—331). В критике стихотворение воспринималось также как одно из ключевых для понимания новых поэтических настроений Блока. В статье «Поэзия Александра Блока» Н.Я.Абрамович, подробно характеризуя стихотворение, выделяет образ Сольвейг как новую ипостась лирической героини Блока: «Поэт открывает простор лазури земной девушке, Сольвейг <...> Опыяние, радость, разгул весеннего прибой — ликует в звонких строках <...> Среди сосновых стволов и хвойного воздуха — такая гармония с весенней девушкой и так радостно встречать ее под лучами солнца, падающими на лес и землю. <...> Облик грезящего аскета-лирика преобразуется, когда грудь его дышит весной и солнечный воздух обвеивает голову. Земля, на

которой он стоит между деревьями, поит его земной доброй силой. И вот — вместо сонного лирического томления — в руках его звонкий топор <...> Едва после зимней спячки блеснул поэту зеленый глаз Сольвейг, как он прорубает уже в лесу простор и открывает для себя бесконечные дали. Ибо в этих синих даях земли и неба — путь к Ней» (Абрамович 1909)⁸.

Этот критический этюд построен на свободном изложении образно-сюжетных коллизий стихотворения, сходном с тем изложением ситуаций из «Пера Гюнта», которое предпринял Блок в своей «Сольвейг». Помимо эпизода, обозначенного эпиграфом к стихотворению, в «Сольвейг» отражены и другие сюжетные мотивы 3-го действия драматической поэмы Ибсена: жизнь Пера Гюнта, лишённого по приговору суда двора и земли, в одиночестве в лесной избушке (у Блока: «Жил я в бедной и темной избушке моей// Много дней, меж камней, без огней»), рубка леса (блоковским стихам «Я топор широко размахнул!// Я смеюсь и крушу вековую сосну» соответствует 1-я сцена 3-го действия, в которой Пер Гюнт «в глубине бора» «рубит строевой лес»; ремарка, сопровождающая монолог героя: «подрубая огромную старую сосну с узловатыми ветвями») (Ибсен 1907, 4:92)⁹, встреча с Сольвейг (с блоковской строкой «Ты пришла — и светло» ср. реплику Пера Гюнта: «О Сольвейг! Дай тобой полюбоваться!.. <...> Какая же ты светлая!») (Ибсен 1907, 4:99).

Пласт литературных реминисценций в тексте «Сольвейг» мотивами классического произведения Генрика Ибсена, однако, не исчерпывается. На другой круг поэтических подтекстов, присутствующих в стихотворении, Блок также указывает (хотя и не столь прозрачно, как на Ибсена) — посвящением «Сольвейг» Сергею Городецкому¹⁰. Поэт Сергей Митрофанович Городецкий (1884—1967) был товарищем Блока по историко-филологическому факультету Петербургского университета, в 1904—1906 гг. они постоянно дружески общались¹¹. Со стихотворениями Городецкого Блок познакомился задолго до их публикации и был ими совершенно покорен. Когда увидела свет первая книга Городецкого «Ярь. Стихи лирические и лироэпические», Блок в письме к матери от 21 декабря 1906 г. расценил ее как «м<ожет> б<ыть>, величайшую из современных книг» (Блок 1927, 1:161). Посвящением «Сольвейг» Городецкому Блок стремился подчеркнуть созвучие своего стихотворения творчеству и «языческому» мироощущению автора будущей «Яри» (тональность этого мироощущения выразительно обрисовывается в письме Городецкого к Блоку от 5 июля 1905 г.: «Не делая дела, не читая, живу на горке и слушаю Пана. Хожу кругом, в деревни — смотрю в лица, в

леса — слезу за белкой и кротом; мелькают бывания. И вдруг в яркой толпе детей на зеленом косогоре, в игре, увидишь что-то очень старое, а из толпы на смутный фон воспоминания выйдет мальчик в белом и тонким лицом и сине-синими глазами в черных кругах ресниц покажет наяву вечное. Или в лесу, на конце его, оглянешься на золотое молчание заката — уж совсем старое — а луч искривится, скомкает облако — и вот новое счастье», и т. д. (Блок 1981:16). В статье «Краски и слова» (1905) Блок привел целиком по рукописи стихотворение Городецкого «Зной» — как «совершенное по красочности и конкретности словаря», сопроводив его примечанием: «Я думаю, что и во всей русской поэзии очень заметно стремление к разрыву с отвлеченным и к союзу с конкретным, воплощенным. Освежительнее духов запах живого цветка». «Все можно нарисовать — воздух, озеро, камыш и небо, — писал Блок далее в этой же связи. — Все понятия конкретны, и их достаточно для выражения первоизданности идеи, блеснувшей сразу» (V: 21).

Стремление к «красочности и конкретности словаря», мифопоэтической первоизданности языковых средств в высшей степени характерно и для стихотворения «Сольвейг», обнаруживающего определенные параллели с поэтическими опытами Городецкого. Скандинавская тематика «Сольвейг» находит себе аналогии в «северных» стихах Городецкого, включенных в «Ярь», в частности, в стихотворениях на мотивы финского фольклора:

Гладь озерная недвижна, берега как пояса.
Едет Юхано на лодке, с лодкой движется леса.
Нету милой, нет любимой, где ты, девушка-краса!

(«Юхано») (Городецкий 1907: 67).¹²

Строки из «Сольвейг» «Я смеюсь и крушу вековую сосну, // Я встречаю невесту — весну!» соотносятся со стихотворением из цикла Городецкого «Тар» («Для тебя, мой лазоревый Тар, // Приняла я людскую красу»):

И вот жрицей бездомной слышу
И встречаю людскую весну. <...>
Голубою весной зажжено
Мое сердце, пылающий дар,

(Городецкий 1907: 36–37) —

равно как и проходящий через весь блоковский текст мотив рубки деревьев, предстающей как творческий, созидательный акт, перекликается со стихами Городецкого о Яриле — о

сотворении из липового ствола «нового бога»: «Отточили кремневый топор, // Собрались на зеленый ковер, // <...> Там белеется ствол обнаженный»; «...первый удар // В белый ствол» (Городецкий 1907: 23)¹³. Образ «звонкого топора», связанный для Блока в 1905—1906 гг. с амбивалентной символикой разрушения—созидания, соединяет «Сольвейг» («Под моим топором, распевая хвалы, // Раскачнулись в лазури стволы!») и со статьей «Краски и слова» («...сами собой упадут и без топора сухие стволы» — V: 24), во многом вдохновленной поэтическим мировидением того же Городецкого.

Любопытно в этой связи, что Городецкий, касаясь в письме к Блоку от 28 июня 1906 г. вопроса о его поэтическом будущем, упомянул «Сольвейг» как свидетельство неисчерпанности художественной индивидуальности автора: «...часто встречаешь такую мысль: Блок = Блок, Б = б, где Б — потенция, а б — совершение. Я всегда сражался против этой формулы и приводил свою: $B = b + X$, т. е. что совершение далеко не исчерпало потенции. Этот X еще мелькает искорками (Сольвейг), но несомненность его очевидна. Он мне представляется громадным, сосновым, с запахом смолы, и в предчувствии этого запаха — тайное оправдание заглавия „Нечаянная радость“» (Блок 1981: 28).

4

«ГРЕШИТЬ БЕССТЫДНО, НЕПРОБУДНО...»

Это прославленное стихотворение, завершенное Блоком 26 августа 1914 г., начинающееся строфой:

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой, от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в Божий храм, —

в беловом автографе и в первой публикации (21 сентября 1914 г. в газете «Русское слово») имело заглавие «Россия». Заканчивающееся, после череды эпизодов, рисующих концентрированный неллицеприятный образ российской бытовой повседневности, строками:

Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне

(III: 274), —

оно представляет собой нетривиальный для поэтического мировидения Блока опыт негативной национальной апологии, и

в этом своем качестве сразу же было замечено и оценено современниками. Георгий Иванов писал о том, что стихотворение показывает «мудрую ясно-мужественную любовь поэта к России» (Иванов 1915: 97). Ал. Ожигов (Н. П. Ашешов), приведя весь текст этого «прекрасного стихотворения», добавлял: «Больно и мучительно, но прекрасно... Только большая любовь к родине могла родить такое вдохновенье...» (Ожигов 1915: 189). Юрий Никольский назвал «Грешить бесстыдно, непробудно...» «самым великим» стихотворением Блока: «Какая „реальная правда“, и уже не правда, а фантастика ясновидца. Тот ли это тихий Блок, писавший стихи о Прекрасной Даме, и как тогда мы не заметили, что его перо может быть мощным в своей беспощадности? Много душевных сил и любви, действительно иррациональной, т. е. самой истинной, надо иметь, чтобы и после этого сказать: „Да, и такой, моя Россия, Ты всех краев дороже мне“» (Никольский 1915: 18—19)¹⁴. Религиозный публицист К. М. Агтеев отсылал к стихотворению, говоря о природе национального начала, о чувстве связи с народом и нацией: «Переживание своей неотрывности от нации становится особенно интенсивным в грозные моменты истории, как, например, в переживаемый нами. Забываются тогда все темные пятна на облике национальном и лишь чувствуется одно: эта нация — моя нация, я в ней, и она во мне. И мне понятно настроение недавнего стихотворения А. А. Блока „Россия“, как и то, что оно появилось именно теперь» (Агтеев 1914: 2)¹⁵. Опираясь на стихотворение «Грешить бесстыдно, непробудно...», С. А. Аскольдов в статье «Религиозный смысл русской революции» рассматривал проблему «срастания греха с благочестием» в народной душе, «русской церковности» — «с кулачеством и вообще всем гуманистически диким бытом» (Аскольдов 1918:18).

На прееменность стихотворения по отношению к поэтической традиции русского реализма указывалось неоднократно. Еще в 1921 г. А. Рашковская писала о «некрасовской» музыке, звучащей в «Грешить бесстыдно, непробудно...» (Рашковская 1921: 6); «некрасовский» след в стихотворении подмечали и другие авторы¹⁶. В образе торгаша и лавочника, обрисованного Блоком, З. Г. Минц проследила черты сходства с героями поэмы И. С. Никитина «Кулак» (1857) (Минц 1973: 92—93). Главный герой ее, мелкий торговец Карп Лукич, совершает те же действия (гл. XII), что и блоковский персонаж:

На перекрестке помолился
 На церковь; нищей поклонился;
 Откуда, чья она — спросил

И грош ей в чашку положил <...>
 Купил на площади торговой
 Осенней шерсти два мешка <...>
 И, вся шерсть, на рубль украл;

другой изображенный в поэме Никитина купец, Пучков, представляет собой ту же смесь стяжательства и ханжества (гл. XV):

Глядел смиренником и был
 О чести строгой проповедник.
 Не кушал рыбы по постам,
 Молился долго по ночам,
 На церковь подавал грошами,
 Перед нетленными мощами
 Большие свечи зажигал,
 Но плутовства не покидал.
 И странно! плут не лицемерил:
 Он искренно в святыню верил.

(*Никитин* 1886: 145, 168)

Отмечалась и вероятная реминисценция из «Идиота» Достоевского (*Альфонсов* 1957: 38; *Миц* 1971: 241—242); описанному Блоком сочетанию хмельного состояния с молитвенным усердием соответствуют рассказы о повседневной жизни Лебедева (который сам себя определяет: «пьяница и потаскун, грабитель и лиходей»): «Он поутру никогда много не пьет <...> Разве к вечеру когда воротится, так хмелен; да и то теперь больше на ночь плачет и нам вслух из Священного писания читает <...>»; «За мошенников в суде стоит, а сам ночью раза по три молиться встает, вот здесь в зале, на коленях, лбом и стучит по получасу, и за кого-кого не молится, чего-чего не причитает, спьяна-то?» (ч. 2, гл. II) (*Достоевский* 1973, 8: 160, 163—164). Образно-сюжетными отзвуками из русской классики круг ассоциаций, возникающих вокруг блоковского стихотворения, однако, не исчерпывается.

Очевидную параллель с «Грешить бесстыдно, непробудно...» обнаруживает стихотворение Сергея Городецкого «Мощи» — параллель тематическую (мотив моления) и формально-синтаксическую (безличная форма, проходящая через весь текст стихотворения). «Мощи», впервые опубликованные в альманахе «Вешние воды» (кн. 1. СПб., 1910. С. 145—146), вошли в книгу стихов Городецкого «Ива», о которой Блок отозвался весьма не восторженно (в дневниковой записи от 11 ноября 1912 г.): «...вчера я читал „Иву“ Городецкого, увы, она совсем не то, что с первого взгляда: нет работы, все расплывчато, голос фальшивый, все могло бы быть в десять раз короче, сжатей, отдельные строки и образы блестят самоценно — боль-

шая же часть оставляет равнодушие и скуку» (VII: 178). При этом «Мощи» обратили на себя внимание Блока: в своем экземпляре «Ивы» поэт отчеркнул на полях 2-ю и 3-ю строфы стихотворения (*Библиотека* 1984: 237). По общему своему смыслу стихотворение Городецкого, однако, противоположно блоковскому, поскольку воссоздает картину подлинно духовного служения и исхода:

В колоде дни свои последние,
Часы последние дочесть;
За птичьей утренней обеднею
Хвалу предсмертную вознести. <...>

Взглянуть еще на келью темную
И посох давний обласкать
И силу вещую, поемную
В предел немеющий собрать.

И холод тихо подступающий
В ногах далеких уловить,
И крест сложив благословляющий,
Чуть улыбаясь, опочить.

В дубовом ложе дни забвения,
Все тридцать тысяч дней провесть,
Пока блаженного нетления
Не просияет миру весть;

и т. д.

(*Городецкий* 1913: 15–16).

Еще один из возможных подтекстов, связанных с современной Блоку литературной ситуацией, возникает за первой строфой стихотворения («И, с головой, от хмеля трудной, //Пройти сторонкой в Божий храм»). Среди писем А. С. Суворина к В. В. Розанову, выпущенных в свет отдельной книгой с большой вступительной статьей Розанова «Из припоминаний и мыслей об А. С. Суворине», напечатано письмо от 8 июля 1904 г., включающее такое рассуждение: «И больше всего русский человек любит юмор, а потом лиризм, который поднимает его. Из кабака прямо в церковь, а из церкви прямо в кабак. Надо бы сделать церковь лучше и кабак несравненно лучше, и тогда дело пошло бы гораздо лучше вообще» (*Суворин* 1913: 140). Это издание оказалось в сфере внимания Блока сразу по выходе в свет (16 декабря 1912 г. он записал в дневнике содержание телефонного разговора с Д. В. Философовым: «Советует прочесть письма Суворина к Розанову (издал в „Новом времени“ Розанов)» — VII: 193). Ознакомился ли Блок непосредственно с книгой, неизвестно, но, безусловно, читал приведенные высказывания в статье Д. С. Мереж-

ковского «Суворин и Чехов», опубликованной в «Русском слове» 22 января 1914 г. Статья эта вызвала отповедь Розанова в «Новом времени» (25 января 1914 г. — «А. С. Суворин и Д. С. Мережковский») и настоящий литературный скандал, главным событием которого стала публикация в той же газете писем Мережковского к Суворину; эпизоды, составляющие весь этот конфликт, зафиксированы в записях Блока, сделанных между 25 и 30 января 1914 г. (Блок 1965: 203—204; 557—558). В своей статье Мережковский, разоблачая «сувориновщину» — «примирение с действительностью, обывательщину», дает монтаж цитат (в том числе и из писем к Розанову), с помощью которых пытается обрисовать истинный облик Суворина.

«О чем же он с ним говорит? — вопрошает Мережковский о Чехове — корреспонденте Суворина, цитируя далее одно из его писем к Суворину. — О любви к России. „Как дурно мы понимаем патриотизм! Пьяный, истасканный забулдыга-муж любит свою жену и детей, но что толку от этой любви? Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чем выражается эта любовь? Вместо знаний — нахальство и самомнение, вместо труда — лень и свинство, справедливости нет“... Говорить с Сувориным о любви к России, — говорить о веревке в доме повешенного. Кто же этот „пьяный забулдыга-муж“, как не он сам?»

«Ах, как я люблю этот юмор! — пишет Суворин В. Розанову. — Все к черту, все трын-трава!.. Из кабака прямо в церковь, а из церкви прямо в кабак».

«Приедешь в Россию, — говаривал он тому же В. Розанову, — грязь, сор, вонь, неудобства. Поживешь недели две, — махнешь рукой: ничего, — привыкнешь и не чувствуешь»¹⁷.

«Русь, как стоит, — пусть стоит! Хотя бы свинья свиньей. Любовь к России — любовь к „Свинье-матушке“» (Мережковский 1915: 243).

Далее в статье Мережковский вновь возвращается к этим цитатам, на разные лады их варьируя: «... суворинская церковь хуже, чем кабак»; «И не только не чувствуешь, но и полюбишь, благословишь грязную, сорную, вонючую Россию — „Свинью-матушку“». Чехов, согласно интуиции Мережковского, «понял или почти понял, что такое Суворин, и все-таки идет к нему, потому что идти больше некуда. Идет и слышит издали чавканье, хрюканье „Свиньи-матушки“: „Я люблю этот юмор, — все к черту, все трын-трава! Из кабака прямо в церковь, а из церкви прямо в кабак!“» (Мережковский 1915: 247, 248, 252).

Косвенным аргументом в пользу того, что рассуждения Суворина о взаимосвязи кабака и церкви в жизни русского

человека были усвоены Блоком в «Грешить бесстыдно, непробудно...», служат сведения об истории создания этого стихотворения. Его черновой автограф позволяет выделить два этапа работы над текстом: сначала написаны стихи, соответствующие 2, 3 и 5-й строфам окончательной редакции, — этот черновой набросок датирован «30 дек<абря>» (1913 г.) (Блок. Грешить... 1); затем, на отдельном листе — стихи, в окончательном слое правки почти точно воспроизводящие 1, 4 и 6-ю строфы основного текста (окончательно оформленного, согласно авторской датировке, 26 августа 1914 г.) (Блок. Грешить... 2). Таким образом, на первоначальной стадии работы над стихотворением взаимодополняющего сочетания образов «кабака» и «церкви», на котором построена 1-я строфа, еще не было, оно возникло при повторном обращении Блока к этому тексту — явно после 22 января 1914 г., дня опубликования статьи Мережковского «Суворин и Чехов».

Непосредственно отсылающая к Суворину, прослеженная аллюзия безусловно связывалась в сознании Блока и с образом суворинского корреспондента — Розанова. Примечательно, что последний, несколькими годами ранее, в своем фельетоне «Попы, жандармы и Блок» (Розанов 1909), представлявшем собой полемический отклик на статью Блока «Мережковский» (почти закономерно — все тот же «посредник»!), приводил, в полном согласии с суворинскими мыслями о природе «юмора» и «лиризма» русского человека, цитату из полученного им письма в защиту попов-пьяниц: «...старик крестьянин начал плакать и говорить мне, что „пусть у них хотя и пьяненький будет священник, а без него им нельзя, пусть пьяных попов будет судить Бог, они все Ему ответ дадут, а для них они все же священники, и без них и без храма им нельзя“. <...>Вот она где, вера-то, и им она нужна, им тепло с ней. Мы не понимаем и не можем, быть может, понять, как это они находят себе утешение в храме с нашими дьячками и батюшками, а им со всем этим тепло, все это их греет и светит им» (Розанов 1995: 332); отвечая на вызванное этим фельетонном письмом Блока от 17 февраля 1909 г. (VIII: 273—275), в котором поэт дистанцировался от «нововременского» духа, Розанов вновь подчеркивал: «...имеет основание и старик, плачущий о том, что не будет „пьяненьких попов“»¹⁸. Оберегаемые Розановым «пьяненькие попы», равно как и восхищавшие Суворина выразители специфически русского «лиризма», проступают под совсем не лирическими картинками, нарисованными Блоком: поэт на свой лад интерпретирует и оценивает колоритные и неистребимые качества той «почвы», которая входила неотторжимым элементом в много-

составную и разнокачественную субстанцию, обозначенную первоначальным заглавием его стихотворения.

Примечания

¹ Далее ссылки на это издание даются с указанием в скобках римскими цифрами — тома, арабскими — страницы.

² В примечаниях к подготовленному им изданию «Избранных стихотворений» М.Ю.Лермонтова (*Лермонтов* 1920) Блок, характеризуя этапы работы над образом Демона, указывает: «...третий набросок, написанный, в форме полу-драмы, полу-поэмы — “Азраил”» (*Блок* 1934, 11: 415)

³ «Азраил» тематически связан с другой юношеской поэмой Лермонтова «Ангел смерти» (1831) (*Лермонтов* 1980: 109—122), с которой также мог ассоциироваться мифологический образ из стихотворения Блока; ср. со строкой «Бьет в меня светящими очами» концовку лермонтовской поэмы: «Его неизбежимой встречи // Боится каждый с этих пор; // Как меч — его пронзает взор<...>» (*Лермонтов* 1980: 122).

⁴ Тот же сюжет стал основой стихотворения М. А. Волошина «Ангел Смерти» (1923), сохранившегося в черновой рукописи (*Волошин* 1923).

⁵ Это издание сохранилось в библиотеке Блока (*Библиотека* 1984).

⁶ Этот перевод выходил отдельными изданиями в Москве также в 1898 и 1899 гг.

⁷ См. об этом: *Шарыпкин* 1963: 163—165.

⁸ Тот же текст (с небольшими стилистическими изменениями) см. в его же статье «“Прекрасная Дама” Ал. Блока» (*Абрамович* 1910: 135—136).

⁹ Ср. слова Пера Гюнта во 2-м действии:

Мять, крутить, водопад запрудить!
Бить! С корнями выдергивать сосны!
Это — жизнь! Закалит хоть кого!
К черту выдумки, глупые сказки!

(*Ибсен* 1907, 4: 67).

Приведенный фрагмент, цитированный в очерке А. Ганзен и П. Ганзена «Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена» (*Ибсен* 1907: 148), отчеркнут Блоком в его экземпляре книги (*Библиотека* 1984: 288; *Шарыпкин* 1963: 164—165).

¹⁰ Это посвящение отсутствовало в первой публикации стихотворения в «Понедельниках газеты “Слово”» (1906. № 10. 17 апреля. С. 2; номер газеты в продажу не поступил. Известен его экземпляр, присланный И. Ф. Анненским И. А. Шляпкину — ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 672), впервые оно обозначено в книге Блока «Нечаянная Радость» (*Блок* 1907: 3) и сохранялось во всех последующих переизданиях стихотворения.

¹¹ Подробнее см.: Блок 1981: 5—62.

¹² О прямом воздействии цитированного стихотворения в данном случае говорить не приходится, поскольку «Юхано» датируется 9 сентября 1906 г. — полугодом спустя после написания «Сольвейг» (Городецкий 1987, 1: 129).

¹³ Вл. Пяст свидетельствует, что, когда Городецкий читал «Ярилу», «Блок похваливал стихи» (Пяст 1929: 71).

¹⁴ Ср. суждение Вл. Рындзюна в статье о книге Блока «Стихи о России»: «Последние две строчки могли бы служить эпиграфом для всей книжки: чем непрогляднее внешний лик России <...>, тем (вечно русская черта) глубже страдательная любовь даже к ее дыму, даже к ее падениям» (Рындзюн 1916).

¹⁵ В связи с появлением статьи К. Аггеева Блок записал (6 ноября 1914 г.): «Священник К. М. Аггеев улыбнулся мне (в статье, в «Биржевых ведомостях»)» (Блок 1965:246).

¹⁶ См., например: Гинзбург 1974: 291, 308 (отмечена, в частности, параллель со стихотворением Некрасова «Влас»); Скатов 1985: 323—326. С блоковскими строками «А, воротясь домой, обмерить// На тот же грош кого-нибудь» ср. в стихотворении «Влас»: «Не поверит гроша медного,// Второе с нищего сдерет!»; возможна здесь также реминисценция из стихотворения Некрасова «Утро» (1872—1873):

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть:
Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

¹⁷ Высказывание приведено Розановым в очерке «Из припоминаний и мыслей об А. С. Суворине» (Суворин 1913: 15)

¹⁸ Письмо впервые опубликовано (в полном объеме) по копии, снятой Блоком и отправленной им 9 июля 1919 г. Н. В. Розановой, дочери Розанова (Беляев, Флейшман 1972: 402—403), вторично (однако с указанием: «Печатается впервые») в кн.: Розанов 1989: 516—518, 576—577.

Библиография

Абрамович 1909 — Абрамович Н. Я. Поэзия Александра Блока// Новый день. 1909. № 4. 10 авг. Подпись: Петр Верховенский.

Абрамович 1910 — Абрамович Н. Я. «Прекрасная Дама» Ал. Блока//Женщина: Литературно-художественный альманах. М., 1910. Кн. 2. С. 125—141.

Аггеев 1914 — Аггеев К., свящ. Национальный вопрос пред судом религии// Биржевые ведомости. 1914. №14476. 5 ноября. Утр. вып.

Альфонов 1957 — Альфонсов В. Н. Тема России в лирике А. А. Блока в 1905—1916 гг./Учен. зап. Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена. 1957. Т. 164. Ч. 1. С. 3—39.

Аскольдов 1918 — Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции//Из глубины: Сб. статей о русской революции. М.; Пг., 1918. С. 20—54.

Балтрушайтис 1903 — Балтрушайтис Ю. Колокол//Северные цветы. М.: Скорпион, 1903. Альманах 3. С. 180.

Балтрушайтис 1912 — Балтрушайтис Ю. Горная тропа: Вторая книга стихов. М.: Скорпион, 1912.

Барыкова 1897 — Барыкова А. П. Стихотворения и прозаические произведения. СПб., 1897.

Беляев, Флейшман 1972 — Беляев С. А., Флейшман Л. С. Из блоковской переписки// Блоковский сборник П. Тарту, 1972. С. 398—406.

Библиотека 1984 — Библиотека А. А. Блока: Описание/Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина. Л., 1984. Кн. 1.

Блок Грешить... 1 — Блок А. А. Грешить бесстыдно, непробудно...: Черновой набросок. 30 дек. 1913 г.// ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 1.

Блок Грешить...2 — Блок А. А. Грешить бесстыдно, непробудно...: Черновой набросок. 26 авг. 1914 г.//ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 2.

Блок Моя декламация — Блок А. А. Моя декламация, роли, заметки, стихи разных поэтов, выписки из книг и пр. 1898 и позднейшие университетские времена//ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 175.

Блок 1907 — Блок А. Нечаянная Радость. М.: Скорпион, 1907.

Блок 1927 — Письма Александра Блока к родным. Л., 1927. [Т. 1].

Блок 1932—1934 — Блок А. Собр. соч. Л., 1932—1934. Т. 2, 11.

Блок 1960—1963 — Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1960—1963.

Блок 1965 — Блок А. Записные книжки: 1901—1920. М., 1965.

Блок 1980 — Александр Блок в воспоминаниях современников. В 2-х т. М., 1980. Т. 1.

Блок 1981 — Блок А. А. Переписка с А. А. и С. М. Городецкими//Вступ. статья и публикация В. П. Енишерлова. Комментарии В. П. Енишерлова и Р. Д. Тименчика//Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. С. 5—62. (Литературное наследство. Т. 92).

Волошин 1910 — Волошин М. Стихотворения: (1900—1910). М.: Гриф, 1910.

Волошин 1923 — Волошин М. А. Ангел смерти (1923)//ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 130.

Гауптман 1897 — Гауптман Г. Потонувший колокол: Сказка-драма / Пер. В. П. Буренина. М., 1897.

Гауптман 1900 — Гауптман Г. Драматические соч./Пер. под ред. и с предисл. К. Д. Бальмонта. М., 1900.

Гинзбург 1974 — Гинзбург Л. Я. О лирике. 2-е изд. Л., 1974.

Гиппиус 1904 — Гиппиус З. Н. Собрание стихов: 1809—1903 г. М., 1904.

Городецкий 1907 — Городецкий С. Яр: Стихи лирические и лироэпические. СПб., 1907.

Городецкий 1913 — Городецкий С. Ива: Пятая книга стихов. СПб., 1913.

Городецкий 1987 — Городецкий С. М. Избр. произв.: В 2-х т. М., 1987. Т. 1.

Достоевский 1973 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30-ти т. Л., 1973. Т. 8.

Ибсен <1905—1907> — Ибсен Г. Полн. собр. соч./Пер. с датско-норвежского А. Ганзен, П. Ганзен. М.: Изд. С. Скирмунта., <1905—1907>. Т. 1, 4.

Иванов 1915 — Иванов Г. Стихи о России Александра Блока//Аполлон. 1915. № 8/9. С. 96—99.

Лермонтов 1920 — Лермонтов М. Ю. Избранные стихотворения. Берлин; Пб.: Изд. З. И. Гржебина, 1920.

Лермонтов 1980 — Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4-х т. Л., 1980. Т. 2.

Максимов 1964 — Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова. М.; Л., 1964.

Мережковский 1915 — Мережковский Д. С. Было и будет: Дневник: 1910—1914. Пг., 1915.

Миц 1971 — Миц З. Г. Блок и Достоевский//Достоевский и его время/Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридляндера. Л., 1971. С. 217—247.

Миц 1973 — Миц З. Г. Лирика Александра Блока. Тарту, 1973. Вып. 3.

Никитин 1886 — Никитин И. С. Сочинения. 4-е изд. М., 1886. Т. 2.

Никольский 1915 — Никольский Ю. Александр Блок о России//Русская мысль. 1915. № 11. Отд. III. С. 16—19.

Ожигов 1915 — Ожигов А. Александр Блок. Стихи о России//Современный мир. 1915. № 9. Отд. II. С. 188—189.

Пяст 1929 — Пяст В. Встречи. М., 1929.

Рашковская 1921 — Рашковская А. Некрасов и символисты//Вестник литературы. 1921. № 12 (36). С.5—15.

Розанов 1909 — Розанов В. В. Попы, жандармы и Блок//Новое время. 1909. № 11829. 16 февр.

Розанов 1989 — Розанов В. В. Мысли о литературе / Сост., вступ. статья, комментарии, указ. имен А. Н. Николюкина. М., 1989.

Розанов 1995 — Розанов В. В. О писательстве и писателях. М., 1995.

Рындзюн 1916 — Рындзюн Владимир. «Сегодня» и «вчера» в русской поэзии// Приазовский край (Ростов н/Д). 1916. № 173. 3 июля.

Скатов 1985 — Скатов Н. Литературные очерки. М., 1985.

Спроге 1986 — Спроге Л. В. Лирический цикл как «поэмообразная» структура: (А. Блок. «О чем поет ветер»)//Жанры в литературном процессе: Межвузовский сб. научн. трудов. Вологда, 1986. С. 28—39.

Суворин 1913 — Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. СПб., 1913.

Шарыпкин 1963 — Шарыпкин Д. М. Блок и Ибсен//Скандинавский сборник. Таллин, 1963. Т.VI.

ОБЗОРЫ И ПУБЛИКАЦИИ

С.В. Самойлова
Москва

1812 год. Петербургские письма: Н. М. Лонгинов — М. С. Воронцову.

...Минуло уже сто восемьдесят три года с начала Отечественной войны 1812 г., но не ослабевает интерес к этому великому событию для судеб России и Европы. Опубликованы разнообразные источники, написано множество работ как с детальным анализом всех военных операций, так и с характеристикой общественных настроений сложного, драматичного времени. И все же исследование никогда не может быть полностью закончено. Оно лишь расширяется и углубляется с привлечением новых свидетельств, позволяющих всесторонне взглянуть на предмет и увидеть в нем ранее, быть может, не замеченные линии и краски. Такой источник — предлагаемые читателю письма Н. М. Лонгинова к графу М. С. Воронцову. Доныне нигде не опубликованные, они содержат не только блестящую характеристику общественной атмосферы Петербурга 1812 г., но и являются, по периодичности своей и полноте, настоящей летописью Отечественной войны и всех связанных с нею событий, как представлялись они хорошо образованному, изрядно осведомленному и искреннему в изложении своих мыслей современнику.

Николай Михайлович Лонгинов (1775—1853), сын сельского священника Харьковской губернии, был определен после окончания в 1798 г. коллегиума к православной церкви российского посольства в Лондоне. Перейдя вскоре на гражданскую службу, он много работает в канцелярии и архиве, чем привлекает внимание посла — графа С.Р. Воронцова, который, отметив

похвальные качества Лонгинова, заботится о его продвижении. Именно по рекомендации Семена Романовича приехавший в Лондон по делам коалиции товарищ министра внутренних дел П. А. Строганов отправляет Лонгинова в 1806 г. с поручением в Париж. Знакомство со Строгановым и эта поездка круто изменили его дальнейшую судьбу.

Вернувшись осенью того же года в Россию, Лонгинов назначается чиновником в Коллегию иностранных дел. С 1809 г. вместе с З. Н. Посниковым, тогда обер-прокурором Сената, он заведует делами С. Р. Воронцова в связи с отъездом сына его в Молдавскую армию. Живет в Петербурге, в графском доме на Малой Морской, имея значительное жалованье и продолжая считаться на службе в Министерстве иностранных дел, где «остаётся праздным», а потому в конце 1811 г. переходит в Ведомство министерства финансов.

Коллежский ассессор, Лонгинов в апреле 1812 г. по протекции графа и графини Строгановых становится секретарем императрицы Елизаветы Алексеевны, получив 2000 рублей жалованья и 4000 из собственных денег государыни — «для содержания экипажа и прочих необходимых издержек прилично» его «службе и званию при особе ее». Дважды сопутствует он императрице в заграничных путешествиях — в 1813—1815 и в 1819 гг.

Последовательно поднимаясь в Табели о рангах, Лонгинов к концу своей жизни являлся действительным тайным советником, сенатором, членом Государственного совета. В царствование Николая I он исполнял должность статс-секретаря, а также заведовал всеми благотворительными учреждениями и учебными заведениями, состоявшими под покровительством императрицы Александры Федоровны.

Всецело обязанный возвышением С. Р. Воронцову, ценя внимание, какое оказал молодой граф Михаил Семенович братьям его, Лонгинов не только в свое время преданно заботился о воронцовских имениях, но и выполнял различные поручения при дворе, находясь с Воронцовыми в постоянной переписке.

Письма Н. М. Лонгинова в Лондон, к жившему там после выхода в 1806 г. в отставку С. Р. Воронцову

напечатаны в 23-й книге «Архива князя Воронцова». Обширнейший же комплекс посланий к сыну его, за исключением отдельных фрагментов, нигде не публиковался. Он насчитывает 19 томов, датируемых 1809—1847 гг., и прежде чем остановиться на выборке из писем 1812 года, необходимо рассказать об адресате — графе М. С. Воронцове (1782—1856), крупном государственном деятеле России первой половины XIX века, личности в высшей степени замечательной.

Воспитывавшийся в Англии и получивший прекрасное европейское образование, М. С. Воронцов приехал в Россию девятнадцатилетним юношей и к 1812 г. был известен как один из лучших офицеров, командиров русской армии; участвовал в войнах с Ираном, наполеоновской Францией и Турцией. Кампании 1812—1814 гг. принесли генералу Воронцову еще большую славу и популярность. Гренадерская дивизия, которой он командовал с марта 1812 г., в составе 2-й Западной армии князя Багратиона находилась при отступлении в арьергарде наших войск, сражаясь под Романовым (2 июля), Дашковым (11 июля) и Смоленском (4 августа).

В Бородинской баталии Воронцов оборонял Шевардинский редут и Семеновские флеши. После боя от сводных гренадерских батальонов (4000 солдат) осталось 300: сопротивление дивизии кончилось «с окончанием ее существования», как скажет Воронцов впоследствии. Раненный тогда, он отправился через Москву в свое имение, село Андреевское Владимирской губернии, где организовал госпиталь, вместивший более 350 человек — от генералов до рядовых.

Явившись по выздоровлении в 3-ю Дунайскую армию адмирала П. В. Чичагова близ Вильно, граф получил в командование особый авангардный отряд. С ним он занимает 30 января 1813 г. Познань, за что был пожалован в генерал-лейтенанты.

Во время заграничных походов Воронцов в составе Северной армии принимает участие во всех основных сражениях, особо отличившись в битвах под Лейпцигом и Краоном. Будучи в 1815—1818 гг. командующим русского оккупационного корпуса во Франции, граф Ворон-

цов проявил себя крупным администратором и умелым дипломатом. Отмена в корпусе своевольных телесных наказаний, заведение ланкастерских школ и аудиторских судов — вот лишь немногие из его начинаний, не говоря уже об установлении добрых отношений с французским правительством и местным населением.

Дальнейшая деятельность М. С. Воронцова связана с югом России. На посту Новороссийского (с 1823) и Бессарабского (с 1825) генерал-губернатора в полной мере проявился его талант «гениального администратора», во многом опередившего свою эпоху. Даже назначенный полномочным наместником и главнокомандующим на Кавказе (1844 — 1854), Воронцов не переставал заниматься делами Бессарабского края, соединенного, по его мнению, с первым «общими интересами благосостояния и торговли».

На всех своих служебных постах М. С. Воронцов был «великим реформатором». Воспитанник Англии, граф был привержен европеизму, а точнее — принципам рационализма, беря лучшее из опыта развития европейских стран и применяя в России, что заставляло многих современников считать его «более лордом, чем боярином». Однако для Воронцова все это представлялось лишь средством для достижения процветания великой Российской империи, которая должна не только силой оружия своего встать вровень с развитыми европейскими странами.

Данная сторона взглядов М. С. Воронцова особенно важна для понимания позиции самого Лонгинова — его корреспондента. И не только того, как уживалось в последнем преклонение перед Англией и ее деятелями, ярко выраженное в этих посланиях отношением к Веллингтону, с сильнейшим русским патриотизмом и уверенностью, что Европа всегда и во всем против России. Наличие в письмах Н. М. Лонгинова стройной и доказательной политической концепции является главным их достоинством и отличием от иных комплексов частных корреспонденций 1812 г., где нередко превалирует описание, и в бессистемности оценок трудно разглядеть во всей полноте действительные воззрения автора на происходившие события.

Известно несколько попыток представить общую картину атмосферы войны 1812 г. по письмам современников. Одна из последних относится к 1988 г., когда был опубликован сборник частной переписки этого времени «К чести России».

В этой палитре разнообразных толков и настроений, свидетельствуемых различными по социальному происхождению и занимаемой должности людьми, выделяются письма И. П. Оденталя (1776—ок.1813) — переводчика и цензора иностранных газет при Петербургском почтамте к А. Я. Булгакову, тогда личному секретарю московского военного губернатора Ф. В. Ростопчина. Это единственный в книге комплекс писем (11 июля — 15 ноября), и интересно сравнить его с подобным же Лонгинова, хотя бы потому, что пишут оба из Петербурга. Данное сопоставление и выявляет необычность корреспонденций Лонгинова как с точки зрения содержащейся в них информации, так и позиции, взглядов автора.

Уже по июньским письмам видно, насколько различались у двух петербуржцев душевный настрой, восприятие начавшейся войны с французами, а также оценка происходившего в армии и в столице. Если Оденталь, подобно многим другим, ждал быстрого и легкого разбития «Наполеонова войска» и лишь со временем осознал всю тяжесть положения России, то Лонгинов изначально очень реалистичен. Всплеск эмоций, сопровождавший начало противоборства с «врагом вселенной», обнаружившим наконец истинные свои намерения, не смог возобладать у него над всегдашней продуманностью и трезвостью суждений. Ни минуты не сомневаясь, что Россия освободит победой своей мир от «злодея», Лонгинов не исключает временных неудач, основываясь на хорошем знании международной политики, французской армии и состояния самого Бонапарта. Объем журнальной публикации да и цель ее не позволяют включить все пространные рассуждения Лонгинова о внешнеполитических делах и о роли на континенте Российской империи. Однако важнейшие оставлены, так как именно они отличают Н. М. Лонгинова от других его современников, которые летом 1812 г. были в состоянии говорить лишь о военных действиях.

Лонгинов всегда ставит Россию в рамки международной политики и рассматривает подобным образом саму войну и гипотетические ее результаты, уже в июле, при отступлении русской армии, рассуждая о целесообразности и возможности похода в Европу — акте большого политического значения. Со времени заграничных походов тема успокоения Европы, его способов и средств, займет ведущее место как в русской внешней политике, так и в общественном мнении. Появится множество официальных и частных источников с обоснованием такого курса, и система взглядов Лонгинова, будучи хотя далеко не оригинальной, но стройной в изложении и яркой стилистически, является одной из первых.

От уровня зрелости и взвешенности суждений зависит и достоверность содержащейся в письмах информации, так как степень осведомленности автора происходит не только и не столько от круга его знакомств, но из желания или нежелания в соответствии со своими взглядами толковать тем или иным образом определенные факты. В этом смысле, если сравнить письма Лонгинова и Оденталя, легко можно обнаружить, что, вопреки заявлениям первого о включении в послания «сплеток», его осведомленность, и именно в вышеописанном плане, была намного большей. Достаточно лишь посмотреть на рассказы о Бородинской битве и парижском возмущении октября 1812 г. Бородино у Оденталя (письмо от 30 августа) — «враг опрокинут, сбит с места, преследуем нашими героями» — довольно контрастирует с Бородином Лонгинова (1 сентября): победой, стоящей потоков крови, победой-потерей, не обросшей слухами о погоне за неприятелем. А сведения Оденталя о заговоре Мале, как о «революции во Франции» с выборами нового короля, как это хотелось бы русской публике, совсем не похожи на лонгиновское изложение событий по Монитеру, говорящему о действительной неудаче этого выступления.

П. А. Николай — в декабре 1811 — августе 1812 г. поверенный в делах в Стокгольме, а в сентябре—ноябре 1812 г. в Лондоне; С. Р. Воронцов; посол Англии в Петербурге лорд Каткерт; генерал Роберт Вильсон —

английский эmissар при Кутузове и неофициальный осведомитель Александра I — вот лишь немногие, часто упоминаемые в письмах личности, от которых Лонгинов в основном черпал свою информацию о происходящем в армии и в Европе. Нельзя забыть здесь и самого Воронцова, которому Лонгинов больше всего доверял как непосредственному свидетелю боевых операций и человеку, близкому по взглядам, логике рассуждений. Мнение М. С. Воронцова иногда даже в корне изменяло представления Лонгинова: например, о Бородинской баталии как стратегическом поражении русской армии. Последнее особенно важно, поскольку в сборнике, где напечатаны письма Оденталя, утверждается, что ни один из генералов и офицеров, писавших домой после битвы, не разделил точку зрения Барклэя-де-Толли о поражении под Бородином. Ермолов, Винценгероде, Беннигсен уже в сентябре отмечали: последствия показывают, что сражение 26 августа было проиграно. Последствия — это отход из Москвы, событие, мнение о котором Лонгинова представляет значительный интерес. Страдая и стыдясь потери древней столицы, не оправдывая ее оставления «тактическими планами», он тем не менее не стал недоброжелателем Кутузова, а пытался понять, какие «важные причины» заставили отступить. С другой же стороны, Лонгинов со свойственным ему психологизмом твердо стоял на позиции, что «если через отдачу Москвы мы много выиграли», то страшно моральное зло от ее потери, возможность упадка духа войска, если не начнутся наступательные операции. Даже в период неизвестности, вызванной прекращением сообщений между Москвой и Петербургом, Лонгинов не терял самообладания, основываясь на упоминавшемся знании реальной расстановки сил и полководческого таланта Наполеона, который не осмелился бы разделить войска, направив часть из них на Петербург.

Об отношении Лонгинова к Наполеону стоит сказать особо. Он соединил широко распространенное в русском обществе представление о Бонапарте как порождении революции — безбожнике, восприятие его как властолюбивого тирана, завоевателя, поправшего

права народов, с должной оценкой его полководческого и политического таланта. Эта многогранность «образа Наполеона» в письмах Лонгинова больше всего подчеркивает его хладнокровие, нежелание даже в столь горестный для страны момент руководствоваться во всем без разбору лишь отрицательными эмоциями, ведущими к излишней односторонности.

Едкая ирония, возбужденная речь граничат в лонгиновских посланиях со спокойствием и сдержанностью во мнении. Эта двойственность ярко выражена в суждениях о людях. С одной стороны, преобладает стремление находить и положительные и отрицательные стороны — позиция, воплощенная в характеристике английского адмирала Бентинка: «должно быть, большой интриган, но человек умный». С другой — резко негативное или же насмешливое, язвительное отношение к некоторым лицам, заслужившим его, по мнению Лонгинова, своими поступками. Подобными в письмах предстают: Н. П. Румянцев — министр иностранных дел и канцлер; В. П. Кочубей — бывший министр внутренних дел, а в 1812 г. председатель департамента экономии Государственного совета; О. П. Козодавлев — министр внутренних дел. Люди эти — члены правительства, к которому Лонгинов в 1812 г. относился очень скептически, признаваясь в сентябрьском письме С. Р. Воронцову, что «если Россия и устоит..., то одному провидению и своему народу тем обязаны будем, а не правительству».

Румянцев — изменник и враг отечества: «умышленно ли он действовал или от глупости, опоздав с Турецким и Английским миром, в союзе с Швецией и планируя при взятии Москвы мир заключить?» Козодавлев — его креатура — «никакого никогда влияния, даже понятия о политической системе нашей, если то можно назвать системою, не имел». Кочубей — вывезший из Парижа план «всеобщего преобразования» и возвысивший Сперанского: «глупого и сильного покровителя целой шайки изменников и предателей», которые доставили врагу важные бумаги, касавшиеся ведения войны, и наводнили армию себе подобными; хотя «до сих пор неизвестно наверно, в чем состояла вина сих ссылочных»...

Это «хотя» и является отличительной чертой Лонгинова, во всем ищущего причины и объяснения, пусть выражает он и расхожее в обществе мнение о тех или иных лицах.

Итак, перед нами письма человека самобытного, оригинального, но в то же время полностью отразившего взгляды и черты петербургского высшего общества 1812 г. Человека, не только многообразно воспринимавшего все события, но и показавшего само многообразие современной ему действительности. Человека, еще в начале июля 1812 г. (задолго до Льва Толстого) заговорившего о «дубине народной войны», предсказавшего бегство Наполеона от Чичагова на Березине... Человека, много рассуждавшего об истинном и ложном патриотизме, необходимости и уместности его как фактора психологического воздействия — «общественной пропаганды», направлявшей дух и мнения в критический момент.

Письма Н. М. Лонгинова к М. С. Воронцову часто отправлялись с курьерами — не проверялись, а потому можно было откровенно обо всем говорить, к тому же «самое секретное» обычно писалось по-английски.

Привлекает внимание и выразительный русский слог писем. Корреспонденции в Лондон, к С. Р. Воронцову, почти все шли по-французски: несмотря на тождественность некоторой информации, они поэтому не могут заменить схожие по фактам русские письма, не говоря уже о разнице стилей и акцентов в «общении» Лонгинова с отцом и сыном Воронцовыми*.

Хранится публикуемая здесь корреспонденция в Центральном государственном архиве древних актов — фонд Воронцовых (Ф. 1261). Оп. 3. Ед. хр. 1453. Ответные письма М. С. Воронцова находятся в архиве Н. М. Лонгинова в Институте русской литературы. Публикация их — дело будущего.

* В № 4 «Русского архива» за 1912 г. напечатан русский перевод писем Н. М. Лонгинова к С. Р. Воронцову (12 мая — 14 декабря 1812 г.) из упоминавшегося 23 тома «Архива князя Воронцова». Однако он ни в коей мере не может заменить французский подлинник, ибо в нем сделаны не только многочисленные купюры, но и искажение смысла и эмоциональной окраски текстов посланий из-за неаккуратности (или преднамеренной неточности) перевода.

Письма Н. М. Лонгинова к М. С. Воронцову

1

Петербург, 9 января 1812 г.

...Мы кончили святки весьма дурно. В последний день, то есть 7 числа, в самое начало спектакля в Эрмитаже сделался пожар в Аничковом дворце, коего большая часть выгорела, и по несчастью самая лучшая и богатая, состоящая из всех парадных комнат. Другая половина, хотя и уцелела, но страх, замешательство и лишнее усердие, обыкновенно случающиеся в такой суматохе, привели и ту в состояние, жалости достойное: все окошки разбиты, из них летели все мебели, убранства и пр. Одним словом, едва ли что ... осталось из всего великолепнейшего собрания драгоценностей, кои тут заключались

Около месяца назад я нарочно ездил в первый раз смотреть сей дворец, и теперь даже жаль, что я видел то, чего теперь нет или осталось только в кусках и обломках. Пожар продолжался целую ночь и большую часть вчерашнего утра. Горголий¹ чуть не лишился жизни и получил такой удар в плечо, что теперь опять полиция поручена на время Кутузову. — В Аничковом дворце повар, живший как наш швейцар ... на чердаке, затопил печь, ушел провожать святки и возвратился, когда уже все здание было в огне. — Третьего дня во время пожара была свадьба Долгорукого с Гагариною, и наш министр финансов², посаженный отец, веселился не больно много, видя истребление миллионов до двух, тогда как наши финансы и без того в плохом положении... — Кстати, о свадьбах прибавить, что никогда их так много не было. Вот теперь еще Нессельрод женится на Гурьевой. Вот будет второй том Дюнора с Mlle George по росту...

2

С.Петербург, 16 января 1812 г.

...О политике глубокое молчание. Заверно однакож известно, что Швеция в тесной связи с нами; Пруссаки

ничего другого также не желают, если мы в случае войны воспользуемся ими прежде, чем Бонапарт их задушит. Об Австрийцах однакож слухи в городе неприятные, что они нам недоброхоты ни в чем, и полагаться на них вовсе нельзя; напротив, предосторожность должна быть с ними удвоена...

3

С.Петербург...*

...Здесь теперь много шуму наделала странная, но истинная новость из Неаполя, где Российская и Французская миссии подрались на дуэле, и наша, как утверждают, одержала верх. Дело вышло за первый шаг: Фр<анцузский> Министр Dugand сунулся вперед; но Кн. Долгорукий его оттолкнул, давши ему порядочного тумака. Из него вышел дуэль на шпагах: оба Министра ранены, но французский опасно. Его советник почел тогда за нужное... от себя послать картель Долгорукому; ...Конст. Бенкендорф до того не допустил и сам его принял. Кровавопролитная сия война двух миссий кончилась тем, что француз без уха остался, а Б. получил только легкую рану в руку саблею. Долгорукому отказано от двора: но не меньше того победа его³. Известие сие пришло третьего дня с нарочным курьером; но о последствиях ничего еще не известно. — ...Наш поверенный в делах в Риме посажен в крепость Finetrelle, где и умер. Теперь бедная жена его в Венеции с кучею детей, лишившись всего от грабительства фр<анцузов>, имеет даже неудовольствие видеть квартирующую у себя строгую полицию, которая наблюдает, чтобы с нами она сношений не имела. Вот наш мир и союз с Бонапартом. Теперь однако же весьма громко о приближении войны говорить начали, а приготовления делаются в большой скрытости. Бон<апарт> в своей речи Сенату именно сказал, что войска выводит из Гишпании по причине желтой горячки; но что податей нельзя уменьшить, потому что присутствие сих самих войск нужно на Севере, и что сия будет его последняя война...

* Дата стерлась. Вероятно, конец января 1812 г. Получено письмо М. С. Воронцовым 29 марта 1812 г.

4

С.Петербург, 6 февраля 1812 г.

...Четвертого дня прибыл сюда Прусский Генерал-адъютант Кнезибек, и на другой день имел аудиенцию, для какового случая Государь отложил и поездку в Гатчину, хотя то был день именин вел. Княгини Анны Павловны. — Одним словом, война есть эхо, наполняющее город. В последнее воскресенье дан в Эрмитаже Richard coeur de Lion и при сем случае les allusions aux circonstances ont été applaudies avec fureur. Пламя загорается, и, кажется, до самых границ наших нет такого предела, который бы мог помешать его распространению. Даже и сам Р<ичард> пристаёт, сверх всякого чаяния, к большинству голосов; и это есть мера, по которой можно заключить о вещах и делах, если не безошибочно, то к правдоподобию близко. Многие полагают, что у вас уже подвигание в войсках началось...

5

С.Петербург, 9 февраля 1812 г.

...Теперь скажу вам коротко, что здесь все дышит войною с французами. Деятельность и движение во всем неутомимые; курьеры между нами и Пруссиею и Швециею непрерывные. Чем все это кончится, Богу известно; но почти все уверены, что у нас решительно на войну склонны, но на оборонительную однакож.

Следовательно, от Б<онапарта> зависеть будет, продолжат ли так, как начал, или останутся. Предвидеть сего нельзя, хотя и известно, что он не любит останавливаться sur un si beau chemin; но так же и обстоятельствами он лучше нас пользоваться умеет, показывая вид умеренности, тогда как оной в сердце нет...

6

С.Петербург, 16 февраля 1812 г.

...У нас войск, благодаря Бога, довольно, чтобы поставить против злодеев, но дома суцая беда не только от поляков, кои все нам недоброхоты, но и от других обстоятельств. Our finances are in a most distressing state

imaginable, and really I do not conceive, how we are to act, not with standing the new taxation imposed a few days ago to an amount, as it is supposed, of 80 millions. I am told, that Labot has presented a note, that he has no means whatever to procure sufficient magazines to feed such a number of troops; that he receives no money for that purpose and that his departement has lost entirely the credit to procure flour by contract, as the former contractors not being paid, some of them are ruined, and the rest are with held by the example of their fellow-sufferers. Labot told me himself about a month ago, that he had to receive nearly 15 millions for his departemant, but in fact he had received only three, and as, to the rest he could not even obtain a resonable ensure.

...Долгорукий и Бенкендорф из Неаполя отозваны за славный дуэль. Я ошибся, написав вам, что последний дрался с советником франц<узского> посольства; выходит, что сие было с гофмаршалом Мюрата. Последний удивительно нашелся, когда увидел пред собою обоих Министров, вместе вскочивших к нему, лишь отворилась дверь. *J'aime á voir cet empressement*, — сказал он, — *et je vous en sais gré!*..

7

С.Петербург, 1 марта 1812 г.

...В течение сей недели прибыли из Парижа Сердобин, Чернышев и два фр<анцузских> курьера. Хотя последние и привезли, как слышно, уверения о мире и дружбе; но мы научились их ценить, по-видимому, так что не похоже ныне, чтоб мы отступили от решимости на войну...

Чернышев почти не показывается и весьма молчалив. Говорит однакож, что Б<онапарта> оставил он в Париже в приужасном насморке и в необъятной печали от того, что и войны сей не ожидал... так скоро, и что выбор его в наследники себе оказался неудачным, хотя он искал его в тысячах. Увы! Римский Король носит уже все признаки *de Cretin et promet un modèle d'imbécillite*. Императрицу свою посылает он в Вену в немалом удивлении, что она не коронована; *ce qui trahit une arière pensee qu'il doit rouler dans sa tête...*⁵

8

С.Петербург, 9 марта 1812 г.

...Из заграничных новостей ничего особенного нет. Слухи распустили, что будто французы уже в Мемеле; хотя и легко бы им туда пробраться из Кюстрина, но уже слишком рано начали врать столько вздоров, что и верить ничему нельзя.

Все, что есть известного, ограничивается тем, что полки отзываются из Гишпаниии. Многих они не досчитаются на обратном пути; а остальные поучились кое-чему любопытному и довершат свои познания по великом покровителе противу Русских. Б<онапарт> сказал в публичке: *avant que l'Emp<ereur> de Russie trouve un comandant en chef pour sa armée, mes aigles seront aux portes de Riga.* Посмотрим, удастся ли его хвастовство...

9

С.Петербург, 27 марта 1812 г.

...Из прилагаемого Манифеста о втором рекрутском наборе по новой ревизии увидите, что принятые меры не ослабевают. Неужели Господь... оставит Россию при всех ее пожертвованиях и при всей правоте ее начинаний для блага общего целого света и своей собственной безопасности, славы и бытия? Статься не может. Дух, благодаря Бога, хорош, тверд и радостный у всех; надежда на Бога и на мужество наших солдат велика. Остается призвать в помощь того, кого Б<онапарт> призывать в своем не смеет без богохуления и святотатства. Да сопутствует вам, любезный граф, и всему ополчению десница всевышнего и увенчает славою любезное отечество наше. Хотя я и незнатный малый человек, но любовь к нему так велика, как величайшего из патриотов...

10

С.Петербург, 11 апреля 1812 г.

...Третьего дня Государь, после молебствия в Казанском соборе, выехал в путь и, остановясь на некоторое время в Пскове, как слышно, отправится в Ригу и по границе, почему вероятно, что скоро и в вашей армии

будет. Стечение народа было удивительно великое, и вообще желания и надежды всякого на лице были явственны. Благоговение в молитве было всеобщее и производило такое впечатление в душе, коего описать вам не могу. Вседневная молитва и покорити под нозе его всякое врага и супостата в сию минуту возбудила чувство такое, какое никогда еще я не ощущал. При выходе Его величества народ кричал со всех сторон «Ура!», что и продолжалось до тех пор, пока коляска Государева с виду скрылась...

Накануне отъезда Государева я имел счастье представиться у Ее величества, и не могу описать вам, сколько я был обласкан и осчастливлен хорошим и лестным приемом, так что я совершенно был в недоумении, сконфужен, ибо, не видав иначе императрицу, как в публике, где она отменно серьезного виду, я по тому делал свои предположения насчет моего приема и вопросов, кои она может мне сделать. Во всем я ошибся и нашел, что Ее величество совершенно не та, что мы видим в народе^б. Она изволила спрашивать о моем выздоровлении, о моем пребывании в Лондоне при Батюшке вашем и графе Строганове, а особливо о вас и вашем здоровье и известиях от вас, а также о Батюшке вашем, и обо многих вещах и предметах...

11

С.Петербург, 1 июня 1812 г.

...Я слышу от Бутенева, что главная квартира ваша перешла в Пружаны — сближаетесь, и, кажется, скоро надобно слышать много много нового. Сильное желание одолеть врага не попускает мне немало отчаиваться; и сколь ни страшна та минута, которая должна решить судьбу нашу и всей Европы, надежда ни на одну минуту меня не покидает. Дай Бог нам дожждаться радости! — Здесь пустота удивительная и одни лишь вздоры, а нового ничего, и ничего, заслуживающего внимания...

12

С.Петербург, 8 июня 1812 г.

...Нового у нас ничего нет — слухи так надоели, что и дело придется скоро почитать за вздор. Скоро ли решится судьба наша?..

13

С.Петербург, 17 июня 1812 г.

...Вчера получен рескрипт Государя к Гр. Салтыкову⁷ о вступлении французов в наши пределы... Дай Бог, чтобы сдержали слово не полагать оружия до конца, и победа будет и должны быть наша неминуемо, несмотря на все усилия врага, коего способности и силы не могут никак равняться с нашими, хотя бы и превосходнее числом были... — В Ковно ... французы вошли всего पहले. Сначала, так как мы обороняемся и защищаем 300 верст границы, может быть, и будет им выигрыш; но зато после без пощады бить их должно, и показать, что скорее Тамерлан мог бы истребить Россию, чем Бонапарте и вся Европа в союзе против нее. Впрочем, Россия и за Уральскими горами будет Россия и когда-нибудь даст себя почувствовать врагам...

14

С.Петербург, 25 июня 1812 г.

...Получаемые доселе вести из армии довольно делают в городе шуму и смятения; сие от того, что все бабы, куды ни сунься, и еще несколько трусов и отставных генералов, кои, не зная вещей, любят судить, для того чтоб толковать и вздор врать, а не молчать, как бы надлежало. Я, напротив, коего все укоряют тем, что суждения мои равны добрым сплетням, всегда спорю, где могу, и стараюсь утешать и ободрять, сколько сил. В самом деле, и отчаянных удается иногда порадовать; но нелегкое принесло В. П. Титова сюда из Москвы с его *circonstances épineuses comme la queue du cheval de Doctorow*; с ним никак сладить не могу: везде труды мои расстраивает, лишь я отлучусь. К несчастью города, старый заслуженный солдат; почему он здесь оракул некий, только преплачевный и отчаянный, хотя и отдать ему надобно справедливость, что патриот хороший. В настоящих обстоятельствах подобных ему людей в столице держать не следовало бы никак. Все, что делается у вас, по мнению моему, сколь ни худо, неизбежно по системе оборонительной; и, признаюсь, что вред от того надолго будет для нас чувствительным. Что же до самой

сущности войны, надежда ни на минуту меня не покидает. С одной стороны Российский Колосс, с другой почти вся Европа; нельзя подумать без ужаса о последствиях, коих со дня на день ожидаем в молитвах и с душевным благоговением к тому, в руках коего судьба наша и решение оной. По всему, что я замечаю из писем к разным и что слышал от прибывшего вчера курьера, кажется, неприятель чувствует, что для него опасность не меньше, как наша собственная. Подлинно, если бы Бог послал нам победу на первый случай, то не прежде он очнется, как на Висле. Надеюсь, что тогда мы не останемся позади спокойными зрителями. Чтобы довершить все, надобно идти за ним и отдыха не давать, дабы память навек осталась у него, что есть Россия и сколь страшна врагам своим. Сие есть одно средство навсегда прекратить ужасы, пожирающие Европу 25 лет сряду. — Соединение вашей Армии с первой есть вещь пресчастливая; но я боюсь до крайности худого впечатления от того, что допустили неприятеля в Вильну... Сколько, я думаю, праздников в Вильне. Хотя здесь и толкуют многие, что Бонапарт уже пишет прокламации о назначении Польского Короля и восстановлении Речи Посполитой; но, признаюсь, я не верю сим слухам и не думаю, чтобы он осмелился делать вещи сего рода, кои удавались ему с Австрийцами, Пруссаками и пр. Нет сомнения, что если бы первую он одержал победу, то ничто не удержало бы его от того; но теперь, кажется, он слишком умен, чтобы рисковать своей репутацией, особливо после Гишпанских чванств, кои так худо удались. Недавно еще новые получены оттуда известия, о нападении Гишпанцев по сю сторону Пиренейских гор, где они взяли много контрибуции и плену и спокойно возвратились восвояси. Если они вздумают придти в большем числе, то может худо быть. В Бургосе расстреляли они до 600 человек французов в силу прокламации, что они за всякого расстрелянного Гишпанца расстреляют по 20 человек неприятеля. Один из отрядов .., вошедши в Бургос из Астурии и Баскии и захватив гарнизон, привел в действие прокламацию во всей ее силе. Нет другого средства воевать с ними иначе, а пока мы останемся филантропами, неприятель всегда будет в выигрыше...

При сем посылаю ... книжку об Атилле. Удивительно, как черты схожи с новым Атиллою, кроме того, что древний варвар имел столько чувства, что пощадил Рим из уважения к Папе и почтения к религии, которой он не принадлежал; тогда как нынешний Атилла от всех подобных чувствий совершенно удален и чужд⁸. — В наших газетах вы увидите, что бюлетины или прибавления начали печатать на Русском и Французском языках, новость доселе небывалая...

15

С.Петербург, 11 июля 1812 г.

...Третьего дня получил я от Николая письма, в коих нахожу нового, что Гвардия 28 июня получила приказание быть в готовности к походу; также приготавливаются галеры и другие военные суда для переезда войск и все сие поспеет в первых числах августа. В конце сего месяца диета в Эребро должна кончиться, и тогда Шведы сильно действовать должны. Не поздно ли будет? Признаюсь, сколько я ни стараюсь утешать и ободрять других, часто приходят мне на память времена Ратисбонских происшествий, споры и рассуждения тогдашние насчет военных обстоятельств и ваши заключения, кои оказались справедливее моих. В прошлом году вы писали мне о войне оборонительной, батюшка ваш тогда и теперь точно согласен в мнении вашем. Я признаюсь, помня старые годы, всегда был за наступательную, хотя финансы наши тому великое препятствие. Боже сохрани, если солдат наш обескуражен всегдашними отступлениями — что последует? Особливо и Р<умянцев> там и негоциации сразу могут быть начаты; а коли один раз начнутся, то конец легко предвидеть можно. Сколько я ни тверд и ни бодр духом, признаюсь, не могу все сие сообразить вместе без ужаса. — В газетах вы найдете Манифест о всеобщем ополчении на врага; дух, благодаря Богу, у нас хорош, но уныл от того, что поздно хватились за сию меру безопасности отечества.

Впрочем, нет сомнения, что народ Русский хорош и силен привязанностью к Государю, любовью к Отечеству и своею гордостью; если управлять сими мораль-

ными его силами, он может произвести великие дела, могущие свет удивить и врага заставить раскаяться за его злодейские покушения. Теперь с нетерпением ожидаю посмотреть, что дворянство здешнее, особливо же Московское, учинит вследствие Манифеста. Купцы здесь много подписывают денег; в Москве подписано уже до 2,000,000 <рублей>, как слышно. Народ с радостью восстанет против неприятеля; и дубина в руках, коли другого оружия нет, будет сильно у себя действовать. Дай Бог столько великодушия и непреклонной твердости, чтобы нам равнодушно перенести первые удары, если уже судьбе угодно будет положить начало настоящей борьбе неудачами с нашей стороны... — Если бы вы могли одним оком заглянуть или одним ухом прислушаться, какие слухи и сплетни здесь делаются и говорятя в городе, вы удивились бы, как можно столь бессовестно лгать и столь легковерно сказываемому верить! Бонапарте в Варшаве! Англичане высадили 15,000 в Риге и окопались под оной! В Италии Сардинские и Английские войска из Сицилии вышли на берег и сделали возмущение. Не знаю, где, в Тоскане или Неаполе! Гишпанцы перешли Пиренейские горы! Шведы соединились с нами в море!.. — Кутузов старик здесь; я в первый раз его теперь видел; нельзя быть умереннее насчет нынешних происшествий, достоинство столько необыкновенное и редкое в нынешнем веке. Я нахожу его весьма любезным, а скромность еще любезнее его делает. Зато милые дочки его трубят по городу столько, что сие не сделало бы старику удовольствия — экие шлюхи — свет подобных не производил! В публике те же слухи вызывают в армию Кутузова, чего он и не знает. — Посольства третьего дня, благодаря судьбу, отселе отправились все. За два дня перед тем, гуляя по Англ<ийской> набережной противу Иностранной коллегии, взор мой остановился на галиоте, который нагружали так же, как и лодку большую. Сколько на них было курей, гусей, индеек, коров, баранов, быков и пр. Все сие выносили из архива несчастной коллегии, столь уничиженной ее начальником, что из первых Государственных департаментов она сделалась последнею, из которой все бегут, даже те, кои никогда не

думали ее покидать. Самарин, фл<ота> кап<итан>, которого вы знали в Англии, был приставлен к нагружению сих припасов и сказал мне, что они для посольств, кои высылаются морем до Мемеля или Кенигсберга... — К кн. Багратиону, я слышу, посылали Бенкендорфа; желал бы слышать что-нибудь о сем герое. Графиня Остерман показывала мне письмо к мужу, когда он еще был у Витгенштейна, коим он приглашает его именем армии и всех в главную квартиру в службу. Удивительный человек! Остерман отвечал ему, что он подождет, пока Бенкендорф будет главнокомандующим, чтобы на приглашение его склониться!⁹ Нос славный! Только он никак сих вещей не старается понимать со свойственною ему наглостью...

16

С.Петербург, 20 июля 1812 г.

...При сем письмо из Лондона, полученное третьего дня в вечеру. При сем случае батюшка ваш пишет ко мне о выгодах оборонительной войны, чтобы никогда не выходить из наших крепких позиций и, даже побивши неприятеля, их не покидать и не преследовать.

С одной стороны он весьма справедлив, приводя на память Австерлиц и Пруссию и считая на три кампании, из коих третья, как он математически доказывает, должна сломить голову злодею: *mais qui compte sans son hôte, compte deux fois*, и это большая задача, станет ли у нас самих на 3 кампании способов, духа и охоты, если мы не отнимем оных у неприятеля помаленьку. Оборонительная война вначале полезна, только не всегда с нашими войсками, коих надобно одушевить, ослепить даже славою вдруг и не останавливать. Сверх того, чтобы отнять у неприятеля способы нас задирать, надобно после действовать скоро, быстро, наступательно; тогда Пруссаки, Саксонцы и Австрийцы для него потеряны, а может быть и дальше успехи наши подействуют. Вся эта немецкая дрянь нам ничего не полезна; но у неприятеля мы отнимем тем средства самые сильные, ибо он один умеет ими действовать как собственными своими. — Впрочем, сие говорю в уповании, что буду-

щие дела наши пойдут лучше; ибо теперь целую неделю и более мы ничего здесь о военных действиях не слышим, то есть с 9 числа; Бог весть, что там делается, а слухов полны уши... На прошлой неделе так здесь перепугались все, услышав из некоторых глупых рапортов, что фр<анцузы> в Вольмаре, что начали было пакеты вязать и укладывать, да и Комитет наш был встревожен.

Koutouzoff has been called and it was resolved to give him the command of our few troops here for the defense of the capital. All this was in consequence of a stupid report of some or other official fellow. — В прошлое воскресенье праздновали Турецкий мир¹⁰; но и праздник не в праздник, столько все были встревожены. — На сих днях было дворянское собрание по случаю Манифеста о защите Отечества. В оном положено дать рекрутов с 25 человек, а с тех помещиков, кои имеют здесь дома, а не имения, положен 5^й процент по оценке. Кутузов избран начальником сего ополчения по просьбе посланных от дворянства депутатов, которое он и принял с тем условием, буде Государь на то согласен будет. — Слухи сии о мнимых наших несчастьях до того расстроили дела здесь, что товаров пропасть, а никто их покупать не смеет и денег вовсе было не видать; а биржа похожа на торговый госпиталь, где инвалиды лишь коммерции присудствовали. — Сегодня ждем прибытия Государя из Москвы, о чем повещено от полиции. *Au moins nous serons au courant de ce qui se fait chez vous; car jusqu'ici on n'a eu que des inquiétudes. Ce que l'on faisait n'était pas en effet si mauvais que ce que on nous faisait connaître par ce bulletins si horriblement écrits.* — Известие о мире с Англией весьма кстати подоспело нас порадовать и приободрить. Кроме меня и тех, кто мне сказал о сем за секрет, никто еще о нем не знает. Николай мне о том пишет в письме, полученном третьего дня. Нет сомнения, что оный будет утвержден; но так как сие до прибытия Государя не может быть известно, то молчание весьма у места, и я тех только порадовал сей вестью, коих совесть не сделает сплеток и без того уже несчетных. — ...У нас ежедневно проливные дожди с ужасною грозю...

С.Петербург, 29 июля 1812 г.

Третьего дня получил я письмо ваше, любезный граф, к батюшке вашему от 14 числа сего месяца из ст. Быхова. Благодарю вас душевно за то, что и мне сообщили оное. Содержанием своим сделало оно много удовольствия, видя, сколько войска наши превосходят французские мужеством, а не числом. Дела Витгенштейна, Раевского и Палена приободрили нас; особливо победа первого отменно важна; без нее гг. Удино и Макдональд нет сомнения, что были бы здесь¹¹, да многие, кто потрусливее, и пожитки свои собирать и укладывать начали, а другие уже и отправили. Что делать? Нельзя всем быть храбрыми и великодушными; одному примеру часто следуют тысячи. Вообще же можно смело и смело нам похвастать духом и твердостью, не говоря о жертвованиях для блага общего. С лишком 2000 уже поступили в милицию, а в течение 2 недель, я думаю, вся наполнена будет. Здесь ставят по 1 из 10, в обыкновенных крестьянских кафтанах с красным воротником, ... с 3-месячной провизией; а оружие выдано будет от правительства. Снаряжение каждого человека стоит около 70 <рублей>. Завтра сдадут Мурунских 41 человека, и все уже готово. Я принужден был из присланных от Московской конторы 10,000 <рублей> для батюшки вашего выдать заимобразно здешней 2,000 <рублей> на сей предмет; так как, по нечаянности сей меры, у крестьян нет столько наличных денег, а в здешней конторе на сей раз также достаточно не случилось. В газетах найдете Манифест о сем. Здешней милицией командует Кутузов, пожалованный князем за Турецкий мир. Московской командует граф П. А. Толстой, вместе с 4 другими губерниями, в числе коих Московский начальник граф И. И. Морков, Нижегородский — В. П. Титов, который и отправляется отсюда сегодня, еще Мурамцов и много других из отставных. Из жертвований Москва отличилась удивительно; кроме милиции, купечество предоставило 10, а дворянство 4 миллиона рублей. Многие из частных людей формируют полки., в том числе гр. Мамонтов, Петюша Салтыков

конный, кн. Гагарин Николай егерский пехотный и Демидов; а наш любезный Санти также покинул прокуратуру, чтобы формировать полк, только не на свой счет; но сомневаюсь, чтобы к нему пошел кто, кроме может быть сенатских крючкотворцев. Мамонов представил в пользу общую все свои 7,000 душ, 300,000 <рублей> денег и все бриллианты на 800,000 <рублей> с тем, чтобы Государь выдавал ему только по 15,000 <рублей>.

Разумеется, что Государь всего не принял, а только десятую часть из денег и брильянтов, а из душ позволил ему по произволу составить полк¹², в коем Мамонов просил быть штаб-офицером, не будучи военным и не зная, как командовать; а полковником просил назначить, кого рассудят. Четвертинский туда и назначен. Здесь какой-то Olivieri Гишпанец, как утверждают, товарищ и друг покойного Шиль¹³, формирует казачий полк из охотников, кои носят мертвые головы на шапках, и уже много их набралось. Видно, из экипажей Бонапарте и Виктора, когда Шиль ограбил их в Пруссии, досталась и ему доля изрядная; ибо он ни у кого денег не просит, сам одевает, вооружает и пр., на свой счет. Другой же полк волонтеров формирует один Боде; но сей ни с Шилем не бывал, ни экипажей не грабил, одним словом, гол, как наш брат; однакож успеваешь помаленьку. — Графиня Орлова, говорят, дала 275,000 <рублей> серебром и 1000 лошадей. Здесь Литта дал 50,000 <рублей>, Александр Львович с братом по 20,000 <рублей>¹⁴, а примечательных пожертвований здесь, таких, как в Москве, не видать; да и быть не могло, потому что здесь и Русские на Немцев скатываются. Есть однако же примеры, каковых кроме Англии нигде не найти и кои сделали бы и Британцам честь.

Нечаянное ополчение сие, требующее столь больших издержек от крестьян, есть причиною, что Захар Н<иколаевич> и я рассудили переоброccoli нынешний год не делать и отложить до будущего; ибо налоги выходят и без того чрезмерны...

Здесь рассказывают (ибо я вам пишу и вести и слухи без разбору)), что когда Балашов был у Бонапарте в Вильне¹⁵, то в множестве разговоров о политике, когда Балашов сказал: *l'homme propose et Dieu dispose*, Бона-

парте отвечал: vous pouvez le dire chez vous; chez moi personne ne propose et moi seul, je dispose: et que moi fera l'Empereur de Russie? Sur chaque 5 hommes qu'on me tuera, on n'en tuera qu'un Français en 4 cochons; j'ai 20,000 hommes à depenser par mois, ce taux est fixé chez moi; et vous ne pouvez pas ce faire. Вот изверг. Дай Бог, чтобы ему конец у нас пришел... Если движение Тормасова¹⁶ из Кобрина будет с умом, то, может быть, и сбудется с ним солдатская поговорка, что ему есть 1-я и 2-я западня, разумея западные армии...

18

С.Петербург, 5 августа 1812 г.

...Письмо ваше, любезный граф, от 25 июля из Смоленска к батюшке получено исправно...Я весьма благодарен вам за сообщение одного мне; ибо мнение ваше ободряет меня насчет военных обстоятельств больше несравненно, чем немецко-латинские наши официальные известия из армии, кои и грамматически разобрать трудно, а понимать, едва ли кто сыщется во всей столице...

Город наполнен нашими эмигрантами из Курляндии и Польши, так что уже в трактирах нет ни угла пороженного. Пробывши на даче у Александра Львовича день, мы видели тут пять обозов, идущих из Риги, на коих прибыло множество красавиц, спасающих одно лишь целомудрие, можно сказать; что же до пожитков касается, по недостатку лошадей никто ничего с собою взять не мог, и все тамошние богачи вконец разорены.

Вчера видел я у гр. Салтыковой знаменитую Mad. de Staël, которая везет сына в Швецию на службу и сама оттуда отправится в Англию. Чертами она много походит на Mlle Jardin, ростом же и ухватками более на мужчину, чем на женщину. Говорит много и хорошо; хвалит любезность гр. Румянцева, канцлера, у которого вчера обедала, и приемом вообще довольна. В самом деле нельзя больше быть обласканной, как она; все за ней бегают, дабы в будущем сочинении ее найти свое имя или портрет. Сколько будет таких, кои после раскаиваться в том будут. Ездит она с какими-то двумя

мужчинами, из коих один ее любовник, а может быть и оба¹⁷. — В числе прочих эмигрантов г-жа Бениксен занимает не последнее место. Красота ее, славившаяся столько в Вильне, здесь большого впечатления не делает... Граф Орлов, который все на свете делает, чтобы угодить всему свету, которому свет не отдает справедливости несмотря на все его усилия, прибрал и ее к себе на дачу; так что у него дача сделалась то же, что дом ваш в городе. Там Ливены, Бенкендорфы, Татищевы, Модены и Бениксены — а все кричат: дурак! Я нахожу, что он никак не в состоянии понять, что, стараясь угодить всем, он и тем даже не угождает, кому бы мог угодить...

19

С.Петербург, 9 августа 1812 г.

...Поздравляю вас с новым начальником. Князь Кутузов назначен командовать всеми тремя армиями; а на место Барклая командовать 1-й армией будет Бениксон¹⁸. Первый завтра отправляется. Перемена сия делает большое удовольствие в публике, которая доселе была чрезвычайно встревожена всеми вестями, которые доселе из армии получались. Рапорты Барклая суть такие для всех загадки, что никто ничего понять не может; а оттого больше худого полагают, чем на деле видно. Как бы то ни было, перемена сия не может быть к худшему. Нельзя вообразить, как можно решиться вручить судьбу армии и империи тому, кого еще пробуют; между тем, что сделалось бы, если бы с одного раза существование той и другой рушилось. Как ни толковать в хорошую сторону, мысли всегда имели сей оборот. Теперь, благодаря Бога, утешаемся надеждой, что дела пойдут лучше. Бениксон, говорят, именно написал, что он команды никакой не примет иначе как под Кутузовым...

20

С.Петербург, 17 августа 1812 г.

Вилсон прибыл сюда третьего дня и порадовал нас несколько своими известиями и рассуждениями о состоянии дел в армии. Дух наш уже начал было прихо-

дить в отчаяние, видя столько непонятных и невообразимых событий и еще больше слухов справедливых и ложных, рассеянных по всей столице. Признаюсь, не без опасности было от весьма худых последствий, тогда как все те, кои могли бы направлять мнение публики и ободрять малодушных справедливым изображением происшествий, уехали отсель с Государем в Або, оставив нас в совершенном недоумении и неизвестности на произвол рассказчиков. Чего не было по их речам: смятение в войсках, вражда командующих, разбитие армий, измена; одним словом, все, что могло взволновать мысли и произвести самые ужасные последствия, если бы не поддержали дух известия от Витгенштейна и Эссена об одержанных ими успехах над неприятелем и надежда, что Кутузов принял уже команду и дела иначе пойдут — по крайней мере, что не станут отдавать городов без причины и целых провинций по принципу австрийцев без сопротивления. По системе Барклая после Смоленска ничего уже отдавать не остается кроме самой Москвы.

Вилсон был у меня вчера и показывал мне свои любопытные бумаги; желательно, чтобы оные получили весь успех, какого он надеется. Вообще от Абовского вояжа много ожидать должно. Государь прибыл туда 12. Бернадота ожидали 14, вместе с лордом Каткартом. Хотя и полагают возвращение Государя на завтра, но сие невероятно по причине переговоров, кои должны быть важны и уповательно будут относиться до субсидий¹⁹... — Я всегда согласен с вами, что для побеждения врага и погибели его в наших пределах достаточно решиться никаких предложений о мире не слушать. Сие зависеть должно от начала действий Кутузова. Надеяться можно, что, по крайней мере, он головы не потеряет... — Я удивляюсь, что вы не получаете писем и газет. Это немецкая штука, досель еще не бывшая нам известною, чтобы и вас оставлять в такой же неизвестности, как и нас, или писать одни непростительные глупости, как известия о действиях Винценгероде, где союзные войска, *les forces de la confederation*, названы соединенными неприятельскими силами. Вообразите удивление наше. Зная, что вся наша армия в Смоленске против покушений неприятеля, вдруг найти соединенные силы

его в Витебске. Я вспомнил о донесении Витгенштейна, который полагал войска конфедерации тут, — и понял, что речь идет о них, а не о соединенных неприятельских силах. Вы не можете представить, какое смятение сия глупость здесь произвела. Не только воевать, но и писать не умея, собрались мы побеждать такого злодея, как Б<онапарт>. There is something so singular in the conduct of the person, who was leading amongst you till now, that it is very difficult to decide, whether it is a most complete imbecility or treachery that was the cause of so much mischief. If such measure continued, God knows what misfortunes might have happened in a course of a week or a fortnight, such was the dejection and discouragement in the people, who by a spirit worthy of admiration deserves a better fate than the one which menaced us...

Бентинк еще здесь, весьма умный и хороший человек; только тем попал немного в ridicules, что Mad. de Staël сделала из него своего cavalière servante, которого она всегда и везде за собой таскает кстати и нет. Cette dame prétend avoir un attachement sans bornes pour les Anglais; на месте Англичан я не весьма бы доверял сей привязанности. Вообще я не из числа покровителей сей женщины и не могу забыть, чего стоила Франции и целому свету сия фамилия Женевских пришельцев. Сын, которого она везет в Швецию,.. впрочем... может быть умен, я судить не могу; а по наружности совсем не похож на сына знаменитой в Европе женщины. Я нахожу ее наглою до крайности. Когда Александр Львович дал ей пирушку, гр. Потоцкая приехала и просила ее представить. Mad. de Staël первое слово сказала ей: Avez-vous mal à vos beaux yeux madame? Вы знаете, может быть, анекдот Потоцкой, или я вам его расскажу, что, когда она представлялась французской Королеве покойной, она имела глупость сказать: J'ai mal à mes beaux yeux, гророс, которое сделалось слышным и известным и пребудет таковым в потомстве. Со всем тем, в первый раз с Потоцкою нельзя не почесть наглостью и укоризной напоминание о том.

Сейчас получено письмо от Николая с известием, что лорд Веллингтон разбил Мармонта... Сделанная Англичанами высадка в Каталонии до 18,000 человек и сия

победа должны, кажется, докончить войну в Гишпании... — Если бы наши дела пошли, как Гишпанские, нет сомнения, что злодей должен навсегда погибнуть. С каким нетерпением ожидаем известий о прибытии к вам Кутузова. Все с тех пор здесь успокоилось, и с какими восклицаниями провожал его народ, нельзя того описать. Дай Бог, чтобы надежды наши сбылись — на него только и иметь их можно в настоящем положении дел. На него, как на спасителя, все взоры обращены: however, it is with the utmost reluctunce, that they have conferred upon him this appointment. It is really an inconceivable thing, that one should be looket upon with jealousy in a moment when there is no other means to save the Empire which is going fast to its total ruin and slavery...

21

С.Петербург, 1 сентября 1812 г.

Вчера Березовский обрадовал меня приездом своим, вручив мне письма ваши, любезный граф, из коих одно, извещающее, что Всевышний не оставил вас посреди ужасов 26 числа, спасая Россию от гибели и вас от видимых смертей там, где столько героев пало... Императрица, когда я приехал поздравлять ее 30 числа в 9 часов, первая дала мне известие о победе над врагом и о том, что вы ранены, прибавляя, чтобы я сам не беспокоился на ваш счет и написал бы батюшке вашему, что рана легка и не опасна и что вы даже не покинули место сражения до конца оного. Я вошел во дворец по следам курьера Лосева; никогда такой чувствительной радости при одном его слове: с победою! Слезы изображали ее о спасении отечества и вместе внутреннее беспокойство, что после такой победы всякий недочтется многих из ближних своих. Никогда праздник не бывал столь величествен, ни молитвы столь искренни, как в день Александра²⁰ в Невском монастыре, при стечении народа из всей столицы, наполнявшего монастырь и все пространство до оного. После чтения при молебствии известия о победе и о наградах князю Кутузову, граф Толстой подал ... жене его портрет, минута, которая сделала всем душевное удовольствие,

несмотря на множество недоброхотов ее. — Я не могу довольно изобразить вам, сколько императрица принимает участия во всем, что до вас касается... Сегодня, узнав, что я получил от вас письма, она спросила, могу ли ей показать? Что я и сделал... Она ... со слезами говорила о потере, понесенной армией вообще и в особенности вашей дивизией и Нарвским полком. Но кто не тронется чувствительностью, видя пример такой приверженности и любви к отечеству, такой твердости и мужества? Я сам при всем хладнокровии не мог воздержаться от слез, видя сего воплощенного ангела, оплакивающего победу, стоящую потоков крови и жизни, стольких тысячей добрых и великодушных Россиян, принесших себя в жертву спасению Империи, Святости, Закона и защите Государя и своих соотичей... Подлинно пример сей должен послужить Государю доказательством, что с таким народом не только можно быть в безопасности, но все предпринять, даже освобождение всей Европы, несмотря на то, что большая оной часть того и не стоит...

22

С.Петербург, 7 сентября 1812 г.

...4-дневное молчание из армии... Что делать? Мы все здесь в беспокойстве и суете. Сколько я ни креплюсь и ни уповаю, что враг занес шаг к совершенной своей гибели; не могу однако же иногда не подумать с ужасом обо всем, что может случиться с Москвою. Если уже судьба ее неизбежна, по крайней мере то утешает меня, что о мире ничего не говорят и не думают, хотя бы дело и до Казани дошло; ибо тем Москвы не спасем и ничего похвального не сделаем, а то, что в жертву принесено, уже не возвратить²¹. Дай, Господи, навсегда от Злодея избавиться, то ничего в свете не будет жаль...

8 сентября 1812 г.

Вчера ввечеру был я у Татищева, который за самый большой секрет сказал мне, что французы в Москве; а как вошли, неизвестно... It seems however that the secret is not very great... Good God! An army entire could not prevent such a catastrophe and is really the communication

between the two capital cut off thus we have no intelligence whatever? I begin really to think that the most stupid of blockheads, the minister of the interior, is the most prudent and the wisest of us all. At the very beginning of the war, after the retreat of Drissa, he sent off his assets to the convent of Tihvin to be hid there under the inscription: пленные вещи. All the town laughed at this fool and even the monks sent their report to the Metropolitan, which was pretty publicly circulated. Now however he gains credit by this reasonable prudence. He likewise keeps on that road as far as Yaroslaw 1000 horses on each post station now almost 3 месяца. You may conceive what impression all this produced, particularly at the archives, institutes and all such places are in hurry packing up and sending away persons and things by land and water. I wonder indeed how my own courage is not yet subdued and how I could preserve it up to this moment...

23

С.Петербург, 12 сентября 1812 г.

Нельзя описать вам, любезный граф, в какое смятение повергла всю публику новость о занятии неприятелем Москвы. Признаюсь, после уверений Кутузова здесь и по прибытии в армию, что враг не иначе войдет в сию древнюю нашу столицу, как по мертвому его трупу, слышать, что неприятель занял оную без всякого кровопролития, весьма странно. Я понимаю, что он не нашел весьма значущих выгод, кроме на самое короткое время; но морально сие есть такое зло, которое может произвести ужаснейшие последствия. Дух в войсках наших, который столь много действовал, начнет падать, и весь жар скоро погаснет, если немедленно после не начнем действовать наступательно и не заставим злодея со стыдом оставить ту столицу, которая столько наделает шуму и влияния в Европе, особливо в Польше, где, мне кажется, все должно восстать на нас немедленно и непременно; даже преданные нам станут нашими врагами. С 4 числа у нас нет известий, и если мы до сих пор ничего не предприняли, то последствия должны быть пагубные, несмотря на то, что потеря Москвы на время сама по себе не может быть значущей. Я уже вам

писал, что первое известие дошло сюда почти с неделю назад от великой княгини. С тех пор, хотя немногие тому верили, укладка во многих публичных местах продолжается без остановки; а сие подало повод и частным людям последовать примеру высших. Толь дурного впечатления и подобной суматохи я ввек еще не видывал. Иностранцы держат в Неве и Кронштате корабли, коим платят понеделно, дабы иметь в готовности, на чем себя и пожитки спасать. Надеюсь, что сии страхи, кои я не переставал с начала до ныне почитать напрасными и пустыми, скоро кончатся и все придут в спокойствие. Нельзя вообразить, чтобы неприятель рисковал сюда итти. Сколь ни сумасбродная голова, Бонапарте и теперь должен опасаться, что в Москве найдет гроб своей власти и варварского тиранства; а разделить свои силы между нею и сею столицей было бы себя живого похоронить. Во всех несчастях наших одно утешение для всех общее есть то, что Государь о мире и слышать и думать не хочет; а укладка и приготовление к отъезду отселе со всеми местами и членами правительства должны быть явным тому доказательством, так как и назначение Татищева посланником при Гишпанской юнте и бар. Строганова в Сицилию, кои почти официально объявлены вчера. Третьего дня и вчера злонамеренные или малодушные начали поговаривать, что дело идет к миру и что кто-то за тем послан. Сегодня Императрица, упоминая о сих вредных слухах, поручила мне, буде я услышу что о сем, противоречить, даже на нее в том ссылаться, что Государь и предложений никаких принимать не намерен от всеобщего злодея и нарушителя мира. Итак, на сей счет вы можеге быть покойны, любезный граф; разве тогда только, когда бы судьба лишила нас всех войск и способов вести войну, чего при помощи Бога, кажется, случиться с нами не может; а без того и грех и стыдно было бы великие жертвования России обратить в ничто...

24

С.Петербург, 23 сентября 1812 г.

Бутягин прислал мне вчера сказать, что он сегодня отправляется во Владимир и вам доставит письма...

Пользуюсь предложением его, чтобы сообщить вам... здешние вести...

Есть здесь толстый враль кн. Козловский, что был поверенным в Сардинии и почетного легиона кавалер, который занимал место *gervais* и столь проврался, что его сживают с рук. Хотя и Надворный советник в звании камергера, он назначен туда же теперь чрезвычайн<ым> послан<ником> и полномочн<ым> министром. Вот второй пример (первый Дашкова, консула, а ныне министра в Америке), что чины остаются незначущими. — Коль скоро так, то Шулепов может в послы итти, когда заблагорассудит. — С ним последовало недавно смешное и неприятное приключение: захотелось ему повидать Казанскую церковь, освещенную вечером во время заутрени. Вот он в праздник и вошел туда как бусурман, не перекрестясь ничего, и пошел с лорнетом все рассматривать. Лишь вышел из церкви, как несколько человек остановили его за шпиона и повели в будку и потом на съезжую, несмотря на то что он по-русски говорил и объяснялся: нет, вы все, злодеи, по-нашему переучились, — был ответ. На съезжей бедного и пристыженного толпою народа узнали и выпустили. The people here do often catch what they imagine spies and it goes even dangerously too far. The next day one of the servants of the count Roumanzoff was picked up in the street by the populace and Kotchoubey, walking about, had great pains to release him. As these two occurrences touch so near their principal, the minister, it might have finished badly, have he not prudently taken the resolution not to walk any more on foot, but himself should not be picked up for a spy or otherwise... — Известия из армии приходят так медленно, что по 10 дней иногда ничего не слышим... — Теперь надобно ожидать от действий Витгенштейна много хорошего. Мне кажется, что он должен нанести смертельный удар Бонапарте...

...Беспокойства здесь начали было утихать, пока известие о занятии Дмитрова ни разбудило оные снова.

Малодушие есть болезнь заразительная и распространяется быстро и далеко. Каждый день выдумывают разные вести, чаще печальные; из чего заключить можно, что есть здесь много вредных людей, коих желал бы, чтобы указали и предали народному истреблению.

Что касается до меня, я ни на минуту не унывал и других старался сколько мог ободрять; иногда с успехом, часто без оного. Ваше мнение насчет недавних происшествий и письма Вилсона суть доводы, коих сила часто в том меня подкрепляла. Россия может быть побеждена, но покорена — никогда. Решительность Государя не думать о мире и не желать оного есть спасение наше и погуба для врагов наших. Я смело могу ручаться, что миру не бывать и все принимаемые меры служат тому доказательством. Впрочем, довольно взглянуть на положение дел, дабы увериться, что свобода России и целого света совершенно зависит от сей твердости и что мы разумеем теперь, что может Империя наша выиграть и Бонапарт> потерять, при всех многочисленных наших ошибках и неудачах, на которые без сомнения Бонапарт> считал столько же, как на революцию и скорый мир. Я согласен с вами, что если б он не считал на сии ошибки, то конечно не рассудил бы идти так далеко. Если мы воспользуемся нынешними обстоятельствами, прошлые ошибки, сколь ни жаль Москвы, послужат к... его гибели. Мне кажется, что отдавать Москву было и грех и стыдно; но отдав ее, ничего нельзя было предпринять лучшего, как то, что делает теперь Кутузов, и что ошибка наша, едва ли простительная во всяком другом разе, заглажена будет тою, какую сделал Бонапарте и которая должна дорого ему стоить, — может быть, всей его силы и всех созданных им корон и царств. — Мне кажется, не довольно еще той твердости, чтобы не помышлять о мире; а надобно, чтобы в намерении положить один раз навсегда, чтобы начатое докончить и от злодея освободить свет и адского сего изверга заставить погрязнуть в яме, которую он доселе наполнял несчастными жертвами его варварства. Когда один раз свет и сам он познают сию непоколебимую твердость, я уверен, что конец его тогда скорее последует, чем теперь то вообразить можно. Падение при конце своем

гораздо быстрее, чем при начале; но надобно навсегда отрезать нить, которая его связывает и держит, дав почувствовать ясно и уверив, что с Бонапартом никогда и ни под каким видом сношения нет и быть не может — и Бонапарт упадет и век не восстанет. Не говоря о таком порядке вещей в естестве, морально можно сие доказать самим характером Бонапарта. Счастье доселе делало его надменным, превыше всякого равенства; в несчастье он будет столько же низок, подл и малодушен (характер его всему свету за такой известен); а сие непременно должно ускорить его падение сначала в мыслях его рабов; а потом от мыслей до действия один шаг...

26

С.Петербург, 17 октября 1812 г.

...Третьего дня Ее В-во первая изволила сказать мне подробности сражения с Мюратом 6 числа...²² 100 пушечных выстрелов возвестили нам сию победу; а вчера было молебствие также с пальбою и иллюминацией города в оба дни... За день перед тем было молебствие о взятии Полоцка. 6 октября — день счастливый для России как под Москвою, так и на Двине... — Жаль случившегося в Москве с Винценгероде и Левушкою... Что до Левушки, если злодеи не убили или не опасно ранили, то и бояться бы нечего; но о бедном Винценгероде нельзя не жалеть. Довольно того, что от Вестфалец, мнимый подданный Ериомы. Я почти уверен, что Бонапарте, в злобе и бешенстве своем, велит его расстрелять, несмотря на то что у нас больше его генералов, коих жизнь должна отвечать за него. Для Бонапарте это суцая безделица, и он никогда на подобных рассуждениях не останавливается; разве теперь то случится, когда ему самому плохо...²³ — Несколько дней назад прислал сюда Винценгероде мешок писем, перехваченных с курьером, где и от самого Бонапарте есть к жене и к Савари²⁴. К первой пишет, что, не получив мира в Москве, он пойдет сюда pour mettre l'Empereur Alexandre à la raison, vu que l'infanterie Russe n'est plus un obstacle, étant detruite en entier. Злодей и жену даже

обманывать принужден; ибо в письмах к Савари не так то похваляется своим положением, посылая однакож разные статьи для Монитера и приказывая, что говорить в публице. Жаль, что у нас не думают печатать подобные вещи для открытия обманов сего коварного разбойника...

Лорд Каткарт показывал мне письма Вилсона о деле 6 числа. Судя по ним, французы в ужасном положении, когда принуждены уже есть кошек, собак, ворон и даже падаля, не имея позволения убивать лошадей, а дожидаться, пока они издохнут. Он пишет, что нашли их котлы, наполненные сими пищаами, а соли и зерна нет, чтобы сделать их здоровее. Здесь, напротив, утверждали сначала (все поляки), что целый годовой запас соли в Москве остался. — Москва будет жертвою свободы целого света. Все государства должны бы, как в Риме для церкви Св. Петра, учредить юбилей для принесения даров со всех сторон на восстановление сей знаменитой отныне навсегда столицы. Черта татар, возвративших церковные вещи, есть драгоценная, делающая честь их бескорыстию и честности. Казаки наши не могут тем похвалиться. Мне всего более понравилось, что арнаут Строганова спрашивал: неужто французы не христиане? Проклятые и на людей не похожи. Я всегда почитал их между животными; тем, что служить может посредником между человеком и обезьяной, имея наружность первых и злое коварство последних. Нашелся же товарищ им один в Москве, мерзавец или сумасбродный Загряжский²⁵. Посмотрим, что сей новомодный граф и обладатель Разумовского имения предпримет. Неужели его не повесят? Хотя бы он того и не стоил, а только для примера нужно сего префекта наказать как постыдного для России злодея. — Жаль ваших домов; хотя вы пишете об одном слободском, но я слышу, что оба преданы пламени. Честь и слава Румянцеву и Куракину, что их дома французы спасали с таким трудом и даже опасностью для себя. Первый имел даже бесстыдство или глупость тем похвалиться во дворце за обедом, чем другие навек остались бы обижены. Вот настоящий брат префекту Загряжскому, коли то правда, что он тем тцеславится...

С.Петербург, 18 октября 1812 г.

...Ростопчина бумагу я уже читал вчера. Признаюсь, я никак не могу видеть и слышать сей тон и стиль, особливо теперь, когда и без увещаний его народ наш сделал больше, чем он требовал и ожидал, может быть. Сначала сие могло быть хорошо для одной черни московской, но не для народа, который и без того действовал с приметною бодростью и великодушием. Может быть, послания сего рода были бы хороши, если бы то не от Ростопчина. Кому он теперь проповедует? Отдавая справедливость, что сие сначала полезно было, возбуждая ненависть к врагам; теперь ей-ей! можно бы замолчать, сетуя над развалинами несчастной Москвы...

С.Петербург, 20 октября 1812 г.

...Вчера отправил я все ваши и свои письма... в Лондон... — I have read the letter to your father and the inclosed note in French, where you wished it to be known, and I have to tell you, что обе эти бумаги привлекают огромное внимание и вызывают живейший интерес. I was thanked for the communication of them... I have however to observe from my own part, that certainly out of the three generals we have at this moment to oppose to Buonaparte, the marshall is the best; at least he is a Russian and has the confidence and love of the soldier. That is a great point, and his sentiments of patriotism have better effect on our people than the equal sentiments of those who are foreigners having hardly any right whatever the preach patriotism as our people generally looks upon them with a jealous if not suspicious eye. By what we have seen of the late commander in chief and his operations, I doubt whether he would profit better of the present circumstances, because he never gave any instance of his alacrity, exept for reatreats and precipitation in which he gloriously excelled, even abandoning everything to the enemy's profit and use. In short we have none unfortunately like Wellington; but the present is the best we could find amongst our generals that

are in the rank of having the chief command. — It seems by the annexed note, that the battle of Borodino was almost lost far from being a victory; at least the consequences were as it's way so and the loss of Moscou can never be justified whatever might be said upon the subject.

...Надеемся, что ... около сего времени Чичагов и Витгенштейн вместе²⁶. Одна сия причина, то есть ожидание известия о сем, могут оправдать бездействие нашей большой армии, особливо, если то правда, что у нас теперь 180,000 под ружьем, тогда как у Бонапарте 80,000 только. С такими силами можно задушить злодея и не дожидаясь Чичагова. Впрочем, благоразумие простительно; если тут в один раз не истребили, пусть в другой не вырвется из наших рук. Но между тем разорение увеличивается и для нас, по мере как медленность тянется без крайней надобности. — Княгиня Голицына²⁷ усиленно просит вам кланяться... Нетерпение ее доходит до отчаяния... Я еще не видывал подобного воображения; не дай Бог, чтобы она была пророчицей, утверждая, что мы никогда до того не доживем с нашим образом вести войну, чтобы избавиться от Бонапарте, как бы теперь надлежало.

Здесь D'Ivernois. Прибытие его наполнило все гостинные и кабинеты скучными его творениями, и скучная его фигура везде показывается. У нас ни в чем нет меры, и никак не хотят понять, что в Лондоне на своем чердаке писал он за 600 ф. ст. сочинения для иностранцев, коих сами Англичане век не читают, умея сами делать расчеты лучше всех женевцев и зная на опыте, сколько предложения D'Ivernois оказывались пустыми, неосновательными, хотя последние его сочинения еще несколько справедливее прежних. Посмотрите-ка его у Орлова — он как полубог, но о сем смешном доме и говорить не стоит труда. Хозяин вообразил себе из того, что у него сбор всех Англичан, *que toute cette nation lui gendjustice!* Я помирал со смеху, не могши воздержаться и привел его в немалое замешательство... — Теперь еще говорят, что D'Ivernois будет писать о наших финансах. Вот будет роман — ни языка, ни законов, ни обычаев, ни источников не зная в точности, надобно с ума сойти, чтобы предпринять такое дело. А нам даже и стыдно

допустить пришельцев в такие дела, кои должны больше или меньше подлежать тайне...

С.Петербург, 31 октября 1812 г.

...Письма ваши, любезный граф, от 28 сент<ября> и 4 окт<ября> дошли исправно... Последствия доказывают, что вы справедливо отгадали выражение Лористона²⁸: *ne croyez pas notre état si désespéré. Il est plus que désespéré.* — Дай Бог, чтобы конец был таков, как мы ожидаем и надеемся. Но если сверх чаяния Бонапарте и выйдет от нас цел, он навек должен потерять охоту делать завоевания на Севере. Признаться, стыдно его упустить живого; но не всегда то исполняется, чего хочется. Без сомнения в план войны ни мало не входило его убить или поймать; но жаль, что мы не совсем ошибками и безумием его воспользовались. Что касается до мысли вашей, чтобы нам за границу не ходить, я совершенно согласен в том, что опасность велика пускаться в Германию, да и финансы наши того не позволяют; но до Варшавы необходимо идти надлежит не останавливаясь, дабы навсегда истребить и разрушить сие проклятое гнездо дьявольских козней. Надобно действовать быстро и не дать опомниться проклятым немцам, особливо Пруссакам и Саксонцам, надобно вдруг нанести такой удар, чтобы с одного маху сих последних отделить от Рейнского союза и перетянуть в свой, пока они еще не успеют принять какие ни есть меры и согласиться между собой. Коль скоро сие исполнится, конфедерация вся разрушится мало помалу, и тогда только начнет Европа пользоваться теми выгодами, какими она обязана России. Дойти же до границы и стать неподвижно, ничего еще не решить; пока злодей останется жив, одно имя его будет ужасом для Немцев. Если бы Англичане, как вы говорите, дали нам побольше червонцев, то никак не должно бы и в Варшаве останавливаться. Что останется противу нас, после истребления сил целой Европы? Пруссия малость; а Австрию всегда легко обольстить и на свою сторону преклонить восстановлением Германской империи и обещанием мнимого

влияния в Италии, которого, впрочем никогда ей на деле давать не должно. Оставить же дело недоконченным, посмотрите через два года, униженная немецкая гордость и разъяренная лютость французов много много еще хлопот нам наделают; да и Англия им пособит, когда проклятый баланс Европы им в голову придет; тогда как теперь желание восстановить торговлю и американская война не позволяют им еще думать о сей пустоши и когда они не могут не пособить нам из Гишпаниии... — Я вас поздравляю с брильянтами; не могу понять, как доселе можно почитать военным награждением за раны и сражения то, что дают многим из милости не за что. От того лишь теряет служба; и пользу получают те только, кому нужно брильянты продать, чтобы иметь деньги. — Витгенштейн у нас славный работник, бьет и добывает удачно. Здесь носятся слухи, будто купцы хотят подарить ему дом в 150 или 200,000 <рублей>. Но правда ли то или нет, не могу утвердить. Никто столько не достоин сей публичной признательности, как он; ибо столица сия ему спасением своим обязана. Некоторые из Псковских дворян поговаривали и о покупке 1000 душ для него; но думаю, что сие и кончится на словах. — Я одного только желаю, чтобы Бонапарте в бегстве на него наткнулся, ибо, кажется, он один имеет дар и счастье убивать и ранить главнейших злодеев. На адмирала же надежда плоховата; до сих пор от него не слышать, попутный ли ему ветер или нет... — Здесь говорят, что граф Витгенштейн отдал приказ, чтобы никто из находящихся в его корпусе не посылал мимо него рапортов и других бумаг под опасением строгого взыскания, упоминая, что Штейнгель²⁹ то учинил. Не знаю, правда ли сие или нет, но мне кажется, таков бы везде порядок ввести нужно, особливо в большой армии, откуда беспрестанно, как слышно, приходят от всех и всякого свои донесения. — Здесь делается добровольная подписка для несчастных собственных наших эмигрантов из Риги, Москвы, Смоленска и пр. ... Императорская фамилия подписала 80,000 <рублей>. Я уверен, что частных подписок тысяч до двухсот наберется, и из суммы сей как здесь, так и на местах, некоторые пособия будут делать. 4 книги для оных находятся в руках

графа Головина, Шишкова, кн. Голицына и гр. Толстого. Первый особливо, как человек совершенно праздный и притом честный, может с успехом сим предметом заняться. —...У Каткарта по воскресеньям вечера, на коих особливо много мужчин: чай, мороженое, шоколад, конфеты et la belle conversation делают довольно занятия для подобных вечеров, довольно скучных, впрочем, по сходству с London routes. Он хочет однако же завести и музыкальные вечеринки, кои будут вероятно гораздо приятнее. Его здесь очень полюбили и уважают...

Читали ли вы перехваченные письма? Есть некоторые прелюбопытные. Одно, я думаю, вам можно достать в армии, из Витебска de M^r. Pastoret, которое так мастерски и забавно написано, как только можно человеку в горе быть веселу. Есть еще одно любопытное от Бонапарте к Маре, как он должен обманывать и угрожать союзникам, чтобы они как можно больше набирали и скорее присылали рекрут, публикуя в газетах всякую посылку вдвое и трое. Я думаю, Бонапарте дорого заплатил бы, чтоб письмо сие не было известно свету; а до сих пор P<умянецв> желание его выполняет усердно: давно пора бы напечатать все сии бумаги. — Для меня особливо примечательна черта одного из наших крестьян, которого завербовали во франц<узскую> службу и заклеили руку, которую он минуту спустя с клеймом отрубил. Есть еще лучше Муция Сцевола. Надобно бы подобные анекдоты все собрать...

30

С.Петербург, 16 ноября 1812 г.

Четвертого дня был для меня день столь радостный, как еще доньше не было — изображение святой недели — всякий друг друга обнимал, поздравляя с победою, со славным разбитием Даву, Нея и бегством самого злодея³⁰. Во время молебствия видел я и наши трофеи, взятые знамена и маршалский жезл Даву. Радость моя усугублялась надеждою, что скоро, может быть, не останется памятника на знаменах неприятельских Австерлица, Фридланда и пр. и что все они попадут в наши руки и изгладят из памяти черные пятна Российской

истории. Но всего более утешался я тем, что, по словам прибывшего Байкова и по уверениям Шишкова, крест с Ивана Великого, так как царские и патриаршие кресла, достались нам в числе прочих наших трофеев, из коих сии суть самые драгоценнейшие для Русского. Вы до сего узнаете, без сомнения, что князь Кутузов получил титул Смоленского, чему все радовались душевно — оно напоминает нам эпоху самую знаменитую. — Многие удивлялись, что 1-я степень Георгия не дана ему, но князь Трубецкой уверяет меня, что она послана ему за Малоярославец и Вязьму с великим князем. Последствия сей победы должны быть отменно важные, и мы с нетерпением ожидаем слышать оные. Мне очень жаль, что вы к сим делам не успели, но надеюсь, что ваше от вас не уйдет и что еще и вам будут случаи довершить карание врага. Я полагаю, что вы прибыли в армию 8 или 9 числа. — К сим происшествиям если прибавить парижские известия о бывшем там возмущении, можно ожидать, любезный граф, что мы скоро увидим тишину, спокойствие и Европу, преобразованную не в тот вид, который хотели дать оной мерзкие отродия Корсиканцев. — Я не знаю, дошли ли до вас подробности сего возмущения, а потому коротко скажу, как Монитор о том сообщает свету. Трое генералов, в числе коих один Laggoie, бывший всегда ген<ерал>-квартир<мейстером> при Moreau, и другой Delamale уверили la garde nationale et la populaire, que Buonaparte était tue et que tout l'armée avait péri. Народные толпы осадили дома de la prefecture de la police, des ministres de la guerre et des affaires étrangere et l'hôtel de ville. Что тут происходило, неизвестно; но Savary говорит, объявляя о том публике, что все усмирено принятыми им мерами, что начинщики и несправедливые вестовщики схвачены и будут преданы суду³¹; но гвардия национальная, по-видимому, пошла в поход, как того требовали, положив, что дело не пошло далее на сей раз; но нельзя не почесть сего сигналом того, что произойти неминуемо должно, когда недавние происшествия во французской армии учиняться известными. Кроме некоторых поляков, у которых рожи с некоторых пор сделались отменно длинные, радость здесь, можно сказать, всеобщая, а ожидания

превышают всякое воображение насчет будущего. — Если вы будете отвечать княгине Голицыной, пожалуйста, пожурийте ее за то, что она слушает вздорных людей, кои ее пугают до смерти и заставляют спорить о состоянии наших дел, и всякий раз на другой день известия из армии доказывали ей, что мы не в отчаянном положении... Я уже почитаю ее несколько пророчицей хорошего, когда она говорит дурно и видит во всем отчаяние. Сколько она ни казалась храброю, я открыл первый такую в ней трусость и малодушие, каких мало — вот за что она сердита на меня. Черт знает, кто ей наскazuje кучу пустяков и ужасов, — сначала она ничего не видела как революцию, мечи, кинжалы, отравы, виселицы и тому подобное; так что чуть не умерла с тоски и страха, более месяца проведя в совершенной бессоннице. Теперь также есть оракулы, кои показали, что армия неприятеля уже давно ушла от нас, одним словом, что все потеряно. Я зол на нее, несмотря что теперь она уже хочет у меня просить извинения. Сделайте одолжение, так как мы все ее любим, побраните ее и заставьте мне верить... Вы большое имеете на нее влияние...

Посылаю при сем пышное описание удивительных походов преславного Чернышева, мнимого освободителя Винценгероде и Левушки. Бедный Дудкин! Видно век хорунжим остаться, коли уже и сию честь начальник у него отнял за то, что Дудкин не зевал, когда сей последний покоился в объятиях Морфея³². Зрите в Чернышеве, сем удивительном герое нынешнего века, нового генерал-адъютанта. — И Бенкендорфа перещеголял. О tempora! О mores! Желтая Шведская лента, которую он получил en passant курьером чрез Швецию в Париж, при генеральских эполетах, лежит на плечах его, по-кавалергардски созданных, как бы для них нарочно была сотворена! —

Я весьма рад однакож, что Левушка нам возвращен, нет нужды, им или хорунжим Дудкиным, и что ему отдали по крайней мере справедливость. Он был уже до того произведен майором; с приезда произведен он полковником и возвращен в Лейб-гусарский полк, так что есть наконец надежда ему попасть в полковники. Он

скоро от селе едет, не известно еще, куда; так же и Винценгероде, который получил орден Св. Александра. Из сего что заключить должно? Что в плен попасть гораздо выгоднее, чем сражаться твердо и проливать кровь, хотя, впрочем, нынешняя война такого рода, что никто и не думал просить или ждать награждений. — Ожидаю писем ваших из Калуги. В Лондон посланы, так как и ответ ваш к гр. Марье А. Воронцовой, которую вчера и лично видел у гр. Ирины И. Воронцовой. Она преобразилась, чудо дивное! в благочестивую матрону, собирающую подписки в здешнее некое женское патриотическое общество, которое вообразило себе, что оно есть под покровительством Императрицы, и где, сколько я могу судить по членам оною (напр. гр. Марье Арт., княгине Репниной, гр. Орловой, Кочубеевой, Загрядской и пр. и пр. и пр.), всякая... за 200 <рублей> приобретает право пороть всякую дичь и врать, что ни придет в бестолковую голову. Прочитайте прилагаемую печатную их повестку и увидите, что само по себе разумеется есть Кочубей tout craché. Я удивляюсь, зачем его не сделают где-нибудь в гимназии или университете профессором, коли еще и со времени Сперанского охота у него не прошла сочинять и издавать в свет свои школярные правила? Беднейший из министров. Вот до чего судьба, или лучше сказать, опыт доводит! Если бы по его примеру все на свете шло, то и Бонапарте мог бы пойти в Капуцины из императоров...

Государь поручил, как слышно, архитекторам Гваренги, Томону и Воронихину сделать каждому план монумента для Москвы, который должен состоять единственно из неприятельских пушек. Памятник сей будет столь же знаменитый на веки веков, как и единственный в своем роде...

31

С.Петербург, 30 ноября 1812 г.

...На сих днях была здесь такая странная тревога, какой еще не бывало — радость и удовольствие необычайные о смерти Бонапарте, которая была, по всем уверениям, напечатана, опубликована во² всенародное

известие. Педант Шишков, привыкши писать речи и проповеди, никак не понимает, что всенародные известия для народа должны быть писаны простым толком и языком без лишнего красноречия и фигур. Вдруг читают в Церкви печатное известие, в коем между прочим сказано: враг заплатил жизнью своею за все неистовства и злодеяния свои, или нечто похожее. Кто враг? Бонапарте. — Вот Бонапарте и похоронили в публице, пока, наконец, полиция была послана по всему городу отбирать сии печатные листки. — В другой раз уже и с Шишковым случаются подобные погрешности, но трудно переучить людей его лет и бычьего упрямства. Конечно, глупо заключать из подобного выражения, что Бонапарте погиб; но глупее писать в народ так, чтобы двусмыслие простаков привело в обман³³...

32

С.Петербург, 4 декабря 1812 г.

У нас новость та, любезный граф, что Манифестом положен новый набор рекрут в тех губерниях, где ополчения не было с 500 человек. Сие доказывает, что война и по выгнании французов не кончена. Я слышал, что коль скоро мы вступим в Герцогство Варшавское, Государь намерен объявить, что он никаких завоеваний не хочет; а только для доставления Европе тишины войска свои из России посылает, дабы исторгнуть из-под ига Франции Германию, которая до селе служила орудием Бонапарте наравне с Французами везде воевать и владычествовать. Объявление сего рода должно произвести великое впечатление во всех народах; ибо известно уже, что в Вене радость и удовольствие публицы при начале несчастий французских были столь явственны, что Отто подавал о сем ноту и жаловался, и получил в ответ, что правительство не имеет способов запретить людям оказывать свои чувства. — В Мюнхене, когда по занятии Москвы велено было радоваться, несмотря на повестку от полиции никто не хотел иллюминировать; ибо в то же время получены были известия о смерти по крайней мере 150 офицеров убитых, и половина столицы была в трауре. Что будет после недавних поражений Баварцев Витгенштей-

ном? Сведения сии привез Лошкарев, что был в Мюнхене. Я сам видел некоторые письма, им привезенные, в коих говорят, что в Вене все уверены больше и больше, что отдача французам Москвы был наш начальный план для истребления Французов. Мы радуемся, что в Вене имеют такие хорошие о нас мысли, кои едва мы заслужили, по крайней мере не иначе, как случайно...

33

С.Петербург, 17 декабря 1812 г.

Третьего дня Саблуков доставил мне письмо ваше, любезный граф, из Вильны от 8 дек<абря> и три больших пакета, содержащих карты и книги из обоза беглого величества, кои обратили на себя внимание всех тех, кои их видели, особливо карта России с отметками тех областей, которые, по-видимому, Бонапарте назначил для зимних квартир. Видно тут старинный план его, *qu'il fallait regeter la Russie au delà du Volga et en faire une puissance d'Asie en lui ôtant toute influence parmi les puissances Européennes*. Сам отброшенный теперь за Вислу, посмотрим, каковы будут дальнейшие последствия. Кажется, Чичагов быстро и шибко гонит его, дабы загладить то, что он пропустил его на Березине; и я весьма рад, что вы в сей армии, где можно действовать раньше других...

Марин вам кланяется. Он, бедный, ничего за свои труды не получил. В нынешнюю войну, кажется, можно бы совсем никого не награждать, потому что всякий за священный долг считал Отечество и Государя защищать; по крайней мере, не за всякое дело, а по окончании кампании. Коли же награждать за всякое дело, то для многих и награждений достать не может³⁴. — Столько досады, столько ревности и ненависти чрез то возбудили, что большая часть лучших выйдут в отставку, видя Бенкендорфа, Чернышева, Орлова и многое множество других, за малости награжденных, как награждают за знаменитые победы...

Кн. Голицыной с отдачи вашего письма не видал и не знаю, какой эффект произвела сия епистола. Наконец она уверена, что французы нас не победили...

С.Петербург, 28 декабря 1812 г.

...У нас скудость необычайная в новостях, особливо заморских, по недостатку многого множества почт. В такие любопытные минуты, когда тем только путем можно узнавать о происшествиях внутри Франции, неимение сих известий крайне досадно. Дух наш требует сей пищи, дабы отдалить скуку, ленность, бездействие...

Переводы иноязычных текстов

4

Ричард Львиное Сердце. — *Франц.*Намеки на обстоятельства встречались бурной овацией. — *Франц.*

5

на столь прекрасном пути. — *Франц.*

6

Наши финансы в самом печальном состоянии, какое только можно себе вообразить, и я в самом деле не представляю, как нам можно действовать без введения нового налога, которым несколько дней назад были обложены суммы порядка, как предполагается, 80 миллионов. Мне сказали что Labot⁴ представил записку о неимении средств хоть как-то в достаточном объеме заполнить склады для снабжения такого количества войск; что он не получает для данной цели ни копейки денег, и что его департамент полностью лишился кредита для того, чтобы доставить муку по контракту с условиями контракта, так как бывшие подрядчики не получают своей платы, и некоторые из них разорятся, а другие будут остановлены примером пострадавших соотечественников. Labot сам говорил мне месяц назад, что должен был получить около 15 миллионов на свой департамент, но в действительности получил лишь три, что же до остальных, то у него нет и скромных гарантий. — *Англ.*

Мне приятно видеть такое рвение, и я признателен вам за это! — *Франц.*

7

...слабоумия и обещает стать образцом глупости. — *Франц.*

Тот, кто выдает заднюю мысль<...>, — какую должен держать в своей голове. — *Франц.*

8

Пока русский император найдет главнокомандующего для своей армии, мои орлы будут уже у ворот Риги. — *Франц.*

14

затруднительными обстоятельствами будто хвост лошади Дохтурова. — *Франц.*

16

Но кто считает без своего хозяина, считает дважды. — *Франц.*

Был приглашен Кутузов и решено дать ему в команду те немногие части, кои имеются у нас здесь, для защиты столицы. Все это произошло вследствие глупого донесения одного из официальных лиц. — *Англ.*

По крайней мере мы будем в курсе того, что у вас делается, так как до сих пор было одно лишь беспокойство. То, что происходило, на самом деле не было столь плохо, как уверяли эти бюллетени, столь ужасно написанные. — *Франц.*

17

человек предполагает, а Бог располагает, Бонапарте отвечал: вы можете говорить это себе, что до меня, никто не предполагает, а располагаю лишь я один: и что мне сделает император России? На каждые 5 человек, которых мне убьют, придется только один француз и 4 свиньи; я имею 20,000 человек, коих могу потерять за месяц. Данная норма установлена мною, а вы не в состоянии этого сделать. — *Франц.*

20

Есть нечто настолько странное в поведении человека, бывшего до сего времени вашим начальником, что очень сложно решить, полная ли то глупость или же предательство были главными причинами такого вреда. Если бы подобные меры продолжались, Бог знает, какие несчастья еще могли случиться в течении недели или двух, настолько сильны были уныние и обескураженность в народе, который духом своим, достойным восхищения, заслуживает лучшей доли, чем та, что нам угрожала... — *Англ.*

стал посмешищем. — *Франц.*

верный рыцарь. — *Франц.*

Эта дама заявляет о своей безграничной привязанности к англичанам. — *Франц.*

Не болят ли у вас ваши прекрасные глаза, мадам? — *Франц.*

У меня болят мои прекрасные глаза, предложение... — *Франц.*

Однако назначение сие было сделано с величайшим нежеланием. Это в самом деле непостижимо, что на него смотрят с завистью и подозрением в тот момент, когда нет иных средств спасти Империю, стремительно приближающуюся к своей полной гибели и рабству... — *Англ.*

22

Кажется, однако, что секрет не так уж велик... Боже праведный! Целая армия не смогла предотвратить такое несчастье и на самом ли деле разрушена связь между двумя столицами, так что мы не имеем никакой информации? Я в самом деле начинаю думать, что глупейший из болванов, министр внутренних дел, есть мудрейший и благоразумнейший из всех нас. Как только началась война, после отступления из Дриссы, он отослал свое имущество в Тихвинский монастырь, чтобы оно было там спрятано под надписью: пленные вещи. Весь город помирал со смеху над этим глупцом, и даже монахи послали Митрополиту свое сообщение, которое широко распространилось в публике. Теперь, тем не менее, его хвалят за столь разумную осторожность.

Подобно этому он держит уже почти 3 месяца 1000 лошадей на каждой почтовой станции дороги вплоть до Ярославля. Вы можете представить себе, какое все это произвело впечатление, особенно в архивах, ведомствах, и все данные места в спешке упаковывают и высылают сушей и морем людей и вещи. Хотел бы я знать, в самом деле, как только моя собственная храбрость еще не подавлена и как удалось мне сохранить ее до сего момента... — *Англ.*

24

Люди здесь, конечно, очень часто ловят тех, кого принимают за шпионов, и это уже заходит слишком далеко. На следующий день после описанных событий один из служащих графа Румянцева был пойман народом на улице, и Кочубею, оказавшемуся рядом, стоило большого труда освободить его. Так как эти два случая непосредственно касаются их главного виновника, министра, все могло кончиться очень плохо, если бы он, руководствуясь благоразумием, не принял постановления, запрещающего передвигаться пешком, чтобы его самого не схватили как шпиона или кого-либо еще... — *Англ.*

26

для того, чтобы образумить Императора Александра, так как пехота русских, будучи полностью уничтоженной, больше не является препятствием. — *Франц.*

28

Я прочел письмо к вашему батюшке и прилагаемую заметку на французском, где вы выражаете желание, чтоб с ней ознакомились, и должен сказать вам, что обе эти бумаги привлекают огромное внимание и вызывают живейший интерес. Меня благодарили за сообщение их содержания... — Тем не менее, я должен заметить со своей стороны, что, конечно, из трех генералов, кои сейчас противостоят Бонапарте, генерал-фельдмаршал — лучший; по крайней мере, он Русский и обладает доверием и любовью солдат. Это великая вещь, и его патриотические чувства оказывают большее влияние на наш народ, чем подобные же, но иностранцев, имеющих сомнительное право проповедовать патриотизм, поскольку люди наши вообще смотрят на них с ревностью, если не с подозрением. Судя по тому, что мы видели у бывшего главнокомандующего, и его операциям, я сомневаюсь, смог бы он лучше воспользоваться настоящими обстоятельствами, так как он никогда не подавал каких-либо примеров, свидетельствующих о его рвении, исключая образцы отступления и стремительного падения, в которых он великолепно преуспел, причем даже все оставляя, к пользе и выгоде неприятеля. Короче говоря, к несчастью, у нас нет никого, подобного Веллингтону; но теперешний командующий является лучшим, какого только можно найти среди наших генералов, ранг которых позволяет им стать во главе армии. — Из дополнения к письму, как мне кажется, следует, что Бородинская баталия — это почти поражение, а далеко не победа; по крайней мере это доказали последствия, и потеря Москвы не может быть оправдана ничем, чтобы на этот счет ни говорили. — *Англ.*

что вся эта нация отдает ему должное! — *Франц.*

29

Не думайте, что наше положение столь безнадежно. Оно более чем безнадежно. — *Франц.*

приятная беседа, лондонскими раутами. — *Франц.*

30

национальную гвардию и народ, что Бонапарте убит, а вся армия уничтожена. — *Франц.*

префектуры полиции, военного министерства и министерства иностранных дел, а также городского муниципалитета. — *Франц.*

проезжая. — *Франц.*

вылитый Кочубей. — *Франц.*

33

что следовало отбросить Россию за Волгу и сделать азиатской державой, лишив ее всякого влияния среди европейских государств. — *Франц.*

Комментарии:

¹ Горголи И.С. (1770—1862) — С.-Петербургский обер-полицеймейстер (1811—1821), сенатор (1825—1858).

² Гурьев Д.А. (1751—1825) — граф, министр финансов в 1810—1823 гг.

³ Дуэль между русским и французским посланниками, князем С. Н. Долгоруковым и Дюраном-Марейлем, имела причиной своей борьбу за первенство при представлении во время новогодней церемонии 1 января 1812 г. неаполитанскому королю Иоахиму Мюрату, маршалу Франции. Последний, стремясь из вассала Наполеона сделаться самостоятельным государем, использовал любую возможность, чтобы показать нежелание дальше подчиняться. Преднамеренно игнорируя дипломатический протокол и не вмешиваясь в распределение мест во время предыдущих приемов, Мюрат, по сути дела, спровоцировал данный инцидент, заявив (через маркиза Гало), что, как обычно, 1 января заговорит с первым представившимся перед ним послом. Зная смелый и строптивый нрав Долгорукова, он не сомневался, что тот будет первым во что бы то ни стало (см. письмо № 6). После публичной драки и требований Дюрана об удовлетворении за нанесенные в его лице оскорбления Наполеону, король, однако, испугался ссоры с императором и представил происшедшее как лично свою обиду. А Реми Эксельман, шталмейстер, приставленный Бонапартом к Мюрату для наблюдения за своим зятем, прислал Долгорукову вызов за оскорбление его монарха. Этот вызов принял К. Х. Бенкендорф, секретарь русского посольства, чтобы не позволить Эксельману «добить» посла, если Дюран потерпит поражение. 5 января состоялись почти одновременно два поединка, в которых Дюран и Эксельман почли себя удовлетворенными... Посол не в праве принимать вызов, и Долгоруков получил отставку. Во время войны 1812 г. он командовал пехотным корпусом. Умер в чине генерал-от-инфантерии в 1829 г., пятидесяти девяти лет, оставив потомкам «Хронику Российской императорской армии», изданную в 1799 г., прекрасную коллекцию монет да множество остроум, за которые его всегда называли «Каламбур Николаевич».

К. Х. Бенкендорф (1785—1828) — периодически меняя дипломатическую службу на военную, начавшуюся для него в 1812 г., окончил дни свои генерал-лейтенантом на полях русско-турецкой войны.

⁴ Лаба Н.О. (1766—1816) — в 1812 г. генерал-провиантмейстер.

⁵ Чернышев А.И. (1785—1857) — полковник, флигель-адъютант, в 1810 — начале 1812 г. находился в Париже в качестве личного представителя Александра I. В кампанию 1812 г., с ноября генерал-майор и генерал-адъютант, командовал летучим кавалерийским отрядом (см. письмо № 30), а в 1813 — армейскими партизанскими отрядами в составе корпуса П. Х. Витгенштейна и Северной армии. Впоследствии генерал-от-кавалерии, военный министр, председатель Государственного совета и Комитета министров.

Последние беседы Чернышева с Наполеоном перед отъездом его в Россию (февраль 1812) содержали взаимные обвинения в обострении двусторонних отношений. И хотя потом императоры обменялись письмами о готовности урегулировать все спорные вопросы, за чем последовали демарши русского посла в Париже кн. А. Б. Куракина, соглашения достигнуто не было. Да и не могло быть, так как Наполеон, естественно, отказался вывести свои войска из Пруссии, а Россия расценивала переход значительными французскими силами Одера как начало войны.

Римский король — малолетний сын Наполеона и императрицы Марии-Луизы.

⁶ Елизавета Алексеевна (1779—1826) — жена Александра I, «скромнейшая из императриц». Вот как, например, Ф. Ф. Вигель описывает приемы у Государыни: «О вечерних собраниях у императрицы, весьма немногочисленных, в публике знали очень мало; известно было только, что с одной стороны являлась там самая милостивая снисходительность, с другой — искреннейшее благоговение; фамилиарства — ни с какой» (Ф. Ф. Вигель. Записки. Т. 1. М., 1928. С. 165).

⁷ Салтыков Н.И. (1736—1816) — генерал-фельдмаршал, с 1812 — председатель Государственного совета и Комитета министров.

⁸ Наполеона часто сравнивали с Аттилой — жестоким завоевателем, предводителем гуннов, вторгшихся в V в. н. э. в Европу. Ср., например, стихотворение К. Н. Батюшкова «Переход через Рейн. 1814»:

.....
 Ты сам, родитель вод, свидетель всех времен,
 Ты сам, до наших дней спокойный, величавый,
 С падением народной славы
 Склонил чело, увы! познал и стыд и плен...
 Давно ли брег твой под орлами
 Аттилы нового стенал
 И ты — уныло протекал
 Между враждебными полками?

⁹ Бенкендорф А. Х. (1783—1844) — граф (с 1832), генерал-от-кавалерии (1829), с 1826 г. шеф жандармов и начальник III-го Е. И. В. отделения. Брат К. Х. Бенкендорфа. Участник наполеоновских войн 1805—1807 гг., русско-турецких: 1806—1812, 1828—1829 гг. В кампанию 1812 г. сначала командовал авангардом отряда Винценгероде и за

успешную атаку на неприятеля в первом сражении при Велиже (27 июля) произведен в генерал-майоры. По занятии Москвы — комендант столицы. Участник заграничных походов. Старинный знакомый М. С. Воронцова, состоявший с ним в долгой переписке.

Остерман-Толстой А.И. (1770—1857) — генерал-от-инфантерии, участник кампании 1806—1807 гг. В 1812 г. генерал-лейтенант, командир 4-го пехотного корпуса I-й Западной армии, отличился почти во всех основных сражениях. Прославился в битве под Кульмом 17(29) августа 1813 г., где потерял руку.

¹⁰ Благодаря усилиям М. И. Кутузова, командовавшего с 1811 г. Дунайской армией, был заключен Бухарестский мирный договор с Турцией (6 мая 1812 г.), признавший границей между сторонами реку Прут.

¹¹ Витгенштейн П.Х. (1768—1842) — граф, затем князь, генерал-фельдмаршал. Участник кампаний 1805—1807 гг. К 1812 г. генерал-лейтенант, а с сентября — генерал-от-кавалерии, командир I-го отдельного пехотного корпуса, прикрывавшего дорогу на Петербург. После смерти Кутузова главнокомандующий союзными войсками (в апреле—мае 1813 г.), отстраненный после поражения при Люцене и Бауцене. В кампании 1814 г. командовал корпусом Главной (Богемской) армии союзников.

Здесь говорится о самой знаменитой и значительной победе Витгенштейна — у Клястиц 18—19 июля 1812 г., когда после двухдневного боя корпус маршала Удино с большими потерями отступил обратно к Полоцку, а Макдональд, командовавший частями, осаждавшими Ригу, избегая столкновения с русскими войсками, остановился у Динабурга.

¹² Дмитриев-Мамонов М. А. (1788—1863) -- граф, с 1811 г. до начала Отечественной войны обер-прокурор 6-го департамента правительствующего Сената. В 1812 г. награжден золотой саблей «за храбрость». В апреле 1813 г. произведен в генерал-майоры с назначением шефом сформированного им полка, который был, однако, недостаточно дисциплинирован и в заграничном походе сжег одно селение. Мамонову был объявлен выговор, а он, обидевшись, подал в отставку. Возобновил службу в 1816 г., но через три года был уволен по болезни и поселился у себя в Подмосковной. Но странный образ жизни, который он начал вести, не показываясь даже камердинеру, заставил усомниться в его умственных способностях, за чем и была учреждена над ним опека.

¹³ Майор Шиль с частью гусарского полка, которой он командовал, начал в 1809 г. партизанскую войну за освобождение Пруссии от французского владычества, но был разбит и убит, а его товарищи судимы, по приказу Наполеона, прусским военным судом и расстреляны.

¹⁴ Нарышкин А.Л. (1760—1826) — муж родной тетки М. С. Воронцова, обер-гофмаршал, обер-камергер, директор императорских театров, знаменитый остролов и устроитель разнообразных празднеств. «Настоящий русский барин», дом его был открыт и для сиятельного князя и для мелкого чиновника. Такая расточительность поглощала почти все доходы от огромного состояния Нарышкина, и он постоянно жил в долг, с чем и связано большинство его известных каламбуров и

шуток. Одна из них касается времен Отечественной войны, когда Александр Львович вместе со своим братом Дмитрием (1764—1838), женатым на фаворитке императора М. А. Четвертинской и ведущим такой же шумный образ жизни, обязались ежегодно выплачивать по 20,000 рублей до полного изгнания французов из России. — «Получив с прочими дворянами бронзовую медаль в воспоминание 1812 года, Нарышкин сказал: — Никогда не расстанусь с нею, она для меня бесценна; нельзя ни продать ее, ни заложить» (Пыляев М. И. Старая Москва, СПб., 1891. С. 245).

¹⁵ Балашов А.Д. (1770—1837) — генерал-от-инфантерии, член Государственного совета, в 1810—1819 гг. министр полиции; с конца марта 1812 г. постоянно находился при Александре I во время его поездок. На другой день после вторжения французских войск в Россию был направлен императором для переговоров с Наполеоном о прекращении военных действий и выстулении с войсками из наших границ.

В собственноручной записке Балашова об этой встрече (1836) нет данного эпизода. Однако министр отмечает, что, хотя каждый из них «поддерживал достоинство» своего положения, тон Наполеона временами был слишком надменен, и вполне вероятно, что подобные слова, по тем или иным причинам не включенные Балашовым в свои воспоминания, могли иметь место. Известны многочисленные заявления Наполеона, что он «управляет сам, управляет один», что «им никто не управляет» и т. п. (см., например, письмо Наполеона Куракину, российскому послу <май 1812> — Русская старина. 1912. Кн. V. С. 431—437). Поэтому, с другой стороны, если даже слова эти слухи и приписаны французскому императору, они вполне свойственны его вспыльчивому и амбициозному характеру, который частично ему удавалось, конечно, сдерживать, особенно во время официальных встреч.

¹⁶ Тормасов А.П. (1752—1819) — генерал-от-кавалерии, главнокомандующий 3-й Резервной западной армией. Его действия должны были помочь соединению 1-й и 2-й армий, что и произошло в начале августа под Смоленском.

¹⁷ Жермена де Сталь (1766—1817) — знаменитая французская писательница и критик, изгнанная Наполеоном в 1803 г. из Франции за оппозиционные антигирианические настроения. Дочь женеvского банкира Неккера — генерального директора финансов Франции (1777—1781), сыгравшего видную роль в созыве Генеральных штатов в 1788 г.

В воспоминаниях баронессы о посещении России есть такая характеристика петербургского общества лета 1812 г.: «Во многих домах... общество слишком многочисленно, чтобы могла завязаться постоянная... беседа. Все люди высшего света отличаются изысканными приемами, но они недостаточно образованы; среди людей, близких ко двору и чувствующих на себе давление власти, нет взаимного доверия, и они не могут понять прелести умственного общения... Эта атмосфера блеска и веселья может пленить, но лишь на мгновение... В более спокойное время можно было бы открыто сказать истину, что у нации много мощи и величия, но у нее нет порядка, не распространено просвещение... В бытность мою в Петербурге в обществе почти не видно было молодых людей — все ушли в армию: ...владельцы огромного состояния служили простыми добровольцами и при виде опустошенной страны и своих

имений не падали духом, но воодушевлялись побуждением отомстить и не сдаваться неприятелю. Такие качества спасают народ от беспорядков, злоупотреблений и несправедливости, которую причинили ему плохое управление, недавняя цивилизация и деспотические учреждения» (Цит. по: 1812 год. Баронесса де Сталь в России//Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 44, 47, 52).

¹⁸ После назначения 8 августа М. И. Кутузова главнокомандующим русскими войсками М.Б.Барклай-де-Толли (1761—1818) — военный министр (1810—1812), генерал-от-инфантерии (1809), главнокомандующий 1-й Западной армией — перешел под его начало. Л. Л. Беннигсен (1745—1826) — генерал-от-кавалерии (1802), главнокомандующий в кампании 1807 г., состоявший с начала Отечественной войны в свите Александра I, а затем при главной квартире Барклая, стал начальником штаба при Кутузове, откуда в октябре был удален за интриги против фельдмаршала.

¹⁹ Встреча в Або 15—18 августа 1812 г. между Александром I и Бернадотом (1764—1844), маршалом Франции, а с 1810 г. наследным принцем Швеции, произошла по инициативе русского императора для решения вопросов совместных действий в новой военно-политической обстановке. Подписана дополнительная конвенция к русско-шведскому союзному договору, на основании которой было сделано предложение Англии, через посла ее в Петербурге лорда Каткарта, присоединиться к русско-шведскому союзу, что произошло лишь в 1813 г.

²⁰ В день Святого Александра — 30 августа.

²¹ По прошествии нескольких лет в своей автобиографии М. С. Воронцов напишет, что сколько ни кажется это странным, и он сам и раненые его товарищи, добравшись к 29 августа от Бородина до Москвы, даже в тех серьезных обстоятельствах, возможно, в силу их особенной важности, были в большинстве своем довольны, веселы и «даже приятно наслаждались трапезой». — «Наступал критический момент, и все мы чувствовали, что он будет благоприятствовать нашему делу, чувствовали, что сражались так, что французы не смогут гордиться победой, исключая факты нашего отступления и сдачи древней столицы... Мы не исчерпали и половины своих ресурсов, ...а французы... нуждались во всем и были в более тягостных условиях. Само пожертвование Москвою уже исключало возможность мира, и больше не могло быть ни цели, ни предлога, чтобы заключить оный» (Архив князя Воронцова. Т. 37. М., 1891. С. 24. Перевод с английского публ.).

²² Тарутинское сражение, когда 4-й кавалерийский корпус маршала Мюрата, посланный французским императором к реке Чернышне для наблюдения за русской армией, был атакован и отступил, что явилось непосредственной причиной отъезда Наполеона из Москвы.

²³ Винценгероде Ф. Ф. (1770—1818) — барон, генерал-адъютант Александра I, в 1812 г. генерал-майор, осенью командовал отдельным отрядом, блокировавшим Москву с северо-запада. 10 октября вместе со своим адъютантом Л. А. Нарышкиным (1785—1846) — двоюродным братом М. С. Воронцова, ротмистром Изюмского гусарского полка, пробрался к аванпостам французской армии в Москве, где попытался вести с солдатами переговоры о бесполезности борьбы и добровольной сдаче на милость российского императора. Несмотря на уверения, что

явился парламентаром, был арестован. Узнав об этом, Лев Нарышкин, не участвовавший в разговорах с французами, находясь все это время на расстоянии от их постов, добровольно сдался в плен, чтобы не покидать своего начальника. Наполеон, когда к нему в Верее привели Винценгероде, был вне себя от гнева. Обвинив генерала, что, будучи по рождению немцем, то есть подданным Жерома Бонапарта, его брата, короля Вестфалии, он служит России, велел предать его военному суду и расстрелять как изменника и шпиона. Лишь благодаря усилиям начальника штаба Бертье и Мюрата, убедивших Наполеона, что жестокость по отношению к Винценгероде будет казаться теперь личной мстостью Александру, французский император решил отослать его во Францию в качестве военнопленного. Винценгероде и Нарышкина снабдили всем необходимым и отправили под конвоем лишь одного офицера и 2—3 жандармов. За Борисовым пленные были отбиты казаками (см. письмо № 30).

Винценгероде, командуя в 1813 г. русским корпусом в Северной армии, за отличие при Люцене и Лейпциге произведен в генерал-лейтенанты. Нарышкин после Лейпцигского сражения стал генерал-майором.

²⁴ Савари, герцог Ровиго (1774—1834) — генерал, в 1810—1814 гг. министр полиции.

²⁵ Загряжский Н. А. (1744—1821) — действительный камергер, обершенк. Современники отзывались о нем как о бесцветном и крайне недалеком человеке. Граф Ф. В. Ростопчин (1763—1826), московский военный губернатор, пишет о нем в своих записках о войне 1812 года: «Под утро явился ко мне некий Загряжский... Человек очень пошлый, враль и барышник. Он заявил мне, что... так как все имущество... зарыл в своем саду, то хочет остаться в Москве, чтобы оберегать оное... Он остался... и представился герцогу Виченцкому (Коленкуру), который знал его, потому что покупал у него лошадей во время своего посланничества в России. Он озаботился устройством конюшни Наполеона и фабрики для починки седел французской кавалерии» (Русская старина. 1889. № 13. С. 722)

²⁶ Чичагов П. В. (1764—1849) — адмирал, в 1807—1811 гг. морской министр, с 1812 г. главнокомандующий Дунайской армией, а затем 3-й Западной армией. Должен был совместно с корпусом Витгенштейна отрезать отступление французской армии за Березину. Но отсутствие взаимодействия, нерешительность Витгенштейна и неудачные действия самого Чичагова позволили Наполеону с остатками войска благополучно уйти.

²⁷ Голицына Е. И. (урожд. Измайлова), получившая прозвище «Princesse Nocturne» («ночная княгиня»), была хозяйкой знаменитого в Петербурге салона, где не принимала раньше полуночи, «ночи превращая в дни». М. С. Воронцов, дальний ее родственник, часто посещал эти собрания. Будучи членом ближайшего окружения Голицыной, поддерживал с ней дружеские связи и в послевоенные годы, когда княгиня путешествовала по Европе.

²⁸ Лористон Жак Александр Бернар (1768—1828) — граф, генерал, с мая 1811 по июнь 1812 г. посол в Петербурге, во время войны командующий арьергардом французской армии; после занятия Москвы был направлен Наполеоном к Кутузову с предложением о мире, однако поездка закончилась безрезультатно.

²⁹ Штейнтель Ф. Ф. (1762—1831) — граф, генерал-лейтенант; в 1812 г. командир отдельного Финляндского корпуса, с октября присоединенного к корпусу П. Х. Витгенштейна.

³⁰ Сражение под Красным 3—6 ноября 1812 г., где французы понесли огромные потери, а корпус маршала Даву в панике разбежался. Попытки Наполеона организовать сопротивление силами своей гвардии и остатками войск не удались, и он ретировался, не дождавшись конца сражения, оставив корпус Нея на произвол судьбы, что привело к полному его разгрому.

³¹ Заговор Мале и Лагори — попытка свержения власти Наполеона и установления республики, предпринятая в ночь с 10(22) на 11(23) октября 1812 г. группой генералов, в числе которых были Мале — бежавший из заключения генерал республики, еще в 1807 г. пытавшийся организовать переворот, и освобожденный им также из тюрьмы Лагори — бывший начальник штаба Моро — главнокомандующего в Италии, разбитого Суворовым в 1799 г. Заговор был ликвидирован в течение нескольких часов. 25 человек предано военному суду, 13 расстреляно, в том числе Мале и Лагори. О случившемся в Париже Наполеон узнал, по разным источникам, 7—9 ноября.

³² Вот как описывается освобождение Винценгероде и Нарышкина в «Полном собрании анекдотов достопамятнейшей войны россияни с французами» (М., 1814): «...Пленные ехали в двух повозках. Одним утром Барон Винценгероде увидел вдали казака и сообщил открытие сие г. Нарышкину, который никак не хотел этому верить; но, подъехав поближе, удостоверились они, что это в самом деле донской воин. — Тогда Барон привстал, показал ему свои ордена и закричал: «Я русский генерал». — Козак мгновенно исчез, но тот час же появился в числе двенадцати своих товарищей, которые с свойственною им решительностью бросились на жандармов, обезоружили их, вывели пленных из колясок, посадили на козачьих лошадях и ускакали с ними к главному посту флигель-адъютанта полковника Чернышева» (Ч. 2. С. 63—64).

³³ Шишков А.С. (1754—1841) — адмирал, в 1812 г. государственный секретарь и член комитета по делам ополчений; министр народного просвещения (1824—1828).

Ср. письмо его гр. Ростопчину (27 сентября 1812 г., С.-Петербург): «Имею честь препроводить к в.с....печатный листок, под названием: «Объявление для чтения в церквах»...Между тем за нужное почитаю уведомить, что листки сии препровождаются...не для раздачи народу, в чем надлежит взять осторожность, ибо здесь несколько нечаянно выпущенных листов наполнили город ложными толками, что будто в них извещается о смерти Наполеоновой» (Н. Дубровин. Отечественная война в письмах современников: (1812—1815). СПб., 1882. С. 385—386).

³⁴ Марин С. Н. (1776—1813) — полковник, флигель-адъютант, участник кампаний 1805 и 1807 гг.; поэт, автор множества широко распространенных в списках сатирических стихотворений, а также знаменитого «Преображенского марша», который пели во всех полках гвардии; драматург-переводчик. Близкий друг М. С. Воронцова, находившийся с ним в постоянной переписке. В 1812 г. дежурный генерал при князе Багратионе, Марин «продовольствовал армию», писал реля-

ции., т. е. выполнял черную и не блестящую работу. После Бородина 2-я армия слилась с первой, Марин остался не у дел, и «здоровье его уплыло с дежурством». Продолжительная лихорадка закончилась 9 февраля 1813 г. смертью поэта на руках у своих друзей, в том числе и Н. М. Лонгинова.

В одном из последних писем к М. С. Воронцову (21 декабря 1812 г.) Марин так высказывается о системе награждений в армии: «Я всегда был, несмотря на то, что и ты произведен, против производства за отличие. Сколько тут зла! За одного порядочного производятся пять дрянных, чему все свидетели. Гораздо лучше, если бы шло по старшинству. Но ведь нет правила без исключения. Истинно отличный был бы произведен... Иной был пьян, как стелька, ...а произведен за Бородино! Государя винить нечего: он полагается на главнокомандующих; главнокомандующий видеть всего не может, верит корпусным, а те обманывают; их-то бы я велел на полчаса повесить...»(Архив князя Воронцова. Т. 35. М., 1889. С. 469).

*А.Л. Никитин
Москва*

МИСТИЧЕСКИЕ ОРДЕНА В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

І. ПРОБЛЕМА И ИСТОЧНИКИ

Изучение жизни русского общества в период двух послереволюционных десятилетий основывалось на традиционных источниках: официальных документах, отложившихся в государственных архивах, периодике тех лет, дневниках, письмах и воспоминаниях, как правило, прошедших апробацию цензуры. Разница между отечественными и зарубежными публикациями заключалась, пожалуй, в том, что из последних мы узнавали о людях и событиях, на которых в советской России было наложено цензурное «табу», да в более откровенной оценке происходившего и происходящего в собственной стране. Другими словами, восстанавливаемые и анализируемые картины прошлого советской жизни по обе стороны границы отличались, скорее, не качественно, а количественно. В первую очередь это касается области науки, культуры и искусства и отношения их представителей к внутренней политике, проводившейся правящей партией. Несколько иначе обстояло дело с раскрытием политической жизни страны, однако за последнее десятилетие и здесь произошли столь разительные перемены, что, похоже, не приходится ожидать никаких сенсационных, а главное — принципиально важных открытий в до сих пор засекреченных «особых» архивах России. Максимально, на что может рассчитывать в этой области исследователь, это выяснение истинного лица того или иного политического деятеля и

его стремлений, объяснение подоплеки остающегося загадочным события и тому подобное, не меняющее принципиальных контуров уже известной нам картины.

Однако, как выяснилось, существует обширная область духовной и культурной жизни 20-х и 30-х годов нашего века, оказавшая мощное, а главное — продолжающееся влияние на процесс духовного развития российской интеллигенции практически во всех областях культуры, науки, искусства и самой жизни, до самого последнего времени остававшаяся совершенно неизвестной. Речь идет о мистических обществах, мистических движениях и орденах, существование которых хранилось в глубокой тайне как оставшимися в живых посвященными, пережившими годы тюремного заключения, ссылки и концентрационных лагерей, так и официальными органами власти, скорее всего, просто забывшим о их существовании.

Догадаться о наличии этого скрытого пласта нашей жизни можно было и раньше, с началом публикаций фантастических произведений А.В. Чапыгина, С.А. Клычкова, а главное — знаменитого романа М.А. Булгакова о Воланде, в котором на улицах Москвы 20-х годов вдруг объявляются потусторонние рыцари в полном антураже средневековой мистики и оккультизма. Последующее более внимательное чтение литературы того десятилетия показало неслучайность интереса их современников ко всему оккультному и inferнальному. Эта струя, хорошо прослеживаемая еще у раннего Булгакова, ярко проступает в творчестве молодого В.А. Каверина, Л.М. Леонова, Ю.Л. Слезкина и многих других прозаиков.

Сходное явление на протяжении тех же 20-х годов можно обнаружить в театре и в живописи. Символизм, превратившийся на сцене в конструктивизм, неизбежно нес в себе мистическое восприятие мира, как бы его ни пытались трактовать теоретики театра, рассуждая о «новом искусстве», «пролетарском искусстве», «биомеханике» и прочем. Первые театральные постановки С.М. Эйзенштейна в московском театре Пролеткульта («Мексиканец» по Дж. Лондону, «Лена» В.Ф. Плетнева и др.), постановки В.Э. Мейерхольда, наконец, спектакли 2-го МХАТ с участием М.А.Чехова («Гамлет», «Ревизи-

зор», «Петербург») — все они были проникнуты попыткой оформителей и актеров показать «жизнь невидимую», раскрыть тайную суть изображаемого, вывернув обыденность «наизнанку». То же самое можно было наблюдать на художественных выставках, где наряду с реализмом и импрессионизмом проявлялись те же тенденции, что в литературе и в театре, сводившиеся, в конечном счете, к попытке увидеть подлинную суть вещей, реальность которой уже не подлежала сомнению, почему и писал Н. Гумилев что

«...под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для седьмого чувства».

Что питало эти стремления, порывы и надежды? Что рождало их у людей, как можно заметить, весьма различных по своим характерам, воспитанию, образованию и мировоззрению? Я пишу здесь о представителях искусства только потому, что их творчество, как результат душевной и интеллектуальной жизни, продукт этой жизни, особенно наглядно и открыто для всех, тогда как жизнь человека науки протекает изолированно от общества, а его внутренние переживания претворяются (или откладываются) в реалиях, требующих специальной подготовки и знаний.

На первый взгляд, весьма распространенный в предшествующие десятилетия, все эти искания форм и смыслов явились непосредственной реакцией на окружающую действительность, на события мировой и гражданской войн, на годы революции, на перестройку жизни самого общества, переоценку ценностей и так далее. Другими словами, творящие откликались на требование времени, выполняя некий «социальный заказ». Однако внимательное рассмотрение общей картины происходившего убеждает в обратном: время, общество отнюдь не требовали таких формалистических опытов и символических прочтений реальности. Наряду с «революционным» искусством, к слову сказать, занимавшим лишь небольшую часть общего пространства, продолжало существовать и развиваться традиционное реалистическое искусство, пользовавшееся у «масс» как раз наибольшей популярностью и любовью. Подтверж-

дений тому находится достаточно много как в газетной периодике тех лет, публиковавшей письма возмущенных зрителей по поводу «футуристических» выставок и спектаклей, так и в ряде мемуаров театральных деятелей, вспоминая, что на подобные спектакли (того же Пролеткульта, ТРАМа) красноармейцев, рабочих и служащих отправляли «по разнарядке».

Любопытно и другое, столь же известное: наряду с репрессиями, обрушившимися на российскую интеллигенцию в конце 20-х и 30-х гг., перестройке, закрытию и уничтожению поддавало не только политическое инакомыслие, религиозность, склонность к «идеализму», но и все так называемое «левое» искусство — то самое «революционное» искусство, которое по сути своей было абсолютно аполитично, а если и пользовалось «революционными фразами» или политическими лозунгами, то лишь для собственного оправдания и выживания в условиях пролетарской диктатуры.

Иными словами, все это «новое» искусство, а более точно — экспериментальное искусство, пытавшееся отразить скрытую сущность повседневной реальности (т. е. в своей основе глубоко мистическое), совершенно справедливо приравнивалось инквизиторами той эпохи к мистике, с которой они вели беспощадную борьбу, как со всем, что могло способствовать противостоянию людей жесточайшему напору вульгарного материализма. Опасность заключалась не в черных, красных и белых квадратах, не в разложении формы на геометрические фигуры, ее составляющие, не во взаимопроникновении образов, не в непонятных аккордах музыки, не в расплывчатости, неопределенной волнительности поэтических образов и не в «возрождении древнего язычества», жившего еще среди темной и жестокой массы крестьянства, а в том, что все это вместе утверждало бытие не одной, а многих реальностей, в которых жил человек; следовательно, и сам он оказывался не биологической машиной, не животным, а существом многоплановым, способным жить и развиваться в разных измерениях пространства и времени.

Отсюда был уже только один шаг до признания у человека бессмертной сущности, но последнее и оказы-

валось самым страшным, самым губительным для той мировоззренческой повязки, с помощью которой только и было возможно оправдать все, происходившее в стране, чтобы повести ослепшие массы по пути животной жизни. В результате все искусство, кроме сугубо реалистического, было объявлено враждебным — народу, массам и т. п., а потому подлежащим преследованию и уничтожению. Оно прямо приравнивалось к «враждебной идеологии», к религии, к мистике, к идеализму — совсем так, как это чуть позже произошло в Германии после прихода к власти Гитлера, показав, что ни одна тоталитарная система не может примириться с существованием иных мыслей и иных миров, кроме тех, которые она утверждает.

Вопрос о том, было ли реальное основание для такой репрессивной политики, т. е. существовала ли мистическая подоплека «нового» искусства 20-х гг. в России, сейчас решается однозначно на основании материалов открытых архивов и сообщений зарубежной печати тех лет, находившейся у нас в спецхранах и не привлекавшей внимание редких прорывавшихся туда исследователей — отчасти благодаря своей специфике, а отчасти — закамуфлированности. В противном случае исследователи творчества С.М. Эйзенштейна, казалось бы, всесторонне (а на самом деле — весьма поверхностно) изученного у нас и за рубежом, увидели бы в разработке «Мексиканца», в первую очередь, воплощение принципов оккультизма и мистической символики как в оформлении сцены, так и в игре актеров. Больше того, им стоило бы обратить внимание на слова самого Эйзенштейна, что осенью 1920 г. он был принят в Орден розенкрейцеров, а в последующее время продолжал занятия оккультизмом и мистикой¹, от которой он, по-видимому, так и не отошел до конца своей жизни, хотя всячески это скрывал. Менее известно другое: что М.А. Чехов был не только последователем Р. Штейнера и учеником А. Белого, под влиянием которого был поставлен на сцене 2-го МХАТа «Петербург», но еще и рыцарем высокой степени Ордера тамплиеров.

К Ордену тамплиеров в России принадлежали такие деятели советской театральной сцены, как Ю.А. Завад-

ский, Р.Н. Симонов, В.С. Смышляев, А.И. Благонравов, М.Ф. Астангов; из деятелей киноискусства—В.А. Завадская, Ю.Д. Быстрицкая, кинорежиссер С.Д. Васильев; из писателей — Г.П. Шторм, И.А. Новиков, П.А. Аренский; из литературоведов — В.О. Нилендер, С.П. Киселев; искусствоведы Д.С. Недович, А.А. Сидоров; метеорологи М.А. Лорис-Меликов и А.А. Синягин; из востоковедов — Ю.К. Щюцкий, Ф.Б. Ростопчин; биофизик М.И. Сизов; из музыкантов — композитор С.А. Кондратьев, певец В. И. Садовников и многие другие. В этом перечне найдут свое место имена художников, архитекторов, музейных, библиотечных, издательских работников, инженеров, строителей, юристов, преподавателей вузов, даже резидентов советской разведки за границей². И здесь мы сталкиваемся с естественным ограничением: большинство этих людей или неизвестны, или забыты.

Почему так произошло?

Начать, вероятно, следует с причины самой обыденной — с тех волн репрессий, которые вывели из жизни часть людей, причастных к мистическим орденам и обществам, а на других навесили тяжелый замок молчания, вполне объяснимый страхом от перенесенного и возможностью повторных гонений. Немалую роль в этом сыграли и другие факторы: отъединенность от прежних друзей и единомышленников в условиях ссылки, которая стала «новой родиной», в исчезновении потаенной литературы, которая подпитывала их ум и чувства, в невозможности общения из-за отсутствия соответствующих собеседников и, опять-таки, из-за постоянной настороженности по отношению к окружающим. Очень немногие из оставшихся в живых после репрессий, вернувшиеся в интеллектуальные центры страны, в первую очередь — в Москву и Ленинград, нашли в себе желание и силы, чтобы восстанавливать прежние связи и собирать остатки орденового «самиздата», который в большом количестве циркулировал в 20-х гг., питаясь переводами статей и книг, выходивших за рубежом, и оригинальными сочинениями, распространявшимися анонимно в рукописях или машинописном виде. О широте тематики такого «самиздата» дает

представление статья некоего М. Артемьева, опубликованная в нескольких номерах газеты «Рассвет», выходящей в Чикаго³ (см. Приложение 1), о которой подробнее я скажу несколько ниже. Широта и разнообразие тематики, стремление охватить и осознать происходившее, проникнуть в глубинные смыслы процессов характеризует творчество неизвестных нам авторов, чьи произведения, если бы удалось их разыскать, оказались бы поистине бесценны для понимания событий тех лет.

К сожалению, особенно рассчитывать на их восстановление не приходится. В то время рукописи уничтожались не только в печах ОГПУ, но и самими авторами, если нависала угроза обыска и ареста, а вместе с ними и книги, посвященные идеалистической философии, богословию, мистике и всему тому, что шло вразрез с господствующей идеологией. Проводилась тактика «выжженного пространства», только не земли, а душ человеческих, тактика выжженности духовного пространства нации, чтобы не за что было зацепиться ни взглядом, ни мыслью. Те же люди, что продолжали нести в себе память об иных мирах, старались не только эту, но и память о прежних друзьях запрятать столь глубоко, что в конце концов убеждали в этом не только других, но, порой, и себя. Так произошло, например, с известным советским режиссером Ю.А. Завадским, который с первых своих допросов на Лубянке осенью 1930 г. принял на себя ампулу «беспамятного» (см. Приложение 2), и с той поры уже не расставался с ним, уверив под конец жизни всех, что он «...ну, совершенно ничего не помнит». Достаточно сказать, что даже сыну своему он лишь однажды проговорился, что сидел в тюрьме, но по какой причине, сколько времени и как — так и не рассказал, отговорившись «недосугом»⁴.

Здесь мы подходим к другому, столь же серьезному препятствию, встающему перед исследователем, — отрывочности, случайности, а то и просто отсутствию информации о мистиках и мистических организациях, которую в настоящее время можно найти только в архивах органов ФСК РФ и республик бывшего Советского Союза — бывших архивах ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ.

Архивно-следственные дела репрессированных — сложный, очень емкий и в то же время противоречивый источник информации, содержание и степень достоверности которого менялись от периода к периоду. Так, на протяжении 20-х гг. они показывают в достаточной мере спокойное течение следствия, когда охват собираемого материала был достаточно широк, а подследственный имел возможность писать свои показания собственноручно (т. е. вести протокол), отвечая, таким образом, на ставившиеся перед ним вопросы, но при этом еще что-то утаивая или не фиксируя полностью свой ответ, как об этом вспоминала, например, Е. А. Поль. Для тех лет характерно привлечение возможно большего круга не только обвиняемых, но и свидетелей, часть которых затем отпускалась, причем некоторые обвиняемые могли находиться какое-то время на свободе, дав подписку о невыезде из города. Однако все это несколько не гарантировало от совершенно неожиданного по жестокости приговора, где факты могли быть утрированы, искажены, а иногда и просто придуманы, точно так же как прекращение дела часто не служило гарантией от возможных неприятностей — сокращения по службе, «вычистке по 1-й категории» и т. п., что в перспективе грозило вероятностью нового, уже более серьезного ареста.

Но эта же практика «обстоятельности» следствия позволяла накапливаться в следственном деле множеству документов, начиная с ордера на арест и обыск, протокола обыска, анкеты арестованного, протоколов допросов, до различных квитанций (сданные вещи, деньги), служебных записок о перемещении арестованных, медицинских освидетельствований, переписки с родными и следователями, различного рода заявлений, наконец, приговорного материала и документов, свидетельствующих о дальнейшей судьбе осужденных и их перемещений — из тюрьмы на этап, в политизолятор, ссылку, оттуда — на поселение, что завершалось часто справкой об отбытии наказания и выезде по избранному адресу. Иногда сопровождающие дело документы, так называемое «контрольное производство», куда стекались справки о людях, проходивших по данному след-

ственным делу, дают возможность определить если не судьбу человека, то его местонахождение в какие то моменты его жизни, занятия и даже протяженность жизни. В архивно-следственных делах этого периода нередко пакеты с изъятыми при обыске материалами — письмами, меморандумами, дневниками, записками, личными документами и т.п., позволяющими лучше представить суть дела. С другой стороны, этот период характеризуется повышенным интересом следователей к биографии свидетеля или подследственного — к его происхождению, близким родственникам, занятиям и работе на протяжении всего предшествующего периода, политическим убеждениям, которые, как правило в то время подследственными не скрывались.

Другой характерной чертой этого периода, продолжавшегося примерно до декабря 1934 г., т. е. до убийства Кирова (после этого начинается совершенно иная репрессивная политика, рассчитанная на уничтожение), следует считать и отношения между «политическими» подследственными, т. е. теми, кто обвинялся по ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР, и ведущими дело следователями, которые, особенно в Москве, были достаточно корректны. Такое впечатление, вынесенное мною из знакомства с архивно-следственными делами, мне подтверждали все, кто испытал репрессии тех лет и дожил до недавнего времени. Было ли это исключением, которое касалось только интеллигенции, мистиков и анархистов, о которых я собирал сведения, или же распространялось и на более широкий круг арестованных, вышедший за пределы подведомственности Секретному отделу ОГПУ — не знаю, но что именно этим отношением были вызваны многие многостраничные «исповедальные» показания и автобиографии, содержащие изложение собственной позиции, взглядов, верований, направления деятельности, отношения к советской власти (порой, весьма негативного), сомневаться не приходится.

Я отнюдь не хочу создать впечатление, что аресты и допросы проходили в «семейной обстановке», отнюдь нет. Были бесконечные нажимы, угрозы, моральное давление и даже пытки горячей и холодной камерой,

непрекращавшийся поединок между следователем и подследственным, в результате которого многие «ломались», становились на всю жизнь секретными агентами ОГПУ, но в Москве 1930 г., например, не было еще такого садизма и массовых расстрелов, какими славилось тогда тифлисское ГПУ в Ортачалах. Отсюда следует, что даже в любом правдивом показании, в особенности, если подследственный отказывается сотрудничать со следователем, заключена определенная неправда и в огромных масштабах — умалчивание. Последнее можно видеть на примере упомянутых показаний Ю. А. Завадского, которые даны в приложениях, и в еще большей степени — в показаниях Л. А. Никитина, из которых приводятся только наиболее важные для нашей темы (Приложение 3). В то же время (и это обязательно следует иметь в виду каждому историку культуры), имея дело с мистическими организациями, как я мог заметить, следователи меньше всего интересовались самой мистикой, ритуалами посвящения, символикой, содержанием мистических легенд и текстов, короче говоря, жизнью собственно духовной, все свое внимание обращая на организационные структуры, на личные связи, на факты нелегальных собраний («сборищ»), на их периодичность, на отношение к политике правительства, суждения о тех или других мероприятиях советской власти, — короче, на все то, что могло представить орденский кружок в качестве подпольной политической организации, преследующей задачи борьбы с существующим строем⁵.

Отсюда — отрывочность сведений, их фрагментарность, порой явные ошибки, свидетельствующие о незаинтересованности следователей в точной и полной фиксации показаний при обостренном интересе к именам, адресам, записным книжкам, дневникам и переписке, изымаемый при обыске.

Совсем иной характер следствия открывается в архивно-следственных делах 1935—1940 гг. На протяжении всего этого периода видны действия четко отработанной машины, задачей которой было возможно быстрое принуждение к самосговору, влекущему за собой ВМН — высшую меру наказания, т. е. расстрел.

Все, кого не удавалось подвести под ВМН, отправлялись в концлагеря: ссылка в этот период предназначалась только для совершенно непричастных к делу членов семьи, которым нельзя было ничего инкриминировать. Несмотря на то, что архивно-следственные дела этого периода значительно объемнее предшествующих, последнее происходило не за счет расширения документации и широты показаний, а за счет «прокрутки» подследственного все с той же целью самооговора и привлечения возможно большего числа людей, которых затягивает следственный конвейер. О самих людях, их образе жизни, вообще об их прежней жизни мы узнаем очень немного: биографические данные в протоколах резко сокращаются, отсекаются все сведения о родственниках, даже о родителях, и человек предстает как бы «голым на голой земле». Никого не интересует более его духовная жизнь, его убеждения, если только они не несут политической окраски. В последнем случае ему дается возможность снова и снова отвечать на одни и те же вопросы допрашивающих, описывая свою работу, взаимоотношения с начальством и подчиненными, особенно если за этим открывается возможность создания группового дела, «троцкистской» или «правоопозиционной» организации. Люди, зачисленные в такую «организацию», начинающую функционировать в следственных делах на протяжении одного года или более (первые признавшиеся уже расстреляны, последние, ничего не подозревая, еще ходят на свободе, тогда как «среднее звено» дает показания), как правило, были обречены.

К счастью, большинство мистиков, как можно думать, избежало этой смертной карусели, поскольку по своим специальностям (актеры, музыканты, художники, литераторы, преподаватели, музейные работники, научные сотрудники и пр.) они находились вдалеке от борьбы за власть, от начальственных интриг и ведомственных склок, порождающих доносы, которые бежали, словно огонь по ниточке бикфордова шнура, к трагическому взрыву, после которого начиналась уже цепная реакция, как и в предшествующее время основанная на перечнях имен в записных книжках арестованных.

Протоколы этого времени сухи, примитивны, состоят из вопросов и ответов, записанных казенным (порой — малограмотным) языком самими следователями, и сводятся, как правило, к тому, чтобы вынудить признание в несодеянном. В делах этого периода напрасно искать изъяты при обыске бумаги и документы, поскольку они обычно уничтожались, нет фотографий арестованных, а если подследственный чудом избегал фатальной аббревиатуры ВМН в результате собственной позиции и согласного показания подельников, что он к ним никакого отношения не имеет (как то произошло в 1937 г. с П.А. Аренским⁶), то он мог получить только пять лет колымских лагерей... Все это объясняет, почему архивно-следственные дела этого периода содержат минимальное количество информации по мистическим движениям в России и содержанию самого мистицизма, будучи направлены исключительно на возможность политического обвинения (террор, подрывная работа, анти-советская пропаганда и агитация), и, по большей части, важны исследователю лишь для выяснения судьбы человека, попавшего в «ежовскую мясорубку». Соответственна и ценность этих вынужденных показаний, когда, с одной стороны, человек пытался дать минимум информации о тех, кто интересовал следственную группу, а с другой — подвергнутый допросам с мордобоем и пытками, как о том пишут некоторые из выживших и подавших уже при Л.П. Берии заявления на пересмотр своих дел, будучи в невменяемом состоянии оговаривал других и признавался в несовершенных поступках⁷.

Так же отличны и архивно-следственные дела третьей волны репрессий, приходящейся на 1948—1951 гг., когда по всей стране шел подлинный «отлов» ранее репрессированных по ст. 58 УК для препровождения их снова в концлагеря или «на вечное поселение».

Как правило, в этот период новое уголовное дело возбуждалось по справке, составленной на основании первичного дела 20-х или 30-х гг., после чего выносилось «постановление на арест», а дальнейшее следствие заключалось в подтверждении арестованным старых данных и в привлечении свидетелей-сослуживцев, подтверждавших (или, что тоже случалось, не подтверждавших)

факты антисоветских высказываний арестованного и его недобросовестного отношения к работе. Эти следственные дела содержат типовую анкету с приметами подследственного, отпечатками всех пальцев рук, фотокарточкой, однако протоколы допросов, за редким исключением, шаблонны и несут сравнительно мало информации по интересующим нас вопросам. Впрочем, иногда в них удается почерпнуть дополнительные биографические сведения о самом человеке, о некоторых его родственниках и знакомых, о которых он рассказывает с тем большей свободой, чем более достоверна у него информация об их смерти или нахождении в заключении. Обычно именно в этих, самых поздних по времени делах можно найти документы об освобождении человека из лагерей или возвращении из места ссылки, обращение к прокурору о снятии судимости и материалы последующей реабилитации (или отказ в ней).

Подводя итоги такому обзору, далеко не исчерпывающему, однако позволяющему составить общее представление о характере и степени достоверности такого специфического источника информации, как я уже подчеркивал, — практически единственного для исследователя, занимающегося изучением мистических обществ и орденов в советской России, я хочу остановиться еще на одной его особенности, а именно: отсутствии систематизации материала. Последнее означает, что за редким исключением следственные дела мистиков предстают (и числятся) как дела отдельных людей (или групп), не имеющих внешней связи друг с другом, регистрируемые исключительно по фамилии того или иного человека, добраться до которого можно, лишь зная его имя, год и место рождения. Отсюда следует, что выявление групп и отдельных людей, принадлежавших к тому или иному объединению мистиков (будь то Орден тамплиеров, Орден розенкрейцеров, «Орден Света», «Орден Духа» и т. п.), возможно только путем непосредственного перехода исследователя от одного архивного дела к другому, выделяя из показаний подследственных имена и фамилии, представляющиеся наиболее «перспективными» для выхода на новую группировку.

Способ такой бывает сложен, а порою и непреодолим, потому что в исходном документе часто указывается одна только фамилия без полного имени, к тому же неверно записанная (не только следователем, но и самим подследственным); однако, даже полное имя, особенно при обыденности его элементов (Иван Александрович Петров) и отсутствии указания на место и год рождения не спасают положения. Следует быть готовым и к другому. Например, когда, несмотря на неполные данные об одном из членов Ордена тамплиеров, М.А. Лорис-Меликове, удалось разыскать его следственное дело, то оно, как выяснилось, ничего не сообщало о его орденской деятельности, поскольку арестован он был не как мистик (анархо-мистик), а как «вредитель в метеослужбе» и приходил по другому отделу ОГПУ⁸. И все же при всей неразработанности (и засекреченности) архивной службы ФСК РФ, при всей затрудненности, фактической и системной, получения материалов этих архивов, в особенности отдаленных от центров (при этом следует упомянуть, что «ключи» к ним находятся в Справочно-информационном центре МВД в продолжающейся пополняться картотеке на лиц, осужденных уже в наши дни), их документы являются драгоценнейшим источником, который позволяет впервые поставить (а в каких-то случаях — и решать) вопросы духовной жизни советской России, прослеживая влияние мистических обществ и орденов на развитие культуры и искусства.

Настоящая работа, состоящая из серии очерков, каждый из которых посвящен тому или иному ордену (или течению), преследует одну цель: ввести в научный оборот новые источники по истории культуры и духовной жизни России и ориентировать их будущих исследователей как в уже найденных материалах, так и в направлении возможных поисков.

Повторяю, что при всей затрудненности пользования этим новым видом источников, при всей трудности обработки и осмысления материала, заключающегося в документах различного вида — анкетах, протоколах, служебной переписке, обвинительных заключениях и пр., при всей разноголосице, разное, ошибках, опис-

ках малограмотных протоколистов современный исследователь находит в них структурную основу практически для всех дальнейших культурологических и специальных исследований в виде биографического материала и широко разветвленных родственных, дружеских, служебных, орденских и прочих связей, представляющих реальную картину взаимодействия людей, их творчества и циркуляции идей в обществе. В свою очередь, это открывает возможность проводить линии исследования дальше, в другие государственные или ведомственные архивы, где в фондах того или иного лица могли отложиться материалы, относящиеся к интересующему нас человеку (так, в фонде А. А. Борового в РГАЛИ оказался не только интересный комплекс документов, связанный с Кропоткинским музеем, но и работы А.А. Карелина и А.А. Солоновича, стоявших у истоков русского Ордена тамплиеров), или в семейных архивах, если удастся проследить наследников и родственников (так произошло с литературным наследием С.А. Кондратьева, с частью орденского архива; сохранившегося у первой жены А.С. Поль, с остатками творческого наследия А.В. Уйтгенховена, найденными в личном архиве М.Н. Жемчужниковой у ее дочери, и т. п.).

Такой путь исследователя — от личности, возникающей в одном из архивно-следственных дел ОГПУ — НКВД — КГБ, к ее окружению, семье и к новым, попадающим в поле его зрения фигурам, позволяет воссоздавать наиболее достоверную картину явления в целом, под новым углом зрения рассматривая имеющиеся тексты, выходящие из этого круга людей или обращавшиеся в нем, открывая в них новое содержание и расшифровывая намеки, которым ранее не придавалось значения (например, рыцарская тематика в стихах)^{8а}.

Приступая к этим очеркам, я отдавал себе отчет, что до создания общей картины мистической жизни России 20 — 30-х гг. мне еще очень и очень далеко. Здесь представлены только некоторые результаты моей работы на протяжении последних восьми лет, в первую очередь об Ордене тамплиеров и некоторых его филиациях в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге и на Северном Кавказе. Следом за ними я надеюсь дать

обзор имеющегося уже материала о масонстве и розенкрейцерах.

II. Орден тамплиеров: люди и организации

Основателем Ордена тамплиеров в советской России стал А.А. Карелин — сначала народоволец, народник, затем на какое-то время эсер, а с 1905 г. убежденный анархист, вынужденный эмигрировать во Францию⁹. В Россию он вернулся в августе 1917 г., имея уже не только тамплиерское посвящение, но и задание основать здесь Восточный отряд Ордена тамплиеров. Будучи после П.А. Кропоткина крупнейшим теоретиком анархизма, писателем и организатором различных изданий в эмиграции, Карелин и по приезде в Россию развернул бурную анархистскую деятельность сначала в Петрограде, а затем в Москве, где уже в 1918 г. создал и фактически возглавил две федерации — Всероссийскую федерацию анархистов (ВФА) и Всероссийскую федерацию анархистов-коммунистов (ВФАК). Авторитет Карелина, его энциклопедические знания, поразительный талант привлекать к себе людей, умение выслушивать их и уважать чужие мнения снискали ему уважение представителей других партий¹⁰ и выдвинули, вместе с его сподвижниками Эрмандом и Гэ (тоже тамплиерами, приехавшими вместе с ним из Франции), во ВЦИК от анархистов на правах фракции (наблюдательной). Такое положение вместе с широкими дружескими связями в советских верхах (например, с А.С. Енукидзе) оказалось столь прочным, что практически до своей смерти 20 марта 1926 г. Карелин выступал как бы «гарантом» легального анархистского издательства «Голос труда», существования общественного Комитета по увековечению памяти П.А. Кропоткина и самого Музея Кропоткина в Москве, ставшего последним центром (и памятником) анархистского движения.

Из показаний Н.А. Ладыженского в процессе следствия по делу «Ордена Света» осенью 1930 г. явствует, что первые шаги к созданию Ордена тамплиеров на российской почве Карелин предпринял не позднее

1919 г., имея в числе своих ближайших сподвижников анархиста Н.А. Богомолова (гимназического приятеля Ладыженского, через которого тот и был представлен Карелину) и преподавателя математики в московских вузах А.А. Солоновича. В этой беседе, по утверждению Ладыженского, Карелин предлагал использовать формы орденой организации «для распространения идей анархизма»¹¹. Последнее можно расценить двояко: как попытку закамуфлировать подлинно орденой устремления мистического плана от сподвижников-анархистов, не признававших никакой «мистики», или, наоборот, как попытку скрыть за духовным движением явление политического характера, на чем в своих обвинениях против мистиков неизменно настаивали органы ОГПУ – НКВД. Двойственность эта существовала на протяжении ряда лет до полного разгрома властями того и другого движения, вызывая путаницу, недоумение окружающих, взаимные упреки, а также установившееся за тамплиерами наименование их «анархо-мистиками».

Впрочем, иначе, вероятно, и не могло быть, ибо такая политико-идеологическая двойственность вызывалась еще и условиями среды, в которой действовали тамплиеры. Так, будучи преподавателем математики в разных вузах Москвы, и, в первую очередь, в МВТУ им. Баумана, А.А. Солонович, человек талантливый и экспансивный, работал одновременно по распространению этих идей в преподавательской и студенческой среде, причем если в первой он мог говорить со своими коллегами на языке науки, то к студенчеству требовался более простой и действенный подход с позиций современности и актуальности. Все начиналось с частных, нелегальных кружков, в которых Солонович читал лекции, посвященные философии и политэкономии, которые начинались историческим обзором и критикой материализма, в следующем цикле переходили к утверждению идеалистического мировоззрения, к раскрытию мистического понимания мира и человека, а затем к изложению философских систем Востока, в том числе гностицизма. Изложение основ мировоззрения дополнялось лекциями по истории литературы и искусства,

которые читали другие тамплиеры, например А.С. Поль, блестящий лектор, закончивший не только Московский университет по зарубежной экономике и экономгеографии, но еще и Государственный институт слова, и в последующие годы, до своей смерти в 1965 г., остававшийся кумиром для двух поколений учащихся театральных вузов Москвы.

Занятия с анархически настроенной молодежью в этих первичных кружках строились таким образом, что незаметно для слушателей происходил их качественный отбор, когда наиболее способные и развитые приглашались уже в другие кружки, где уровень преподавания и сюжеты занятий были значительно более серьезными. Большинство же первичных слушателей начинало посещать библиотеку-читальню Кропоткинского музея, ходить на доклады членов Анархической секции Кропоткинского Комитета и т. п. Кружки оказывались недолговечны и потому, что многие из них подвергались разгрому, а их участники — высылке; разобщенность, случайность упоминания имен участников не позволяют пока выяснить ни их количество, ни их окружение, ни дальнейшую судьбу. Так, например, только в результате случайного сопоставления, казалось бы, никак и ничем не связанных архивно-следственных дел В.С. Пикунова (1926 г.) и проходивших по делу «Ордена Света» А.И. Смоленцевой и И.Е. Рытавцева (1930 г.) удалось выяснить их причастность к одному кругу анархической молодежи; однако только благодаря личным воспоминаниям вдовы Пикунова, В.И. Филоматовой, стало возможным установить тот факт, что кружок, собиравшийся в доме А.И. Смоленцевой, был самым теснейшим образом связан с квартирой А.А. Карелина во 2-м Доме Советов (ныне гостиница «Националь»), а та, в свою очередь, — с анархистами и анархо-мистиками Сергиева Посада, окрестностей Сочи и г. Батума.

Столь же сложны и разнообразны оказываются связи «преподавательского корпуса» Ордена тамплиеров, если представить, что преподаватель МВТУ С.Р. Лящук, убежденный анархист и анархо-мистик, о встречах с которым вспоминает в своих мемуарах писатель О.В. Волков¹², был женат на сестре поэта и мате-

матика С.П. Боброва, разделявшего, к слову сказать, этот круг идей своего зятя; Е.К. Бренев, тоже математик, был женат на М.В. Коваленской, близкой родственнице С.М. Соловьева, через которого (и через эллиниста В.О. Нилендера) он был связан с мистически настроенной интеллигенцией Москвы, в том числе и с А. Белым (Б.Н. Бугаевым); Д.А. Бем, тоже математик московских вузов, в то же время являлся заместителем заведующего музея П.А. Кропоткина, жил в здании музея и был, как указано в одной из служебных справок, сохранившихся в следственном деле, «учителем и другом детей Троцкого». О мистических же интересах Л.Д. Троцкого известно по его дружбе с П.А. Флоренским и еще некоторым признакам, отмеченным в мемуарах С.А. Волкова^{12а}.

Несколько особняком от этой группы, как мне представляется, стоял Н.И. Проферансов, в то же время являвшийся, вне всякого сомнения, одним из ближайших сподвижников Карелина. Жизненный путь и внутренний облик этого человека, его устремления, интересы и работа во многом остаются пока загадкой для исследователя. Из крайне скупых биографических данных, сообщенных им во время следствия 1930 г., а равным образом из показаний других лиц, знакомых с ним (таких оказалось мало), следует, что уже в гимназические и студенческие годы он принимал активное участие в революционном движении сначала в Туле, потом в Москве как член военной организации РСДРП(б), сидел в тюрьмах, в 1917 г. был членом Московского Совета, редактором газеты «Советы» и «Солдат-гражданин», в начале 20-х гг. читал лекции в Народном университете в г. Пятигорске, затем работал в Москве, в Институте Маркса—Энгельса, заведующим отделом изучения социальных движений, потом техническим редактором в Большой советской энциклопедии¹³. Его связи с кружками московской интеллигенции оказались глубоко законспирированными, поскольку они не всплыли в процессе следствия, а сам он называть какие-либо имена категорически отказался. Поэтому в обвинительном заключении против него следствие могло использовать только показания членов периферических организаций Ордена тамплиеров — участников ниже-

городского кружка («Орден Духа»), которых он «опекал», и отдельных подследственных по «сочинскому делу», арестованных одновременно с ним в августе 1930 г. на Черноморском побережье Кавказа.

Не менее загадочной фигурой пока остается и другой ближайший сподвижник Карелина по анархистской и орденской деятельности — Н.К. Богомолов, бывший одним из секретарей ВФАК и «Черного Креста помощи заключенным и нуждающимся анархистам», организованного Карелиным вскоре после 1905 г. в эмиграции. Причастность Богомолова к анархизму, как к политическому движению, не вызывает сомнений. Гораздо больше вопросов могло бы возникнуть относительно его орденской работы, которую сам он категорически отвергал. В этой части остается положиться на показания уже упомянутого Н.А. Ладыженского и, что более важно, на показания известного антропософа, тамплиера и розенкрейцера М.И. Сизова, называвшего на допросе 1933 г. в числе наиболее старых тамплиеров высокой степени посвящения Богомолова, стоящего в этом списке после А.А. Солоновича, Д.А. Бема, Н.А. Проферансова и его, М.И. Сизова. Не останавливаясь специально на истории Ордена и его первоначальном составе, Сизов называет еще восемь его членов, имевших к 1933 г. 10-ю степень посвящения (всего в Ордене тамплиеров было двенадцать степеней посвящения), которые, по его словам, жили в то время в Москве: Б.М. Власенко, А.О. Солонович (жена А.А. Солоновича), Ю.А. Завадский, профессор математики В.М. Комаревский, В.А. Краснокутский, Н.Н. Нотгафт и В.В. Губерт-Поспелова¹⁴.

М.И. Сизов совершенно определенно указывал, что Орден тамплиеров в России был открыт в 1920 г. и целью его было «содействовать движению человечества в такой форме бытия и сознания, которая определялась бы высшими духовными началами». В то же время он подтверждал показания Ладыженского, говоря, что Орден не должен был стоять в стороне от политической борьбы, воздействуя на нее через свои организации, например, как то имело место в 20-х гг., на анархистов через анархо-мистиков, которые, в свою очередь, направлялись отдельными тамплиерами¹⁵.

Такое признание вместе с перечнем некоторых членов Ордена, среди которых оказываются и антропософы, позволяет попытаться решить вопрос о связующем звене между первым составом Ордена тамплиеров и возникшим позднее «Орденом Света», как одной из центральных орденских филиаций, принявших на себя в дальнейшем (после смерти Карелина) руководящую роль в орденском движении и поставивших его на более высокое научное и духовное обоснование, в конечном счете, отмежевавшись совершенно от политического анархизма.

Наличие в указанном перечне, наряду с Ю.А. Завадским, Б.М. Власенко, о котором мне пока известно, что кроме связи с Завадским и его Студией он был довольно близко знаком с художником и издательским работником А.В. Уйттенховеном, членом Ордена и близким знакомым Карелина с 1921 – 22 гг.¹⁶, позволяет предположить, что к этому же времени относятся и первые контакты с Карелиным Ю.А. Завадского. При этом наиболее вероятно, что посредником между Карелиным и Завадским выступил поэт, переводчик, востоковед П.А. Аренский, сын известного композитора, получивший в сентябре 1920 г. розенкрейцерское посвящение в Минске от Б.М. Зубакина вместе с С.М. Эйзенштейном и Л.А. Никитиным¹⁷, поскольку именно в это время он вошел в семью Завадских, женившись на сестре Ю.А. Завадского, киноактрисе В.А. Завадской, и переехал в их квартиру в Мансуровском переулке.

На фигуре Б.М. Зубакина стоит остановиться. Это был человек безусловно широко одаренный, а в ряде областей искусства талантливый до гениальности, оказавший влияние на многих своих современников, которым приходилось с ним встречаться¹⁸. Согласно автобиографии, написанной им в конце 1922 или в январе 1923 г. во время своего первого ареста¹⁹, Зубакин еще в гимназические годы увлекся мистикой и оккультной литературой, решив возродить Орден розенкрейцеров, как общину мистических единомышленников. Первоначально она возникла под Петербургом в Озерках, где находилась дача его родителей, но перед 1917 г. распалась. Вторично община возродилась в период ре-

волюции и гражданской войны под Смоленском, где Зубакину удалось объединить несколько художников и музыкантов из родственников и знакомых, однако в последующем и эта попытка потерпела фиаско. Более удачным шагом Зубакина, прикомандированного в 1920 г. в качестве лектора к Политуправлению штаба Западного фронта, я считаю открытие им ложи в Минске и посвящение в ней находившихся там актера И.Ф. Смолина, занимавшегося оккультизмом и врачеванием, поэта и литератора П.А. Аренского и С.М. Эйзенштейна. Получил ли посвящение одновременно и Л.А. Никитин, близкий друг Аренского и Эйзенштейна, работавший в том же штабе фронта, не совсем ясно, но что он был посвящен еще в Минске подтверждает содержание сохранившихся писем Эйзенштейна к матери²⁰.

Результатом этого акта, описанного Эйзенштейном в одной из глав своих автобиографических мемуаров достаточно точно, хотя и с долей иронического юмора, стали регулярные занятия оккультизмом и вопросами мистики, о чем можно прочесть в письмах Эйзенштейна к матери из Минска, и последующее приобщение к неопитам артистов Первой студии МХАТа М.А. Чехова и В.С. Смышляева, когда Аренский, Зубакин, Никитин и Эйзенштейн вернулись в Москву²¹. Это произошло в первых числах октября 1920 г. и в известной мере предопределило последующее поступление Эйзенштейна художником в московский театр Пролеткульта, которым тогда заведовал В.С. Смышляев, а затем и оформление им с Никитиным спектакля «Мексиканец» по Дж. Лондону в соответствии с символикой оккультизма²².

Вскоре пути Б.М. Зубакина и его молодых друзей разошлись. Стоит заметить, что этот удивительный человек, обладавший сильнейшей силой внушения, ярким талантом поэта и литератора, и, может быть, еще более ярким — скульптора, этнографа, воспитателя, так и не смог ни разу надолго объединить людей. Ему до конца осталась верна только, по-видимому, А.И.Цветаева, попавшая под обаяние «мага» еще в начале 20-х гг. и сохранившая восторженную и благоговейную память о нем до конца своей жизни²³. Но то, что Зубакин сделал

для Аренского, Чехова, Смышляева и Никитина, не пропало даром: к этому времени в Москве уже существовал Орден тамплиеров.

Вопрос о том, кто первым «подвел» этих друзей к Карелину, остается до сих пор открытым, хотя наиболее вероятные кандидаты все же Аренский и Завадский, а время — конец 1921 или начало 1922 г. Примечательно, что к этому же времени относится знакомство Завадских с двоюродным братом Аренского, тогда молодым астрономом, а затем композитором и фольклористом С.А. Кондратьевым, который наезжал в Москву из Петрограда и получил посвящение в Орден вместе со своей женой, индологом и переводчицей М.И. Клягиной, скорее всего, от самого Карелина, как то заставляют думать некоторые его стихи²⁴. Отец Кондратьева был директором Пулковской обсерватории, игравшей, к слову сказать, большую и до сих пор еще не оцененную роль в культурной жизни Петербурга — Петрограда, а с указанного момента ставшей, как можно догадываться, одним из центров по распространению в научной среде Петрограда тамплиерских идей. Именно там, по-видимому, произошло первоначальное знакомство Ю.А. Завадского с уже упоминавшимся мною М.М. Брендстедом, обрусевшим датчанином, анархо-мистиком и тамплиером, сблизившимся с Карелиным и после смерти последнего даже вошедшим в так называемый Карелинский Комитет (Комитет по увековечиванию памяти А.А. Карелина, созданный по аналогии с таким же Комитетом Кропоткина). С Пулковом связаны имена метеорологов (астрономов) тамплиеров А.А.Синягина²⁵ и М.А. Лорис-Меликова, из которых первый был связан с нижегородским кружком и с известным синологом Ю.К. Щюцким, а через него — и с кругами петроградских востоковедов, с которыми через П.Д. Козлова и совместные монгольские экспедиции связан был и С.А. Кондратьев. О значении Пулкова в тамплиерском движении свидетельствуют также аресты в 30-х гг. ряда его научных сотрудников по обвинению в анархо-мистичесизме.

Наконец, при решении поставленного вопроса стоит обратить внимание на показание М.И.Сизова на допро-

сах 1933 г. о М.А. Чехове, как о тамплиере высокой степени посвящения²⁶, что могло произойти только между 1920 и 1924 г., до того как он сблизился с А.Белым и началась их совместная работа над постановкой «Петербурга». Анализ взаимоотношений людей в этот период, хронологии событий и всего прочего позволяет утверждать, что проводником Чехова к Карелину мог быть или все тот же П.А. Аренский, или познакомившийся тогда же с Чеховым А.В. Уйттенховен, если не предположить, что на гениального актера, о котором говорила тогда вся Москва, обратил внимание сам Карелин.

Таким образом, нитей, которые могли бы протянуться от будущих его учеников и соратников по Ордену, оказывается достаточно много. Другое дело, что при имеющейся информации нельзя остановиться с уверенностью ни на одной из предлагаемых версий. Впрочем, очень мало известно и о работе Ордена в эти годы. Единственным бесспорным фактом остается отъезд в Америку Эрманда²⁷ в 1923 г. с целью возродить в Соединенных Штатах русскоязычную газету, основанную некогда еще Карелиным, чтобы она стала не только рупором анархистов, но и трибуной анархо-мистиков. К сожалению, о самом Эрманде мне ничего не известно, кроме того, что такой человек существовал и стал редактором указанной газеты под псевдонимом Е. Долинин. Новая газета «Рассвет» — «орган российских рабочих организаций Соединенных Штатов и Канады» — переняла эстафету у своей предшественницы, «Американских известий», и (сейчас это можно сказать определенно) сыграла немаловажную роль для развития и организации массы российских эмигрантов как упомянутых двух стран, так и всей русскоязычной диаспоры на протяжении 1920-х и 1930-х гг.

Большого формата, выходившая на четырех (иногда на шести) полосах газета рассказывала о жизни в советской России, ее культуре, научных открытиях, хозяйстве, репрессиях, имела довольно большой литературный отдел, освещала жизнь русских рабочих и эмигрантов в Соединенных Штатах, а в целом представляла для читателя своевременную и объективную информацию обо всем, происходившем в мире, почему имела подписчи-

ков на всех континентах и даже попадала в СССР. Для исследователя это издание интересно, в первую очередь, находящимися на его страницах многочисленными публикациями работ А.А. Карелина (статьи, заметки, пьесы-диалоги, проникнутые мистическими и анархическими идеями, главы так и не увидевшей света монографии по вопросам политической экономии Западной Европы), статьями А.А. Солоновича, А.С. Пастухова, В.С. Смышляева, Е. Моравского и ряда московских анархистов (А.А. Борового, И.В. Хархардина, В.С. Худолея и др.), сообщениями о преследовании анархистов в СССР, ожесточенной полемикой с издаваемым в Париже П.Аршиновым журналом «Дело труда», сыгравшем откровенно провокационную роль в расколе анархического движения, статьями отдельных эмигрантов и корреспондентов из России.

Следующим шагом Эрманда-Долинина стала организация журнала «Пробуждение», уже целиком являвшегося органом анархо-мистиков, где политические и мировоззренческие акценты были расставлены гораздо ярственнее, чем в газете, и где напечатаны работы ряда московских тамплиеров (А.А. Солоновича, А.С. Пастухова, Е.З. Моравского, Л.А. Никитина и др.).

На этих изданиях я останавливаюсь столь подробно, во-первых, потому, что находящиеся в них материалы до сих пор практически не введены в научный оборот, а сами издания оказались за пределами внимания исследователей, хотя их комплекты (разной степени полноты) все же имеются в бывших спецхранах наших центральных библиотек; во-вторых, потому, что до сих пор ничего не известно о сохранности и местонахождении их архивов в США, долженствующих заключать первостепенной важности материал по интересующим нас проблемам, в том числе и рукописи московских анархо-мистиков и тамплиеров, которые в России были уничтожены в результате обысков и арестов.

Широкое распространение тамплиерского (а в качестве «внешней» формы — анархо-мистического) движения в России приходится на 1924 г., как то можно заключить на основании показаний арестованных в 1930 г. тамплиеров и анархо-мистиков (Москва, Ниж-

ний Новгород и др.). Это позволяет сдвинуть дату перехода к активной работе членов Карелинского кружка на период 1923 г. Именно на этот период, как я мог заметить, приходится активизация также и других известных мне мистических групп и орденов, что, очень вероятно, последующими историками будет объяснено обострением в это время внутривластной борьбы в ВКП(б), связанной с болезнью Ленина, а затем и с дележом ленинского наследия: все вместе это определило кратковременную передышку в идеологических репрессиях, возобновившихся (по отношению к анархистам и мистикам) весной 1925 г.

Подтверждением такого наблюдения об активизации деятельности тамплиеров, преодолевших замкнутость саморазвития именно в 1923 г., может служить история Белорусской государственной драматической студии в Москве (первого профессионального театрального вуза республики Белоруссия)²⁸. Студия возникла осенью 1921 г. в Москве по просьбе правительства Белоруссии и под общим руководством МХАТ, которое, в связи с отъездом основного ядра труппы во главе с К.С. Станиславским на гастроли за границу в 1922 г., перешло к Первой студии МХАТ, ставшей все в том же 1924 г. МХАТом 2-м. В этой смене руководства решающее значение имело то обстоятельство, что с самого начала, т. е. с осени 1922 г. и до закрытия Студии в 1926 г., ее бессменным художественным руководителем стал артист и режиссер Первой студии МХАТ В.С. Смышляев, бывший не просто тамплиером, но и обладателем одной из высоких степеней в Ордене. Факт этот до самого последнего времени остававшийся неизвестным историкам театра (впрочем, вероятно, что он не известен им и сейчас), оказывается своего рода «ключом» к истории Студии и ее первых постановок, а равно и к достаточно сложным первым годам жизни витебского драматического театра им. Я. Коласа (первоначально — БДТ-2, т. е. 2-й Белорусский Драматический театр), созданного на основе Студии и ее репертуара постановлением Правительства в 1926 г.

Речь идет как о прямых репрессиях, обрушившихся на труппу в начале 30-х гг. (В.К. Роговенко, К.Н. Санни-

ков), так и о целенаправленной газетной кампании против молодого театрального коллектива с обвинениями в «васильковой мистике», воспринимающимися сейчас, за давностью лет, всего лишь очередным измышлением белорусских партийных идеологов. На самом деле все было не так просто.

Обратившись к репертуару БДТ-2, составленному из спектаклей, подготовленных студийцами в Москве, можно заметить совершенно определенную мистериальность постановок, открывающуюся народной драмой-мистерией «Царь Максимилиан» и далее разворачивающуюся фантастической (опять же мистериальной!) феерией «Апраметная», за которой следовали «Сон в летнюю ночь» Шекспира, «Вакханки» Еврипида и в качестве квинтэссенции мистической драмы души человеческой — «Эрос и Психея» Ю. Жулавского²⁹. Маленькие одноактные пьесы по Г. Мопассану, М. Сервантесу и другие, а также небольшая пьеса И. Бена «В былые времена», поставленная как своего рода дань «социальному заказу», не меняли картины, потому что основной акцент в воспитании актеров и режиссеров был сделан (причем вполне сознательно) на мистериальности театрального искусства вообще и на катарсисе актера, выступающего как бы посредником между миром трансцендентальным и зрителем. Даже в конспектах лекций Смышляева, сохранившихся в записи Т.А. Бондарчик³⁰, можно почувствовать настойчиво проводимую линию аполитичности искусства и «чистоты служения» актера посредством своего таланта и приобретенного им мастерства остальному человечеству — тот лейтмотив служения вообще, который красной нитью проходит через легенды тамплиеров и который изначально был положен в основу Учения при создании Ордена.

Вполне естественно, что так воспитанные бывшие студийцы в новом качестве уже государственных актеров не могли не вызывать раздражения, а затем и пристального внимания идеологических органов Белоруссии.

Да и как могло быть иначе, если в том же 1923 г. В.С. Смышляев, утверждая программу занятий Студии,

в качестве преподавателей пригласил туда своих друзей и сподвижников по Ордену, среди которых с достоверностью можно назвать П.А. Аренского (он читал историю драмы и поэтику), пианистку Е.Н. Круссер, актера и режиссера 2-го МХАТ Б.М. Афонина, композиторов А. Александрова и В.Н. Крюкова, сестру своей жены, преподавательницу французского языка Пушечникову, В.А. Завадскую, занимавшуюся со студийцами общей теорией музыки, Л.А. Никитина, читавшего историю искусства и архитектуры, курс оформления спектакля для будущих режиссеров и оформившего большинство спектаклей Студии, наконец, В.О. Нилендера читавшего курсы античной литературы и искусства³¹.

Этот перечень имен, куда включены лишь те, чья принадлежность Ордену безусловно доказана, пожалуй, впервые позволяет рассматривать тот или иной спектакль Студии не просто как «постановку», а как целенаправленную попытку сценического воплощения определенных идей с целью проведения их воздействия на публику — совсем так, как то было зимой 1920/21 г. у Смышляева, Эйзенштейна и Никитина в их работе над «Мексиканцем» в театре Пролеткульта, когда они находились под непосредственным влиянием лекций Б.М. Зубакина. Во всяком случае будущему исследователю истории коллектива Белорусской студии в Москве и его сценических достижений придется рассматривать эти спектакли через призму реализации идей тамплиеров, а саму Студию — как одну из первых «площадок», на которых разворачивалась деятельность Ордена в Москве.

Другой, по-видимому, гораздо более серьезной «площадкой», о которой мы вряд ли сможем узнать много, была Студия Ю.А. Завадского принимавшая участие во многих орденских мероприятиях как в целом, так и отдельными ее членами, из которых, к сожалению, уже никого не осталось в живых.

Попытками расширения сферы деятельности Ордена в этом направлении, правда, не получившими развития и пресеченными бдительным Главреперткомом, были уже начатые репетициями два спектакля: «Золотой горшок» по Э.-Т.-А. Гофману в инсценировке П.А. Аренского на сцене 2-го МХАТ (режиссер

В.С. Смышляев, художник Л.А. Никитин)³² и «Когда проснется спящий» по Г. Уэллсу в инсценировке П.Г. Антокольского на сцене театра им. Е. Вахтангова (режиссеры Р.Н. Симонов и В.С. Смышляев, художник Л.А. Никитин). Трудно сказать, насколько это было связано с наличием в названных труппах устойчивых тамплиерских кружков, но о существовании там отдельных тамплиеров известно точно. Так, по показаниям ряда подследственных по делу «Ордена Света», во 2-м МХАТ членами Ордена были А.И. Благонравов и Л.И. Дейкун, а в театре им. Е. Вахтангова — М.Ф. Астангов, В.К. Львова, А.М. Лобанов, И.М. Раппопорт и Р.Н. Симонов. В Московском детском театре работала одна из активных деятельниц Ордена Г.Е. Ивакинская, жена географа, профессора А.С. Баркова, тоже тамплиера³³.

Имя Ивакинской заставляет вспомнить об организации ныне прочно забытой исследователями московской жизни тех лет — о Государственном Институте Слова (ГИС), игравшем столь же важную роль в жизни московской интеллигенции первой половины 20-х гг., как Государственная академия художественных наук (ГАХН) в их второй половине. В качестве подтверждения позволю себе привести выписку из аттестата А.С.Поля, закончившего это учебное заведение вместе с Ивакинской, чтобы показать тематику и состав его преподавателей, тем более, что некоторые из них, как В.А. Краснокутский, в дальнейшем оказываются старейшими членами Ордена тамплиеров.

Итак, там преподавали: исторический материализм — П.С. Коган; политграммота — Я.М. Окунев; введение в науку о языке — Д.Н. Ушаков; анатомия, физиология, гигиена дыхательных и голосовых органов — Ф.Ф. Заседателев; магия слова — А.А. Грушка; этика слова — Н.А. Бердяев; психология — Г.Г. Шпет; логика — Б.А. Фохт; лекторское искусство — Д.Н. Егоров; художественный синтаксис — А.М. Пешковский; рассказывание — А.К. Шнейдер; внушение и бессознательное — д-р Хорошко; ораторы древней Греции — С.И. Радциг; ораторы Великой Французской революции — М.С. Фельдштейн; ораторы Древней Руси — В.Н. Муравьев; основы судебного красноречия —

Л.П. Андронников; практика законодательных собраний — А.М. Гурвич; социальная философия — Э.Э. Понтович; социальная психология — С.Л. Франк; введение в эстетику — А.И. Ильин и Саккетти; практические занятия: дыхание — О.Г. Лобанова; техника и музыка речи — В.В. Суренский; пауза, акцент и интонация — Ф.О. Фишеров; импровизация — С.А. Котляревский; ораторский практикум по судебному процессу — В.А. Краснокутский; ораторский практикум — М.С. Фельдштейн; семинарий по эстетике — И.А.Ильин; семинарий по логике — А.С. Ахманов; семинарий по греческой риторике — Б.А. Фохт; конспекты и планы — Н.В. Якушкин; художественное чтение — О.Э. Озаровская³⁴.

Как можно видеть из приведенного перечня, профессорско-преподавательский состав Института в большинстве своем состоял из «опальных» — тех, кто вскоре будет выслан за границу (И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, Г.Г. Шпет, С.Л. Франк) или сослан «в места отдаленные». Не приходится поэтому удивляться, что такая же участь постигла и их слушателей. Во всяком случае среди 33 подследственных, проходивших осенью 1930 г. по делу «Ордена Света» в Москве, шестеро были выходцами из стен этого института: Е.Г. Адамова, Н.И. Водовозов, П.Е. Корольков, А.С. Поль, Е.А. Поль (урожд. Вишневская), Е.Н. Смирнов, а Ю.А. Завадский вел в этом институте кружок на декламационном отделении. Из других известных мне мистиков, связанных с ГИС, кроме Г.Е. Ивакинской, можно назвать В.Д. Вознесенскую (Лиорко, по первому мужу — Лебедева), после возвращения из ссылки ставшую женой М.М. Пришвина, и ее первого жениха, О.В. Поля, принявшего монашество, уехавшего на Северный Кавказ и расстрелянного в 1929 г.

Деятельность выпускников Института слова была разнообразной, как были и разнообразны возможности применения их сил. Часть вела педагогическую работу в вузах (А.С. Поль, Н.И. Водовозов, Е.Н. Смирнов), что давало возможность общения с широкой студенческой аудиторией, у которой на всю жизнь откладывалось в памяти обаяние лекторов и те идеи духовного порядка, которые они могли почерпнуть из общения с лекторами. Другие, как Е.Г. Адамова и П.Е. Корольков, работали в

библиотеках с читателями. Но, вероятно, наиболее серьезная работа шла в ГАХН, остававшейся к концу 20-х гг. единственным «центром свободомыслия» для научной и творческой интеллигенции советской столицы.

Действительно, значение этого центра далеко выходило за пределы только научные, поскольку на заседания его секций и подсекций собирались (когда это можно установить по присутственным листам) гораздо более широкие круги интеллигенции, чем только интересующиеся тем или иным вопросом специалисты. Так было в Секции рассказывания и Секции живой речи, где работали Е.Г. Адамова и А.С. Поль; так было в Секции пространственных искусств, где на семинаре Н.М. Тарабукина по изучению творчества М.А. Врубеля выступали Л.А. Никитин, А.А. Солоневич и Д.С. Недович³⁵; так было на Хореологической секции, где дважды проходили доклады В.И. Авдиева с демонстрацией «живых картин» древнеегипетского танца, оформленные Л.А. Никитиным и поставленные Н.А. Леонтьевой при участии других «рыцарей»³⁶.

К сожалению, почти ничего нельзя сказать о масштабах проникновения влияния Ордена в Московскую консерваторию, кроме того, что там преподавал В.С. Смышляев, дипломные спектакли оперного факультета оформлял Л.А. Никитин, что один из подготовительных орденских кружков собирался на квартире какого-то профессора Консерватории (Григорий Петрович) и что членом Ордена был другой ее профессор — известный тогда певец В.И. Садовников³⁷. Столь же немного известно и о другом направлении в развитии деятельности Ордена — в сторону литературы, откуда приходят имена Г.П. Шторма, входившего в кружок, который вел А.С. Поль, историка литературы Д.Д. Благого, переводчицы М.В. Коваленской, жены Е.К. Бренева, Э.С. Зиликовича, переводчика Бернер и к которым теперь по ряду признаков можно присоединить М.А. Булгакова. Кроме уже упоминавшегося искусствоведа Д.С. Недовича, сюда можно отнести имя А.А. Сидорова, известного историка книжной графики, и, весьма вероятно, А.Г. Габричевского, игравшего видную роль как в ГАХН, так и более широко — в культурной жизни Москвы.

Специфика темы, а в еще большей степени — специфичность материала, о чем уже шла речь выше, трудность его обнаружения и получения, когда главным препятствием оказываются не ведомственные барьеры, а заурядное неведение, о ком именно требуется справка, поневоле ограничивают саму возможность раскрытия тайны, угадываемой ныне лишь по «структуре личных отношений» живших некогда людей, не всегда подтверждаемой документами. Вот почему остается лишь предполагать, что в те же 1923–1925 гг. периферийные (подготовительные) тамплиерские кружки существовали в среде студентов Института живых восточных языков (позднее — Институт востоковедения), где учились тогда Н.Р. Ланг и Е.Г. Самарская, из которых первый будет арестован и репрессирован в конце 1929 г. как руководитель Библиографического кружка при библиотеке-читальне музея П.А. Кропоткина, а вторая — арестована летом 1930 г., но затем освобождена в связи с доказанностью ее непричастности к собственно орденской организации.

Работа Библиографического кружка, организованного Н.Р. Лангом в музее Кропоткина, носила вполне легальный характер изучения и описания работ М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина, однако проходила не в замкнутой музейной обстановке, а велась силами заинтересовавшихся идеями анархизма студентов педагогического факультета 2-го МГУ и уже работавших педагогов³⁸. Естественно, что эти научные занятия должны были приобрести со временем политическую окраску, подготовив сознание участников к пересмотру идеологической базы коммунистов. Вероятно, нечто похожее существовало и в стенах МВТУ им. Баумана, где учился брат Н.Р. Ланга — Ю.Р. Ланг, сам не участвовавший в орденском движении, но выступавший, как можно полагать, связующим звеном между братом-анархо-мистиком и некоторыми своими соучениками: известно, что на его квартире с лекциями не раз выступали «старшие рыцари», среди которых были А.А. Соколов и А.С. Поль. Сколько было подобных кружков по Москве, как широко распространялось влияние тамплиеров на студенческую молодежь — сейчас остается

лишь гадать, но что в это духовное движение так или иначе были вовлечены сотни людей, сомневаться не приходится.

Еще меньше пока известно об иногородней периферии Ордена.

С достоверностью о существовании тамплиерской (анархо-мистической) молодежной организации известно в Нижнем Новгороде, где в последних числах июня 1930 г. было арестовано 12 человек, в основном окончивших агрохимический факультет Нижегородского университета, в том числе и несколько ссыльных³⁹. Последние, имевшие связи с Москвой, по-видимому, и содействовали возникновению этого кружка при поддержке А.С. Пастухова, а затем и Н.И. Проферансова (к последнему члены кружка ездили за советами, литературой и посвящением). Вторичное влияние шло из Ленинграда в виде приездов А.А. Синягина, снабжавшего нижегородский кружок текстами легенд и собственными сочинениями, и З.И. Рожновой (Рожневой?), студентки-медички, само появление которых свидетельствует о наличии тамплиерских (анархо-мистических) кружков в городе на Неве.

Менее ясна пока роль, которую сыграли в нижегородском анархо-мистическом движении, такие представители петроградской литературной интеллигенции, как В.Л. Комарович и Е.К. Моравский, выступавшие, правда, не регулярно, в кружке с лекциями по истории литературы. Судьба Моравского и его личность мне неизвестны, однако большое количество статей в газете «Рассвет» и в журнале «Пробуждение» (если они принадлежат ему, т. к. подписаны Е.З. Моравский, а не Е.К. Моравский, что может быть ошибкой протоколиста ОГПУ или допрашиваемого) позволяет думать, что он сумел уехать за границу. Что же касается Комаровича, то с 1924 г. и до своей смерти в 1942 г. он жил в Ленинграде, преподавал в ЛГУ и был тесно связан с Пушкинским Домом, так что в его личном архиве могут быть обнаружены документы, связанные и с этой стороной его жизни.

В то же время следует отметить, что, в отличие от анархо-мистических студенческих кружков Москвы, где действительно переплетались, иногда вытесняя друг

друга, мистика и анархизм, духовные устремления и политика, нижегородский кружок для большинства его членов, как мне пока представляется, имел значение некоторой интеллектуальной игры, своего рода «формы времяпрепровождения», которую наполняли литературные устремления большинства (почти все писали стихи и прозу).

Существовавший одновременно с нижегородским кружок в Свердловске (Екатеринбург), центральной фигурой которого был Н.А. Ладыженский, приятель Н.К. Богомолова, получивший от последнего посвящение в тамплиеры и дважды — орденские легенды, судя по имеющимся пока материалам, не перерос в сколько-нибудь реальную организацию, а его члены не перешагнули границы дружеских бесед, на которых обсуждались книги по оккультизму и евангельские тексты. Последующий переезд Ладыженского на Северный Кавказ и его арест в связи с «сочинским делом» — и там не выявил каких-либо организационных образований, показав только наличие множества съехавшихся сюда мистически настроенных людей — теософов, антропософов, сектантов, богоискателей, толстовцев, вегетарианцев, среди которых обращалась и тамплиерская литература, поскольку многие оказывались лично связаны с московскими тамплиерами (Н.И. Проферансовым, Н.К. Богомоловым и др.)⁴⁰.

III. Орден тамплиеров: идеи и символы

Познакомив читателя с некоторыми членами Ордена тамплиеров и его филиаций, очертив, насколько это сейчас возможно, круг их распространения, я перехожу к более трудной части своей задачи — попытке представить структуру, внутреннюю жизнь и идеи Ордена по имеющимся материалам.

Как я уже говорил, русское тамплиерство изначально оказалось теснейшим образом связано с анархистским движением. Причина этого, как мне представляется, заключена не столько даже в принадлежности к анарходвижению самого А.А. Карелина, а в существовании анархизма, как изначальной альтернативы идее дикта-

туры, все равно, пролетариата, буржуазии или династической власти. Симпатии к анархизму в России подпитывались самыми разными источниками, заложенными в исторической структуре российского общества и определяемыми особенностями его социально-исторического развития. В первую очередь — неизжитыми тенденциями «общинности», противоборствующей в крестьянской массе всякой власти извне, и наивным представлением о возможности существования «мира» вне сферы влияния государственных структур и меняющихся социально-экономических отношений. При этом было бы ошибкой считать, что анархизм вербовал своих сторонников из числа наиболее консервативной части крестьянства: как ни парадоксально, в требованиях «обособления» от государства, получения хозяйственной и политической автономии сходились обе крайности тогдашней деревенской массы — как «общинники», так и «хуторяне», поскольку в этом они видели выход из-под налогового пресса и вмешательства государства в дела деревни.

Не меньшее, а может быть гораздо большее число сторонников анархизма оказывалось в городе. Объединявшиеся в профессиональные союзы рабочие видели первый шаг к своему «освобождению от труда» в получении в собственность предприятий, где они трудились, наивно полагая, что сам факт работы на предприятии дает им право на его экспроприацию и через это — на улучшение условий своей жизни. Еще большее число сторонников анархизма можно было найти в среде провинциальной (по своему сознанию) российской интеллигенции, традиционно выступавшей «за свободу вообще», поскольку смутное понимание политической свободы как «вольницы» присуще русскому человеку с незапамятных времен, равно как и коренная неприязнь к «власть предержащими», перед которыми он постоянно ощущал свою ущербность и бесправие. Стоит отметить, что такое отношение многих россиян к власти, как к чему-то несправедному, греховному, подлежащему изменению на началах христианства, не только порождало сумбур в их сознании, не развеявшийся и до сего дня, но выводило сугубо прак-

тический вопрос организации общественной и хозяйственной жизни в разряд эсхатологических чаяний, придав ему некую мистическую окраску, столь явно проступающую в русской литературе первых десятилетий XX в. Так не случайно вопрос о «мистическом анархизме», поставленный Георгием Чулковым и Вяч. Ивановым в 1906 г., был воспринят современниками не в качестве принципа свободы творчества (отношение личности художника и его творчества к окружающему социуму), а почти программой нового религиозного движения⁴¹.

Это небольшое историко-социологическое отступление я счел необходимым, чтобы показать место, занимаемое в сознании людей того времени анархизмом, с которым каждый связывал собственные чаяния — свободу творчества, освобождение личности от опеки государства, социально-экономические преобразования в городе и деревне и так далее. Главным же для всех в анархизме было отрицание власти как насилия, то есть требование «акратии», о чем были вынуждены потом все чаще напоминать сами анархисты, объясняя свою позицию, причем акратии не как отрицания всякой структуры управления, а как альтернативу диктатуре (насилию) идеи «общественного согласия» и самоорганизации масс. В результате анархизм оказывался единственным идейным течением, противостоящим не только коммунистам (с которыми анархисты, кстати, сходились в определении окончательных целей преобразования жизни), но и остальным партиям, отличавшимся от большевиков не наличием централизованной власти, а лишь программой ее использования.

Такая картина позволяет понять всю притягательность анархизма в глазах молодежи 20-х гг. и ее желание разобраться в том, как же представляли себе будущее после завершения социальной революции такие теоретики анархизма, как М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин, в чем их предвидение отличалось от той реальности, в которой оказалась Россия. Отсюда был один только шаг к разговорам об анархизме и анархистах, за которыми начинались поиски литературы (продававшейся тогда еще легально), а затем и ее «проработка» с последующим коллективным обсуждением.

Здесь мы сталкиваемся с очень важным для нас феноменом. В отличие от программ других политических партий, говоривших о конкретных преобразованиях, анархизм рисовал картины будущего, опираясь на идею совершенного человеческого общежития, молчаливо опуская вопрос о возможности ее практической реализации в конкретных условиях российской жизни. Изучая анархистскую литературу, читатели узнавали, что основополагающими в анархизме являются свобода волеизъявления человека, недопустимость принуждения к чему бы то ни было свободной личности, активная взаимопомощь и поддержка свободных индивидуумов, борьба с любым видом насилия и принуждения как проявлением власти, тенденции порабощения и эксплуатации человека человеком, отрицание иерархического построения общества и многое другое, что невольно обращало внимание наиболее образованных читателей на соответствие анархистских лозунгов евангельской проповеди, как основы общечеловеческой этики; с другой же стороны — невольно переводило интерес с вопросов политики и экономики на человеческую личность и проблемы ее взаимоотношения с обществом и мирозданием⁴². В таких кружках, если они оказывались в поле зрения тамплиеров, начиналось более или менее регулярное чтение лекций — сначала по экономике, социологии, философии, а затем и по другим сферам знаний, которые открывали слушателям иную перспективу развития общества и человеческой мысли, чем марксистские программы вузов.

Перенос акцента с экономики и политики на психологию и духовный мир человека оказывался тем легче, что многие заповеди анархизма, имея в своих основах христианские заповеди, совпадали с постулатами тамплиерства, как это устанавливается по корпусу орденовских легенд, в которых настойчиво проводятся одни и те же идеи: свобода воли личности, невозможность принуждения личности к чему бы то ни было (необходимость любого поступка должна быть осознана, как органически вытекающая из мировоззрения), готовность жертвенного служения ближнему и дальнему, и многое другое, что неприметным образом складывалось

в некий «рыцарский кодекс», если понимать под «рыцарством» то идеальное, что осталось в нашем сознании от социального института рыцарства европейского средневековья. «Рыцарь — понятие этическое, как лицо, совершающее нравственные поступки», — пояснял на одном из допросов Е.Н. Смирнов⁴³, понимая под этим идеал гармоничного и свободного человека, отдающего отчет в своих словах и поступках, умеющего взять на себя ответственность за принятые решения, ощущающего себя нужной и неотъемлемой частью мира, в котором он живет и который преобразует по мере собственного преобразования и совершенствования. О том же, только другими словами, говорили на допросах и остальные тамплиеры (Приложения 2–4).

Сознание человека XX в., подготовленное всем предшествующим романтическим периодом развития европейской литературы, воспринимало рыцаря не только как воина, но и как защитника справедливости. Рыцарь представал человеком, добровольно взявшим на себя миссию подвига служения добру и свету в этом мире, символом чести, стойкости, мужества, неукоснительного исполнения долга; он оказывался наиболее ярким и всеобъемлющим идеальным образом, понятным каждому молодому сколько-нибудь развитому и начитанному человеку. Можно сказать, что использование образа рыцаря было одной из самых удачных идей, позволявшей при желании каждому воплотить в своей жизни блистательную сказку, в жизни, казалось бы, начисто лишенной возможности сказок; жизни, где делалось все, чтобы осмеять любую высокую романтику, низвести ее до пошлости быта и дезавуировать самые высокие порывы. Уже это обстоятельство позволяло человеку, прикоснувшемуся к идее рыцарства, отдаться ей с непосредственностью юности, тем более когда почва была подготовлена лекциями, расширявшими кругозор неопита, рождавшими желание идти к знанию все дальше и дальше, вкушая «запретный плод духа».

Подобная ситуация, как мне кажется, способна с наибольшей вероятностью объяснить странный, на первый взгляд, факт, что «тамплиерами» оказывались не только члены Ордена тамплиеров, но и слушатели самых

начальных «рыцарских» кружков. Например, по воспоминаниям В.И. Филоматовой, она с подружкой была «посвящена в тамплиеры» А.А. Солоновичем в первое же их с ним свидание, после чего только и начались занятия в кружке и последующие посвящения в орденские степени. Как могла получиться такая скоропалительность? Мне представляется, что в данном случае действия Солоновича исходили из романтичности ситуации, тем более, что пришедшие к нему девушки, заканчивавшие 1-й МГУ (одна — медицинский факультет, другая — химический), оказались достаточно подготовлены, чтобы раскрыть перед ним интерес к вопросам именно духовного порядка, формирующим мировоззрение. Не ясно другое: в какой орден они были приняты?

Ритуальная сторона тамплиерства, введенного Карелиным в России, представляется достаточно простой, как в том можно убедиться, читая показания А.С. Поля (Приложение 4), совпадающие в деталях с рассказами других арестованных членов «Ордена Света», вступивших на путь «признательных показаний». Будущий кандидат прослушивал цикл лекций по истории и философии, несколько основополагающих орденских легенд (о сотворении мира, об Атлантиде и Египте), а затем, если он изъявлял согласие на вступление в Орден, в назначенный день, в присутствии старших рыцарей, одним из которых бывала женщина, он приносил обет верности, выслушивал краткую версию легенды о жрецах Египта и формулу посвящения в первую степень, после чего получал белую розу, как знак чистоты помыслов и устремленности к бесконечному, с которой он теперь должен был появляться на собраниях. Одновременно ему давалась голубая восьмиконечная «богородичная» звезда, символизировавшая надзвездный мир восьми измерений, поскольку в «Ордене Света» было восемь степеней посвящения. Посвящения в последующие степени отличались лишь произносимой формулой и тем, что при переходе на третью степень посвящаемый получал белый полотняный пояс мученика, как символ готовности рыцаря претерпеть мучения на избранном пути.

Кроме регулярных учебных занятий, проходивших раз или два в неделю, члены орденских кружков (как

правило, не превышавшие 8–10 человек), собирались на ритуальные собрания, связанные с приемом неофитов, посвящением в следующую степень или с редкими орденскими праздниками, в числе которых было Рождество Христово, Воскресение (Пасха), день памяти Иоанна Крестителя и праздник архангела Михаила, архистратига небесных воинств и покровителя земных рыцарей. Культ архангела Михаила был особенно распространен среди тамплиеров, что подтверждается и теми стихами, которые сохранились в личных архивах (стихи П.А. Аренского, С.А. Кондратьева, А.А. Сидорова, А.В. Уйттенховена, В.А. Завадской). Как свидетельствуют в своих показаниях члены Ордена, изредка бывали собрания и организационного плана, опять-таки по кружкам, где решались вопросы помощи нуждающимся, проведения благотворительных концертов, публичных лекций или мемориальных публичных же вечеров, организации орденской библиотеки и т. п. Согласно древней орденской традиции, особое внимание уделялось благотворительной деятельности, для чего было создано «Братство милосердия», о котором сообщает в своих показаниях А.С. Поль (Приложение 4).

Сопоставляя ритуалы посвящения и символику Ордена, как о том рассказывают разные тамплиеры, нельзя не заметить разночтений. Так, по М.И. Сизову, в Ордене имеется двенадцать степеней посвящения, между тем как члены «Ордена Света» их насчитывают всего только восемь, а по рассказу В.И. Филоматовой степеней всего четыре. Соответственно, различны и символы: посвящая Н.А. Ладыженского, Богомоллов говорил ему о «красной розе»; в «Ордене Света» и в руках у Карелина (см. показания Ю.А. Завадского) фигурирует белая роза (и голубая восьмиконечная звезда, по показаниям А.С. Поля), тогда как в организации Филоматовой символом Ордена оказывается «голубая астра» (по-видимому, как аналог «голубой звезды»), хотя изображалась она в виде цветка астры. Это позволяет предположить, что описанная символика отражала иерархичность структуры самого Ордена тамплиеров, состоявшего из кружков и «подорденов» разного уровня («Орден Света», «Орден Духа», «Храм искусств» и т. д.), над

которыми возвышались четыре последних степени собственно Ордена тамплиеров, но конспирированных и внутри этих подорденов, поскольку члены кружка знали, как правило, только своего непосредственного руководителя, а с другими, более высокими рыцарями, знакомились в моменты очередного своего посвящения, при переходе из кружка в кружок или при смене руководителей, задачей которых было вести занятия и знакомить посвящаемых с корпусом орденских легенд.

На последних следует остановиться особо.

Сложность с легендами состоит в том, что имеющиеся в моем распоряжении тексты, некоторые из которых уже опубликованы⁴⁵, не позволяют сколько-нибудь уверенно говорить об источниках их происхождения. Если рассматривать легенды с точки зрения сюжетов и тематики, то весь корпус может быть разделен на следующие условные циклы: 1) космологический, опирающийся, скорее всего, на какие-то гностические традиции; 2) исторический, в котором прослеживается предыстория и история Ордена, начинающаяся с атлантов, их прихода в Египет, развивающаяся через евангельские события (обретение Грааля), чтобы через эпоху крестовых походов и европейское средневековье дойти до наших дней; 3) собственно мистический, повествующий о мирах высоких духов, соответствующих, по большей части, иерархии христианских небесных сил и воинств. Если первые два цикла несут в какой-то степени на себе отпечаток традиции и обнаруживают присутствие в текстах исторических (или псевдоисторических) реалий, то последний в этом отношении стоит особняком, заставляя относить его создание (может быть и на основе каких-то гностических тестов) уже к началу XX в., если не к началу все тех же 20-х г. Об этом говорят язык легенд, образы, употребляемые для сравнений, стиль изложения, отражающий стиль мышления человека, привыкшего мыслить категориями естественно-научных дисциплин, а также слишком явные параллели с общественными идеалами анархистов.

Последнее касается, в первую очередь, описания жизни в различных «космосах» небесных иерархий, где на передний план весьма общей и смутной картины

выдвигаются принципы акратического устройства общества — своего рода картинки справедливой, вольной, обеспеченной жизни, освободившей обитателей этих миров от заботы о хлебе насущном, чтобы целиком отдаться свободному творчеству и познанию. Разговоры духов носят характер как бы платоновских диалогов, напоминая пьесы-диалоги, которые так любил писать А.А. Карелин, развивая в них перед слушателями и читателями теоретические положения, которые были бы скучны в обычном статейном изложении. Эти легенды предназначались для воспитания слушателей в духе орденских заповедей на примерах решения вопросов духовной и повседневной жизни, отчасти напоминая учебники европейского средневековья, в которых материал излагался в форме вопросов и ответов или «картинок с натуры», сочиненных для определенных ситуаций. Это позволяет предположить, что указанный цикл частью своей (если не целиком) возник на российской почве, возможно, по каким-то уже имевшимся образцам или с использованием неизвестных нам литературных текстов.

Если эта часть легенд оказывается нацелена на формирование этической структуры мышления тамплиеров с широким использованием новозаветной литературы и ее апокрифики, то другие их части, историческая и космологическая, особенно последняя, были призваны формировать мировоззрение посвященного и, раскрывая перед человеком структуру мироздания, вводили его туда в качестве необходимой и действенной частицы, от которой зависит судьба всего сущего.

Занимаясь историей русских тамплиеров, я не могу освободиться от впечатления, что рыцарский путь активного служения в борьбе со злом невежества и тьмой обскурантизма был единственно верным и возможным тогда путем спасения духовного потенциала России в лице ее интеллигенции. Более того, то был единственно возможный путь формирования личности, который ранее не был пройден русским человеком, как о том справедливо писал Н.А. Бердяев, отчего характер россиянина, не получив рыцарской огранки и закалки, так и остался по сути своей «бабьим», привыкшим прятаться за «общину», «соборность», полагающим, что одно-

разовым покаянием можно обрести прощение и святость, невзирая на прежние преступления, чуждым понятия долга и чести, которые формировали характер европейца на протяжении почти тысячелетия⁴⁶. Однако строилось это мировоззрение не на одной мистической традиции, но и на последних достижениях современной позитивной науки, о чем постоянно говорилось на собраниях членов Ордена, причем тенденция эта была отнюдь не нововведением, а развитием традиции того тайного духовного тамплиерства, которое возникло в недрах исторического Ордена уже в XII в.⁴⁷

Собственно говоря, тамплиеры предприняли попытку сведения воедино научного познания мира, которое в начале нашего века подошло к границам «запредельного», и того интуитивного опыта, накапливавшегося на протяжении существования человечества, который определялся несколько расплывчатым понятием «мистического», будучи отвергнут как официальной теологией, так и опытной наукой. Между тем это слияние было исторически предопределено хотя бы потому, что ни позитивная наука, ни одна из великих конфессий не отвечали на главный, самый основной вопрос, встававший перед каждым образованным человеком: что я есть, откуда пришел, зачем живу и куда уйду? Согласимся, что в наше время, когда ценность человеческой жизни ежеминутно подвергается сомнению, когда мировые религии не могут дать вразумительного ответа на эти изначальные вопросы познания бытия, а если и дают, то он оказывается уничтожительным для человека, — без решения этих вопросов активное, сознательное, творческое бытие становится если не бессмысленным, то затруднительным. Стоит заметить, что в данных вопросах наука и религия оказались удивительно единокорны, отказываясь определить человеческое «я», рассматривая его существование всего только как разовое следствие случайных факторов, не имеющее собственного значения и смысла (тем более — цели) в общей системе мироздания.

Замена материалистического «небытия» — «адам» или «раем», равно как и алогичность наказаний за преступления в жизни, куда человек оказывается вбро-

шен помимо собственного желания, не обладая ни знанием, ни свободой воли, — не этот ли абсурдный постулат в большей степени, чем даже противоречия православной догматики данным современной науки о мире и человеке, оттолкнули от Церкви мыслящих людей, поскольку она их учила смирению, но не знанию?

Кризис веры в полужыческой, многоконфессиональной России намного опередил правовой кризис православной церкви, на протяжении столетий выступавшей, к сожалению, верной опорой власти, своего рода «четвертым отделением Его Императорского Величества канцелярии», но никак не тем духовным пространством, куда могли стремиться мыслящие и образованные люди. Ведь именно этим объясняется тот жгучий интерес к иным учениям и конфессиям, который, возникнув в начале века в России, в наши дни приобретает поистине всеобъемлющий характер. Человеку нужна в жизни и в мире та «точка опоры», которой так не хватало еще Архимеду. Тамплиерство нашло ее в синтезе науки и мистики.

Когда я думаю об этом, мне представляется, что подлинный подвиг средневековых рыцарей, основавших внутри своего «внешнего» Ордена еще и другой, тайный, для посвященных, заключался не в их доблести на полях сражений, а в неустанных поисках древней мудрости, которую они открывали постигали в медитациях и беседах со своими учителями и «оппонентами» — так, пожалуй, я могу назвать их противников-мусульман, схватки с которыми напоминали скорее не битвы, а турниры, где Восток и Запад знакомились друг с другом, взаимно обогащаясь куртуазностью манер и тайной мудростью посвященных, выковывая мировоззрение будущих поколений свободомыслящих исследователей природы и человека. Гораздо выше золота и драгоценных камней тамплиеры ценили сокровища духа, которые они получали на Востоке от таких же «искателей истины»⁴⁸.

Тамплиеры согласны с мистиками других школ, что человек состоит из физического тела, которое живет по законам жизни материи, астрального, являющегося продуктом душевной жизни человека и связующего физическое тело с духом, и из духовной сущности,

собственно «я» человека, являющейся бессмертной монадой, возникшей вместе со вселенной, чьи бесчисленные воплощения способствуют как ее собственной эволюции, так и преобразованию окружающего мира. Отсюда перед каждым человеком рано или поздно встает неизбежная проблема выбора, поскольку он должен определить, для чего он живет и чему содействует: увеличению хаоса, расширению тьмы, господству зла или же гармонизации мира, распространению света, торжеству добра и знания...

Чрезвычайно важным вкладом тамплиеров в эту общепризнанную концепцию, лежащую в основе всех мировых религий, стало утверждение, что абсолютного зла, как такового, существующего изначально, на самом деле нет: зло есть такое же отсутствие добра, как невежество является отсутствием знания, а тьма — отсутствием света. Этот несколько неожиданный, однако строго логичный постулат не только снимал извечный (и безысходный!) дуализм учений Востока и его несколько искусственное решение в иудео-христианстве, но и впервые отводил человеку ведущее место в космосе, поднимая его в качестве *свободного, обладающего собственной волей «собеседника и соратника Божия»* в процессе *глящегося сотворения мира*.

Познавший свою божественность и свое значение, свою ответственность в борьбе со злом и хаосом, которые выступают в облике воинствующего невежества, препятствуя другим монадам осознать свою божественную сущность и предназначение, современный человек уже не имеет права вести животную жизнь, потому что ему открылась свобода выбора между светом и тьмой, добром и злом. Обретенное сознание обязывает человека соответствующим образом строить и свою личную жизнь, отдавая себе отчет в собственных поступках и в их последствиях для окружающих. Следовательно, подчеркивалось на орденских собеседованиях, человек, вступивший на рыцарский путь служения людям и миру, обязан стремиться к максимальной отдаче своего таланта, своих знаний, своих сил на любом избранном им поприще деятельности.

Насколько мне известно, так это и было. Аресты московских тамплиеров в 1930 г. и в последующие годы,

иногда прерывавшие их путь вместе с жизнью, иногда, если везло, лишь на время вырывавшие из привычного быта, не влияли ни на их мироощущение, ни на ту одухотворенность, с которой они шли по жизни. Последнее в одинаковой мере относится и к творчеству Ю.А. Завадского, и к погибшему на Колыме П.А. Аренскому; к А.С. Полю, проработавшему всю остальную жизнь в театральных вузах Москвы, и к Л.А. Никитину, погибшему в октябре 1942 г. от цинги и пеллагры в лагерном лазарете г. Канска. О последнем мне довелось слышать от двух людей, встретивших его в тюремной камере: один видел его осенью 1930 г.⁴⁹, другой — в июне 1941 г.⁵⁰. Не зная друг друга, оба они говорили об одном: о той мощной духовной и моральной поддержке, которую получали от Л.А. Никитина сокамерники...

Показательно и другое. Встречаясь с большим количеством людей, прошедших через лагерь, рассказывавших о своих впечатлениях и опыте, я не мог не отметить тот парадоксальный факт, что в нечеловеческих условиях, где гибли во множестве физически крепкие, но малообразованные люди, выживали физически слабые, однако крепкие духом интеллигенты, те, которые знали, почему они находятся в лагере, которые не считали себя жертвой «политической ошибки», рассматривавшие факт своего заключения как некое «рыцарское испытание», поскольку всей своей жизнью протестовали против рабства духа и тьмы невежества, покрывшей своим пологом Россию. Об этом мне прямо говорила Е.А. Польш, воспринявшая свою ссылку в Сибирь в начале 1931 г. как очередное рыцарское посвящение, знак, что она была признана достойной пройти через него⁵¹.

Итак, история «Ордена Света», центральной организации Ордена тамплиеров в России, сейчас предстает в следующем виде.

«Орден Света» возник, скорее всего, на рубеже 1922–1923 гг. как одна из филиаций Ордена тамплиеров⁵², объединившая литераторов, актеров, музыкантов, художников Москвы. На протяжении 1924 и начала 1925 гг. он испытал наибольший подъем и приток членов, прерванный на некоторое время начавшимися репрессиями против анархистов. Впоследствии Орден

оправился и до начала 1930 г. работал в тесном содружестве с музеем П.А. Кропоткина, используя время от времени его помещения для благотворительных и просветительских акций — лекций, концертов, памятных вечеров. Основное направление работы Ордена шло по линиям преподавательской (и просветительской) деятельности в институтах, студиях, научной работы в соответствующих учреждениях, в рыцарских кружках и в распространении орденового «самиздата». Им были установлены контакты с научной и творческой интеллигенцией Москвы, Ленинграда, с мистиками Свердловска, Нижнего Новгорода, Северного Кавказа. Фактическое влияние Ордена, его литературы и его идей оказывалось неизмеримо шире, поскольку орденовая литература циркулировала среди толстовцев (Москва, Северный Кавказ), среди теософов и антропософов, принимавших участие в публичных мероприятиях Ордена, наконец, просто среди широкого круга родных и знакомых его членов.

Конфликт, возникший весной 1927 г. в музее Кропоткина⁵³, вызванный попыткой группы политических анархистов использовать музей в качестве легальной трибуны для своей агитации, по-видимому, не без помощи ОГПУ выплеснулся на страницы парижского журнала «Дело труда». Здесь на протяжении последующих двух лет печатались материалы, обличавшие анархо-мистиков, газету «Рассвет», «Пробуждение», причем все это закончилось статьей-доносом лично против А.А. Солоновича и Ордена⁵⁴. В результате, начиная с осени 1929 г. ОГПУ вело планомерные акции по выявлению сначала орденовой периферии (Библиографический кружок, группы московских анархистов, молодежь анархо-мистических кружков, «нижегородское дело», «сочинское дело»), ликвидировав в сентябре 1930 г. головную организацию «Ордена Света». Оставшиеся на свободе после этой акции тамплиеры были арестованы в 1937–1938 гг. и позднее⁵⁵.

Попытки к концу 50-х гг. возродить Орден, установив связи с оставшимися в живых его членами, предпринимавшиеся Г.В. Гориневским, Б.М. Власенко, В.С. Пикуновым, не дали ощутимых результатов по многим причинам: продолжавший работу кружок

А.С. Поля – М.В. Дороговой пошел по несколько иному пути развития, молодежь не пополняла ряды рыцарей, а выжившие и оставшиеся верными заветам уже не могли вернуться к формам деятельности и литературе сорокалетней давности, которая, по-видимому, уже не удовлетворяла сознание, как букварь, драгоценный при начале обучения грамоте, оказывается ненужным и примитивным кончающему курс обучения. Новых же форм Учение не обрело. Все это вместе взятое вело к тому, что вклад Ордена в духовное развитие России и его потенциальные возможности могли остаться незамеченными, если бы автору этих строк не посчастливилось, одновременно с обнаружением документов Ордена в архивах ОГПУ – КГБ, найти последних его членов, чтобы восстановить утраченную было живую традицию и получить необходимый материал и комментарий к нему.

Вводя в научный оборот этот исключительно важный для понимания культурного процесса в России 20-х гг. феномен, позволяющий по-новому взглянуть на разные аспекты культурной (и духовной) жизни тех лет, я надеюсь, что переданная мне эстафета будет подхвачена и другими исследователями, как в России, так и за рубежом. Первоочередной задачей сейчас мне представляется составление картотеки тамплиеров, розенкрейцеров, масонов, теософов и антропософов, а также всех людей, проходивших через репрессивные органы советской власти по обвинению в принадлежности к той или иной мистической или духовной организации, выявление их дружеских и родственных связей. Таким образом мы получим возможность, во-первых, расширить наши представления об этом феномене российского духовного андерграунда, во-вторых, определить его влияние на культурный процесс и, в третьих, интенсивно вести поиск его письменного наследия, этого потерянного элемента нашей культуры.

* * *

Оставляя рассказ о других течениях мистической мысли и их организациях в советской России (масонство, розенкрейцерство) до других очерков, предваряющих задуманную серию готовящихся сейчас сборников

под общим названием «Материалы к истории мистических обществ и орденов в России» (МИМООР), я позволю себе сказать несколько слов о Приложениях, дающих как общее впечатление о характере основных материалов по данному вопросу, так и существенно дополняющих уже сказанное.

Первым из них является статья М. Артемьева, уже упоминавшаяся мною, которая может послужить своего рода «компасом» для поисков и выявления творчества идейного российского андерграунда 20-х гг., а равным образом материалом для самостоятельного исследования и расшифровки содержащихся в ней имен, намеков и указаний.

Выдержки из показаний Ю.А. Завадского (Приложение 2) и Л.А. Никитина (Приложение 3), двух тамплиеров высоких степеней посвящения, рисуют две линии поведения тамплиеров на допросах: в первом случае (Завадский) попытку уйти от ставящихся следователем вопросов в «беспамятство»; во втором (Никитин), приняв на себя вину, представить работу Ордена в качестве всего лишь «творческой лаборатории». Они демонстрируют позиции людей, не только ощущавших свою ответственность за судьбу других, но и достаточную продуманность в той игре, которую тамплиерам приходилось во все времена вести с инквизицией. Вместе с тем эти показания дают представление о трудностях, с которыми мог столкнуться исследователь, если в его распоряжении не оказалось бы «признательных показаний» их общего друга А.С. Поля (Приложение 4), раскрывшего действительное положение дел в «Ордене Света» и его филиациях.

Наконец, я полагал необходимым дать список обвиняемых по делу «Ордена Света» из обвинительного заключения, составленного помощником начальника 1-го отделения Секретного Отдела ОГПУ Э.Р. Кирре, чтобы познакомить читателей не только с участниками дела, но и со специфической интерпретацией показаний подследственных (Приложение 5).

Примечания

¹ Eisenstein S.M. Yo. Ich selbst. Memoiren. Henschelverlag, Berlin, 1984. S. 110–123.

² Брендстед Михаил Михайлович, сын обрусевшего датчанина, близкий друг А.А. Карелина, С.А. Кондратьева, П.А. Аренского, Ю.А. Завадского; член Комитета по увековечению памяти Карелина; в 1929 или 1930 г. уехал через Данию в Париж, где работал резидентом советской разведки до середины 50-х гг. О его работе за рубежом см.: Хенкин К. Охотник вверх ногами. М., 1991. С. 17 («Бронстэд»).

³ Артемьев М. Подпольная литература в советской России //Рассвет (Чикаго), 1930. — № 233–235. В этой же газете были напечатаны другие статьи этого автора: Преследования анархистов в советской России (№ 240); Три кита большевизма: (ложь, насилие, эгоизм) (№ 245); Об очевидцах и свидетелях «оттуда» (№ 254–256); Правовые основы безвластия (№ 277–280, 295–297); а также в журнале «Пробуждение»: Анархические начала русской культуры (№ 14, 16).

⁴ Личное сообщение Е.Ю. Завадского.

⁵ В этом отношении интересно сравнить показания А.С. Поля (Приложение 4) и интерпретацию этого материала следователем (Приложение 5).

⁶ ЦА ФСР РФ. Дело Р-11994 Болотовой А.О. и других; обвинительное заключение.

⁷ Например, заявление Г.А. Кирдецова на имя Наркома Внутренних дел СССР Л.П. Берия, поступившее 16 апреля 1939 г. (ЦА ФСР РФ. Дело Р-23618). Т. 2. Л. 29–30).

⁸ ЦА ФСР РФ, дело Р-21177 по обвинению Лорис-Меликова М.А. и др.

^{8a} Никитин А.Л. Тамплиеры — рыцари России //Дельфис (М.). 1995. № 2 (5). С. 57–65.

⁹ О А.А. Карелине см.: Никитин А.Л. К событиям 20-х гг. вокруг Кропоткинского музея //Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 2. М., 1992. С. 93–98.

¹⁰ Напр.: Максимов Г. Суд над Я. Блюмкиным в 1919 г. //Память: Исторический сборник. Вып. 3. Париж, 1980. С. 380.

¹¹ ЦА ФСР РФ. Дело Р-33312. Т. 5. Л. 237.

¹² Волков О. Погружение во тьму. М., 1989. С. 300.

^{12a} Волков С.А. Последние у Троицы. М.; СПб., 1995.

¹³ ЦА ФСР РФ. Дело Р-33312. Т. 6. Л. 457–458.

¹⁴ ЦА ФСР РФ. Дело Р-35656. Л. 66об–67.

¹⁵ Там же. Л. 67.

¹⁶ Архив УФСР РФ по Архангельской области. Дело П-5282. Л. 18–21.

¹⁷ О Л.А. Никитине см.: Никитин А.Л. Леонид Александрович Никитин: (1896–1942) //Панорама искусств. Вып. 12. М., 1989. С. 241–261; он же: Леонид Александрович Никитин: Жизнь и творчество: 1896–1942. Каталог. Рязань, 1989 и др.

¹⁸ О Б.М. Зубакине см.: Немировский А.И. Разбитый сосуд //Новый мир. 1992. № 7. С. 91–96, и книга: Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд или последний русский розенкрейцер. М., «Прогресс», [1995], содержащую огромное количество фактических ошибок как по персоналиям, так и в воспроизведении текста документов.

¹⁹ Указанная автобиография Б.М. Зубакина находится в его архивно-следственном деле, хранившемся в УФСК РФ по Москве и Московской области. За возможность ознакомиться с этим документом приношу искреннюю благодарность А.И. Немировскому и Л.В. Ильинской.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 1549. Подробнее см. Никитин А.Л. Один год Сергея Эйзенштейна: 1920–1921: письма с комментариями // Киноведческие записки. Вып. 25. М., 1995. С. 12–52.

²¹ Eisenstein S.M. Yo. Icn selbst... S. 123.

²² Никитин А.Л. Первый спектакль С.М. Эйзенштейна в Пролеткульте, или как создавали «Мексиканца» // Киноведческие записки. Вып. 24. М., 1995. С. 138–162.

²³ Запись беседы с А.И. Цветаевой 19 февраля 1993 г. // Архив автора.

²⁴ Стихи С.А. Кондратьева // Архив автора.

²⁵ Архив УФСК РФ по Томской области. Дело 34248.

²⁶ ЦА ФСК РФ. Дело Р-35656. Л. 80.

²⁷ ЦА ФСК РФ. Дело Р-7776. Л. 77.

²⁸ О Белорусской студии в Москве см.: У. Няфёд. Тэатральная адукацыя // Гісторыя Беларускага тэатра. Т. 2. Мінск, 1985. С. 129–149; Малчану П. Тэатр — жыццё маё: Успаміны. Мінск, 1984. С. 33–50.

²⁹ Нікіцін А. Крок да тэатра будучыні // Мастацтва Беларусі. 1986. № 11. С. 10–14.

³⁰ ЦГАМЛІ Беларусі. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 4.

³¹ Бондарчик Т.А. Двадцатые годы молодые: Воспоминания // АИИЭФ АН Беларусі. Ф. 1. Оп. 20. Л. 6.

³² РГАЛИ. Ф. 1990. Оп. 1. Ед. хр. 17, 86, 502, 503; Оп. 2. Ед. хр. 113.

³³ ЦА ФСК РФ. Дело Р-33312. Т. 4 (показания Ф.Ф. Гиршфельда).

³⁴ Материалы А.С. Поля // Архив автора.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 3. Ед. хр. 149.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 17. Ед. хр. 11 и 15.

³⁷ ЦА ФСК РФ. Дело Р-33312. Т. 4. Л. 141.

³⁸ ЦА ФСК РФ. Дело Н-6126.

³⁹ Архив УФСК РФ по Нижегородской области. Д. П-18943.

⁴⁰ Архив УФСК РФ по Краснодарскому краю. Д. П-58969.

⁴¹ Чулков Г. О мистическом анархизме // Вступит. статья Вяч. Иванова. СПб., 1906.

⁴² Об идейной трансформации анархизма, как философского течения, см.: Никитин А.Л. Заключительный этап развития анархистской мысли в России // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 89–101.

⁴³ ЦА ФСК РФ. Дело Р-33312. Т. 7. Л. 515.

⁴⁴ Записи бесед с В.И. Филоматовой // Архив автора.

⁴⁵ Отдельные легенды тамплиеров опубликованы: Наука и религия. 1992. № 8 (Светильники у трона Бога); № 9 (Бунт Сатанаила); № 12 (Гибель Атлантиды); 1993. № 2 (Аппий Клавдий); Литературное обозрение. 1994. № 3/4; (Золотая лестница, О двух Элоимах, Голубой Арлеги, Агасфер, Исповедь); № 5/6 (Алхимик, О Троне, Атлантида).

⁴⁶ К этому вопросу философ возвращался неоднократно: «Очень характерно, что в русской истории не было рыцарства, этого мужественного начала. С этим связано недостаточное развитие личного начала в русской жизни. Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива,

в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери. Рыцарство кует чувство личного достоинства и чести, создает закал личности...» (Бердяев Н.А. Душа России//Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 13) и еще: «У русского человека недостаточно сильно сознание того, что честность обязательна для каждого человека, что она связана с честью человека, что она формирует личность. Нравственная самодисциплина личности никогда у нас не рассматривалась как самостоятельная и высшая задача. В нашей истории отсутствовало рыцарское начало, и это было неблагоприятно для развития и для выработки личности. Русский человек не ставил себе задачей выработать и дисциплинировать личность, он слишком склонен был полагаться на то, что органический коллектив, к которому он принадлежит, за него все сделает для его нравственного здоровья. Русское православие, которому русский народ обязан своим нравственным воспитанием, не ставило слишком высоких нравственных задач личности среднего русского человека, в нем была огромная нравственная снисходительность. Русскому человеку было прежде всего предъявлено требование смирения. В награду за добродетель смирения ему все давалось и все разрешалось. Смирение и было единственной формой дисциплины личности. Лучше смиренно грешить, чем гордо совершенствоваться. Русский человек привык думать, что бесчестность — не великое зло, если при этом он смиренен в душе, не гордится, не превозносится. И в самом большом преступлении можно смиренно каяться, мелкие же грехи легко снимаются свечечкой, поставленной перед уютником...» (О святости и честности//Там же. С. 77–78).

⁴⁷ Фортинский Ф. Новые открытия в области истории ордена Тамплиеров//Отдельный оттиск из «Университетских известий». Киев, 1878.

⁴⁸ В этом плане весьма любопытные факты приводятся в кн.: Идрис Шах. Суфизм. М., 1994. С. 246–278.

⁴⁹ Шелкачев Владимир Николаевич, геолог.

⁵⁰ Смирнов-Русецкий Борис Алексеевич, художник.

⁵¹ Воспоминания Е.А. Поль //Архив автора.

⁵² Следует отметить, что, собирая материалы по истории Ордена тамплиеров в России, в разговорах с членами Ордена мне неоднократно приходилось слышать о существовании наряду со «светлым» тамплиерством, возглавлявшимся Карелиным, еще и о «темном» Ордене, возникшем независимо, который пошел по пути оккультизма, «черной мессы», сатанизма и т. п., подменив служение Свету — служением Хаосу в погоне за властью над стихийными силами. По ряду признаков я склонен думать, что в нем участвовали и московские розенкрейцеры.

⁵³ Никитин А.Л. К событиям 20-х гг...

⁵⁴ Юр. А-т. Трубадур мистического анархизма //Дело труда (Париж). 1929. № 50/51. С. 15–17.

⁵⁵ Подробнее об «Ордене Света» и тамплиерах см.: Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве//Наука и религия. 1992. № 4–12; 1993. № 1–4, 6–7.

Приложение 1

Михаил АРТЕМЬЕВ

ПОДПОЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

В современной России любопытное явление представляет собою подпольная рукописная литература. Несмотря на трудности и дороговизну «издания», литература эта распространена повсеместно, в особенности в Москве и Петрограде. Карликовые тиражи Ундервуда или Ремингтона, позволяющие выпускать в свет не более 10 экземпляров, вызывают необходимость издавать ходкие произведения в нескольких «списках», выходящих часто почти одновременно в разных городах России. Кое-где смельчаки рискуют оборудовать стеклогграф или примитивный гектограф, позволяющий выпустить от 50 до 100 экземпляров рукописи, но явление это редкое, так как провал такой «типографии» влечет за собой обычно расстрел.

Внешний вид рукописных изданий носит, конечно, самый примитивный характер, как в издательском, так и в редакционном отношении, но чем толще рукопись, тем аккуратнее и заботливее она выпускается, тем лучше техническая редакция и тем выше качество бумаги и другие стороны техники издания. Рукописи, превышающие печатный лист, обычно сшиваются ниткой и имеют цветную обложку из толстой альбомной бумаги. Некоторые произведения выходят даже в переплете. Так, работа о Бакунине одного из видных анархистов вышла в 4 томах нового писчего стандартного формата, каждый свыше 300 страниц, на бумаге довоенного качества в прекрасных коленкоровых переплетах тиражом в... 6 экземпляров¹.

Другая работа по религиозной философии на папиросной бумаге содержит свыше 500 страниц большого писчего формата, вышла в двух изданиях в Москве и в Петрограде по 11 экземпляров, при этом одно издание тоже в переплете, а другое в аккуратных толстых обложках.

Лекции одного профессора, чрезвычайно популярные среди молодежи, где они впервые и читались в нелегальных кружках, вышли в течение пяти лет, по крайней мере, 15 раз в разных городах Советской России, в Москве, Петрограде, Нижнем Новгороде, в Харькове и на Кавказе. Они содержат 4 курса в объеме нескольких сот страниц на самые различные темы популярной философии.

Несчетное количество раз переписываются различные церковные документы, в особенности относящиеся к расколу внутри «Тихоновской» церкви, вызванному известным посла-

нием митрополита Сергия. Каким-то безвестным монахом в глухом местечке центральной России в глубокой тайне изданы 6 экземпляров «Сборника» этих документов, содержащих свыше 200 документов на 500 страницах большого формата, преимущественно направленных против митрополита Сергия. Большим успехом пользуются различные стихотворения, не могущие быть напечатанными в советских изданиях в силу их идеалистического или религиозного характера. Особенно много таких стихов посвящено России, ее судьбе и страданиям.

По свидетельству одного из большевистских толстых журналов, рекорд тиража за 10 лет революции принадлежит не какому-либо из советских изданий Государственного издательства, а известному стихотворению анонимного автора, приписываемому, однако, единодушно Сергею Есенину, под названием «Ответ Демьяну Бедному» на его наглуго и кощунственную «Юмористическую Библию». Действительно, едва ли есть в России грамотный человек, даже среди большевиков, который бы не читал этого стихотворения и, по-видимому, тысячи машинисток переписывали его среди советских циркуляров по всем городам России, ибо количество «изданий» этого стихотворения, талантливого по содержанию и по форме, неисчислимо.

Русская интеллигенция всегда отличалась страстью коптить книгу, собирать у себя дома свою библиотеку. Так и в настоящее время распространено коллекционирование этих рукописей. Собрания их под названием «архивов» хранятся обычно не дома в столе или на этажерке, а в корзинах или в чемоданах где-либо у безобидной знакомой старушки под диваном или на шкафу, часто даже без ее ведома, или где-нибудь на даче в сарае или на чердаке. Иногда такие архивы у неосторожных и легкомысленных лиц залеживаются в квартире, вернее, на «жилплощади», ибо слово «квартира» почти вывелось из употребления в СССР. Тогда эти «архивы» рано или поздно делаются добычей ГПУ и всегда являются лакомым блюдом для производящих обыск чекистов.

Провал «архива» вселяет тревогу в окружающей среде, ибо хотя рукописи переписываются и анонимны, но ГПУ довольно быстро расшифровывает аноним, если не персонально по отношению к автору, то ту среду, в которой могла появиться соответствующая рукопись, и начинается форменная облава.

Вот почему при получении известия об аресте кого-либо из друзей или знакомых один из первых тревожных вопросов касается — не провалился ли при обыске «архив». Часто репрессии обрушиваются и на машинисток. Так, в июне сего

года (т. е. 1930 г. — А.Н.) в сравнительно узком кругу общества в Москве за два дня было арестовано пять Лель, очевидно, в поисках какой-то Ольги или Елены, переписчицы неприятной для большевиков рукописи². Автору этих строк в течение ряда лет удалось просмотреть и ознакомиться с немалым количеством таких «архивов» у самых разнообразных представителей интеллигенции, главным образом у молодежи, при этом у него сложилось определенное впечатление об общем состоянии общественного сознания русской интеллигенции, чутким барометром коего является творческая мысль.

О чем же трактуют, что и как пишут анонимные авторы подпольной литературы? Каковы темы, каков круг интересов, в чем «злоба дня», какова социально-политическая ориентация, каков характер разработки проблем в смысле философского направления — вот вопросы, напрашивающиеся у всякого, с кем приходится делиться впечатлением от знакомства с подпольной литературой в Советской России. Кое-какие обобщающие выводы несомненно могут быть сделаны на основании знакомства с десятком «архивов», содержащих более сотни разнообразных рукописей, вышедших за последние 10 лет преимущественно в столицах и на Кавказе.

Прежде всего бросается в глаза творческая импотенция (бессилие) целого значительного слоя русской интеллигенции, присвоившего себе в прошлом эпитет «передовой», шедшей в авангарде так называемого «освободительного движения», вожди коего, действительно, в течение ряда десятилетий были властителями душ молодежи и самых широких кругов общества. Речь идет о социалистах, преимущественно меньшевиках и эсерах. Автор этих строк тщетно искал в течение восьми лет каких-либо следов творческой жизни среди уцелевших еще представителей этих кругов интеллигенции — ни разу за все время не попалась ни одна рукопись этой ориентации. Лишь однажды в Москве в Сельсоюзе встретила ходившая там тощая рукопись, по-видимому, эсеровской ориентации под заглавием «В защиту Революции», содержащая в себе нечто вроде обвинительного акта против большевиков, дискредитировавших идею революции. Это было в 1922 г. вскоре после известного эсеровского процесса, когда в Сельсоюзе, только что тогда возникшем, было много бывших эсеров. И затем, много лет позднее, в «архиве» одного бывшего меньшевика среди рукописей по оккультным вопросам неожиданно встретил прошлогодний номер «Социалистического Вестника», проникший каким-то образом через границу в СССР. Ни о каких серьезных работах или толстых томах в связи с социалистическими доктринами говорить не приходится — о социа-

лизме достаточно книг выпускают сами большевики. Объяснить оскудение творчества социалистической мысли полным разгромом меньшевистских и эсеровских кадров едва ли будет правильно, ибо не меньшему разгрому подверглись и другие группировки, например, круги церковной интеллигенции, давшей, однако, в тяжелых условиях большевизма ряд замечательных по глубине сочинений по всем основным вопросам общественного сознания вплоть до «Религиозных оснований политической экономии».

Гораздо более правильным «показателем» существа дела является то зловещее для социалистических кругов обстоятельство, что им нет в советской действительности никакой «смены», что среди современной молодежи немислимо встретить ни одного эсера или меньшевика (в смысле сочувствия им), как будто бы эта порода людей относится к совершенно другой исторической эпохе.

Это обстоятельство, наряду с творческим оскудением демократической мысли наряду с тем, что бывшие бойцы разбитой армии более, чем кто бы то ни было впади в ничтожество, предаваясь пьянству, картам и мечтам о еврейских погромах, свидетельствует о глубочайшем кризисе русской демократической мысли.

Но кризис общественного сознания не ограничивается одним только разочарованием в демократических идеях, он идет гораздо глубже и дальше и затрагивает внутренние основы сознания, распространяясь не только на мировоззрение, но и на мироощущение. Кризис охватил все научно-позитивное сознание, все материалистическое мироощущение.

Дело не в демократизме, ибо его «враги» в лице либерализма и консерватизма впади в такую же протрацию, как и он сам, которая, однако, менее заметна, ибо демократизму принадлежало первенство на арене политической борьбы.

Дело в политике вообще. Политикой никто в Советской России не интересуется, она вызывает отрыжку и отвращение. Ею отравлены все, и как раньше в безбожных семинариях богословие вызывало скуку и злобу, так и теперь политтрамота, вечная политическая проблема вызывает ту же скуку и протест «всего существа», как писал один комсомолец-самоубийца. От политики бегут как от чумы куда попало и более всего по линии наименьшего сопротивления — в спорт, в шахматы, на зеленое поле преференса, к «родной бутылочке с белой головкой». Те, кто посильнее духом, в ком живет еще личность, выбирают путь страдания и исповедничества — надевают на шею крест и идути в храм, теряя тем самым в короткое время советскую службу, профсоюзный билет, а за ним право на хлеб и кров.

Вот почему в рукописях современных авторов отсутствует не только социализм, но и политика вообще. Лекция по аграрному вопросу, о рабочем законодательстве, о форме правления и даже о возможных преемниках большевикам не собрала бы ни одного слушателя, в особенности из среды молодежи.

В центре внимания современного общественного сознания вместо политики вопросы философии, и в особенности — философии истории. Кто только не подходит к этим проблемам! Если бы не ответственность за судьбу оставшихся там, в России, то здесь можно было бы привести ряд блестящих имен из самых разнообразных лагерей старой русской интеллигенции, «ударившихся» в философию истории, о которой они ранее и не мечтали. Тут и кающиеся социалисты, ищущие «смысл истории» в... метафизике общества и зовущие к забытой «религии» Мережковского, к его «неохристианству» и соборной общественности, тут и анархисты, пишущие «мистику истории», тут и бывший видный кадет, философствующий о «солидаризме» в истории, тут и бывший толстовец, зовущий на «Остров достоверности» православия, тут и антропософы, углубляющие Штейнера и копирующие в реставрационных красках идеал «Государства» Платона, тут и ученые с именем и без имени, вещающие о диктатуре аристократии мысли, тут и музыканты, зовущие уйти от цивилизации на стезю странничества в горы или в пустыню, тут и церковники, выпускающие многотомные сочинения по апокалиптике истории, тут даже и бывшие коммунисты, каким-то чудом додумавшиеся до «онтологии» революции и открывающие внутренний смысл ее в... теологических обоснованиях антисемитизма и т. д. — все наперерыв ищут сокровенного, тайного, внутреннего, первоначального, вечного, абсолютно-божественного, истинного, словом, одна сплошная «философия», «онтология», «метафизика», «мистика» и прочие области, вызывавшие раньше у молодых политических пропагандистов и агитаторов снисходительное презрение и высокомерную жалость к «реакционному образу мыслей».

В соответствии с указанными интересами преобразились и комнаты современных интеллигентов. Вместо Маркса и Энгельса, ставших теперь казенными «царскими» портретами, висят над письменным столом хотя тоже немецкие, но совсем другие учителя — Рудольф Штейнер или Гете, вместо Герцена и Чернышевского — Достоевский, вместо Гаршина и Короленко — Хомяков, вместо Успенского — Константин Леонтьев, вместо Лаврова и Михайловского — Вл. Соловьев и Н. Федоров, вместо Толстого — Серафим Саровский, вместо

Кропоткина — Карелин, и только один Бакунин продолжает владеть сердцами в соответствующих кругах, но уже по-новому, и если бы нашелся художник для его нового портрета, то Бакунин был бы изображен не в обычной своей нигилистической куртке с открытым воротом, а в черных латах рыцаря с большим крестом на груди.

Кое-где можно встретить портреты даже таких почти совсем неизвестных в прежних демократических интеллигентских кругах русских мыслителей XIX в., как Бухарев и Несмелов. Но главным властителем дум современной интеллигенции всех возрастов и всех положений является все же Достоевский, страдальческий лик которого, так гармонирующий с ликом современной России, красуется везде на самом почетном месте.

Так отражается в звуках творческой мысли падение и гибель в России материализма, так отходит на задний план позитивизм. Еще одна заметная черта присуща современному творчеству, характеризующая в свою очередь кризис позитивизма: сама философия, куда с головой окунулись современные авторы, избегает традиционных форм и установившихся понятий; создаются, правда, в большинстве случаев весьма незрелые и чересчур смелые новые «системы» философии, новые понятия, новая терминология. Авторы избегают писать «исследования», как будто бы боясь позитивных традиций, необходимости «доказательства» и скучной работы над источниками, они пишут свою «независимую» философию, выбирают новые темы, избегая писать *о чем-то*, трактуя *что-то*, непосредственную данность нового опыта.

Все это производит отчасти неблагоприятное впечатление «ученичества», с научной точки зрения бездоказательности и незрелости, преждевременного «дерзновения», позерства, гордости и т. д., и вместе с тем свидетельствует о стремлении освободиться от каких-то старых изжитых пут гносеологии, дать нечто совсем свое, не только оригинальное, но и как продукт непосредственного внедрения в тайны смысла, в новые мироощущения.

Кризис позитивизма характеризуется еще одним печальным явлением, перешедшим, как зараза, от советской действительности и в свободную подпольную мысль. Это — проникновение лжи в научный позитивный опыт, т. е. то, отсутствием чего русская наука всегда по праву гордилась.

Ложь позитивного опыта в стиле известного Геккелевского подлога, имевшего когда-то характер скандала на весь мир, стала в современной «советской» науке едва ли не обычным явлением, доставляющим истинные муки старым ученым.

Автору этих строк пришлось выслушать в этом отношении жалобы и скорбь одного видного физиолога, приведшего множество фактов о современных новых методах науки.

То, что не вызывало ранее и тени сомнения, поскольку факт констатируется ученым в его докладе или книге, ныне уже не вселяет полного доверия и часто требует дополнительных доказательств или тайной проверки — явление неслыханное в академических традициях. Другой ученый, академик, выразился однажды во время обеда в Пулкове, когда праздновалось двухсотлетие Академии Наук, что «мы живем в эпоху отсутствия точных фактов». К этому можно прибавить, что само понятие факта поколеблено (теория относительности) и затрудняет практику позитивного опыта.

В области литературы и поэзии можно отметить в общем ту же эволюцию, что и в области научной и философской мысли. Советская, печатанная в типографиях, литература, как и наука, подчиненная «ленинизму», полна лжи, в особенности лжи умолчания и лжи праздных слов. Причина первой лежит в сознании, второй — в воле. Там ложь творчества, мыслей, восприятий; здесь ложь жизни. Несомненно, между тем и другим существует большая внутренняя связь. Но здесь не место говорить о советской литературе, речь идет о литературе подпольной и свободной. Здесь, конечно, лжи гораздо меньше, хотя и сюда она не могла не проникнуть и выражается, главным образом, в самообмане «духовного видения», о чем любят трактовать современные «гюисманцы». Затем характерно почти полное исчезновение так называемых гражданских мотивов в литературе и в особенности в поэзии. Вместо этого литература повествует или уход на лоно природы на гамсуновские мотивы с привкусом джек-лондоновского героизма, или, что особенно характерно и важно и что идет нога в ногу с философией, она пропитывается апокалипсическими настроениями, которые выражаются не только в чаяниях конца мира и преобразования, не только в стремлении покаяться пока не поздно, но и в космическом ощущении действительности.

Этим последним особенно отличается обширная подпольная поэзия. В одном «архиве» на Кавказе, уцелевшем от последнего разгрома всех живых сил в сентябре — ноябре 1929 г., имеется замечательная и весьма своеобразная «коллекция» Архангела Михаила, в которой собрано все, что дало творческое сознание об Архистратиге, как во время Революции, так и до нее. В этой интересной коллекции, содержащей, между прочим, и несколько замечательных икон и гравюр, чрезвычайно рельефно выделяется космическое сознание со-

временной творческой мысли. Особенно много стихов о России, и большая половина их проникнута ярким апокалипсическим духом, а космические ощущения бушуют даже у такого поэта надполья, как Маяковский, который, подобно своему американскому собрату Уолт Уитмену, слышит биение пульса Земли и звоны небесных колоколов. Как из области философии истории исчезли понятия «прогресс» и «Человечество» с большой буквы, и заменились «Вселенским спасением» и «Церковью», понимаемой, кто как умеет и может, так и в литературе и в поэзии исчезло «земля» и «душевное» и появилось «Небо» и «Дух».

Что можно еще прибавить к характеристике подпольной литературы? Нельзя не упомянуть, что невероятное распространение в Советской России антисемитизма, которым насквозь проникнуты и сами большевики, нашло достаточное отражение в рукописях в самых разных формах и видах.

Затем достойна внимания апология (восхваление) мещанства не только в экономическом смысле, как реакция социализму, но и в моральном смысле, как реакция процессу разрушения семьи.

Наконец, таким же парадоксом современности является сравнительно большая терпимость или, вернее, равнодушие к большевизму. Это выражается в том, что в рукописях отсутствует то, что можно было бы назвать агитацией и пропагандой, в них нет призывов к борьбе с советской властью, нет специфической контрреволюции или «белогвардейщины», ибо преобладает вместо всего различные учения, «откровения», проповеди и т.д. Большевизм почти единодушно квалифицируется, как сатанизм, и борьба с ним не мыслится в формах политических, а как-то иначе, глубже и на более просторной арене.

Такова действительность общественного сознания, отраженная в подпольном и свободном творчестве мысли и сердца. Здесь не дана оценка этой действительности. Одним она может показаться «реакцией», сумерками, закатом, другим, наоборот, возрождением, спасением и новой жизнью; одних приведет в грусть и уныние, другим вселит надежду, бодрость и радость. Одно несомненно, и это должно быть осознано прочно, что мы переживаем время, которое является несомненно громадным историческим переломом, гранью, за которой лежит многое из того, что еще не изведано человечеством. Мы вступаем в новую полосу исторического существования, начинаем главу мирового развития и, несомненно, это вступление находится в весьма заметной зависимости от того, что происходит на нашей великой Родине.

И вспоминаются слова Апостола: «...наблюдайте времена и сроки...»

(«Рассвет». 3, 4, 6 октября 1930 г.)

¹ Речь идет о А.А. Солоновиче и его исследовании «М.А. Бакунин и культ Иальдобаофа», сыгравшем решающую роль в формулировках обвинительного заключения. Количество томов и «тираж», проводимый М. Артемьевым, подтверждается данными следствия по делу «Ордена Света».

² Одной из жертв этих арестов в июне 1930 г. стала О.С. Пахомова, приговоренная к ссылке в Казахстан по связям с Библиографическим кружком и непосредственно с А.А. Солоновичем.

Приложение 2

Из показаний Ю. А. Завадского по делу «Ордена Света»

1. Из протокола допроса от 14 сентября 1930 г. (автограф)

Никогда, ни в каких политических партиях и организациях я не состоял и знакомых из числа таковых не имел и не имею.

О моей внутренней идеологической эволюции я могу сказать так: в революцию я вступил идеалистом — сам Вахтангов, учеником которого я был, и ученик Станиславского, включавшие в себя в этот период ряд элементов чистого идеализма с уклоном в мистику — влияли на меня в этом направлении, таким я и вступил в революцию идеалистом с мистическим уклоном, но очень скоро я почувствовал на моей работе, сращенной своей сущностью с жизнью, необходимость пересмотра своих позиций. Конечно, мой внутренний сдвиг произошел далеко не сразу — очень медленно во мне перерождались мои идеалистические взгляды, заменялись новым, здоровым, материалистическим мировоззрением. Результатом этого перелома является моя деятельность в театре, особенно моя работа последних лет в Театре-студии и в школе. — Свой теоретический багаж я сейчас пересматриваю, работаю практически над переводом системы Станиславского на материалистическую основу, а в плане театра — я привлекаю к нему, окружаю его необходимой идеологической средой — привлекаю партийных авторов (Кин, Колосов, Ваграмов, Огнев и т. д.) — организую общественное внимание вокруг работы театра — всю тематику и оформление этой тематики переключаю на осуществление задач строительства новой жизни.

Мое увлечение идеалистическими и мистическими учениями приводило меня в столкновение с целым рядом лиц, идеалистов и мистиков, но ни в одно из обществ, существу-

ющих в Москве вообще, я не вступал. Мое знакомство осталось чисто поверхностным, я очень быстро отходил от них. Считаю, что на моей работе по созданию театра это не имело никакого влияния — вернее, так: начало моей работы характеризовалось политической неграмотностью — нейтральностью — и только в этом выразился мой идеализм, который, как я сказал уже, совершенно выветрился в работе последнего времени (по крайней мере 2-х последних лет).

Больше всего грешил я в этом смысле, работая над постановкой Гоголевской «Женитьбы» в Вахтанговском театре, ей приписали явную мистику, хотя честно признаюсь, я хотел в ней только фантастики (но и это, конечно, уже пустой идеализм). Надо сказать, что в процессе моего внутреннего роста я резко изменил свое отношение к мистике — сейчас я ее резко отрицаю.

Из теософов я был знаком с Герье и с целым рядом лиц, фамилий которых сейчас не вспомню; из антропософов — Андрей Белый, М.И. Сизов и другие; из анархистов-мистиков — Карелин, Солонович; у Карелина был с сестрой и ее мужем Смышляевым¹. У Солоновича тоже бывал, интересуясь вопросами мистики, — вместе с сестрой и Смышляевым. У Солоновича я встречал П.А. Аренского.

Ю. Завадский

¹ Ю.А. Завадский не мог быть «с сестрой и ее мужем Смышляевым» у А.А. Карелина, поскольку Карелин умер 20 марта 1926 г. а В.А. Завадская вышла замуж за В.С. Смышляева только осенью 1928 г.; у Карелина она бывала, будучи тогда женой П.А. Аренского, до отъезда в Париж в конце 1924 или в начале 1925 г.

2. Дополнительные показания от 23 сентября 1930 г. (автограф)

В дополнение и разъяснение некоторых моментов моего прошлого я могу сказать так.

Тов. Сазонов¹ мне задал вопрос о сущности тех мистических учений, которыми я интересовался в период моего знакомства с Карелиным и Солоновичем, и о задачах тех «обществ», которые там возникали.

Я уже говорил, что мистическая «значимость» всех этих встреч для меня очень давно потеряла всякую цену, т. е. так называемые «посвящения в рыцарство», о которых упоминал т. Сазонов, мною рассматривались как известная, чисто внешняя «театральная» форма, даже и тогда для меня казавшаяся игрой. Сущность же тех «учений», что ли, о которых идет речь, мною рассматривалась как чисто идеалистическое и отвлеченно «мистическое» содержание, оставлявшее каж-

дому, даже до конца всерьез принявшему эту сущность, возможность и внутреннее право понимать это конкретно и по-своему, и поскольку я об этом знал — не принуждало ни к какому практическому выводу. Говоря о том, что задачей этой «мистики» являлась борьба с материализмом, можно говорить в том смысле, что конечно, как всякая мистика и эта мистика была противоположна марксизму в ряде его положений (скажем, в вопросе о существовании духовного и душевного начала в человеке и т. п.).

Что касается обществ, возникавших, по словам т. Сазонова, из «недр этой мистики», и о задачах, стоявших перед ними, я знаю очень мало, т.к. в организации таковых я никакого участия не принимал. Я не отрицаю того, что в период первого моего знакомства с этим кругом идей я в известной мере был заражен ими — начало признания личного достоинства («рыцарство»), признание понятия объективного «добра» и «зла» в человеке и т.д., представлялись мне верными и приложимыми в жизни. Нужно было пройти мне самому известный путь эволюции, чтобы прийти для себя к иным выводам признания «социального добра и зла» и т. д.

Что касается знакомств и встреч с людьми на этой почве мистических вопросов, я могу упомянуть лишь немногих, потому что видел я их мельком и давно ими не интересовался и совершенно порвал с ними всякое знакомство. С Л.А. Никитиным я познакомился давно у Смышляева, с которым Никитин работал в театре, как художник. Поля и Смирнова я знаю по Институту Слова, где я занимался. Не помню сейчас точно, но возможно, что я встречал их у Смышляева или Никитина.

Относительно «обществ» я знаю только то, что если и создавались какие-либо кружки под тем или иным названием, то я совершенно уверен, что содержанием этих кружков были все те же отвлеченные мистические вопросы. Если, как утверждает т. Сазонов, эти кружки выродились (или приводили) к антисоветскому действию, то тут виной лица, а не учения. По крайней мере, я сам, как уже говорил, хотя и считаю заблуждением и ошибкой многие положения этой мистики, категорически утверждаю, что для себя — и тогда, в те годы, я никаких необходимых выводов, требовавших активного антисоветского действия в этой мистике — не видел.

Ю.Завадский

¹ Сазонов В.М. — уполномоченный 1-го отделения Секретного отдела ОГПУ, который вначале допрашивал Ю.А. Завадского.

3. Дополнительные показания от 25 сентября 1930 г. (автограф)

Я не помню, при каких условиях я познакомился с Карелиным, кто и когда меня к нему привел. Знаю только, что мне он представлялся человеком, принятым Советской властью и вполне лояльным. Он жил в 1-м Доме Советов. Далее он сам мне, помню, рассказывал о своих хороших отношениях с А.С. Енукидзе, и самому Авелю Сафроновичу я рассказал однажды о своем знакомстве с Карелиным. Мое очень краткое и поверхностное знакомство с Карелиным осталось в моей памяти (теперь, когда мое сознание занято проблемами строительства советской культуры) — в весьма туманных, расплывчатых контурах. Я в те времена, воспитанный моим учителем по театру Вахтанговым в большей мере идеалистически, интересовался всевозможными философскими и мистическими проблемами. Карелин меня тогда заинтересовал своей философией — я сейчас совершенно не в силах восстановить в памяти (так это для меня далеко сейчас) подробное изложение его взглядов, но помню только, что они были очень отвлеченными и туманными, не носившими совершенно конкретного характера, касались, главным образом, проблем под-сознательной работы, проблем душевных и духовных сущностей и т. д. Я помню, что и тогда мне его идеология представлялась лишенной какой бы то ни было идеологической окрашенности.

Конечно, во мне в то время происходила работа осознания задач искусственных точек зрения — я исподволь подходил к марксистской идеологии. О каких «органах» шла у меня речь с Карелиным и Солоновичем, я сейчас не помню, потому что вовсе это не составляло специфической особенности.

Показания продолжу завтра.

Ю. Завадский

4. Дополнительные показания от 1 октября 1930 г. (автограф)

По вопросу об участии моем в «Оргене Света», «Храме Искусств» я могу сказать только, что я не участвовал в этих организациях и ничего не знал об их деятельности. Если они питались такой же идеалистическо-мистической философией, о которой шла речь выше, то вероятные их задачи я представляю, как задачи подъема морального значения искусств и художника. Задачи очищения искусства и быта от лжи, эгоизма, лицемерия и т. д. — возможное отвлечение в область душевного и духовного совершенства человека и художника. Вот все, что я могу сказать с достоверностью на основании того, что я знаю. Иных целей и задач их я не представляю.

С кем и когда я разговаривал об «орденах» и в какой обстановке — я не помню; дело в том, что, как известно, все «мистическое» знание имеет своими источниками всякие «орденские» предания и, естественно, что вопросы мистики касаются вопросов всевозможных орденов. Ни в какие ордена, подобные перечисленным, я не посвящался.

Относительно того, предлагалось ли мне туда «посвящение» и кем — я ничего не помню, мне вообще представляется, что вся эта «орденская организация» если и существовала, то как нечто, повторяю, совершенно отвлеченное.

О Никитине я могу сказать, что последнее время — года два — я совершенно почти с ним не встречался и не беседовал по вопросам искусства. Раньше он в какой-то мере интересовался вопросами «чистого искусства», но, как мне казалось, при последней встрече и он стал уходить от этого. У него я бывал очень редко и ни по каким «пятничникам»¹ у него не бывал. Встречал я у него Смышляева, кого-то из его знакомых — не помню совсем, кого; где встречал Шишко — не помню, его знаю очень мало. Никитин был давно знаком со Смышляевым на почве их совместной работы в театре.

Ю. Завадский

¹ У Л.А. и В.Р. Никитиных основными днями приема друзей в их квартире в Москве (Арбат, 57, кв. 25) была пятница, а позднее еще и воскресенье. Отсюда — «пятничники».

5. Дополнительные показания от 5 октября 1930 г. (автограф)

Прежде всего я должен сказать, что ни в каких организационно-обязательных зависимостях я ни от какой «орденской» организации не состоял. Вопрос моего «посвящения» в мистику, в «орден» для меня сейчас совершенно ушел в прошлое. Я помню только, что я как-то исподволь с Карелиным подошел к этому вопросу очень индивидуально. От него я слышал легенды, толкования их; через него я и был, так сказать, «посвящен», но этот момент прошел для меня незаметно — никакой торжественности или какой-либо особености этого я не помню — название этого ордена было неопределенно, его сущность не вскрывалась через легенды.

Цель и задачи «Ордена Света», я повторяю — я понимал так: только объективная передача известных мистических знаний, причем мне было интересно и важно только то, что касалось вопросов творчества и всего с этим вопросом связанного, т. е. вопросов этики художника, вопросов подъема душевного и духовной культуры и т. д.

«Борьба со злом» — эта формула мной расшифровывалась, как прежде всего борьба, конечно, внутренняя, духовная, человека со своими недолжными качествами — борьба не уничтожением, а созданием положительных вещей и качеств.

Подробное показание по существу дела я дам в следующий раз, т. к. сейчас чувствую — не буду конкретным, а следующий раз постараюсь припомнить по фактам.

Ю. Завадский

6. Дополнительные показания от 6 октября 1930 г. (автограф)

В дополнение к уже сказанному и в разъяснение могу сообщить: я познакомился с Карелиным и заинтересовался им в тот период моей жизни, когда я вообще в поисках верного мировоззрения обращался к мистическо-идеалистической философии — в этом смысле меня и заинтересовал Карелин. Я знал, что он анархист, но принятый как друг Советского Союза. На мою заинтересованность он ответил мне сообщением некоторых мистико-философских знаний. Я с самого начала ему заявил, что меня интересует сущность его мистических знаний, но я никогда не входил и не войду ни в какую, связанную какими-либо обязательствами, организацию. И мы договорились с ним, что он мне не ставит никаких связывающих условий, кроме условия молчания обо всем рассказанном (объясненное мистическим значением молчания всякого мистического учения). Таким образом, я был допущен к его мистике, источники которой меня мало интересовали. Беседовал он со мной и с одним, иногда присутствовал кто-либо, например, Солонович, но я никогда не интересовался организационными моментами, возможными там. По содержанию рассказанного, после нескольких бесед я понял, что это мистика «орденская» (потом я догадался и о названии — «Орден Света»), но кто входил в этот Орден, я не знал, да и не спрашивал, потому что считал для себя не важным. Что Карелин был старшим, исключительно знающим, было ясно, но никаких особых «признаков» этому я не видел. Роль и положение других в этом смысле мне были не известны.

У Карелина на этих беседах я встречал Смышляева, жену Солоновича, мою сестру Веру Александровну Завадскую, Аренского и ряд лиц, которые, промелькнув, вовсе не остались в моей памяти.

В чем сущность этого «орденского» учения. Прежде всего, об организационном моменте. Я приблизительно, по догадке скорей (по крайней мере я не помню, чтобы мне об этом говорилось что-либо), считал, что количеством прослушанных

легенд определяется и старшинство мистическое (степень). Я понял еще, что от самого рассказывающего — от старшего — зависит и манера вести беседу. Карелин вел ее чрезвычайно просто, без каких-либо условий (белая роза — это был вообще его любимый цветок — часто стояла на столе у него). Беседы проводились на квартире Карелина — вместо Карелина вел беседы с нами Солонович, изредка у себя дома и у Смышляева.

Легенды Карелин рассказывал и потом слушавшие задавали вопросы и беседовали. Иногда заранее сговаривались с Карелиным о дне, когда к нему можно придти, иной раз я забегал к нему в свободный час, случайно. Какого-либо особого порядка, торжественного, Карелин не любил, как вообще не любил никакой особой конспирации.

Содержание легенд мне не по силам передать, оно туманно, путано, сложно. Я и тогда их тотчас забывал, а сейчас совершенно не помню. Общий их смысл был обращен к духовному подъему человека. При мне никогда беседа по поводу рассказанного не переходила на обсуждение политических вопросов сегодняшнего дня и т. д.

В порядке помощи «Черному Кресту», который я считал всегда совершенно легальной организацией, я по просьбе Карелина, Солоновича, участвовал в концертах, сколько раз не помню, но очень немного, где — я не помню, потому что в тот период времени я участвовал в бесконечном количестве всевозможных благотворительных концертов (в пользу гимназий, обществ, университетов и т.п.) с очень различными участниками, и сейчас у меня решительно спуталось, где, кто и когда.

Уйттенховена я встречал у Смышляева, видел ли я его у Карелина — я не помню. С Никитиным я познакомился у Смышляева, и у Карелина, помнится, я его не видел; с ним, мне помнится, я у Карелина легенд вместе не слушал.

После смерти Карелина я постепенно совсем отошел от мистики. Причиной тому — моя работа в театре, мое столкновение с жизнью и искусством, понятом социально. Я понял, что никакая «мистика» мне не нужна, и что мистика уводит в отвлеченное, замыкает искусство в самоцельное, отрешенное от строительства, а потому часто вредное явление. Вполне естественно, что я все реже и реже встречался с такими людьми, с которыми раньше встречался на почве этих «мистических» интересов. Ведь уже и тогда я в сущности переживал эту раздвоенность и неудовлетворенность, я чувствовал, что мистика идет «мимо жизни» — она мне не нужна. И теперь, когда я три последних года проработал вплотную,

рука об руку, с советской и рабочей общественностью, я совершенно ушел и от прежних людей, и от прежних интересов.

На похоронах Карелина были белые розы (он, я уже говорил, любил эти цветы); относительно голубой звезды не помню и значения ее не знаю. Относительно переплетной мастерской я сейчас совершенно ничего не помню — для чего, когда, кто ко мне с этим обращался.

Свои показания по существу вопроса об «Ордене Света» считаю исчерпанными.

Ю. Завадский

Приложение 3

Из показаний Л. А. Никитина по делу «Ордена Света»

1. Дополнительные показания от 3 января 1931 г. (автограф)

По вопросу о так называемом «Ордене Света» сообщаю, что такого ордена я не организовывал и никогда рыцарем этого ордена себя не называл. Однако представление об этом ордене у некоторых лиц, как о возможном явлении, могли, быть может, возникнуть в связи со мной, благодаря значительному моему интересу к орденам Средневековья в период 1924—25 года, когда вообще романтические идеалы и представления были мне свойственны. Изучение средневекового искусства и литературы, посвященной Средневековью, побуждали меня отнестись с особым интересом к идеям средневекового рыцарства и формам его внешнего проявления. Моя работа в театре способствовала особо моей восприимчивости к внешним проявлениям рыцарства, и мне казалось, что в условиях современной художественной деятельности может явиться плодотворным заимствование стилистических особенностей этого явления, поскольку оно дает четкие, лаконичные и строгие формы для выявления героического пафоса и ряда морально-этических установок, создавая в противовес обыденно мещанским идеалам буржуазного искусства формы искусства большого стиля. Эти характеристики не отождествлялись мною с мистическими определениями рыцарства, и именно в этом их не мистическом, а эстетическом значении они меня и интересовали. Возникла мысль проделать лабораторно-экспериментальную работу по театральной реализации известных художественных образов, связанных с рыцарством, вплоть до воссоздания внешних форм посвящения и других торжественных церемоний по историческим материалам, имеющимся в литературе. Однако, делясь своими

мыслями на эти темы с рядом лиц, я выяснил большую сложность всего этого, что отчасти определялось необходимостью учета мистической мотивации ряда явлений, связанных с рыцарством. В частности, ритуалы посвящения требовали, по-видимому, некоего мистического смысла и содержания, без чего они не могли быть, так сказать, оправданы психологически. Должна была быть создана атмосфера вчувствования в художественный образ. И вот тогда, для достижения этой совершенно конкретной цели возникла необходимость, с моей точки зрения, известная лабораторная работа над теми или иными материалами и темами, могущими способствовать подобного рода настроенности. Другими словами, здесь мне казалось целесообразным применить уже испытанный на театре в системе Станиславского метод лабораторного вживания в художественный образ.

А.Никитин

2. Дополнительные показания от 23 января 1931 г. (автограф)

Как я уже писал в предыдущем, в период 1924—25 гг., увлеченный формами романтического искусства, я близко подошел к представлениям о рыцарстве, как универсальной форме романтической культуры. Те работы над этой проблемой, которые меня интересовали, как возможный источник общения с другими людьми, абсолютно не предполагали никаких конкретных целей как в политическом, так и в морально-общественном, а также и в мистическом смысле. Здесь единственный результат, который интересовал меня, был чисто художественный и эстетический. Никаких организационных форм, никакой мысли о воссоздании рыцарства в оргенском смысле у меня не было, и потому никаких уставов, никаких программ какого-либо действия также не предполагалось. Таковым положение дела оставалось от начала до самого конца этого моего увлечения, т. е. примерно до конца 1925 г., после чего, убедившись в неудачности этой попытки вообще, эта идея была мною оставлена как вообще мало продуктивная, мало современная, а к тому же и чреватая, как я начал под конец понимать, всякого рода нежелательными последствиями, в смысле возможностей, во-первых, ее неправильного применения, с одной стороны, а с другой — вообще всякого рода кривотолков и недолжного понимания как интересовавшей меня здесь задачи, так и взаимоотношений между участвовавшими в реализации этой идеи и тех форм, в которых мне казалось возможным ее реализовать. Прежде всего самые лабораторные занятия, требовавшие участия иногда не-

скольких лиц, породили, по-видимому, у некоторых представление о действительном наличии рыцарской организации, чему, конечно, могло многое способствовать. Во-первых, наименование этой работы «Орденом Света» легко произошло от как бы некоего лозунга или девиза, под которым эта работа производилась. Дело в том, что, взявшись за идею рыцарства, как материал для разработки, я прежде всего постарался отбросить все то историческое и классовое, что было связано с рыцарством Средневековья, взяв здесь рыцарство как бы в некой его абстракции. Таким образом был поставлен вопрос о вообще «светлом» рыцарстве, понимая под этим отсутствие всякого рода иных каких-либо его определений. Далее, я во всех своих разговорах по этому поводу всегда старался подчеркнуть, что никакими предвзятыми и хоть сколько-нибудь ограничивающими свободное отношение к разрешению этой проблемы традиционными формами и обязательствами не следует, разумеется, себя связывать, в равной мере не следует мыслить в форме той или иной организационности внешней. Единственным организующим началом этой работы должен был являться самый интерес к проблеме, не налагая никаких иных обязательств, вплоть до совершенно свободного оставления этой работы в любой момент.

Тем не менее, опять-таки и в этом отношении произошло не совсем так, как этого хотелось и как это должно было быть. Отчасти благодаря тому, что были сделаны совершенно произвольные выводы из того, что с самого начала было решено по возможности до поры до времени не слишком широко распространяться в разговорах вокруг этой работы, результат которой было трудно предугадать и которая могла вообще утратить всякий смысл, коль скоро с самого начала стала бы подвергаться кривотолкам и пересудам. Но оказалось, что такая мотивировка не была должным образом воспринята, и потом у некоторых, по-видимому, возникло представление о якобы некоей тайне, которая имеет мистическое обоснование. А раз здесь вообще выступает этот фактор — тайна, то и все остальное, по-видимому, окутано ею и гораздо многозначительнее, чем вообще об этом говорится. И если пока не ставятся никакие конкретные задачи, то это лишь пока, а в дальнейшем они, по-видимому, также определятся. И если пока никаких обязательств и никаких традиционных преемственностей с историческим рыцарством нет, то это только пока. Такого рода преломление этих идей побудило меня вообще к концу 1925 г. прекратить делавшиеся попытки. Наряду с этой основной работой наметилась также возможность идеологической проработки вообще

проблем искусства под лозунгом искусства большого стиля в духе мистерий с привлечением соответствующей терминологии вроде «Храма искусств». Мистериальная основа такого искусства взята была именно потому, что вообще представляла собою форму синтетического искусства, из которой в дальнейшем развился театр и другие виды искусств. Все это в целом, однако, не ставило никаких политических целей и задач, и те организационные формы, в которые это выливалось, существовали постольку, поскольку какой-то минимум организованности должен был быть для осуществления самой работы. Все те символические обряды и ритуалы, которые здесь имели место, представляли собою условные формы, не опиравшиеся ни на какую обязательную традицию.

Что касается степеней, моего личного участия и участия других в орденской организации, то по товарищески-этическим причинам давать показания я отказываюсь, заявляя, однако, что на протяжении всей моей деятельности вообще никогда и ни при каких обстоятельствах я не руководствовался целями антисоветскими и контрреволюционными, никогда не знал о такого рода целях или настроениях лиц, с которыми был связан в этой работе, и признаю, что те культурно-художественные интересы, которые увлекли меня в период участия в «орденской» работе, в настоящее время мною не руководят, и мой интерес за последнее время был направлен в значительно большей степени к интересам пролетариата и его социалистическому строительству, чем в период моих романтических увлечений 1924–25 гг.

Л. Никитин

Приложение 4

Из показаний А. С. Поля по делу «Ордена Света»

1. Дополнительные показания от 21 сентября 1930 г. (автограф)

Сообщаю, что я состоял в рыцарском «Ордене Света» приблизительно с осени 1924 г. до конца 1927 г., причем я принимал участие в собраниях Ордена, ведя в нем работу. Орден представлял из себя мистическую организацию, ставящую своей задачей сообщением легенд способствовать внутреннему перерождению и духовному подъему рыцарей. Орден представлял самую широкую свободу всем входящим в него членам в смысле их убеждений и жизни (совершенно ее не затрагивая). В него не было входа лишь членам ВКП(б) и членам белогвардейских организаций, равно как и монархистам (последнее не твердо). О существовании «Храма Искусств» мне

было известно, но активной работы я в нем не вел. О структуре, работе, рыцарях, знаках, людях, связанных с Орденом и известных мне, я дать сведений не могу, т. к. мною было дано слово хранить это в тайне. Никаких клятв, тем более связанных с угрозой, я никогда не давал, и это вообще было не в духе Ордена <...>.

А. Поль

2. Из дополнительных показаний от 25 сентября 1930 г. (автограф)

Считаю, что рыцарский Орден носил не контрреволюционный характер, являясь мистической организацией, в которой политическая установка, как таковая, вообще отсутствовала. Наш, и мой в частности, интерес сосредотачивался исключительно на восприятии легенд и их внутренней переработке. <...> Целью данной организации является, по моему мнению, внутреннее перевоспитание человека (создание духовно свободного человека). Возникновение этой организации связано, по моим выводам, с возвращением в Россию Карелина, который был, вероятно, много лет назад посвящен за границей в Орден и принес его структуру и легенды в Россию. Легенды эти передаются из уст в уста и представляют собой очень гревные (как нам говорилось) материалы мистического содержания.

Мне известно о существовании «Храма Искусств», имевшего своей целью, насколько я слышал, объединить работников искусства, имеющих мистические настроения, и внутренне воспитывать их в орденском духе. <...> Я состоял в 3-й степени «Ордена Света».

А. Поль

3. Из дополнительных показаний от 15 ноября 1930 г. (автограф)

Осенью 1924 г. я познакомился с Л.А. Никитиным и вскоре стал бывать у Никитиных. Мы много беседовали на темы об искусстве и вскоре перешли на темы, имеющие связь с мистикой. После ряда разговоров по этим вопросам, а также по вопросам о связи между искусством и мистикой и мистическим воздействием искусства на человеческую психологию, Леонид Александрович рассказал мне о возможности ближе подойти к работе в этой области. Однажды, взяв с меня слово хранить в тайне все, им сказанное, Леонид Александрович предложил мне вступить в рыцарский «Орден Света», причем указал на то, что материалы этого Ордена высокой мистической ценности и что они имеют своим источником глубокую гревность. При этом он сказал, что ответ я могу дать в

следующий раз, если он будет положительным. При новой встрече я согласился вступить в Орден, интересуясь в ту эпоху проблемами мистики. При этом должен сказать, что никогда не был особенно верующим и тем более церковным человеком, и что к вопросам религии я относился всегда с большой долей скептицизма. В предложении Леонида Александровича меня заинтересовала, главным образом, древность мистики, имеющейся в распоряжении Ордена.

В конце 1924 г. я был посвящен в рыцари Никитиным, причем посвящение происходило на его квартире и при нем принимала участие Вера Александровна Завадская, несколько позже подошла Вера Робертовна Никитина, присутствовавшая при рассказе первой легенды.

Первую половину 1925 г. я прослушал несколько легенд (кажется, две), причем рассказывал их всегда Леонид Александрович, иногда в присутствии Веры Робертовны. Осенью 1925 г. Леонид Александрович предложил мне перестать быть рыцарем-одиночкой и вступить в созданный им отряд. Посвящение новых рыцарей в этот отряд происходило на квартире Смирнова Е.Н. осенью 1925 г., и я присутствовал на этом посвящении вместе со старшими рыцарями, Смышляевым и Никитиным, а также вновь посвященными — Смирновым Е.Н., Шишко В.Ф., Гиршфельдом Ф.Ф., Ивакинской Г.Е., Леонтьевым К.И., Дейкун А.И. и Благодравовым А.И. При посвящении (равно как и в случае со мной) посвящающий рыцарь ударял по плечу вновь посвящаемого, сидящего в то время (ранее посвященные стояли), и говорил при этом формулу посвящения, сущность которой сводилась к следующему: Будьте смелы, мужественны, здесь веет дух Ордена, проникайтесь его светом, храните его тайну! Тогда вновь посвящаемый вставал и Никитин поздравлял его со вступлением в Орден. После этого рассказывалась первая орденская легенда о древнем Египте.

Остаться во вновь созданном Никитиным отряде мне не удалось, т. к. время собраний этого отряда в значительной части зависело, по словам Леонида Александровича, от занятости в спектаклях Дейкун, Благодравова и Ивакинской. Между тем мои вечера были в крайней степени загружены лекциями и заседаниями, и мне было крайне трудно принаравливаться ко времени их собраний. Поэтому мне пришлось вернуться к положению одиночки. При этом ко мне примкнула В.Р. Никитина, и нам обоим, как самостоятельному отряду, Леонид Александрович стал рассказывать легенды. Нужно при этом заметить, что не на каждой нашей орденской встрече с Никитиным рассказывались легенды. Раза два Леонид Александрович говорил со мной на темы о понимании рыцарской

мистики, о ее значении в духовном перевоспитании человека и о значении легенд, как поднимающих общий тонус человеческой психики. Кроме того, у нас было однажды так называемое ритуальное собрание, на котором кроме легенды были произнесены полагающиеся на этот случай ритуальные слова, содержания которых я не могу припомнить. Затем было нечто вроде ужина и чая (на столе должны были по ритуалу стоять цветы), так называемая «рыцарская трапеза».

Зимой 1926 г. Леонид Александрович сказал мне, что мною закончена 2-я степень Ордена и что я могу считать себя перешедшим на 3-ю степень. Формального перевода при этом не было. Должен заметить категорически, что перевод из степени в степень не давал (мне, по крайней мере, не известно) никаких прав (разве что право имения розы начиналось со 2-й степени).

Наши встречи на почве рыцарского общения с Леонидом Александровичем стали происходить в 1926 г. все реже и реже, отчасти вследствие сердечной болезни Веры Робертовны, отчасти вследствие моей большой занятости и упадком интереса к рыцарской мистике. В конце 1926 г. я перестал посещать встречи орденского характера, и наши отношения отошли от рыцарской почвы. В настоящее время я рассматриваю тот период, когда я состоял в Ордене и интересовался его мистикой, отошедшим в прошлое, далекое ныне для меня.

Считаю, что Орден не оправдал свою задачу духовного перерождения человека и что легенды его, иногда, правда, очень искусно построенные, наносят ущерб здравомыслящему человеку, уводят его в облака, отрывают от действительно здоровой жизни и наносят тем ущерб его общественно-полезной работе.

Что касается идеологической деятельности, смежной с орденской и связанной с его идеологией, то я такой деятельности не вел. Мне известна была, однако, организация «Храм Искусств», и я читал некоторые ее материалы, проникнутые орденской мистикой. «Храм Искусств» связывал в своей работе деятелей искусства в различных областях и объединял их мистически. Нужно вообще тут заметить, что, по моим наблюдениям, основная деятельность «Ордена Света» лежала в сфере искусства, что объясняется, по-видимому, тем обстоятельством, что образная форма построения легенд наиболее доступно воспринимается деятелями искусства.

Из кружков, связанных с Орденем, я не вел никогда ни одного. Однако мне пришлось по просьбе Н.А. Никитиной или же Н.Р. Ланга провести несколько (кажется, 3 или 4) лекции на тему об истории культуры. Лекции я прочел на квартире

Лангов на Немецкой улице, и на них присутствовало человек 6—7 молодежи, среди которых припоминаю Лелю Самарскую, Володю Сно, Марусю (родственницу Никитиных).

По вопросу о рыцарях, участвовавших в концертах, имеющих благотворительное значение и связанных с Оргеном, точных данных дать не могу, т.к. вообще каждый из рыцарей знал только тех людей, как рыцарей, с которыми он имел общение на собраниях отряда. Было абсолютно невозможно спросить и тем более получить ответ, является ли данное лицо рыцарем, или нет (Леонид Александрович был весьма суров в этом вопросе). Однако совокупность обстоятельств заставляла меня думать, что в Орген входят из числа лиц, участвовавших в указанных концертах, следующие граждане: Саговников В.И., Малышева И.М., Орочко О.Л., м<ожет> б<ыть>, Азельчевский. Само собой разумеется, что в этих концертах принимали участие также Ивакинская Г.Е., Дейкун Л.И. и Благонравов А.И. <...>

А.Поль

4. Из дополнительных показаний от 23 ноября 1930 г. (автограф)

Оглядываясь в настоящее время на свои связи с Оргеном, я прихожу к выводам, что анархисты гораздо ближе были связаны с ним, чем я предполагал ранее. Хотя на оргенских встречах политические вопросы не затрагивались, однако делались указания, что ответы на социально-политические запросы можно получить в музее им.Кропоткина и в анархической литературе вообще. Анархическая сущность и взгляды ряда лиц, связанных с Оргеном, для меня бесспорны. Мне приходилось, в частности, слышать, что мистика оргенских легенд несет в себе безвластие. При разговорах с отдельными анархистами, связанными с Оргеном, в частности, при редких встречах с Солоновичем А.А., я убеждался в их явно антисоветской психологии. Никитин обычно выражал ту мысль, что необходимо найти способы для внедрения анархических идей в искусство. Сталкиваясь преимущественно с представителями мистического анархизма, я слышал мысли о необходимости основного воздействия на человеческую психику в смысле ее перерождения. Теперь могу сказать то, чего не видел раньше, т. е. что хотя политические задачи этой организации ни разу не проявились, однако по существу она является антисоветской. Солонович, близко стоявший к организации, высказывал антисоветские взгляды, такие же взгляды высказывал и Н.Р. Ланг, хотя с ним разговоры на политические темы я не вел.

Впрочем, припоминаю один спор на даче в Переделкино, где я оспаривал анархистские установки Ланга, заключавшиеся в необходимости антисоветской деятельности путем развития соответствующих кружков. Примерно в 1926 г. я был на квартире Солоновича и беседовал с ним на тему мистического анархизма. При этом Солонович, развивая взгляды о необходимости перестройки человеческой индивидуальности, указал, что одним из важнейших элементов этой перестройки является момент безвластия. Человеческая психика должна, по его мнению, категорически восставать против власти, как проявления тирании. Помню, что при этом он говорил о важности активности человека.

Один раз видел Солоновича с женой у Аренских в большом обществе. Приходилось мне читать лекции Солоновича (кажется, в 1925 г.). Это был цикл, посвященный критике философии, довольно туманно изложенный. Он был отпечатан на пишущей машинке. В этом цикле давалась резкая и не вполне добросовестная критика марксизма и, несмотря на философский характер этой работы, в ней проскальзывали явно антисоветские моменты. Слышал я также зимой прошлого года в помещении библиотеки Наркомторга от Любимовой В.Н. о существовании нового цикла лекций Солоновича, связанных с индусской философией (кажется).

Любимову знал немного, считаю ее ярко выраженной и убежденной анархисткой. Кажется, она была тесно связана с Солоновичем. <...> Мне известна близкая связь (в 1926 г.) Солоновича с артистом Вахтанговской студии Рубеном Николаевичем Симоновым, который, как мне кажется, придерживался анархо-мистических взглядов.

Считаю, что рыцарский Орден, его мистика и учение объективно являются антисоветскими и служат проводниками анархических идей. Считаю необходимым бороться с этим явлением, а также со всякого рода мистикой и псевдомистическими установками и организациями. Одновременно заявляю, что готов активно бороться со всякого рода проявлениями контрреволюции.

А.Поль

Припоминаю, что намечалась и фактически даже отчасти работала тесно связанная с Орденом организация «Братство Милосердия», в которой принимала участие Никитина В.Р., Корольков П.Е. и др.

А.Поль

5. Из дополнительных показаний от 30 ноября 1930 г. (автограф)

...В 1925 г. мне стало известно у Никитиных о существовании «Братства Милосердия» («Б. М.»), которое было организовано в связи с оргенской работой. Никакого участия в «Братстве» я не принимал, но слышал о нем несколько раз. Оно имело своей задачей (формулирую по памяти):

1) помогать любым нуждающимся без того, чтобы об этой помощи было известно им;

2) каждый член Братства, узнав о нужде кого-либо, должен был или сам, или через друзей прийти на помощь лично, медицинской помощью или вещами, не сообщив, откуда эта помощь приходит.

Членами Братства могли состоять любые лица, но оказывать помощь по просьбе Братства могли также лица, ничего не знающие о существовании Братства. Наиболее активную роль в Братстве играла В.Р. Никитина, затем Корольков П.Е., Ивакинская Г.Е., Шинко¹, Дебольский Д.Д. и др., имена которых не помню. Знаю, что медицинскую помощь осуществлял доктор Лимчер Леонид Федорович (кажется, врач Кремлевской больницы).<...>

Смышляев В.С. С моей точки зрения, его роль в Оргене была значительная весьма, может быть, самая значительная, т. е., возможно, он был самым старшим рыцарем Оргена. Мне никогда не приходилось беседовать с ним на политико-анархические темы, и я не думаю, чтобы он имел активный интерес к политическим вопросам, однако не сомневаюсь, что мистический анархизм его глубоко интересовал и он пытался проводить свои взгляды в этой области в ту отрасль, в которой он был специалистом, т. е. в искусство. Сталкивался с ним в области оргенской на посвящении Дейкун и др. на квартире Е.Н. Смирнова, а также на квартире Никитиных, где он присутствовал при рассказе мне легенды (рассказывал Никитин).

А. Поль

¹ по-видимому, описка и дело идет о В.Ф. Шишко, преподавателе музыки, проходившем по делу «Ордена Света», а не о Л.П. Шинко, учащейся Белорусской студии.

6. Из дополнительных показаний от 3 января 1931 г. (автограф)

...Об Аренском П.А. <...> Что касается участия Аренского в Оргене, то могу сказать, что он действительно состоял в Оргене в качестве ведущего одного из отрядов. К Аренскому мною была направлена моя жена, которую он, после знакомства с ней, посвятил в рыцари первой степени. Затем,

насколько мне известно, она отошла от работы в этой области. Должен сказать, что я сам через некоторое время после своего посвящения в рыцари был введен в тот кружок, которым руководил Аренский и в котором была моя жена. В то время в этом кружке вспоминаю следующих лиц: Зиликович Эммануил Семенович (литератор), Бернер София Яковлевна и ее муж Бернер (переводчик), Сбруева Нина Павловна (артистка) и ее муж, и гражданка, фамилии которой я не помню (лет 19—20, высокая). В этом кружке я пробыл в течение нескольких месяцев, собирался этот кружок на квартире Аренских (Мансуровский пер., д. 3) или на квартире Бернер, около Знаменки. Было это зимой 1925 г. Посвящены эти лица были Аренским и его женой В.А. Завадской.

Завадский Ю.А. Роль его в Оргене мне неизвестна. Известно лишь о тесном соприкосновении его с Оргеном, его мы считали рыцарем и человеком, ведущим руководящую или, во всяком случае, крупную работу в «Храме Искусств». Строительство своего театра-студии он мыслил как храм искусства, это было так вначале. Насколько мне известно, впоследствии, соприкоснувшись с живой работой, Завадский отошел от этой задачи. Первое время в строительстве Студии его помощником по административной части был Ф.Ф. Гирифельд. Завадский является всецело человеком искусства и, насколько мне известно, интерес его к политическому анархизму вряд ли мог иметь место. В то же время он безусловно интересовался анархизмом мистическим <...>.

А. Поль

7. Показания от 31 января 1931 г. (автограф)

В последних разговорах моих с Солоновичем мы беседовали по делу неоднократно. В вопросе о происхождении всего процесса Солонович считает виновным в значительной части группу Борового—Бармаша, с которыми у него принципиальная идеологическая борьба. Он никогда не считал, по его словам, их способными на борьбу такого порядка, который привлек, в конце концов, внимание ОГПУ к данному делу. Он рассказывал, что в заграничной прессе анархического толка в результате действий этой группы была травля его, Солоновича, травля, носившая доносительный характер¹. Кроме того, он указал на поразившее его письмо Богомолова в «Правду» с отречением от анархизма. С этим Богомоловым он ехал рядом в «вороне», и тот ему подтвердил свое отречение, причем между ними имел место крупный разговор по этому поводу. Солонович чрезвычайно поражен жестоким, по его словам, приговором по

нашему делу, т. к. он находит, что организационная деятельность носила весьма незначительный характер.

На допросах у следователя Солонович указывает, что сначала он весьма настороженно отнесся к допросу т. Кирре, т. к. слышал весьма страшные вещи о его методах ведения следствия, но затем убедился, что, несмотря на известную суровость и обрывание Кирре Солоновича при резкостях последнего, первый вел себя в общем корректно и сдержанно. Солонович рассказывал, что при допросах основное внимание было сосредоточено на его книге о Бакунине, по поводу которой он должен был давать свои объяснения². Кроме того, спрашивали по поводу листовки, предъявленной ему и не то написанной, не то правимой Ириной Уйттенховен, на что он указал, что с этой листовкой он не согласен и что, по-видимому, она (т. е. Уйттенховен) преждевременно была введена в анархическую секцию Кропоткинского музея...

Он мне сказал также, что об именах он отказался отвечать, за некоторым исключением. В частности, он говорил, что Любимова переписывала его книгу и лекции, последние в значительном количестве экземпляров.

Он указывал, что следователь неоднократно говорил ему, что с ним работали ряд лиц, приносивших большую пользу его идеям, назвал, в частности, Смышляева, Аренского, Никитина, Завадского и Поля. Кроме того, он указал, что о рыцарских орденах и других организациях анархо-мистических разговоров на следствии было не много, т. к. сразу объяснил, что никакого отношения к ним не имеет, что это романтика, не имеющая ничего общего с действительной жизнью. Если же ордена и могли существовать, то в этом нет ничего особенного, т.к. они существовали во все времена и эпохи, в них входили многие революционные деятели, в том числе Бакунин и даже, по неточным и недостаточно проверенным сведениям, Маркс. Он говорил, что его спрашивали о целом ряде организаций, в том числе «Оргене Духа»³ и «Ясном Городе»⁴, где работали анархо-мистики, и сказал, что как будто несколько групп «Оргена Духа» провалились. Об этих организациях я раньше ничего не слышал.

На днях мне стало известно, что Солонович получил 5 лет политизолятора, от кого-то из сокамерников, ездивших на допрос на Лубянку и видевшихся там с сокамерником Солоновича в пересыльной тюрьме.

А. Поль, 31.1.31 г.

В кружке, руководимом Аренским, принимал участие в качестве старшего также профессор Дмитрий Дмитриевич

Благой. Припоминаю, что он давал ответы на вопросы по легендам.

А. Поль

Припоминаю, что Солонович указал на Пастухова, как на человека, игравшего провокационную роль во всем деле. В частности, он указал, что эту роль, по-видимому, сыграл Пастухов в деле нижегородских групп.

А. Поль

¹ Коллективные письма московских анархистов в аршиновский журнал «Дело труда» и напечатанная там же статья «Трубадур мистического анархизма».

² «Бакунин и культ Иальдобаофа» А.А. Солоновича.

³ Нижегородский кружок.

⁴ Об этом ордене совершенно ничего не известно, и его наименование пока всплыло здесь единственный раз. Если отталкиваться от названия, можно предположить, что речь идет о каком-то кружке или группе архитекторов, поскольку членами «Ордена Света» были архитекторы Г.В. Гориневский и его жена Е.В. Черкаева.

Приложение 5

Из обвинительного заключения по делу «Ордена Света»

(Список обвиняемых)

1. Адамова Елена Георгиевна, 1897 г. рождения, уроженка г.Москвы, приемная дочь адвоката, библиотекарь, образование высшее, беспартийная, по убеждениям анархо-мистичка. «Рыцарь» Ордена, рассказчик орденских легенд, мифов и сказок. Принимала активное участие на всех орденских собраниях и вечеринках. Изобличена показаниями Леонтьева, Смирнова, Поля, Покровской, Никитина, Ивакинской и др. (Созналась частично)¹.

2. Андреев Александр Васильевич, 1884 г. рождения, из крестьян д. Кураповки Краснослободского уезда и волости Пензенской губернии, бухгалтер, образование неоконченное высшее, анархо-коммунист с 1906 г., в 1907 г. арестован по принадлежности к анархистам и выслан на родину, оттуда отправлен в Харбин в солдаты. В 1918 г. был арестован в Москве, но скоро освобожден; в 1919 г. арестовывался в связи с экспроприацией Центротекстиля, в 1922 г. арестован в связи с деятельностью «Черного Креста». Активно участвовал в работе «Черного Креста», распространял подписные листы для сбора средств в пользу ссыльных и заключенных анархистов. Распространял анархическую литературу, через Корни-

лова направлял таковую в Брянский и Бежецкий районы. Тесно связан с Солоновичем и Уйттенховен. (Сознался).

3. Аносов Григорий Иванович, 1888 г. рождения, уроженец Воронежской губернии и уезда, с. Боршево, безработный, образование среднее, анархист с 1905 г., сидел до революции за аграрные беспорядки и взрыв в духовной семинарии в Воронежской губ., в 1917 г. был в германском плену. В 1925 г. сидел за анархо-подпольную деятельность, освобожден ввиду дачи подписки о согласии сотрудничать с ОГПУ. После освобождения снова занялся активной подпольной деятельностью, двурушник. Активно участвовал в анархо-мистической деятельности по созданию подпольных кружков. На квартире у него происходили собрания молодежи. Занимался гаданием в карты и по руке, что подтверждается показаниями гр. Кустовой, проживающей в той же квартире. (Частично сознался).

4. Аскарлов Герман Карлович, 1882 г. рождения, из мещан г. Риги, безработный, образование незаконченное высшее, анархист с 1904 г. До революции был приговорен к смертной казни за покушение к террору, в 1921 – 1922 гг. арестовывался ОГПУ и был приговорен к ссылке на 3 года. Был задержан в засаде (на квартире Солоновича); хотя и знаком с Солоновичем, но к орденской деятельности отношения не имел.

5. Бем Дмитрий Александрович, 1880 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын чиновника-педагога, преподаватель теоретической механики, образование высшее, по убеждениям анархист, в 1926 г. осужден условно по 195 ст. УК. Принимал активное участие на «рыцарских» собраниях, руководил кружками. Прикрывался музеем Кропоткина как легальной ширмой. Изобличен показаниями обвиняемых Гиршфельда, Любичского² и др. (Сознался частично).

6. Богомоллов Николай Константинович, 1887 г. рождения, мещанин г. Томска, сын служащего, бухгалтер-экономист, образование незаконченное высшее, анархист-коммунист с 1912 г., арестовывался органами ВЧК/ОГПУ в 1922 и 1923 гг. в связи с подпольной анархической деятельностью, в 1929 г. в июле месяце Нарсудом Замоскворецкого района приговорен к принудительным работам на два месяца за незаконное получение денег из страхкассы. Активно участвовал в работе анархо-мистических организаций. Производил посвящение в «рыцари» ордена Тамплиеров и розенкрейцеров. Непосредственно руководил сочинской группой через Ладыженского и Чага. (Сознался частично).

7. Бренев Евгений Константинович, 1883 г. рождения, уроженец г. Тифлиса, преподаватель математики, образование высшее, беспартийный, сочувствующий анархо-мисти-

кам. Ближайший помощник Солоновича по проведению анархо-мистических идей в МВТУ. Член подпольного кружка, руководимого Солоновичем. Участвовал на нелегальных собраниях. (Сознался).

8. Водовозов Николай Васильевич, 1902 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын торговца, преподаватель, образование высшее, беспартийный, по убеждениям анархо-мистик, в 1923 г. за самовольную отлучку был приговорен 2-м Стрелковым Трибуналом к 1 году лишения свободы. «Рыцарь» Ордена, принимал участие на орденских собраниях и вечеринках, выдающейся роли в организации не играл. Дал подробные показания о деятельности известных ему членов Ордена, способствуя следствию.

9. Гиршфельд Феликс Федорович, 1904 г. рождения, уроженец Курской губернии, экономист-статистик, образование высшее, беспартийный, по убеждениям анархо-мистик. Принимал активное участие в работе подпольного анархо-мистического кружка «Храм Искусств», «рыцарь», способствовал раскрытию деятельности и установок «Ордена Света», дав откровенные показания.

10. Завадский Юрий-Георгий Александрович, 1894 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын чиновника-дворянина, артист-режиссер 1-го МХАТ, образование незаконченное высшее, беспартийный, по убеждению анархо-мистик. «Рыцарь» высших степеней, состоял в руководящей группе, достаточно изобличен показаниями Поля, Шишко, Гиршфельда, Водовозова, Любичского и других. Следствие не закончено.

11. Ильин Георгий Дмитриевич, 1905 г. рождения, из дворян г. Вологды, техник-производитель, образование среднее, беспартийный, анархо-коммунист, в 1926 г. в апреле арестовывался ОГПУ по делу скаутской организации и был приговорен к 1 году концентрационных лагерей, срок отбыл в Бутырской тюрьме. Участвовал в анархо-мистическом кружке, руководимом Лангом, выпустившем в 1929 г. листовку к Октябрьским торжествам³. (Сознался).

12. Корнилов Петр Аркадьевич, 1885 г. рождения, уроженец г. Москвы, из дворян, бухгалтер, образование высшее, беспартийный, по убеждениям анархо-коммунист, бывший офицер, в 1918 г. арестовывался за антисоветскую агитацию в г. Перми Особым отделом Ревтрибунала 3-й армии Восточного фронта, после допроса был освобожден. В 1920 г. был арестован по обвинению в дезертирстве и принадлежности к Екатеринбургской группе анархистов, после сидки — 3 месяца — был освобожден. В 1924 г. в г. Туле был арестован по обвинению в участии в группе растратчиков, после допроса

был освобожден. Со службы вычищен по 1-й категории. Распространял анархическую литературу и занимался агитацией и пропагандой анархических и мистических идей среди рабочих и крестьян Брянского и Бежецкого районов. (Сознался).

13. Корольков Павел Ефимович, 1897 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын служащего, продавец, образование высшее, по убеждениям анархо-мистик. Активный руководитель подпольных орденских кружков, создал орденскую библиотеку. Присутствовал на всех собраниях Ордена. Принимал деятельное участие в организации вечеров и т. д., изобличен показаниями Шишко, Поля, Гиршфельда, Покровской, Леонтьева и другими. (Сознался частично).

14. Ладыженский Николай Алексеевич, 1884 г. рождения, сын дворянина, сосланного в Сибирь по Нечаевскому процессу, инструктор по сбору лекарственно-технического сырья, образование неоконченное высшее, анархо-мистик. Активный член анархо-мистического кружка, руководимого Богомоловым, коим и был посвящен в «рыцари» Ордена, член сочинской группы анархо-мистиков. Дал подробные показания, способствовавшие следствию.

15. Леонтьев Константин Иванович, 1889 г. рождения, уроженец г. Вацлавска Варшавской губернии, экономист, образование высшее, беспартийный, по убеждениям социалист-анархист, индивидуалист с 1907 г., судился за студенческие беспорядки в Петрограде в 1910 г., приговорен к высылке на 3 года, но ввиду хлопот через 1,5 года вернулся в Петроград. «Рыцарь» второй степени «Храма Искусств». Участвовал на подпольных собраниях «рыцарей», присутствовал при посвящении, принимал активное участие в устройстве вечеринок и рыцарских праздников. (Сознался).

16. Леонтьева Надежда Алексеевна, 1898 г. рождения, уроженка г. Курска, дочь госбанковского чиновника, домохозяйка, образование среднее, беспартийная, по убеждениям анархо-мистичка. Являлась членом подпольного анархо-мистического кружка, руководимого Полем, на собраниях кружка принимала активное участие, особенно по организации под видом семейных вечеров празднеств «рыцарей». Постепенно обрабатывала своих учениц по пластике. Свое участие в Ордене отрицает, несмотря на показания мужа и других обвиняемых.

17. Любимова Варвара Николаевна, 1901 г. рождения, уроженка г. Полоцк Витебской губернии, дочь государственного чиновника, машинистка, образование среднее, анархо-мистичка. Активный член анархо-мистических кружков, состояла членом общества «Братство Милосердия», перепеча-

тывала подпольные анархо-мистические материалы. Изобличена показаниями Поля, Покровской, Любицкого, Гиршфельда. (Созналась частично).

18. Никитин Леонид Александрович, 1896 г. рождения, сын домовладельца — судебного чиновника, уроженец г. Рязани, театральный художник, образование высшее, беспартийный, по убеждениям анархо-мистик, бывший офицер. Активно стремился проводить линию анархо-мистицизма по линии искусства. Руководил несколькими анархо-мистическими кружками «Ордена Света» и «Храма Искусств». Рассказывал легенды, производил посвящения, устраивал вечеринки и т. д. «Рыцарь» старших степеней. Изобличен показаниями Гиршфельда, Шишко, Поля, Евстратовой и других. (Созналась частично).

19. Никитина Вера Робертовна, 1897 г. рождения, уроженка г. Москвы, домохозяйка, образование незаконченное высшее, беспартийная, по убеждениям анархо-мистичка. Активный член анархо-мистических орденов, старший «рыцарь», возглавляла общество «Братство Милосердия», устраивала орденские собрания. Изобличена показаниями Поля, Покровской, Любимовой, Адамовой, Ивакинской и других. (Созналась частично).

20. Никитина Нина Александровна, 1894 г. рождения, дочь домовладельца — судебного чиновника в г. Рязани, стенографистка, образование неоконченное высшее, по убеждениям анархо-мистичка, в 1921 г. был арестована ГПУ. Член анархо-мистического кружка, руководимого Никитиной В.Р., принимала активное участие на собраниях, происходивших на квартире ее брата. Изобличена показаниями Поля, Покровской, Адамовой и других. (Созналась частично).

21. Покровская Ирина Владимировна, 1906 г. рождения, уроженка г. Москвы, дочь инженера, пианистка, безработная, образование среднее и специальное музыкальное, беспартийная, проявляющая интерес к теософии. «Рыцарем» не являлась, но намечалась к вербовке в Орден, присутствовала на вечеринках, как пианистка. Дала откровенные показания.

22. Поль Александр Сергеевич, 1897 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын драматических артистов, экономист, преподаватель разных вузов, образование высшее, по убеждениям анархо-мистик, бывший офицер. «Рыцарь» старших степеней «Ордена Света», принимал участие в посвящении ряда «рыцарей» младших степеней, руководил орденскими кружками, один из видных орденских деятелей. (Сознался).

23. Поль Елена Аполлинариевна, 1901 г. рождения, уроженка г. Москвы, дочь артистов Вишневыских, певица, образо-

вание среднее, беспартийная, анархо-мистичка. Активный член анархо-мистического кружка, руководимого Никитиным, «рыцарь» второй степени, на вечеринках выступала с пением. (Созналась).

24. Проферансов Николай Иванович, 1885 г. рождения, уроженец г. Бобруйска Минской губернии, сын оружейного мастера, литератор, научный работник, образование высшее, по убеждениям анархист, бывший член РСДРП, в 1904—1905 гг. привлекался по делу Тульского комитета РСДРП, в 1909—1910 гг.—за хранение нелегальной литературы. Принимал активное участие в организации в Нижнем Новгороде группы анархо-мистиков «Орден Духа», проводил посвящение в «рыцари» и снабжал литературой. Участвовал в руководстве сочинской группы ордена «Тамплиеров и Розенкрейцеров». Являлся одним из наиболее компетентных лиц в орденских вопросах. Изобличен показаниями Ладыженского, Владиморова, Дрейман, Постниковой⁴ и других. (Сознался частично).

25. Русов Николай Николаевич, 1884 г. рождения, уроженец г. Серпухова, сын бухгалтера, литератор, образование высшее, с 1918—1919 гг. был членом Московского союза анархистов, по убеждениям анархо-индивидуалист. В 1919 г. арестован и просидел два месяца в тюрьме, в 1927 г. снова был арестован и просидел две недели. К орденской деятельности близкого отношения не имел, хотя мистикой интересовался. Дал письмо в печать о своем разрыве с анархизмом.

26. Рытавцев Илья Евгеньевич, 1901 г. рождения, уроженец Ярославской губернии Ростовского уезда Приимковской волости с. Ново-Никольское, из крестьян, студент 3-го курса Московского электротехникума, беспартийный, по убеждениям анархо-мистик. Участвовал в подпольных кружках, руководимых анархистом Пикуновым, и был связан с анархо-подпольной группой г.Сергиева. (Сознался частично).

27. Смирнов Евгений Николаевич, 1890 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын священника, научный работник, образование высшее, беспартийный, по убеждениям мистик, морской офицер. В 1924 г. был арестован и сидел 1,5 месяца за предоставление своей квартиры духовным для служения в честь его отца⁵. «Рыцарь» второй степени Ордена «Храм Искусств», предоставлял свою квартиру для собраний «рыцарей», на его квартире происходили посвящения в «рыцари» Дейкун, Благоврава, Ивакинской, Баркова⁶ и других. (Сознался).

28. Смоленцева Александра Ивановна, 1905 г. рождения, уроженка Тверской губернии и уезда, Городецкой волости, д. Низовки, из крестьян, безработная, художница, образование высшее, беспартийная, по убеждениям анархо-мистичка.

Принимала активное участие в работе подпольного анархо-мистического кружка, занимавшегося на ее квартире. Назвать всех участников кружка отказалась.

29. Сно Владимир Иванович, 1901 г. рождения, уроженец г. Симферополя, ретушер, образование ниже среднего, сын акцизного чиновника, анархист, бывший член ЛКСМ. Участвовал в анархо-мистическом кружке, руководимом Солоновичем. В Крыму при белых выступал в качестве свидетеля по делу подпольной группы большевиков, в результате его показаний 6 человек по процессу было расстреляно, а остальные получили от 5 лет до бессрочной каторги⁷. (Сознался).

30. Солонович Алексей Александрович, 1887 г. рождения, сын дворянина-полковника, уроженец местечка Казимирж Люблинской губернии, преподаватель математики и механики, анархо-коммунист с 1907 г., судился в 1914 г., но приговорен ни к чему не был. Соввластью в 1925 г. арестован и осужден постановлением Особого Сопещения при Коллегии ОГПУ к заключению в политизоляторе сроком на 3 года за подпольную анархическую деятельность. Досрочно от наказания освобожден. После смерти Карелина возглавлял анархо-мистические организации, организовал и руководил рядом анархо-мистических кружков. Распространял анархо-мистические лекции и книгу «Бакунин и культ Иальдобаофа». Обсуждал вопросы восстаний против совласти. (Сознался).

31. Уйттенховен Александр Владимирович, 1897 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын городской учительницы, помощник редактора научно-технического комитета РККА, образование незаконченное высшее, беспартийный, по убеждениям анархо-мистик. Принимал участие в анархо-мистических кружках, руководимых Солоновичем и Никитиным, в которых читал доклады по теософии и антропософии. Рисовал мистические орденские знаки и эмблемы. (Сознался частично).

32. Уйттенховен Ирина Николаевна, 1904 г. рождения, уроженка г. Новогрудок Минской губернии, дочь подъяесаула-дворянина, переводчица, образование среднее, анархо-коммунистка, под судом и следствием не была. Активно участвовала в работе анархо-мистических кружков и написала листовку с призывом к массовым стачкам и восстанию⁸. (Созналась).

33. Шишко Владимир Федорович, 1886 г. рождения, уроженец Московской губернии, с. Перово, сын служащего-инженера, педагог музыки, образование незаконченное высшее, беспартийный, мистик. Принимал активное участие в деятельности анархо-мистического кружка «Храм Искусств», «рыцарь». Дал подробные показания, изобличающие ряд участников, способствовал раскрытию деятельности анархо-мистиков⁹.

¹ Примечание «сознался», как правило, означает, что арестованный признал ряд своих действий, не имеющих противозаконного содержания, тогда как помета «сознался частично» означает, что подследственный категорически отверг все обвинения, признав только факт знакомства с тем или иным человеком. Следует отметить также, что далеко не все ссылки на показания подследственных соответствуют действительности, а их деятельность представлена в искаженном и гипертрофированном виде.

² Любичский Георгий Александрович, фотограф, арестован 22 июня 1930 г. Постановлением Коллегии ОГПУ от 16 августа 1930 г. лишен права проживания в ряде центральных и пограничных областей («-6»). Дальнейшая судьба неизвестна.

³ «Листовка» состояла из нескольких, только что написанных вступительных фраз, оборванных приходом сотрудников ОГПУ с обыском и арестом, так что все это весьма похоже на задуманную заранее провокацию.

⁴ Владимирова, Дрейман, Постникова — участники «нижегородского дела».

⁵ Первый раз Е.Н. Смирнов был арестован 23 июля 1923 г. через неделю после того, как у него на дому группа священников с патриархом Тихоном отслужила литию по его умершему год назад отцу, настоятелю церкви Воскресения в Кадашах (Москва), в которой тот прослужил более 25 лет.

⁶ Барков Александр Сергеевич, географ, педагог, действительный член Академии педагогических наук РСФСР, муж Г.Е. Ивакинской.

⁷ Как можно заключить на основании имеющихся в деле свидетельств участников суда 1920 г. в Ялте, показания В. И. Сно, арестованного контрразведкой белых, не сыграли никакой роли в вынесенном приговоре. Поэтому арестованный в 1930 г. по доносу одной из жительниц Ялты Сно в дальнейшем проходил исключительно как участник собраний анархо-мистиков, которые он посещал в 1925—1927 гг. в Москве.

⁸ Судя по всему, инкриминируемая ей «листовка» («Что такое анархисты-коммунисты») ей не принадлежала и была подослана в провокационных целях.

⁹ 13 января 1931 г. Постановлением Коллегии ОГПУ по делу «Ордена Света» были вынесены следующие приговоры: Солоновича А.А., Аносова Г.И., Бема Д.А., Проферансова Н.И., Королькова П.Е. — заключить в места лишения свободы сроком на 5 лет (т. е. в политизолятор); Никитина Л.А. — заключить в концлагерь сроком на 5 лет; Богомолова Н.К. — выслать в Западную Сибирь сроком на 3 года; Уйттенховен И.Н., Любимову В.Н., Бренева Е.К. — заключить в места лишения свободы сроком на 3 года; Андреева А.В. — выслать на Урал сроком на 3 года; Поля А.С., Никитину В.Р., Леонтьева К.И., Смирнова Е.Н., Адамову Е.Г., Леонтьеву Н.А., Смоленцеву А.И. — заключить в концлагерь сроком на 3 года; Никитину Н.А. — выслать в Среднюю Азию сроком на 3 года; Уйттенховена А.В., Рыгавцева И.Е. — выслать в Северный Край сроком на 3 года; Корнилова П.А. — заключить в места лишения свободы сроком на 3 года; в отношении Завадского Ю.-Г.А. — дело выделить (т. е. продолжать). В отношении гр. гр. Во-

довозова Н.В., Гиришфельда Ф.Ф., Покровской И.В., Русова Н.Н., Шишко В.Ф., Аскарова Г.К. — дело прекратить.

О дальнейшей судьбе этих людей известно не много. С достоверностью пережили годы репрессий: Завадский Ю.А., дело которого было закрыто... только за два года до его смерти, так что последующие годы он прожил под постоянной угрозой «возобновления» дела (умер в 1977 г.), Леонтьев К.И. (ум. в 60-х гг.), Леонтьева-Нилендер Н.А. (ум. в начале 70-х гг.), Никитина В.Р. (ум. в 1976 г.), Никитина Н.А. (ум. в 1942 г.), Покровская-Гюнтер И.В. (ум. в 1995 г.), Польш А.С. (ум. в 1965 г.), Польш Е.А. (ум. в 1993 г.), Рытавец И.Е. (ум. в 1974 г.), Смоленцева А.И. (ум. в 1988 г.), Уйттенховен А.В. (ум. в 1966 г.), Уйттенховен И.Н. (Иловайская И.Н.) (ум. в 1995 г.); умерли в лагерях и ссылке: Никитин Л.А. (15 октября 1942 г.), Проферансов Н.И. (12 марта 1934 г.), Солонович А.А. (4 марта 1937 г.); расстреляны: Бем Д.А. (4 июня 1938 г.), Бренев Е.К. (25 декабря 1938 г.), Гиришфельд Ф.Ф. (10 марта 1938 г.), Корольков П.Е. (4 октября 1937 г.) и Смирнов (7 декабря 1937 г.). О судьбе остальных сведений не имеется.

СУДЬБЫ ФИЛОЛОГОВ

Б. Ф. Егоров,
М. Б. Игнатъев,
Ю. М. Лотман

Искусственный интеллект как метамеханизм культуры

Я нашел в своем архиве эту статью, которая относится, судя по списку литературы, к 1975—1976 гг. В библиографиях участников создания этого программного документа не удалось обнаружить его опубликования. Но именно в те годы мы активно занимались этой проблематикой.

Профессор Ленинградского института авиационных приборов, заведующий кафедрой кибернетики и вычислительной техники Михаил Борисович Игнатъев ратовал за использование художественных произведений как самых сложных, созданных человеком, систем для различных целей в его сфере, в области компьютерного программирования. М. Б. Игнатъев заключил хоздоговор с кафедрой русской литературы Герценовского пединститута, которую я тогда возглавлял, мы создали творческую группу молодых ученых, занимавшихся интересными разработками структуральной сюжетологии, что могло бы быть с пользой принято компьютерщиками. К сожалению, через несколько лет проректор авиационного института запретил М. Б. Игнатъеву тратить деньги на связи с гуманитариями, и наши труды прекратились.

Но пока еще работа велась, мы публиковали статьи, участвовали в конференциях. Очень тесные связи по данным проблемам у нас возникли и с Ю. М. Лотманом и его учениками.

Публикуемый текст предназначался, очевидно, или для какой-нибудь конференции в Ленинграде или Тарту, или для какого-либо соответствующего сборника. Некоторые идеи Ю. М. Лотман использовал в своих последующих работах.

Б. Ф. Егоров

Развитие вычислительной техники, средств связи и программирования достигло в настоящее время такого уровня, что можно говорить как о вполне реальном факторе о глобальной многоцелевой информационно-вычислительной системе, которая пока ещё разбита на отдельные подсистемы, но имеет явную тенденцию к объединению в единую систему. Возникновение такой системы, способной информационно объединить различные ресурсы человечества, явится фактором чрезвычайной важности. Контуры этой системы, её функции и структура начинают прорисовываться в проблематике искусственного интеллекта, которая в настоящее время объединяет, казалось бы, разнородные элементы (3, 4, 5). Определить структуру такой сложной системы, как искусственный интеллект, представляется возможным, только погрузив её в систему ещё большей сложности, каковой является механизм культуры в широком смысле этого слова (1).

1.0.0. Каждое техническое новшество может быть осмыслено в двойной перспективе: по его месту в технологическом ряду и по месту в системе культуры. В первой связи оно будет обусловлено наличным уровнем научно-технического прогресса, во второй — необходимостью обслужить определенную социально-культурную функцию. Система функций относительно более постоянна, чем уровень техники (в определенных структурных параметрах выступают вообще константные функции, присущие культуре как таковой). Это приводит к тому, что значение того или иного технологического объекта может быть оценено двояко — в отношении к некоторым конкретным практическим функциям и в отношении к более глубинным функциям структуры культуры.

1.0.1. Следует иметь в виду, что культура, как некоторая целостность, — явление динамическое и как всякое нововведение не только отвечает на определенные потребности, вызванные некоторой стабильной ситуацией, но и меняет эту ситуацию, вызывая новые потребности. Поэтому имеет смысл спрашивать не только о том, какие функции будет обслуживать данный новый технологический комплекс, но и то, как он сдвинет сложившуюся систему функций.

1.0.2. Принципиальная бифункциональность технологических новаций не отменяет того, что в каждом конкретном случае может проявляться большее тяготение к удовлетворению практических или духовно-культурных потребностей. Поскольку техно-социо-культурная система может быть представлена в виде многоуровневой иерархической структуры, то можно сказать, что определенные приспособления могут функционировать на нескольких уровнях одновременно. Однако на каком-либо одном их значение будет реализоваться в наибольшей мере.

2.0.0. Искусственный интеллект (ИИ) представляет собой в функциональном отношении приспособление, которое может быть использовано для решения ряда конкретных научно-технических задач, сводящихся к обслуживанию технической функции. Однако доминантное положение здесь, безусловно, будет принадлежать культурной функции.

2.1.0. Культурная функция для ИИ заключается в том, что он может выступать в качестве **метамеханизма культуры**. Такое понимание ИИ, с одной стороны, позволяет очертить границы его применения по аналогии с другими метакультурными образованиями, возникшими на предшествующих стадиях истории человеческого общества. Сопоставление раскроет структурную неизбежность появления ИИ в культуре развитого технического этапа и, одновременно, специфику его по сравнению с эквивалентными образованиями в прошлом. С другой стороны, целостное рассмотрение культуры как динамического механизма позволит поставить вопрос об общеисторических последствиях появления ИИ, о той цепи внутриобразовательных процессов, которую это событие вызовет в толще нашей культуры. Представляется чрезвычайно существенным, чтобы эти изменения не застали человечество врасплох.

2.2.0. Природа метамеханизмов культуры сводится к следующему:

2.2.1. Культура в определенных своих проявлениях ведет себя как единое существо (организация), наделенное единым интеллектом. Так, например, она обладает единой памятью (и механизмами, организующими эту

единую память), единой сложной системой правил поведения, реализация которых воспринимается внутри определенного исторического этапа как «разумное» и «целесообразное».

2.2.2. Механизм культуры включает в себе исходное противоречие: с одной стороны, он включает ряд автономных преобразований, «семиотических индивидуальностей», которые выполняют свою общекультурную функцию именно в силу несходства друг с другом, различия своих «внутренних языков» и своеобразия присущего им моделирования окружающего их мира. Они составляют как бы внешние датчики культуры, снимающие с окружающего мира его различные образы. Именно в различии этих образов заключается их взаимная необходимость. С другой стороны, культура составляет целое и нуждается в том, чтобы разнообразные тексты, возникающие в этих «датчиках», могли быть взаимопереводимы и сводимы воедино. Возникает необходимость в центральном метамеханизме, переводящем полиглотию текстового уровня на метаязык общекультурного единства. Процесс этот связан с потерями, поскольку наиболее ценным для культурного организма как целого является именно индивидуальное в текстах периферии, перевод же на метаязык — всегда унификация. Поэтому противоречие в противонаправленных механизмах культуры должно сохраняться как обязательный рабочий механизм.

2.2.3. Таким образом, поскольку роль элемента культуры может выполнить только образование, которое имманентно, «для себя» представляет отдельную структуру, обладающую собственным поведением, своим языком, собственной памятью, способное к саморегулировке и саморазвитию, постольку культура неизбежно включает в себя пласт структуры структур, суперсистемы, которая функционирует, переводя разнообразные тексты (в семиотическом отношении любой механизм может быть истолкован — «прочтен» — как текст) на метаязык данной культуры и тем обеспечивая ей структурное единство.

2.2.4. По мере развития системы культуры в огромной степени возрастает число подсистем и мера их

автономности. Это приводит, с одной стороны, к скачкообразному усложнению метаструктуры, а с другой — к росту ее значения.

2.3.0. Отношение структуры культуры и ее метаструктуры — отношения сложные и, в определенном смысле, конфликтные. Метаструктура становится суперязыком культуры и ее идеальным самоописанием. Только ее наличие обеспечивает культуре функционирование в качестве некоторого индивидуума высшего порядка. Она не только придает культуре единство, создавая язык языков для полиглотической системы, но и неизбежно имеет, хотя бы некоторые, свойства коллективного интеллекта. Рост сложности и структурной организованности метаструктуры неизбежно приводит ее к качеству ИИ.

2.3.1. Появление естественного индивидуального интеллекта с неизбежностью вызывает к жизни появление и супериндивидуальных интеллектуальных механизмов, т. е. культуры, появление культуры столь же неотвратимо влечет за собой появление метакультурных (суперкультурных) организаций, а нарастание у последних признаков автономного интеллекта с неизбежностью приводит к появлению ИИ. Таким образом, можно сказать, что ИИ заложен как возможность в глубинной программе естественного интеллекта, рассматриваемого в качестве некоторого порождающего устройства, генерирующего текст «мировая цивилизация».

2.3.2. Динамичность и устойчивость культуры как целого подразумевает параллельно с увеличением мощности метасистемы увеличение разнообразия подсистем и их относительной самостоятельности. «Победа» подсистем над метасистемой является источником распада культуры как единой личности (культурная «шизофрения»). «Победа» метасистемы над разнообразием и относительной неупорядоченностью — индивидуальностью — частных подсистем означает окостенение системы, смерть.

3.0.0. Аналогии с культурными метасистемами, возникшими на более ранних исторических этапах, позволяют выделить инвариантные черты метасистемы культуры. Можно выделить этапы усложнения механиз-

ма культуры от мифологического сознания до XX века, при этом универсальными чертами метамеханизмов, в частности, будут следующие:

3.1.0. Метамеханизмы могут иметь двойное происхождение.

3.1.1. Они выделяются из общего инвентаря субсистем и становятся метамеханизмами, повышаясь в структурном ранге.

3.1.2. Они специально конструируются как некоторые искусственные языки.

3.2.0. В первом случае некоторый конкретный объект становится моделью для более широкого круга объектов. Примеры этого суть:

3.2.1. Для мифологического сознания определенные круги вещей, повышаясь в ранге, становятся моделями универсума или каких-либо его существенных частей. Известные мифологические тексты типа «Миф есть конь» или: «Солнце — мед богов, небо его Улей» («Чхандогья упанишада») характеризуются превращением вещи в метапонятие (2).

3.2.2. В дальнейшем метамеханизмами становятся **знак и текст**, сначала некоторый определенный знак или текст, а затем знак и текст как некоторые структуры.

3.2.3. На следующем этапе метамеханизм строится как некоторый язык, выступающий одновременно в функции универсальной модели культуры. Так, в разные моменты европейской культуры разные виды искусств или отдельные метаязыки различных наук, повышаясь в ранге, становились метамеханизмами культуры как таковой.

3.3.0. Чем сложнее структура метамеханизма культуры, тем большее место занимает в ней случай 3.1.2, чем проще — тем существеннее 3.1.1. Однако, на самом деле, метамеханизм, хотя и ориентирован на жесткую и однозначную упорядоченность, представляет собой систему гетерогенную и более упорядоченную лишь относительно самого объекта упорядочения (толщи культуры). При полной и идеальной упорядоченности метамеханизм, в случае динамического сдвига в системе частных подструктур культуры, пришлось бы просто отбрасывать и полностью заменять новым искусствен-

ным механизмом. Практичнее, видимо, строить метамеханизм, как это и происходит реально, как некоторую саморазвивающуюся систему. А в этом случае необходим определенный структурный резерв относительной неупорядоченности, подобно относительной неупорядоченности первичной культуры.

3.3.1. На основе выделения инвариантов избыточности при функционировании систем первичной культуры можно включить в ИИ различные механизмы избыточности. Принципиальный интерес представляет в этой связи рассмотрение так называемых внесемиотических коммуникаций культуры (генетическая информация, связь человека с природной средой и т. п.) с целью использования их в ИИ. (Сложная проблема разграничения знаковых и внезнаковых структур опускается в настоящей работе; условимся для терминологической упорядоченности понимать под внезнаковыми — импульсивные, внеязыковые, точнее — доязыковые формы и коммуникации). Внеязыковые структуры имеют значительно больше степеней свободы и вариативности (и в себе, и во внешнем их обследовании и контактах с ними), чем семиотические системы, т. к. при всей сложности последних знаки всегда включены в терминологическую однозначность и системную детерминированность. Исключением является лишь художественные знаковые системы благодаря включению в них первичных внесемиотических сфер (см. об этом 4.1.0 и 4.1.1.), что дает основание считать искусство аналогом, точнее наиболее характерным аспектом и частью культуры.

3.3.2. Полифункциональность элементов культуры позволяет программировать сложность ИИ в этом направлении, в том числе позволяет использовать и выработанные веками компактные способы «художественного» функционирования, ибо произведения и элементы искусства принципиально полифункциональны и полисемичны (ср. 4.1.1.).

3.4.0. Сказанное заставляет полагать, что создаваемый на основе ИИ метамеханизм современной культуры будет включать в себя сложную систему более низких иерархически, но повышенных до метауровня

структурных образований, например, типа «ИИ-человек». Однако только создание всеобъемлющей, структурно автономной системы ИИ позволит ей выполнить роль метамеханизма культуры.

4.0.0. С появлением ИИ как метакультурного механизма культуры, которая когда-то возникла как структурное дополнение к индивидуальному естественному интеллекту, имея, в частности, целью купировать определенные негативные аспекты этого скачка в истории структур, сама культура приобретает некоторые черты индивидуального разума на структурно более высоком этапе. В этом смысле можно сказать, что цикл, намеченный в 2.3.1., завершается подобием исходной точки. Это заставляет полагать, что среди разнообразных последствий ИИ будет возникновение дополнения к нему в виде метакультуры (культуры второй степени). Черты этого мы уже видим в появлении в XX веке «вторичных» искусств: «метакинематографа» (кино о кино), метатеатра, метаживописи и металитературы. Такие явления, как «Доктор Фаустус» Т. Манна, «Игра в бисер» Г. Гессе, конечно, принадлежат к метакультурным текстам. Одновременно происходит развитие метанаук — металогии, метаматематики. Следовательно, можно ожидать некоторого типологического повторения цикла цивилизации на метауровне. Знание некоторых из ожидаемых последствий появления ИИ, возможно, поможет максимально использовать его положительные эффекты и, хотя бы в некоторой мере, предотвратить отрицательные, а возможно, и катастрофические.

4.0.1. Примером отрицательных последствий может служить все большая автономизация, точнее — «уединение» личности при развитии средств связи и способов фиксации культурных текстов (мы не углубляемся здесь в сложные социальные функции других «отчуждений» человека). Появление письменности (а тем более — книгопечатания) явилось колоссальным общественным прогрессом, так как оно преодолевало эфемерность научных открытий и художественных произведений, давало возможность в любое время любому грамотному человеку воспроизвести забытый текст. Но одновременно чтение в одиночку лишило людей радости и эффек-

тивности общения с учителем или сочинителем. Телевизоры, магнитофоны, проигрыватели (опять же при громадной прогрессивности и массовости их) усилили эту тенденцию к уединению. (Ср. подобную двойственность программированного обучения.) Некоторой компенсацией служит всеобщая телефонная связь, имеющая тенденцию превращаться в видеотелефонную. Однако это лишь паллиатив, не способный полностью восстановить прямые, беспосредные человеческие связи.

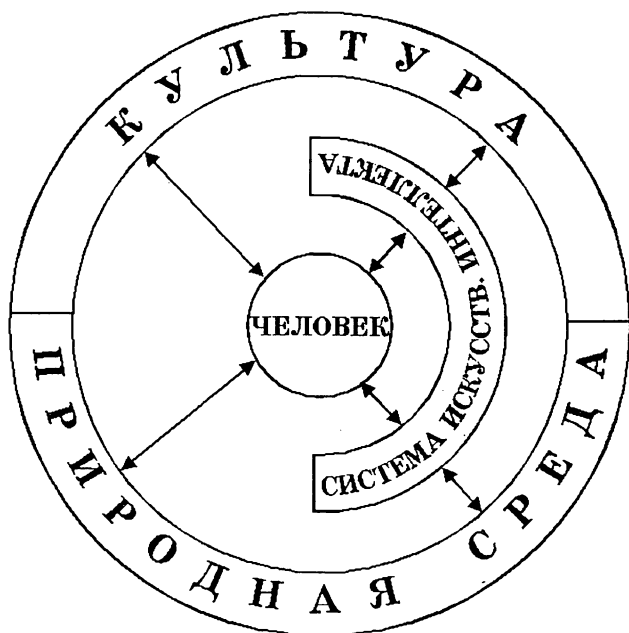
4.0.2. С другой стороны, нарастание культурной семиотичности, наращивание над первичным слоем жизни вторичных, третичных и т. д. уровней метакультуры ещё больше вытесняет из быта внесемиотические формы коммуникации, в том числе и общение человека с человеком и природной средой.

4.0.3. Обе тенденции вызывают в человеке эмоции, которые можно назвать «комплексом блудного сына»: острое, яркое переживание возвратов к общественным контактам, к природе и т. п.

4.1.0. Одним из действенных способов компенсации неравновесного состояния, т. е. способов увеличения доли внезаковых коммуникаций, является общение с искусством. Искусство представляет собой семиотическую систему, но содержит в себе и явно, и потенциально первичные внезаковые структуры и элементы жизни, и воспринимающий художественное произведение всегда соотносит вторичное и первичное (ср. в кинематографе принципиальное использование соотношения знаков и «всамделишной» жизни для диалектической «игры» и взаимозамены). Какими бы метауровнями ни надстраивалось такое произведение, они непременно будут соотноситься с «низшими», вплоть до внесемиотических (возможно, само появление искусства на ранних стадиях развития культуры было связано с необходимостью компенсации потерь при переводах с одного текста или языка на другой, а именно искусство, благодаря парадоксальной неисчерпаемости информации, умении даже шум превращать в информацию и т. д., способно компенсировать потери и давать всеобъемлющую соотнесенность аспектов и уровней).

4.1.1. В свою очередь изучение таких соотношений одновременно с изучением самой многоуровневой структуры художественных текстов может многое дать для усложнения и эффективности ИИ. Использование в программе ИИ как порождающих, так и аналитических моделей искусства даст ИИ чрезвычайно гибкую вариативность и многоканальность при достаточно компактном количественном объеме, а способность соотносить знаковые системы с первичными факторами приблизит возможность ИИ к признакам, принадлежащим произведениям искусства, следовательно, окажет человеку действенную помощь в его борьбе за естественность и вариативность существования, за творческое развитие социальных и природных связей.

4.2.0. Место искусственного интеллекта в системе культуры можно представить с помощью следующей диаграммы:

Внешнее кольцо состоит из двух частей — природной и искусственно созданной среды, культуры (различ-

ного технологического оборудования и духовных ценностей). Человек имеет возможность непосредственно взаимодействовать как с природной средой, так и с технологическим оборудованием, но все больше это непосредственное общение заменяется опосредованным с помощью устройств внутреннего полукольца, которое включает в себя различные информационные средства, хранилища информации, архивы, библиотеки, произведения искусства, вычислительные машины и т. д. По нашему мнению, искусственный интеллект и есть это полукольцо, которое имеет четкую тенденцию к расширению и развитию. В условиях ограниченных ресурсов, стремясь максимально удовлетворить свои потребности и — более того — сформировать эти потребности в соответствии с возможностями окружающей среды, человечество информационно объединяет свои ресурсы, что и приводит к возникновению системы искусственного интеллекта как метамеханизма культуры. Отдельные подсистемы искусственного интеллекта существовали давно — они стали оформляться в связи с возникновением письменности. Появление книгопечатания было мощным толчком в динамике этих подсистем. Развитие средств связи и вычислительной техники — новая фаза искусственного интеллекта, когда эта система приобретает возможности все более активного воздействия на механизм культуры в целом и на развитие каждой человеческой индивидуальности в отдельности.

Изучение искусственного интеллекта как метамеханизма культуры является задачей первостепенной важности.

Библиография

1. Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры: Вып. I-II. Тарту, 1970–1973.
2. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф — имя — культура // Труды по знаковым системам: Вып. 6. Тарту, 1973. С. 282–284.
3. Игнатъев М. Б., Кулаков Ф. М., Покровский А. М. Алгоритмы управления роботами-манипуляторами. Л.: «Машиностроение», 1972.
4. Nilson N. I. Artificial Intelligence//Proceedings of IFIP-74. Stockholm, 1974. 4. P. 778–801.
5. Воронов А. А., Игнатъев М. Б., Мясников В. А. Адаптивные роботы и среда // VI Всесоюзное совещание по проблемам управления: Рефераты докладов. Т. II. М., 1974. С. 103–106.

Т. Д. Кузовкина
Тарту

Тема смерти в последних статьях Ю. М. Лотмана

В три последние года жизни изменились не только жанр, тематика и стиль статей Ю. М. Лотмана, но и сам способ его работы: Юрий Михайлович диктовал тексты секретарям¹ (книга «Культура и взрыв» (М., 1992) — его первая надиктованная большая работа). Чаще всего статья рождалась из замысла, записанного ночью самим Ю.М., или продиктованного им как «заготовка на завтра». 7 октября 1993 года в больнице Ю.М. собрал свои последние статьи в сборник. (Объем его — приблизительно 200 страниц компьютерного набора.)² Основные темы сборника — это предсказуемость и непредсказуемость в исторических и культурных процессах, механизмы случайности, роль искусства как мастерской непредсказуемости, философское осмысление смерти.

Сборник должен был открываться общетеоретическим предисловием («Моноструктуры и бинарность»), рассматривающим культуру как особый объект описания и трудности, возникающие при анализе ее реального функционирования. Вообще теоретические работы первой части сборника тематически является продолжением монографии «Культура и взрыв». По-прежнему в центре внимания Юрия Михайловича глобальные исторические и культурные процессы, в развитии которых чередуются периоды предсказуемости и непредсказуемости. Анализ художественного текста или вспомнившегося автобиографического эпизода ведет к глубоким философским размышлениям над основными проблемами бытия. Историко-литературные статьи второй

части сборника посвящены творчеству Баратынского, Пушкина, Жуковского, Блока. Последней большой работой Ю. М. стала статья о реализме Гоголя. Особое место в сборнике должны были занять «Листки из черновика», состоящие из небольших заметок, недописанных статей, неиспользованных замыслов. Сам Юрий Михайлович весьма скептически относился к этой части сборника и считал, что «Листки» необходимо снабдить названием: «Из архива сумасшедшего семиотика» и следующим предисловием: «Перебирая бумаги, накопившиеся у меня в одном из ящиков, куда я откладывал все то, что не знал куда отложить, и чем подробнее заниматься мне не было ни времени, ни охоты (наиболее нелепые отрывки своих собственных мыслей или выписки, сделанные в разное время из давно позабытых источников — обычно я сопровождаю выписки точными библиографическими адресами, но иногда я этого не делал по небрежности или отсутствию времени), я натолкнулся на забытый пакет. В нем находились обрывки бумаг одного, давно умершего молодого человека, которые были мне переданы его другом, не знавшим, что с ними делать. Вот из этого ящика, где образовался некий склад, я и извлек эти отрывки, иногда совершенно не связанные друг с другом».

Наряду с основными темами сборника большое место в «Листках» занимают размышления Ю.М. о понятии пустоты и анализ мифологических моделей описания мира.

По замыслу Лотмана, сборник должен был завершаться общетеоретической статьей «В ожидании языка. Накануне взрыва», подводившей некоторые итоги и одновременно ставящей под сомнение его теоретические размышления последних лет. «Настоящее время болезненно немотствует и ищет свой язык. Может быть, оно найдет его вообще не в искусстве или же в каких-либо принципиально новых формах художественного творчества», — заключает Юрий Михайлович.

Почему именно тема смерти выделяется нами в позднем творчестве Ю. М. Лотмана?

Можно сказать, что три года, прожитые Юрием Михайловичем после кончины его жены, профессора

Зары Григорьевны Минц, были годами непрерывной борьбы со смертью, приближение которой он так остро чувствовал, о которой много думал и говорил.

Завершая сюжет своей жизни, Ю. М. ни в чем не отступал от идеала поведения Человека-интеллигента, выработанного русской культурой XIX века и так хорошо известной ему как исследователю. Юрий Михайлович часто сам являлся иллюстрацией к описываемым им культурно-поведенческим кодам. Осознанно выстраиваемый сюжет собственной жизни все время подсвечивался светом других сюжетов. Это проявлялось на разных уровнях.

Так, Ю. М., которого невозможно было представить в неухоженном, незелантном виде, неоднократно повторял и цитировал в последних статьях восторженное описание Л. Н. Толстым жены Петра Ивановича Лабазова, возвратившейся из ссылки вместе со своим мужем-декабристом: «Нельзя было себе представить ее иначе, как окруженную почтением и всеми удобствами жизни. Чтоб она когда-нибудь была голодна и ела бы жадно, или чтобы на ней было грязное белье, или чтоб она спотыкнулась, или забыла бы высморкаться — этого не могло с ней случиться. Это было физически невозможно» («Декабристы»).

Происходил своеобразный обмен: история и литература давали материал для анализа, анализ же, в свою очередь, менял в чем-то жизнь самого исследователя. Механизм подобного обмена тоже становился предметом осмысления и описания.

Тот поведенческий идеал, воплощение которого стало нормой для Лотмана, обязательно включал в себя постоянно присутствующее ощущение взгляда со стороны, что не мешало, а как-то, наоборот, удивительным образом способствовало неподдельной человеческой искренности и обаятельности Ю. М. в общении.

В последние месяцы и дни, подвергая почти все сомнению и переосмыслению, Юрий Михайлович говорил и о построении своего поведения. В один из самых трудных дней в больнице он, усмехаясь, сказал: «Вот теперь я, друг мой, должен был бы говорить какие-то высокие слова, но не получается». Осмысление своего

поведения, некая отстраненность от себя самого, были особенностями Лотмана, видимо, с самого раннего возраста. В этой связи характерен забавный эпизод, который Юрий Михайлович, смеясь, рассказывал в больнице: «А еще мне вспомнилось, как я лежу дома в комнате родителей за печкой, а Ляля³ заболела. Вызвали скорую помощь, вообще все ужасно, а я выставил ноги в глиняных панталонах и думаю: "Какой у меня значительный вид! Как у взрослого!" Мне казалось, что это очень величественно. Никто, конечно, не заметил ни моих панталон, ни позы, но это было очень важно почему-то».

К своему позднему творчеству Ю. М. относился весьма скептически. Он постоянно сомневался в том, хорошо ли то, что он сейчас диктует, имеет ли это какой-то научный смысл? Перед началом ежедневной работы он любил повторять: «Знаете, что со мной будут делать в аду черти? <...> Они будут с утра до вечера читать мне мои сочинения». Иногда сомнения в смысле доходили до смешного. Надо сказать, что многие из тех, кто вдруг понимал, что наконец-то придумал теорию, которая спасет мир от всех проблем, считали своим долгом писать или звонить Лотману. Однажды нам довелось читать вслух (это входило в обязанности секретарей) присланное Юрию Михайловичу сочинение явно сумасшедшего автора. После этого чтения мы вернулись к очередной теоретической статье Ю. М. Я прочитала вслух начало, а он, засмеявшись, сказал: «Мы говорим, что этот человек сумасшедший, а он почитает мои статьи и скажет про меня то же самое».

Подвергая сомнению смысл и научную ценность написанного, Юрий Михайлович безусловно положительно относился к *необходимости* работы, преодолению немоги, старости, боли, смерти усилием воли, творческим порывом, *рождением мысли*. Он буквально оживал, работая. Когда мы приходили к Ю. М., мы видели старого не по годам, больного, утомленного бытовым неустройством человека. Потом начиналась работа. Юрий Михайлович диктовал и оживал одновременно. Вдохновение приносило смысл даже в быт. Начинались остроты, борьба с печкой и приготовление

обеда казались совсем не трудными занятиями. Когда мы уходили, Ю. М. был одушевлен, полон сил и жизненной энергии. На какое-то время отступали болезни и смерть.

Не ставя перед собой задачи делать глобальные обобщения общетеоретического характера, вернее, оставляя это право другим, нам хотелось бы «проследовать за мыслями» Ю. М. Лотмана о смерти в его работах 1991—1993 годов.

Можно выделить следующие основные ступени развития этой темы в его поздних статьях:

1) определение понятий неподвижности, небытия, пустоты; (мы бы назвали это попыткой осмыслить смерть на некоем метатеоретическом уровне, уровне философских, понятийных абстракций)

2) осмысление жизни и смерти на биологическом уровне;

3) определение понятия индивидуальности как необходимого звена в осмыслении проблемы жизни/смерти;

4) связь жизни и искусства.

Среди поздних статей есть и философские размышления на эти темы, но чаще они связываются с анализом творчества того или иного писателя.

Мир, лишенный динамики и движения, становится темой многих поздних замыслов Ю. М.

Так, в больнице Юрий Михайлович диктует статью под названием «Пустота как фундаментальная проблема» (позже он помещает эту статью в «Листки из черновика»), основные положения которой сводятся к следующему:

1) «Как мифология, так и наука начинаются с постулирования пустого пространства (или пустого времени); только в этих условиях мир получает возможность движения. (Кстати, поэтому идея движения сливается так часто с идеей разрушения, то есть регенерацией пустоты)»

2) «Возникает существенный вопрос: необходимость определения самого понятия «пустое пространство». Обычно мы довольствуемся представлением о том, что пустота — это нечто неопишываемое средствами принятого нами языка. Естественно поставить вопрос: что

представляет собой не описываемое средствами никакого языка и как должен выглядеть язык, не способный ничего описать».

3) «До сих пор одним из наиболее фундаментальных вопросов науки был такой: чем заполнена вселенная. Сейчас, вероятно, не менее актуальна другая формулировка: "А что такое вселенная, не заполненная ничем?" <...> Пустота становится основой еще не использованного резерва науки».

4) «<...>описание разнообразных философских систем следовало бы начинать с изложения их модели пустоты.<...> Удобно излагать истории идей не как непрерывную цепь концепций, а как описание представлений о пустоте».

В данном случае лотмановский термин «пустота» означает то, что существует вне и помимо индивидуального сознания. «Пустота — то, что существовало до творческого акта и что сохранится после его гибели».

В книге «Культура и взрыв» (Лотман 1992 а: 248 — 256) в главе «Конец! как звучно это слово...» (эта глава является сокращенным вариантом статьи «Смерть как проблема сюжета» (Лотман 1993: 248 — 250) Ю. М. рассматривает проблему смерти на уровне биологии: «Первая ступень рассматриваемого нами аспекта реализуется в сфере биологии как проблема размножение — смерть. Непрерывность процесса размножения антитетически связана с прерывностью индивидуального бытия». На этом уровне Лотман выделяет глубокое противоречие «между лежащим вне категории жизни и смерти генетическим кодом и индивидуальным бытием организма». Однако на биологическом уровне противоречие это не осознаваемо никем и не является предметом трагического переживания. В природе смерти нет.

В «Замысле о творческом начале смерти» мы находим следующее определение темы смерти у Толстого: «"Три смерти" у Толстого: чем человечнее, тем смертельнее. Самая смертная — это псевдоцивилизация. Среднее — крестьянская жизнь: человеческая, но включенная в законы природы. В природе — нет смерти. Для Толстого, вопрос смерти — вопрос слитости/неслитости с природой».

В неопубликованной статье «В ожидании языка. (Накануне взрыва)» Юрий Михайлович подробно останавливается именно на моменте перехода от биологического уровня на более сложный: «В основе жизни лежит борьба за выживаемость. Стремление к выживаемости составляет скрытый фундамент всего органического существования».

Уже на этом уровне Юрий Михайлович выделяет два типа отношения к реальности.

С одной стороны, реальность представляется «как нечто стабильное, лежащее над вариативностью, некая константа, к которой должна приспособливаться жизнь, также ориентируемая на стабильность».

С другой стороны, «реальность представляется как бесконечный поток вариантов, основным стабильным признаком которого является нестабильность. В этом аспекте устойчивость жизни определяется подвижностью ее вариативности, гибкостью ее форм». В последовательной цепи все более усложняющихся механизмов «понижается степень взаимозаменяемости и повышается уровень индивидуальности. Этот процесс осциллирования между простотой, взаимозаменяемостью, отсутствием индивидуализации в поведении и памяти, с одной стороны, компенсируется, с другой стороны, многофакторностью, функциональным усложнением, заменой коллективной памяти индивидуальной и предсказуемого, заложенного в памяти поведения поведением, отвечающим неожиданностям обстоятельств окружающей среды».

В статье «Ожидание языка» Юрий Михайлович подробно анализирует момент перехода сознания к осмыслению конечности своего существования и пониманию его трагичности.

«Критерием перехода является отмеченность понятия «смерть». Появляясь одновременно с категориями прерывности, она (отмеченность. — Т. К.) влечет за собой длинную цепь совершенно новых структурных явлений, таких как продолжение рода, выживание, коренная трансформация самого понятия памяти».

«С появлением индивидуальности биологический процесс становится трагичным по самой основе своей

природы». Иллюстрацией такого понимания трагичности жизни может служить лотмановский анализ стихотворения Мандельштама «Ламарк» (статья «Ожидание языка». — Т. К.). В этом стихотворении «эволюция представляется как болезненное явление, страдание материи, плата, которую жизни пришлось внести за вступление на принципиально чуждый ей путь прогресса». В основе стихотворения, по мнению Юрия Михайловича, «лежит мысль Беме о болезненности процесса жизни, <...> о человеке и создаваемой им цивилизации как чуждой природе болезни.

И от нас природа отступила —
Так, как будто мы ей не нужны».

«<...> Точка зрения Мандельштама совершает путь обратной эволюции до полного растворения в природе. А сама природа, с этой точки зрения, предстает как некая неподвижная безмолвная сущность, равная себе самой». Ю. М. связывает философию природы Мандельштама с традицией русского руссоизма и, в частности, с представлениями о человеке и природе Льва Толстого.

Частным проявлением противоречия между генетическим кодом и индивидуальным бытием организма является другое — «между бесконечностью жизни как таковой и конечностью человеческой жизни».

Интересно, что именно это противоречие выделяется Ю. М. при анализе им творчества Баратынского. В статье «Баратынский. Два лица смерти» Юрий Михайлович подробно останавливается на анализе темы смерти в творчестве Баратынского. Во-первых, в творчестве Баратынского Лотман выделяет две концепции смерти:

- 1) поворот к возрождению в циклических процессах;
- 2) для человека с его линейным развитием — конец.

По сути дела, для Баратынского это вопрос о соотношении циклического и линейного».

«<...> для Баратынского между творчеством природы и человека заключается глубокое различие. Творчество природы — зерно, которое, следуя евангельскому образу, если не погибнет, то и не возродится. Творчество человека уникально по своей природе, и завершающая

его гибель — гибель окончательная, последнее и не подлежащее апелляциям и жалобам решение. Этот же вопрос можно было бы переформулировать как противопоставление уникального (неизбежно таящего в себе смерть) и многократного, являющегося основой непрерывности жизни».

Как замечает Ю. М., у Баратынского циклическое противопоставлено линейному, возрождение — концу, повторяемость — уникальности.

Далее Юрий Михайлович делает следующее обобщение: «По сути дела, у Баратынского был единственный враг: энтропия. Стабильное, лишённое различий выравнивание бытия в некоей единоуровневой неподвижности — вот такой, застывший на нуле мир, и был творческим кошмаром Баратынского. Ему противостояли и бытие, как накопление, рывок творческих сил жизни, и смерть, как провал в небытие, но провал оформленный, не безликое выравнивание, а негативное творчество — разбег перед новым рывком в бытие. Поэтому смерть для Баратынского — не пустота, а перевернутое отражение жизни: она содержит в себе все то, что жизнь может выдать как реализацию. Поэтому смерть, по сути дела, — форма бытия, разбег перед жизнью, а жизнь — непрерывная реализация смерти».

В статье «Две осени» Лотман углубляет это зеркальное противопоставление жизни и смерти в творчестве Баратынского: «Жизнь для Баратынского конкретна и поэтому наделена полнотой окраски. Смерть — состояние негативное — отсутствие жизни, признаком ее является отсутствие признаков "бесцветность", "немота", "слепота", "глухота"» (Лотман 1994: 401).

Именно это отсутствие признаков интересует Ю. М. и в стихотворении Блока «Статуя», которое он анализирует в статье «Блок и Беме». Отмечая, что одной из доминирующих особенностей поэтики Блока является ее динамизм, Юрий Михайлович обращается к уникальному в этом смысле стихотворению, которое говорит не об оживлении, а о застывании. Анализируя лексический уровень стихотворения, Лотман приходит к выводу о том, что «движение становится движением *навсегда*, то есть недвижимостью. <...> Признаки превращаются в

вещи. Они получают вес, неподвижность. Мы входим в мир вечного спокойствия, в мир Якоба Беме».

Беме неоднократно появляется в поздних статьях Ю. М., для которого интересно, что Беме отождествлял движение со страданием и писал, что движение — это Qwal (страдание) материи.

Интерпретация стихотворения «Статуя» Блока связана с представлением Лотмана о том, что в предсимволистскую и символистскую эпохи многие произведения искусства посвящены описанию мира, «лишенного динамики, освобожденного и от трагизма жизни, и от трагизма смерти».

Так, например, он замечает, что изменяется тема кладбища. «Кладбищенская тема из символа непрочности и бренности, разрушения, то есть негативного движения от небытия к бытию превращается в тему вечного сна, остановленного движения».

Смысл противоречия между бесконечностью жизни и конечностью человеческого существования Ю. М. раскрывает через категорию индивидуального сознания, пытающегося осмыслить смерть, понять ее. Смысл и понимание, «жизнь как таковая» и индивидуальность, живущая и мыслящая, соединяются в некоем понятийном единстве. (Интересно в этой связи частое цитирование Юрием Михайловичем пушкинских «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы», в которых он выделял связь смысла и понимания:

*Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...)*

Для того, чтобы понять смерть, необходимо понять жизнь, и прежде всего определить самого «субъекта» жизни.

«Понятие жизни неотделимо от образа живущего существа, а это последнее требует высокого уровня самосознания и с большим трудом поддается формальному определению. По сути дела здесь остается удовлетвориться формулой: "живое существо — это существо, считающее себя живым"».

«Понятие индивидуальности одновременно оказывается и исходной точкой, и завершающим пунктом

идеи жизни. Такое положение вряд ли удовлетворит логика, хотя и может опереться на эмпирическую реальность» («Пустота как фундаментальная проблема»).

Осмысление смерти в «Культуре и взрыве» также построено на стремлении установить связь между пониманием жизни и смерти и смертью как некоей объективной данностью.

Противоречие между бесконечностью жизни и конечностью индивидуального существования «с того момента, как индивидуальное бытие превращается в бытие сознательное (бытие сознания) <...> из характеристики анонимного процесса превращается в трагическое свойство жизни».

Само понятие смерти связывается с осмыслением пространства жизни и дается через понимание ее индивидуальным человеческим сознанием: «Поведение человека осмысленно. <...> Осмысление связано с сегментацией недискретного пространства». Далее Юрий Михайлович продолжает: «Начало-конец и смерть неразрывно связаны с возможностью понять жизненную реальность как нечто осмысленное».

Отсюда Лотман делает очень важный для его концепции вывод о связи искусства и жизни. «Обычный процесс осмысления действительности связан с перенесением на нее дискретных членений, в частности, литературных сюжетов». В статье «Пустота как фундаментальная проблема», определив важность идеи индивидуальности, ее неповторимости для осмысления общих основ бытия, Юрий Михайлович делает следующий шаг: «В этом отношении изучение художественного акта приобретает глубокий смысл. С этой точки зрения философия искусства перестает быть факультативным пространством, привлекающим внимание лишь ограниченного круга эстетов: она становится одним из центральных пунктов общей теории структуры мира».

Таким образом, для того, чтобы понять значение темы смерти в литературе и (шире) в искусстве вообще, Лотман одновременно определяет, что такое пустота, небытие, отсутствие признаков вообще, затем вводит определение смерти как биологического явления, после чего переходит к анализу понимания смерти в культуре.

Осмывая смерть с разных сторон, он связывает язык описания и описываемое явление, анализируя в то же время саму эту связь.

«Искусство и жизнь — явления, настолько тесно связанные друг с другом, что понять одно без другого, видимо, практически невозможно» («Пустота как фундаментальная проблема»).

В нескольких последних статьях Ю. М. Лотман останавливается на анализе творчества тех писателей, для которых противоречие/единство искусства и жизни было особенно актуально. Так, в статье «Баратынский. Два лица смерти» Юрий Михайлович выделяет характерное для Баратынского стремление привнести организацию в жизнь: «Вариативность, возможность видеть мир и говорить о нем принципиально немонологически — основное свойство жизни. Однако в этом противопоставлении жизни и искусства выступает и другая сторона: жизнь хаотична, искусство подчинено строгой организации. Перенос организации в жизнь, мы как бы превращаем ее в художественное творчество.

И поэтического мира
Огромный очерк я узрел,
И жизни даровать, о лира!
Твое согласие захотел».

(«В дни безграничных увлечений»)

В этом отношении особый интерес представляет последняя статья Ю. М. о Гоголе (продиктованная им в больнице). Уникальность творческого гения Гоголя состоит в том, что «только превращенная в страницы рукописей или книг действительность становится для Гоголя реальностью. Гоголевский текст — не исписанная тетрадь, а огромное число противоречащих друг другу, но в равной степени реальных вариантов. <...> Если бы потребовалось коротко определить сущность того, что обычно называют реализмом Гоголя, то точнее всего было бы предложить формулу "неисчерпаемый запас возможностей жизни"».

Именно с этой творческой особенностью связывает Юрий Михайлович и жизненную трагедию Гоголя. «Гоголь верил, что он не «изображает», а творит мир. Отсюда источник одной из его важнейших трагедий.

Молодой Гоголь верил, что, изображая зло, он его уничтожает. <...> То, что в романтической литературе часто фигурировало как метафора, для Гоголя превратилось в реальность. Он возложил на свои плечи создание мира и испугался того, что сам создал. Когда же, согласно замыслу, рядом с ужасным миром должен был быть создан другой — прекрасный, Гоголь почувствовал, что волшебное свойство создавать то, чего еще не было, его покинуло. Тогда творчество превратилось в преступное умножение зла. Гоголь имел смелость принять на себя эту ответственность, но ему не хватило сил ее выдержать».

Юрий Михайлович, определяя место проблемы смерти в системе культуры («Линейное построение культуры делает проблему смерти одной из доминантных в системе культуры» — «Культура и взрыв»), выделяет следующие «способы» осознания, понимания смерти:

1) «В сфере культуры первым этапом борьбы с "концами" является циклическая модель, господствующая в мифологическом и фольклорном сознании». Идею цикличности породила «необходимость примирить недискретность бытия с дискретностью сознания (и бессмертность природы со смертностью человека)».

2) «Религиозное сознание — путь преодоления смерти "смертию смерть поправ"».

3) Примирение со смертью. «Основа примирения со смертью — <...> ее естественность и независимость от воли человека». В основе такого отношения «возможность ссылки на естественные законы природы и на непосредственное, свободное от теорий чувство», присутствующее, например, Фальстафу, чью речь Лотман приводит как пример такого взгляда.

4) «Позиция, противоположная фальстафской, реализуется в культуре как апология героизма, находящего свое крайнее проявление в героическом безумии». Героическое безумие — предмет внимательного изучения Юрия Михайловича (вспомним, например, берсерков, о которых он неоднократно говорил на своих последних спецкурсах, им посвящена и отдельная глава «Дурак и сумасшедший» в «Культуре и взрыве»).

5) «Особой формой победы над смертью и преодоления ее является самоубийство». Самоубийство как культурное явление также неоднократно становилось темой исследования Лотмана (см., например, главу «Итог пути» в «Беседах о русской культуре» с анализом самоубийств Радищева⁴ и русского Вертера — Опочинина и т. д.).

6) Для Лотмана важна была и другая форма преодоления смерти, которую можно определить словами, часто цитировавшимися самим Юрием Михайловичем: «погиб, исполняя свою по службе должность». Здесь вспоминается его вступительное слово на конференции 1989 года «Великая Французская революция и пути русского освободительного движения», в которой он говорил о смерти Н. Я. Эйдельмана, умершего, выходя из архива, смерти Д. С. Самойлова сразу же после речи, произнесенной на вечере, посвященном памяти Б. Пастернака, и смерти Р. Н. Блюма в коридоре Тартуского горсовета во время одного перестроечного заседания⁵.

В неопубликованной статье «О стихотворении Жуковского "Покойнику"». Юрий Михайлович показывает, как у Жуковского происходит «оживление» умершего Пушкина, «"я" которого растворяется в некоей непоименованной высшей деятельности. <...> Отдельная личность делается сопричастной божественному началу мира. Таким образом, стихотворение охватывает путь от личности, обозначаемой местоимением «он» и проходящей через жизнь и смерть к безличностному, высшему бытию».

В статье «Две осени», анализируя отрывок Пушкина «Осень», Лотман отмечает, что с образом чахоточной девушки в стихотворение вводится тема смерти. «Однако для Пушкина смерть — не последняя точка в движении жизни. Продолжение его — в поэзии. Именно она открывает дорогу в будущее. Поэтому смерть — не конечная точка стихотворения. Оно заканчивается образом открытого и свободного движения, переходом из сна («Так дремлет недвижим...») в динамический порыв:

Громада двинулась и рассекает волны.
Плывет! — Куда ж нам плыть?..»

Нам кажется, что особую значимость (в том числе и автобиографическую) имеет следующий вывод, сделанный Юрием Михайловичем о творчестве Пушкина: «Одна из основных особенностей взгляда Пушкина на искусство заключается, в частности, в том, что оно для него никогда не является *средством*, употребляемым для пусть даже высокой, но внеположенной цели. Но одновременно оно не может характеризоваться само-достаточностью, то есть не может сближаться с идеалами "искусства для искусства". Этот последний превращает пространство искусства в нечто более узкое, чем пространство жизни. Между тем, для Пушкина подобно тому, как в топологии подобие есть тождество, искусство *подобное* жизни принципиально располагается в одном ряду с действительностью. Эти явления все время подменяют друг друга и во взаимной игре оказываются одним и тем же и принципиально разным».

В одной из записей «Листков из черновика» есть следующий вывод: «Только в момент обретения искусства человек становится реальностью».

Реальность жизни для самого Юрия Михайловича была прежде всего реальностью творчества. Теоретические размышления во многом обуславливались собственным поведением, и, наоборот, собственное поведение складывалось под влиянием написанного и обдуманного. Где-то на пересечении этих двух взаимовлияющих тенденций складывался феномен личности ученого, изучение творчества которого только начинается.

Примечания

¹ С 1990 года секретарями Ю. М. Лотмана работали В. И. Гехтман и автор этих строк.

² Тексты последних статей Ю. М. Лотмана готовятся к изданию в одном из томов Собрания его сочинений, работу над которым (под руководством М. Ю. Лотмана) ведут сотрудники кафедры русской литературы и семиотики Тартуского университета при финансовой поддержке Института мировой культуры Московского государственного университета.

³ Виктория Михайловна Лотман — старшая сестра Ю. М. Лотмана.

⁴ См. подробный анализ отношения Радищева к смерти в статье «Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века» (Лотман 1992б).

⁵ См. анализ пушкинского отзыва о «высокой», «исторической» смерти В. Л. Пушкина в статье «Сцена и живопись как кодирующие устройства культурного поведения человека начала XIX столетия» (Лотман 1992в).

Библиография

Лотман 1992а — Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.

Лотман 1992б — Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века//Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3-х т. Таллин, 1992. Т.2. С. 134–158.

Лотман 1992в — Лотман Ю. М. Сцена и живопись как кодирующие устройства культурного поведения человека начала XIX столетия//Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3-х т. Таллин, 1992. С. 287–295.

Лотман 1993 — Лотман Ю. М. Смерть как проблема сюжета//Сборник материалов конференции «Русская культура: Структура и традиция»: (Кил, Великобритания, 2–6 июля 1992 года)//Studies in Slavic Literature and Poetics. Vol.XX: Literary Tradition and Practice in Russian Culture. Amsterdam: Atlanta, 1993.

Лотман 1994 — Лотман Ю. М. Две «Осени»//Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 394–406.

Л. Н. Столович
Тарту

Юрий Михайлович шутит

Юрий Михайлович Лотман стал легендарной личностью задолго до своей кончины. Сейчас его имя можно встретить, не говоря уже о научной литературе, в которой он признан классиком, и в стихотворении, и в романе, и, конечно же, в публицистике. Эта легендарность, при всей её значимости и справедливости, таит в себе одну опасность: человек-миф утрачивает живые человеческие черты. А Юрий Михайлович обладал этими чертами в высшей степени. Может быть, особенно это проявлялось в его отношении к юмору. Он был необычайно остроумным человеком. Его остроумие было органичным, оно прорывалось в различных ситуациях, подчас отнюдь не веселых. Но, как однажды заметил Зиновий Паперный, это не правда, что юмор нам помогает жить. Юмор помогает выжить. Помогал он в этом и Лотману. Вместе с тем, в его юморе был заряд удивительного чувства жизни и критического отношения к тому, что этого заслуживает.

Мне посчастливилось знать Юрия Михайловича четыре десятилетия, и среди того, что сохранилось в памяти, имеется несколько эпизодов, которые высвечивают его и без того светлую личность с необычной стороны. Впрочем, если бы он услышал о себе словосочетание «светлая личность», он был не преминул пошутить. К себе он относился тоже шутливо. В его талантливых рисунках преобладают автошаржи. Однажды, придя к нему, я увидел иронический автопортрет, изображенный... повешенным на веревке, другой конец которой был прикреплен через перекладину к

большой плите. И надпись: «Повесился на Блоке». Крупнейшая специалистка по творчеству Блока незабвенная Зара Григорьевна, озорно улыбаясь, разводила руками...

Я прошу прощения у читателя, что в рассказываемых мною эпизодах присутствует и автор этих строк. Просто я пишу о том, чему сам был свидетелем, а порой и как «provokator» лотмановской шутки.

«Вопросы философии»

1956 г. Юрий Михайлович послал в журнал «Вопросы философии» статью о Радищеве. Я тоже в этот же журнал послал свою статью. Когда мы встречались, то обменивались информацией, пришел ли ответ из редакции. Его долго не было. Однажды Юрмих меня утешил:

— Это же «Вопросы философии», а не ответы!

Процесс есть процесс

1966 г. «Оттепель» сменили заморозки. В Москве судят писателей Синявского и Даниэля. До Тарту волна пока не докатилась. Летом благополучно состоялась вторая «летняя школа» по семиотике. Но новая у нас отрасль знания начинает вызывать повышенный интерес у литературоведческих ортодоксов: появляется новый идеологический противник. Однако прежнего единодушия нет. И среди филологов, и даже философов немало тех, кто сочувствует методологическим поискам «Тартуской школы». Меня пригласили оппонировать в Ленинградском университете философскую диссертацию «Художественный образ как процесс», в которой автор солидаризуется со взглядами Ю. М. Лотмана на знаковую природу искусства. Рассказываю об этом Юрию Михайловичу.

— Как называется диссертация? — спрашивает он.

— «Художественный образ как процесс».

— Это что, о Синявском?

Пророческая шутка

Конец 60-х гг. Мой минский коллега Н. И. Крюковский прислал мне свои тезисы о системе эстетических категорий и просил показать их Ю. М. Лотману. И вот я иду к Юрию Михайловичу за ответом и застаю его

гостей — Бориса Андреевича Успенского и Александра Моисеевича Пятигорского. Хозяин и гости собирались выйти в город. Идем мы по улице Кастаны и я спрашиваю Юрия Михайловича о переданных ему тезисах.

— Прощу меня простить, — говорит Юрий Михайлович, — но я их куда-то задевал. Всё чего-то пропадает.

— Не беспокойтесь, Леонид Наумович! — утешает меня Успенский. — Я посмотрю у себя. Когда Юрий Михайлович посылает мне письмо, он обычно вкладывает в конверт всё, что лежит у него под рукой.

Юрий Михайлович виновато-хитровато усмехается в усы и замечает:

— Такой, знаете, беспорядок! Не знаешь, что где лежит. Надо, наверно, попросить произвести обыск!

Все весело засмеялись и согласились, что без обыска не найти нужные бумаги...

Но через некоторое время обыск на квартире у Лотмана действительно состоялся.

«Нашел пятак...»

Лето 1972 г. Валгеметса. Я приехал из Тарту и привез свежий номер «Литературной газеты». В этом номере от 9 августа 1972 г. было напечатано «открытое письмо» верноподданного партийного публициста Александра Кривицкого в западногерманскую газету «Дер Тагесшпигель», в котором гневно разоблачаются утверждения немецкого журналиста Вольфганга Крауса о том, что в Советском Союзе нет свободы слова и мысли. В качестве примера такой «свободы» Кривицкий приводит «серию ученых записок Тартуского университета под общим названием "Труды по знаковым системам"». Эта информация явно предназначалась «на экспорт»: вот-де какая у нас свобода, публикуем работы и по семиотике, хотя «здесь многое еще спорно, далеко не все убедительно в равной мере». Кривицкий, разумеется, умалчивает, что по поводу зарубежных и отечественных структурно-семиотических исследований уже прозвучали руководящие окрики, появились разоблачительные статьи в столичных журналах, что каждая публикация стоит невероятных усилий, а в Тарту су-

ществовал далеко не типичный для всей страны оазис, на который после 1970 г. тоже надвигалась пустыня.

Спешу поделиться с Юрием Михайловичем, который в это время был в Валгеметса, публикацией в «Литературной газете». Он слушал напряженно, ожидая очередной удар по семиотике. Но когда узнал, что на этот раз его не поносят, а даже приводят «Труды по знаковым системам» в качестве положительного примера, брезгливо бросил:

— Фу, нашел пятак в говне!

Где место санитарного врача?

В середине 70-х годов по Москве поползли слухи, что Ю. М. Лотман собирается эмигрировать за границу. Такого рода разговоры, запускаемые официальными и неофициальными недоброжелателями, помогали ужесточить обстановку вокруг подозреваемого в «измене родине», ибо только так официально рассматривалось намерение уехать на Запад или Ближний Восток. Намеренно распускаемые слухи, даже если они были «дымом» без «огня», приносили немало вреда: мешали публикациям книг и статей, зарубежным поездкам, создавали соответствующую «репутацию» и т. п. (В Эстонии была популярна формула: «Ходят шлюхи»). Юрий Михайлович уже давно был «невыездной» и многочисленные приглашения на зарубежные поездки складывал в папку с надписью: «Письма к русскому путешественнику».

Слух в отношении эмиграции Лотмана казался тем более правдоподобным, что немало активных участников тартуских «школ» и конференций уже находились за рубежом. Приехавший в Тарту литературовед и культуролог Георгий Гачев, когда мы с ним пришли навестить Юрия Михайловича, решил проверить достоверность этих слухов и задал вопрос, что называется, «в лоб»:

— Юрий Михайлович, Вы не собираетесь уехать?

Ответ на него прозвучал такой:

— Видите ли, Георгий Дмитриевич, я занимаюсь русской культурой и мое место здесь. Место санитарного врача в бараке. Там, среди клумб, может, оно и приятней, но место — в бараке.

И как бы обосновывая свое понимание долга, Юрий Михайлович обратился к примеру из армейской жизни, памятной ему во время Отечественной войны:

— Вот поставили часового у склада, и он должен стоять. Что на складе, неважно. Может быть, снаряды. Может быть, говно. Но раз поставили, значит, нужно стоять.

Немецкая и русская бюрократия

Как-то, не помню уже, по какому поводу, Юрий Михайлович задался вопросом: «В чем состоит отличие между немецкой и русской бюрократией?» и следующим образом ответил на него.

— В Германии приказ, данный сверху, идет вниз до последней инстанции, которая его осуществляет. В России же ниспосланный сверху приказ спускается вниз, доходит до последней инстанции, а инстанция идет к бабе. — И помолчав, добавил. — Может в этом наше спасение.

Ретроспективная библиография

Русские книги гражданской печати XVIII в. в фондах научно-справочной библиотеки Российского Государственного Исторического Архива*

1779

178. Академические известия 1779—1781. Содержащие в себе историю наук и новейшие открытия оных. Извлечение из деяний славнейших академий в Европе, новые изобретения, опыты в естественной истории, химии, физике, механике и в относящихся к оным художествам... Ч. 2—8. /Спб/, при С.-Петербур. имп. Акад. наук, /1779—1781/.

Ч. 2. ...на 1779 год. Месяц май — август. 2, 1—433, 334—340 с.

Ч. 3. ...на 1779 год. Месяц сентябрь — декабрь. 2, 1—374, 4, 375—456 с.

Ч. 4 ...на 1780 год. Месяц генварь — апрель. 2, 548 с.

Ч. 5. ...на 1780 год. Месяц май — август. 2, 582 с.

Ч. 6. ...на 1780 год. Месяц сентябрь — декабрь. 2, 1—408, 2, 409—552 с.; 2 л. черт.

Ч. 7. ...на 1781 год. Месяц генварь — апрель. 2, 543 с.; 2 л. черт.

Ч. 8. ...на 1781 год. Месяц май — июль. 2, 544—942 с.; 1 л. план, 2 л. черт.

179. *Амилахвари, Александр Дмитриевич*. История георгианская о юноше князе Амилахорове с кратким прибавлением истории тамошней земли от начала до нынешнего века, которую рассказывает Усим купец

* Окончание; начало см. "Russian Studies". 1994. I. 1; 1995. I. 2.

анатолский сотоварищам своим между разными известиями. Переведена на российский язык И. С. Спб., печ. при Артиллер, и инж. кад. шляхетн. корпусе, у Х. Ф. Клезна, 1779. 4, 104, 2 с.; фронт. (портр.).

180. *Дильтей, Филипп Генрих*. Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, в челобитной и доказательстве судебном с Генеральным регламентом с уставом Главного магистрата, и с инструкциями городских магистратов, словесного суда, и гилдии, с Уставом же таможенным старым и новым с их конфирмациями и с инструкциею Коммерц-коллегии со всеми приличными вездѣ указами, сочиненное в пользу учащихя юриспруденции в Москвоском имп. университете. От Филиппа Гендриха Дилтея обеих прав доктора оных же и истории... /М./, печ. при имп. Моск. ун-те, 1779.

12, 1 – 152, 152 – 209 с.

181. Примерный стат области Колывано-Воскресенской разделенной на четыре округа, или уезды. /Утвержден:/ В Царском Селе мая 1 дня 1779 г. /Спб., 1779/. 10 с.

Конволют.

182. /Регламент Камер-коллегии/. /М., печ. при Сенате, июня 23 дня 1731/ /Спб., Сенатская тип./ /Не ранее 1779 г./ 42 с.

Конволют.

183. Стат Воронежской губернии состоящей из пятнадцати уездов, а именно: Воронежскаго, Задонскаго, Бобровскаго, Землянскаго, Нижне-Девичкаго, Бирюченскаго, Ливенскаго, Калитвянскаго, Валуйскаго, Беловодскаго, Купенскаго, Богучарскаго, Павловскаго, Острогожскаго и Коротояцкаго. /Утвержден/ В Санкт-петербурге сентября 26 дня 1779 года. /Спб., 1779/.

12 с.

Конволют.

2 экз.

184. Стат Курской губернии состоящей из пятнадцати уездов, а именно: Кургскаго, Белогородскаго, Обоянскаго, Старо-Оскольскаго, Рыльскаго, Путивильскаго,

Ново-Оскольского, Короченского, Судженского, Богатенского, Фатяжского, Щигровского, Тимского, Лговского и Дмитриевского. /Утвержден:/ В Царском Селе июня 6 дня 1779 г. /Спб., 1779/

12 с.

Конволют.

2 экз.

185. Стат Нижегородской губернии состоящей из тринадцати уездов, а именно: Нижегородского, Горбатовского, Арзамасского, Починковского, Ардатовского, Лукояновского, Сергачского, Перевозского, Княгининского, Васильевского, Макарьевского, Балахнинского и Семеновского. /Утвержден:/ В Санкт-Петербурге сентября 6 дня 1779 г. /Спб., 1779/.

12 с.

Конволют.

2 экз.

186. Стат Тамбовской губернии состоящей из пятнадцати уездов, а именно: Тамбовского, Шатского, Кадомского, Темниковского, Козловского, Лебелянского, Усманского, Новохоперского, Борисоглебского, Елатомского, Кирсановского, Моршанского, Спасского, Липецкого и Гваздынского. /Утвержден:/ В Санкт-Петербурге сентября 18 дня 1779 г. /Спб., 1779/

12 с.

Конволют.

2 экз.

187. Указы... имп. Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской, состоявшиеся с благополучнейшего вступления ее на Всероссийский императорский престол, с 28 июня, 1762 по 1763 год. Напечатаны по высочайшему е. и. в. повелению. Печатаны в Москве при Сенате 1763 года, а 3-м тиснением при имп. Академии наук, 1779 года. /Спб., при имп. Академии наук, 1779/.

176 с.

Конволют.

2 экз.

188. /Указы... имп. Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския, состоящиеся с 1765 июля 1го генваря по 1е число 1766 года... Спб., при Сенате, 1779/.

169, 3

Без тит. л.

Конволют.

189. Указы... имп. Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския, состоявшиеся генваря с 1 го июля по 1 е число 1766 года. Напечатаны по высочайшему е. и. в. повелению. Спб., при Сенате, 1779.

6, 379 с.

Конволют.

4 экз.

190. Учреждение Санктпетербургскому и Московскому банкам для вымена государственных ассигнаций. /Утверждено/ /Декабря 29 дня 1768 г./ /М./, /печ. при Сенате, июля 24 дня 1779/.

10 с.

Конволют.

191. ...Учреждения для управления губерний Всероссийския империи. /М., Сенатская тип., не ранее 1779/ 8, 195 с.

Конволют.

192. *Фридрих II, король прусский. Анти-Махиавель или Опыт возражения на Махиавелеву науку о образе государственного правления, сочинен ныне славно владеющим королем прусским Фридериком II. Переведенный на российский язык титулярным советником Яковом Хорошкевичем.* Спб., /тип. Гос. воен. коллегии/, 1779. XXVI, 256 с.

1780

193. *Блэкстон, Ульям. Истолкования английских законов г. Блакстона, переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской. С подлинника английского. /Перевел С. Е. Десницкий при участии А. М. Брянцева/. Кн. 1—3. /М./, Унив. тип. у Н. Новикова, 1780—1782.*

Кн. 2. 1781. /18/, 568, /1/ с.

Кн. 3. 1782. XIV, 416 с., 2 л. табл.

194. /Грот, Иоахим Христиан/ Учреждение основанного в Санктпетербурге на смертные случаи общества. Изд. 2-е. Спб., тип. Вейтбрехта и Шнора, 1780. /5/, XX, /8/, 50, /2/, 24 с. 2 л. табл.

194а. Примерный стат Вологодского наместничества состоящего из трех областей или провинций; первой Вологодской из пяти уездов: Вологодскаго, Тотемскаго, Вельскаго, Грязоветскаго, Кадниковскаго; второй Великоустюжской из семи уездов: Великоустюжскаго, Соливычегодскаго, Яренскаго, Лальскаго, Никольскаго, Красноборскаго, Устьысольскаго, и третий Архангельской из семи же уездов: Архангельскаго, Шенкурскаго, Мезенскаго, Кольскаго, Онегскаго, Нипежскаго, и еще одного, где по удобности назначит генерал-губернатор. /Утвержден:/. В Санктпетербурге генваря 29 дня 1789 года /Спб., Сенат, тип., 1780/.

23 с.

2 экз.

195. Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти государя имп. Петра Великого самодержца всероссийскаго. Состоявшися с 1714, по кончину его имп. величества, генваря по 28 число, 1725 году. Напечатаны по указы... имп. Анны Иоанновны... Спб., при Имп. Акад. наук, 1780. 2, 1096 с.

196. Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти... имп. Екатерины Алексиевны и государя имп. Петра Второго состоявшися с 1725 генваря с 28 числа по 1730 год. Напечатаны по указу... имп. Елисаветы Петровны... 4-м тиснением. Спб., при Имп. Акад. наук, 1780.

564 с. (без портр. и схем)

197. Указы... имп. Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской, состоявшися с 1763 июля 1го генваря и по 1 е число 1764 года. ...3-м тиснением. /Спб./, при имп. Академии наук, 1780.

6, 191 с.

198. Указы... имп. Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския состоявшиеся с 1766 июля с 1 го января по 1 е число 1767 года... Спб., при Сенате, 1780.

5, 505 с.; 2 л. форм.

Конволют.

3 экз.

199. ...Учреждения для управления губерний Всероссийския империи, в коих столицы. /Ч. 1/—2. /Спб., Сенатская тип., 1780/

/Ч. 1/ Гл. I—XXVIII. 10, 182 с.

Ч. 2. Гл. XXIX—XXXI. 183—232 с.

Приложен «Примерный стат Вологодского наместничества...» на 23 стр.

200. *Шулицин, Семен*. Порядок управления питейных сборов, с ясным описанием всех должностей и с выгодными примечаниями о действии сборов с формами подаваемых ведомостей. Сочиненной из практических обращений господ Голиковых и Компании канторщиком С. Ш. Спб., печ. при Артиллер. и инж. шляхетн... кад. корпусе, у Х. Ф. Клеэна, 1780. /12/, 66 с., 15 л. табл.

201. Стат Вятского наместничества состоящего из тринадцати уездов, а именно: Вятскаго, Слободскаго, Кайгородскаго, Котельнитскаго, Уржумскаго, Орловскаго на Вятке, Яранскаго, Сарапульскаго и Нолинскаго. /Утвержден:/ В Санктпетербурге сентября 17 дня 1780 года. /Спб., 1780/.

14 с.

Конволит.

2 экз.

202. Стат Пензенскаго наместничества состоящего из тринадцати уездов, а именно: Пензенскаго, Саранскаго, Верхнеломовскаго, Нижнеломовскаго, Керенскаго, Наровнатскаго, Троицкаго, Краснослободскаго, Инсарскаго, Чембарскаго, Мокшанскаго, Городицскаго и Шешкеевскаго. /Утвержден:/ В Санктпетербурге сентября 17 дня 1780 года. /Спб., Сенат. тип., 1780/.

14 с.

/Конволют/.

2 экз.

203. Стат Санктпетербургской губернии составленной из семи уездов, а именно: Санктпетербургского, Шлиссельбургского, Софийского, Ораниенбаумского, Рожественского, Ямбургского, и Нарвского. /Утвержден:/ В Санктпетербурге генваря 1 дня 1780 г. /Спб., 1780.

14 с.

Конволют.

204. Стат Саратовского наместничества состоящего из девяти уездов, а именно: Саратовского, Хвалынского, Волскаго, Кузнецкаго, Аткарскаго, Петровскаго, Сердобскаго, Балашевскаго, и Камышинскаго. /Утвержден:/ В Санктпетербурге ноября 10 дня 1780 г. /Спб., Сенат. тип., 1780/.

14 с.

2 экз.

205. Стат Симбирского наместничества состоящего из тринадцати уездов, а именно: Симбирскаго, Сингилеевскаго, Ставропольскаго, Самарскаго, Сызранскаго, Канадейскаго, Тагайскаго, Карсунскаго, Котьяковскаго, Алатырскаго, Ардатовскаго на Алатыре, Курмышскаго и Буинскаго. /Утвержден:/ В Санктпетербурге сентября 17 дня 1780 г. /Спб., 1780/.

14 с.

Конволют.

2 экз.

206. Стат Харьковской губернии состоящей из пятнадцати уездов, а именно, Харьковскаго, Чугуевскаго, Волчанскаго, Золочевскаго, Валковскаго, Ахтырскаго, Краснокутскаго, Богодуховскаго, Сумскаго, Миропольскаго, Белопольскаго, Лебединскаго, Недригайловскаго, Хотмышскаго и Изюмскаго. /Утвержден:/ В Царском Селе апреля 25 дня 1780 года. /Спб., 1780/.

14 с.

Конволют.

207. Стат экспедиции для свидетельства счетов учреждаемой до будущего установления о должности государственного казначея. В Царском Селе августа 4 дня 1780 года. /Спб., 1780/.

1 с.

/Конволют/.

1781

208. Акт разграничения между Новороссийской губернией и Польской Украиной, заключенный полномочными ее имп. величества и его величества короля и Республики польских комиссарами в 5-й день января 1781 года. /Спб., Сенатская тип., 1781/.

23 с.

Без тит. л.

Конволют.

209. Ведомость занимаателям из Санктпетербургского дворянского банка денег с поручительством, но без заклада со обеих сторон имений с показанием особо тех, которые в платеже капиталов просрочили осьмилетний срок, и которые погодно пересрочек не дали и процентов не заплатили. Учиненная января по 13 число 1781 г. Б. м. /1781/.

/7/ с.

Без тит. л.

Конволют.

210. *Вяземский, Александр Алексеевич*. Записка поданная ее имп. величеству от действительного тайного советника, генерала-прокурора князя Вяземского о открывшихся пунктах при свидетельстве вице-губернаторских ведомостей, по коим нужно от ее имп. величества высочайшее разрешение. — Решение на представляемые пункты. /В Санктпетербурге марта 24 дня 1781 г./ /Спб., Сенатская тип., 1781/.

/5/ с.

Конволют.

211. *Дильтей, Филипп Генрих*. Начальные основания вексельного права, а особливо российского купно и швецкого с прибавлением разных российских указов и с двумя диссертациями, к оному принадлежащими, для употребления в Московском юридическом факультете по удобнейшему способу расположенныя Филиппом Генриком Дилтеем, обоих прав доктором; оных же и

истории в Имп. Московском университете профессором и Курфюрстской Маинцкой академии полезных наук и разных других, как-то Вольного экономического и Российского вольного же собрания членом, и присяжным адвокатом Консistorии Писавской, что в Вене. Изд. 3-е М., Унив. тип. у Н. Новикова, 1781. /32/, 222, 256, /8/ с.

212. Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне манжурского) правительства. Перевел с манжурского на российский язык Коллегии иностранных дел надворный советник Алексей Леонтиев. Т. 1—3. Спб. при Имп. Акад. наук, 1781—1783.

3 т.

Т. 1. 1781. 16, /11/, 398, /5/, XIV с.

Т. 2. 1782. /9/, 388, XXX, /1/ с.

Т. 3. 1783. /24/, 584, XXIII с. 1 л. табл.

213. Указы... Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския, состоявшиеся генваря с 1 го июля по 1 е число 1767 года. ...Спб., при Сенате, 1781.

4, 92 с.

2 экз.

214. *Чулков, Михаил Дмитриевич*. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя имп. Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни имп. Екатерины Великия, сочиненное Михаилом Чулковым. Т. 1—7. Спб., при Имп. Акад. наук, 1781—1788.

21 т.

Т. 1. кн. 1. 1781. 60, 1—496, 493—508, 513—564 с.
Фронт. (ил.)

Т. 1. Кн. 2. 1782. /4/, 618 с.; 1 л. табл.

Т. 2. кн. 1. Половина 1. 1785. /12/, 288 с.

Т. 2. кн. 1. Половина 2. 1786. /2/, 289—705 с.

КОНВОЛЮТ

Т. 2. кн. 2. 1785. 90, 1—446, 449—626 с.

Т. 2. кн. 3. 1785. 646 с. 1 л. табл.

Т. 3. кн. 1. 1785. 48, 632 с.; 2 л. табл.

Т. 3. кн. 2. 1785. 1—192, 189—739 с.; 2 л. табл.

- Т. 4. кн. 1. 1785. 1—136, 129—136, 145—844 с.; 1 табл.
 Т. 4. кн. 2. 1785. 680 с.
 Т. 4. кн. 3. 1786. 1—448, 448—455, 457—545 с.
 Т. 4. кн. 4. 1786. 717 с.
 Т. 4. кн. 5. 1786, 882 с.; 5 л. табл.
 Т. 4. кн. 6. 1786. 1—216, 207—214, 225—832 с.
 Т. 5. кн. 1. 1786. 840 с.; 1 л. таб.
 Т. 5. кн. 2. 1786. 504 с.
 Т. 6. кн. 1. 1786. 584 с.
 Т. 6. кн. 2. 1786. 1—256, 237—252, 273—680 с.
 Т. 6. кн. 3. 1786. 712 с.
 Т. 6. кн. 4. 1786. 1—568, 559—574, 585—631 с.
 Т. 7. кн. 1. 1788. 946 с.; 19 л. таб.
 Т. 7. кн. 2. 1788. 372 с.

215. Стат Казанского наместничества состоящего из тринадцати уездов, а именно: Казанскаго, Лаишевскаго, Спасскаго, Чистопольскаго, Мамадышскаго, Арскаго, Царево-Кокшайскаго, Чебоксарскаго, Козьмодемьянскаго, Ядринскаго, Цывилъскаго, Тетюшскаго и Свияжскаго. /Утвержден:/. В Санктпетербурге сентября 30 дня 1781 года. /Спб., Сенат. тип. 1781/.

14 с.

2 экз.

216. Стат Киевского наместничества, состоящего из одиннадцати уездов, а именно: Киевскаго, Остерскаго, Козелецкаго, Переяславскаго, Пирятинскаго, Лубенскаго, Миргородскаго, Хорольскаго, Готвянскаго, Городисскаго и Золотоношскаго. /Утвержден:/ В Царском Селе, сентября 18 дня 1781 года. /Спб., Сенатск. тип., 1781/.

14 с.

/Конволют/.

217. Стат Московской губернии, состоящей из четырнадцати уездов, а именно: Московскаго, Воскресенскаго, Богородскаго, Бронницкаго, Коломенскаго, Серпуховскаго, Никитскаго, Подольскаго, Звенигородскаго. /Утвержден:/ В Санктпетербурге октября 8 дня 1781 г. /Спб., 1781/.

14 с.

Конволют.

2 экз.

218. Стат Новгородского — Северского наместничества, состоящего из одиннадцати уездов, а именно: Новгородского-Северского, Стародубского, Погарского, Мглинского, Глуховского, Кролевецкого, Коропского, Сосницкого, Конотопского, Новоместского и Суражского. /Утвержден:/ В Царском Селе сентября 18 дня 1781 года. /Спб., Сенатская тип., 1781/.

14 с.

/Конволют/.

2 экз.

219. Стат Пермского наместничества, состоящего из двух областей, или провинций: первой, Пермской из восьми уездов: Пермского, Кунгурского, Соликамского, Чердынского, Обвинского, Аханского, Осинского, и Красноуфимского; второй Екатеринбургской из восьми же уездов: Екатеринбургского, Челябинского, Шадринского, Далматовского, Комышловского, Ирбитского, Верхотурского, и Алпаевского. /Утвержден:/ В Санктпетербурге генваря 29 дня 1781 г. /Спб., 1781/.

19 с.

Конволют.

2 экз.

220. Стат Уфимского наместничества состоящего из двух областей, или провинций: первой Уфимской из восьми уездов: Уфимского, Бирского, Мензелинского, Бугульминского, Бугурасланского, Белебеевского, Стерлитамацкого и Челябинского; второй Оренбургской из четырех уездов: Оренбургского, Верхоуральского, Бузулуцкого и Сергиевского. /Утвержден:/ В Санктпетербурге декабря 24 дня 1781 г. /Спб., 1781/.

20 с.

Конволют.

2 экз.

221. Стат Уфимского наместничества состоящего из двух областей, или провинций: первой Уфимской из восьми уездов: Уфимского, Бирского, Мензелинского, Бугульминского, Бугурасланского, Белебеевского, Стерлитамацкого и Челябинского; второй Оренбургского, Верхоуральского, Бузулуцкого и Сергиевского. /Утвер-

жден:/ В Санктпетербурге декабря 24 дня 1781 года.
/Спб., 1781/.

20 с.

222. Стат Черниговского наместничества, состояще-
го из одиннадцати уездов, а именно: Черниговского,
Городницкаго, Березинскаго, Борзенскаго, Нежинскаго,
Прилуцкаго, Глинскаго, Роменскаго, Лохвицкаго, Гадяц-
каго и Зенковскаго. /Утвержден:/. В Царском Селе,
сентября 18 дня 1781 года/. /Спб., Сенатская тип., 1781/.

14 с.

/Конволют/.

2 экз.

1782

223. *Вейсман Эренрейх*. Вейсманнов немецкий лек-
сикон с латинским, переложенный на российский язык,
при втором сем издании вновь пересмотренный и про-
тив прежняго в рассуждении латинского и российского
языков знатно приумноженный. /Перевели на русский
язык И. И. Ильинский, И. П. Сатаров и И. С. Горлиц-
кий/. Спб., при имп. Акад. наук, 1782.

2, 48, 1—32, 25—32, 41—72, 65—72, 81—744, 748—
1017 с. /= 1—14/ с.

224. /Манифест об учреждении и статуте ордена
св. равноапостольного князя Владимира/ /Утвержден:/
22 сентября 1782 года. /Спб., печ. при Сенате сентября
25 дня 1782/.

7 с.

Конволют.

225. Положение о городских пенечных, льняных,
табачных, масляных, сальных и других товаров анбарах
в столичном, губернском и приморском городе святого
Петра. Сочинены в 1781 года. /Спб., Сенатская тип.,
1782/.

2, 13, 32 с.

3 экз.

226. Примерный стат градского благочиния или по-
лиции в столичном и губернском городе святого Петра.

/Утвержден:/ /В Царском селе мая 6 дня 1782 года/.
/Спб., Сенатская тип., 1782/.

5 с.

Без тит. л.

Конволют.

227. Список Воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам, также кавалерам Воинского ордена, и старшинам в иррегулярных войсках на 1782 год. Спб., при Гос. воен. коллегии, 1782. 6, 247 с.

228. Указ е. и. в. самодержицы всероссийской из правит. Сената. /Спб., при Сенате, 1782/.

9 с.

229. *Шмид Фридрих Август*. Польский летописец с 964 по 1764, или хронологическое изображение происшествий Королевства Польского, со включением как Российской, так и других сопредельных Польше держав, краткой истории. С приобщением табелей содержащих супруг и детей королевских, как и кончину владателей, також современных государей всей Европы, польских архиепископов и епископов, государственных министров, полководцев и ученых людей. Перевел с французского языка капитан Иван Одинцов. Спб., печ. при Артиллер. и инж. шляхетном кад. корпусе, 1782.

22, 408, 12 с.

230. *Шнейдер Я. И.* Разсуждения на Монтескиеву книгу о разуме законов; или уроки всеобщей юриспруденции, преподаваемые в имп. Московском университете. Иждивением Н. Новикова и компании. # 1 Разсуждение 1. О истории законодательства. М., 1782.

10, 97 с.

231. Стат Градского благочиния или полиции Новгородского наместничества губернского города. /Спб., тип. Гос. воен. коллегии, 1782/.

26 с.

Без тит. л.

Конволют.

232. Стат Тобольского наместничества, состоящего из двух областей или провинций: первой Тобольской из десяти уездов: Тобольскаго, Тарскаго, Омскаго, Ишимскаго, Курганскаго, Ялуторовскаго, Тюменскаго, Туринскаго, Березовскаго и Сургутскаго; второй Томской из шести уездов: Томскаго, Ачинскаго, Енисейскаго, Туруханскаго, Нарымскаго и Каинскаго. /Утвержден:/ В Санктпетербурге генваря 21 дня 1782 года. /Спб., Сенатская тип., 1782/.

17 с.

233. Стат градского благочиния или полиции Новгородского наместничества губернского города. В Сенат прислан июня 11 дня 1782 года. /Спб., 1782/.

26 с.

234. Стат Тобольского наместничества, состоящего из двух областей или провинций: первой Тобольской из десяти уездов: Тобольскаго, Тарскаго, Омскаго, Ишимскаго, Курганскаго, Ялуторовскаго, Тюменскаго, Туринскаго, Березовскаго и Сургутскаго; второй Томской из шести уездов: Томскаго, Ачинскаго, Енисейскаго, Туруханскаго, Нарымскаго и Каинскаго. /Утвержден:/ В Санктпетербурге генваря 21 дня 1782 г. /Спб., 1782/.

17 с.

Конволют.

235. Устав благочиния или Полицейской. Часть первая. /Утвержден:/ В Санктпетербурге апреля 8 дня 1782 года. /Спб., тип. Акад. наук. 1782/.

3, 77 с.

2 экз.

1783

236. Акт, которым его величество король обеих Сицилий приступает к системе морского нейтралитета, принятой в пользу свободы торговли и мореплавания. /Учинено в Санктпетербурге в десятый день февраля 1783 года. /Спб., 1783/.

/7/ с.

Текст парл. на франц. и рус. языках.

Конволют.

237. Байер, Готлиб Зигфрид. История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира, сочиненная С. Петербургской Академии наук покойным профессором Беером с россий/с/ким переводом, и с приложением родословия князей Кантемиров. /Перевел и издал Н. Н. Бантыш-Каменский/. М., Унив. тип. у Н. Новикова, 1783. XXXII, 408 с. 1 л. табл.

Текст парал. на рус. и латин. языках.

238. /Договор, поставленный с Карталинским и Кехтинским царем Ираклием Вторым. О признании им над собою верховной власти и покровительства российских императоров. Подписан/ /в Георгиевской крепости, июля 24 дня 1783 г./ /Спб., Сенатская тип., 1783/.

6 с.

Без тит. л. и заголовка.

Конволют.

239. Должность Экспедиции для горных дел. /Спб., Сенатская тип., 1783/.

13 с.

Без тит. л.

Конволют.

240. Конвенция о торговле и границах между ее величеством имп. всероссийскою и его светлостию герцогом и чинами герцогства Курляндского и Семигальского. /Дано в Риге 12 мая 1783 года/ /Спб., Сенатская тип., 1783/, 21 с.

Без тит. л.

Текст парал. на рус. и нем. языках.

Конволют.

241. Список воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам, также кавалерам военного ордена и старшинам в иррегулярных войсках на 1783 год. Спб., при Гос. Военной коллегии, 1783.

6, 249 с.

242. Стат Выборгского наместничества, состоящего из шести уездов, а именно: Выборгскаго, Сердобольскаго, Кексгольмскаго, Нейшлотскаго, Вильманстрандскаго

и Фридрихсгамского. /Утвержден:/ В Царском Селе июля 26 дня 1783 г. /Спб., 1783/.

11 с.

243. Стат Екатеринославского наместничества, состоящего из двадцати уездов. /Утвержден:/ В Санктпетербурге марта 30 дня 1783 года. /Спб., Сенат. тип., 1783/.

11 с.

2 экз.

244. Стат Иркутского наместничества, состоящего из четырех областей или провинций: первой, Иркутской из четырех уездов: Иркутского, Верхнеудинского, Нижнеудинского и Киринского; второй, Нерчинской, из четырех же уездов: Нерчинского, Доронинского, Баргузинского и Сретинского: третий, Якутской из пяти уездов: Якутского, Олекминского, Оленского, Жиганского и Зашиверского; четвертой, Охотской из четырех уездов: Охотского, Ижингинского, Акланского и Нижнекамчатского. //Утвержден:/ В Санктпетербурге марте 6 дня 1783 г. /Спб., 1783/.

24, 1 с.

Конволют.

2 экз.

245. Стат Колыванского наместничества, состоящего из пяти уездов, а именно: Колыванского, Семиполатного, Бийского, Кузнецкого и Абаканского. /Утвержден:/ В Царском Селе мая 16 дня 1783 г. /Спб., 1783/.

11 с.

Конволют.

2 экз.

246. Стат Ревельского наместничества, состоящего из пяти уездов /Утвержден:/ В Царском Селе июля 8 дня 1783 г. /Спб., 1783/.

11 с.

Конволют.

2 экз.

247. Стат Рижского наместничества состоящего из девяти уездов, а именно: Рижского, Венденского, Валкского, Волмарского, Пернавского, Фелинского, Дерпт-

скаго, и одного по усмотрению генерала-губернатора назначаемого, и Эзельскаго. /Утвержден:/ В Царском Селе июля 8 дня 1783 г. /Спб., Сенатск. тип., 1783/.

13 с.

/Конволют/.

2 экз.

248. Трактат о торговле между Российской империею и Портою Оттоманскою, заключенный в Константинополе июня 10-го дня 1783 г. /Спб./, при Имп. Акад. наук, 1783.

46 с.

Загл. и текст парал. на рус. и франц. яз.

249. Указы... имп. Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския состоявшиеся 1767 июля с 1 го генваря по 1 е число 1768 года. Напечатаны по высочайшему ея имп. величества повелению. — Спб., при Сенате, 1783.

5, 269 с.

Конволют.

3 экз.

1784

250. /Договор, постановленный с Карталинским и Кахетинским царем Ираклием Вторым. О признании им над собою верховной власти и покровительства российских императоров. Подписан /в Георгиевской крепости, июля 24 дня 1783 г. /Спб., тип. Акад. наук, 1784/.

25 с.

251. Летописец, содержащий российскую историю от 6714/1206 лета, до 7042/1534 лета, то есть, до царствования царя Иоанна Васильевича, который служит продолжением Несторову летописцу. /М./, Моск. тип., 1784.

5, 388 с.

1785

252. Безак Христиан Христианович. Краткое введение в бытописание Всероссийской империи. /Спб., тип. имп. Сухопутного шляхетского кадетск. корпуса, 1785.

8, 162 с.; 1 л. черт.

253. Бруккер Иоганн Якоб. Сокращенная история философии от начала мира до нынешних времен, которую с французского языка перевел с/тудент/ В. Колокольников. Изданием типографской компании. М., тип. И. Лопухина, 1785.

442 с.

254. Канкрин Франц Людвиг. Первые основания искусства горных и соляных производств... /Перевод с немецкого языка/. Ч. 1, 2, 4, 7, 8, 10. Спб., при имп. Академии наук, 1785–1791.

7 т.

Ч. 1., содержащая в себе рудословие. 1785, 12, 1–56, 56–63, 65–126, 227–252, 252–333 / = 234/ с.

Ч. 2., содержащая в себе пробирное искусство. 1786. 6, 282 с.; 5 л. ил.

Ч. 4., содержащая в себе подземельное описание. 1786. 6, 65 с., 8 л. ил.

Ч. 7. Отделение 1, содержащее в себе механику, гидростатику, аерометрию и гидравлику. 1789. 8, 248, 20 л. черт. Конволют.

Ч. 7. Отделение 2, содержащее в себе строение горных машин. 1790. 3, IV, 2, 213 с.; 65 л. черт. Конволют.

Ч. 7. Отделение 3, содержащее в себе разные новоучрежденные горные махины. 1789. 8, 28 с.; 25 л. черт. Конволют.

Ч. 8, содержащая в себе отделение или приуготовление минералов. 1790. 2, III, 2, 139 с.; 21 л. черт. Конволют.

Ч. 10. Отделение 1, содержащее в себе пробирную науку солей, описание соляных гор и искусство строения колодцев. 1791. 5, IV, 1–193, 300–337 / = 227/ с.; 20 л. черт. Конволют.

Ч. 10. Отделение 2, содержащее в себе градирное искусство. 1791. 4, 236 с.; 3 л. табл. /черт. отсутств./. Конволют.

Ч. 10. Отделение 3, содержащее в себе искусство солеварения и залежания новых соляных заводов. 1791. 5, 206 с. /Черт. отсутств./. Конволют.

255. Книга устав морской о всем, что касается к доброму управлению, в бытность флота на море печат-

танный повелением е. в. Петра Великого императора и самодержца Всероссийского в Санктпетербургской типографии 1724 года, а в типографии Морского шляхетного кадетского корпуса 5-м тиснением 1784 года. /Спб., 1785/.

14, 295 с. фронт. (ил.), 2 л. ил.

256. Книга уставов морских на российском и голландском языках о всем, что касается к доброму управлению, в бытность флота на море печатанный повелением е. в. Петра Великого... в Санктпетербургской типографии 1724 года, а в типографии Морского шляхетного кадетского корпуса 5-м тиснением 1785 года /Спб./, /тип. Морск. шляхетн. кад. корпуса, 1785/ /27/, 541 с.

257. Стат Кавказскаго наместничества, состоящаго из двух областей или провинций, первой Кавказской из шести уездов: Екатеринбургскаго, Кизлярскаго, Моздоцкаго, Георгиевскаго, Александровскаго и Ставропольскаго; второй Астраханской из четырех уездов: Астраханскаго, Красноярскаго, Енотаевскаго и Черноярскаго. /Утвержден:/ В Царском Селе мая 9 1785. /Спб., 1785/.

190 с.

Конвюлт.

258. *Щербатов Михаил Михайлович*. Краткое историческое повествование о начале родов князей российских, происходящих от великого князя Рюрика. Иждивением типографских компаний. М., Унив. тип., у Н. Новикова, 1785.

96 с.

1786

259. *Беляев Яков*. Краткое сведение о российских патриархах собранное из разных летописцов Яковом Беляевым, а изданное трудами и иждивением императорского Московского университета, философии и свободных наук магистра Дмитрия Синьковскаго. М., тип. Пономарева, 1786.

4, 20 с.

260. *Канкрин, Франц Людвиг*. Первые основания искусства горных и соляных производств, сочиненные коллежским советником Францом Людвигом Канкрином. Ч. 4, содержащая в себе подземельное описание. Переведена капитаном Никитою Рожешниковым. Спб., 1786. В тип. Горного училища. /6/, 65, 8 л. ил.

261. *Ларинов Сергей Иванович*. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества Верхней расправы прокурором. М., тип. Пономарева, 1786.

8, 188, 4 с.

262. Продолжение Древней российской вивлиофики. Ч. 1—11. Спб., при имп. Акад. наук, 1786—1801.
11 т.

Ч. 1. Содержащая Правду русскую и Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича с примечаниями г. тайного советника Василья Никитича Татищева. 1786. VI, 254 с. Конволют.

Ч. 2. Содержащая Новгородский летописец. Начинающийся от 946 и продолжающийся до 1441 года. 1786. IV, 257—712 с.

Ч. 3. 1788. 5, 283 с.

Ч. 4. 1788. 6, 369 с.

Ч. 5. 1789. 2, IV, 314 с.

Ч. 6. 1790. 2, IV, 301 с.

Ч. 7. 1791. 2, II, 1—287, 278—294, 305—353 с.

Ч. 8. 1793. 3, 336 с.

Ч. 9. 1793. 3, 315 с.

Ч. 10. 1795. 3, 327 с.

Ч. 11. 1801. 2, 315 с.

263. Положение о доме карантинном на острове Сескаре. /Утверждено:/ В Царском Селе мая 6 1786 года. /Спб., Сенатская тип. 1786/. 4, VI, 20, 2 с.

264. Путешествие ея имп. величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году. /Спб./, печ. при Горном училище, 1786. 2, 149 с.; 1 л. карт.

265. /Стат Медицинской коллегии с ея конторою и прочими принадлежностями. /Утв.:/ в Царском Селе 15 июля 1786 г. /Б. м., б. г.

3, 5 с.

Конволют.

266. Статы и табели кавалерийских, драгунских, легко-конных, пехотных полков и баталионов, и корпусов егерских с комиссариатским положением, высочайше от ея. имп. величества конфирмованные в 10 день апреля, 1786 года, в Санкт-Петербурге. /Спб./, при Гос. воен. коллегии, 1786.

Разд. паг.

267. Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. Изд. 2-е М., в университ. тип. у Н. Новикова, 1786.

VI, 7—270 с.

2 экз.

268. Указы... имп. Екатерины Алексеевны... состоявшиеся 1768 года с генваря по 1769 й год. Напечатаны по высочайшему е. и. в. повелению. Спб., при Сенате, 1786.

2, IV, IV, 92 с.

Конволют.

269. [Учреждение Государственного заемного банка]. Спб., при Сенате, июля 2 дня. 1786.

19, 13 с.

Без тит. л.

270. ...Учреждения для управления губерний Всероссийския империи /Ч. 1/—2. Спб., Имп. тип. у Вейтбрехта, 1786.

2 ч.

/Ч./ 1. Гл. I—XXVIII. 4, VIII, 195 с. Конволют.

Ч. 2. Гл XXXIX—XXXI, 2, 197—260, 14 с. Конволют.

271. Чулков Михаил Дмитриевич. Историческое описание российской коммерции... Т. 4. кн. 5. М., Унив. тип., 1786.

882 с.; 15 табл.

272. Чулков Михаил Дмитриевич. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя имп. Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни имп. Екатерины Великой, сочиненное Михайлом Чулковым. Т. 6. Кн. 2. М., Унив. тип. у Новикова, 1786. 1—256, 237—252, 273—680 с.

273. Янкович де Мириево Федор Иванович. Устав народным училищам в Российской империи, уложенный в царствование имп. Екатерины II. /Утвержден:/ в Царском Селе 5 августа 1786 года. Спб., 1786.

б, 122 с. с табл.

1787

274. Дильтей Филипп Генрих. Начальные основания вексельного права... Изд. 4-е. Ч. 1—2. М., 1787.

Ч. 1. XVIII, 227 с.

Ч. 2. 251, II с.

275. Зошненфельс, Йозеф фон. Иосифа Зошненфелса Начальные основания полиции или благочиния. Перевод с немецкого [Матвея Гаврилова] М., Унив. тип., у Н. Новикова, 1787. 317 с.

276. Правосудный судия, или зрелище политическое, в котором предписывается всякому то, что делать должно и чего не должно, доказанное, с писания свидетельствами, емблемами, философскими мнениями, гиероглифами, разными историй достопамятностями. Пер. с латинского языка. Т. 1—2. М., тип. при театре у Хр. Клаудий, 1787.

Т. 1. 8, 1—179, 190—225, 126, 127 [=217], 2 с.

Т. 2. 244 с.

277. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе: 1) Родословную книгу, собранную и сочиненную в Розряде при царе Феодоре Алексеевиче и по временам дополняемую и которая известна под названием Бархатной книги; 2) Роспись алфавитную тем фамилиям, от которых родословные росписи в Розряд поданы, с показанием, откуда те роды

произошли, или выехали, или о которых известия нет; также, какие роды от тех родов произошли по каким случаям названия свои приняли, и наконец под каким № те родословные находятся в Розрядном архиве; 3) Роспись, в которой выезжие роды показаны все вместе о местах их выезда, и 4) Роспись алфавитную, служащую вместо оглавления, в которой приказаны все фамилии, содержащиеся в обеих частях сея книги, число которых простирается до 930; изданная по самouverнейшим спискам. Ч. 1. М., Унив. тип., у Н. Новикова, с Указаного дозволения, 1787. [40], 352 с.

278. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе: 1) Родословную книгу, собранную и сочиненную в разряде при царе Феодоре Алексеевиче и по временам дополняемую, и которая известна под названием Бархатной книги; 2) Роспись алфавитную тем фамилиям, от которых родословные росписи в розряд поданы, с показанием, откуда те роды произошли, или выехали, или о которых известия нет; также, какие роды от тех родов произошли, по каким случаям названия свои приняли, и наконец под каким № те Родословные находятся в Розрядном архиве; 3) Роспись, в которой выезжие роды показаны все вместе по местам их выезда, и 4) Роспись алфавитную, служащую вместо оглавления, в которой показаны все фамилии, содержащиеся в обеих частях сея книги, число которых простирается до 930; изданная по самouverнейшим спискам. Ч. 1—2. М., унив. тип., у Н. Новикова, 1787.

2 ч.

Ч. 1. 6, 352, 34 с.

Ч. 2. 2, 452 с.

279. Стат Медицинской коллегии с ее конторою и прочими принадлежностями. Спб., 1787, 8 с.

Конволют.

280. *Туманский Федот Осипович*. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения жизни о деяниях государя императора Петра Великого. Изданное трудами и иждивением Федора Туманского. Ч. 6. Материалы о стрелецком бунте. Во

Граде св. Петра, печатано с дозволения указнаго, у Шнора, 1787. 2, 261, 8 с.

281. /Указы, манифесты и другие правительственные постановления, объявленные из Государственной Военной коллегии за 1786 г./ /Спб., 1787/.

260 с.

Без тит. л. и заголовка. Издат. конволют, состоящий из 72 пронумерованных изданий. На первых семи страницах «Оглавление указам 1786 г».

282. *Голиков Иван Иванович. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. Ч. 5—7, 9.—12.* М., Унив. тип. у Н. Новикова, 1788—1789.

7 т.

Ч. 5. 1788. XVII, 418, 2 с. 2 экз.

Ч. 6. 1788. XI, 435, 1 с.

Ч. 7. 1789. XI, 464, 2 с.

Ч. 9. 1789. IX, 499, 4 с. 2 экз.

Ч. 10. 1788. 8, 484, 4, XVIII с.

Ч. 11. 1789. 2, 516, XXIV с.

Ч. 12. 1789. 489. XIX, 19 с.

283. Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся; изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете; издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологической по возможности приведенное.

Ч. 1, 10, 12, 14—20. М., тип. Комп. типографич., 1788—1791.

18 т.

Ч. 1. 1788, XVI, 1—235, 235—238, 259, 241—446 с.

Ч. 2. 1788. VI, 446 с.

Ч. 3. 1788. XI, 476 с.

(Ч. 3. 1788. XI, 288, 465—476 с. 2-й экз. деф. отсут. с. 289—464)

Ч. 4. 1788. I, 1—400, 417—432, 417—564 с.

Ч. 5. 1788. I, 432 с. 2 экз.

Ч. 6. 1788. V, 506 с.

- Ч. 7. 1788. I, 484 с. 2 экз.
 Ч. 8. 1789. 4, 1—384, 384—399, 401—475 с.
 Ч. 9. 1789. 494 с. 1 с.
 Ч. 10. 1789. 470 с. 2 экз.
 Ч. 12. 1789. 5, 7, 1—462, 363 /=463/ с. 2 экз.
 Ч. 14. 1790. 6, 496 с. 2 экз.
 Ч. 15. 1790. VIII, 438 с. 2 экз.
 Ч. 16. 1791. VIII, 434 с. 2 экз.
 Ч. 17. 1791. 2, 2, 455 с.
 (Ч. 17. 1791. 2, 282 с. 2-й экз. деф. отсут. с. 283—455.)
 Ч. 18. 1791. 4, 436 с.
 (Ч. 18. 1791. 1, 420 с.; 2 л. табл. 2-й экз. деф. отсут. с. 421—436.)
 Ч. 19. 1791. IV, 418 с.; 1 л. табл.
 Ч. 20. 1791. 4, 442 с.

284. Краткое повествование о начале, происхождении, делах, состоянии, обрядах и обыкновениях обитавших вдревле на Северо-Западе народов. Перевод с латинского Иждивением А. Светушкина. [М.], Моск. Сенатская тип., 1788. 72 с.

285. Ланганс Ф. Словарь юридической, или Свод российских узаконений, по азбучному порядку для практического употребления имп. Московского университета в юридическом факультете, сочиненный Ф. Лангансом. М., в Унив. тип., у Н. Новикова, 1788. 210 с.

286. Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев по преставлении царя Иоанна Васильевича; а паче о между-государствовании по кончине царя Феодора Иоанновича и о учиненном исправлении книг в царствование благоверного государя царя Алексея Михайловича в 7163 (1655) году. Собрано из древних тех времен описаний. Изд. 2-е. М., тип. Комп. типографич., 1788.

366 с.

287. *Максимович, Лев Максимович.* Новый и полный географический словарь Российского государства, или

Лексикон, описующий азбучным порядком, географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически, наместничества, области и уезды; города, крепости, редуты, форпосты, остроги, ясащные зимовья, станицы, местечки, села, погосты, ямы и слободы; соборы, церкви и монастыри; рудные и другие заводы и фабрики, реки, озера и моря; острова и горы; прежняя и новая иностранные поселения; обитателей как природных российских, так и других народов, и прочие достопамятные места обширной Империи Российской в нынешнем ее состоянии, в царствование имп. Екатерины Великия новоустроенном; с объяснением и тех мест, которыя в прежняя войны и прошедшую Турецкую; а некоторыя прежде того и от Персии храбростию российскою или обладаемы были, или и ныне находятся еще во владении; также и тех, которыя в преславное настоящее царствование с Белоруссиею и с полуостровом Крымом к России присоединены, из достопамятных и достоверных древних и новых источников собранный. Ч. 1—6. М., Унив. тип. у Н. Новикова, 1788—1789.

Ч. 1. А—Ж. 1788. VII, 292 с.

Ч. 2. З—К. 1788. 2, 364 с.

Конволют

2 экз.

Ч. 1. А—Ж. 1788. VII, 292 с.

Ч. 2. З—К. 1788. 2, 364 с.

Ч. 3. Л—Н. 1788. 2, 352 с. 2 экз.

Ч. 4. О—Р. 1788. 2, 220, СХХVI с. 2 экз. (Во 2-м экз. отсутств. с. ХСV—СХХV).

Ч. 5. С—Т. 1789. 2, 372 с.

Ч. 5. С—Т. 1789. 2, 372 с.

Ч. 6. У—О. 1789. 2, 291 с.

Конволют. 2 экз.

288. *Ришелье, Арман Жан дю Плесси*. Политическое завещание кардинала дюка де Ришелье французскому королю. Изд. 2-е. Ч. 1—2. М., тип. Комп. типографич., 1788.

Ч. 1. /4/, 222 с.

Ч. 2. 159 с.

Конволют

289. *Серван, Жозеф Мишель Антуан*. Речь о производстве уголовного правосудия, говоренная г.главным адвокатом в Париже. [Перевел с франц. яз. Василий Трипольский]. Иждивением А. Светушкина. [М.], Моск. Сенатская тип., 1788. [6], 166 с.

290. *Туманский Федор Осипович*. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя имп. Петра Великого. Изданное трудами и иждивением Феодора Туманского. Ч. 9. [Разные материалы]. Во граде св. Петра, печ. у Шнора, 1788.

324, 11 с.

291. Устав о вине. [Утвержден в Царском Селе сентября 17 дня 1781 года]. [М., Сенат. тип.: не ранее 1788].

40 с.

292. *Циммерман Генрих*. Последнее путешествие около света капитана Кука с обстоятельствами о его жизни и смерти. Новое издание с прибавлением подробного описания острова Отаити и обозрения всех вообще американских областей. Изд. П. Б.[огдановича]. Спб., 1788.

4, 411 с.

293. Атлас Калужского наместничества, состоящего из двенадцати городов и уездов, обмежеванного в благополучное царствование... имп. Екатерины Алексеевны II учрежденным от ее имп. величества к пользе и спокойствию верноподданных ее государственным земель размежеванием. Спб., 1789.

3 с.; 40 л. карт.

294. *Бецкой Иван Иванович*. Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания в России, обоого пола благородного и мещанского юношества; с прочими в пользу общества установлениями. Т. 1—3. Спб., тип. И. К. Шнора, 1789—1791.

3 т.

Т. 1. 1789. 2, XLIX, 2, 479, 6 с. с ил., фронт. (ил.), 5 л. план.

Т. 2. Собрание разных известий имп. Воспитательного дома касательно ссудной и сохранной казен. Издание к удовольствию общества служащее. 1791. 2, 288, 5 с.; фронт., (ил.), 1 л. схем. /Конволют/. 2 экз.

Т. 3. Издание имп. Воспитательного дома, к пользе общества служащее. 1791. 2, 183, 5 с.; 3 л. план. /Конволют/

295. *Бецкой Иван Иванович*. Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания, в России, обоюбого пола благородного и мещанского юношества; с прочими в пользу общества установлениями. Т. 1. Спб., тип. И.К. Шнора, 1789.

XLIX, [2], 479 с. с ил.; 1 л. табл.

Без тит. л. и обл.

296. *Исократ*. Исократ афинейского оратора и философа Политические речи о должностях как всякого человека, в рассуждении приватного и гражданского состояния; так и царствующих особ о благополучном управлении государства: и что монархический образ правления, из всех других политических состояний народов есть превосходнейший, и к блаженству рода человеческого наиспособнейший, на российский язык переведенные и с прибавлением примечаний изданные святейшего синода переводчиком Иваном Дмитриевским. Спб., при Имп. Акад. наук, 1789. XVIII, [2], 217, [2] с.

297. *Канкрин, Франц Людвиг*. Первые основания искусства горных и соляных производств, сочиненныя горных и соляных производств, сочиненныя коллежским советником Францом Людвигом Канкриным. Ч. 7. Отд. 1, содержащее в себе механику, гидростатику, аерометрию и гидравлику, переведено Николаем Бусырским. Спб., тип. Горного училища, 1789.

/8/, 248 с.; 20 л. черт.

Конволют

297^a. *Канкрин, Франц Людвиг*. Первые основания искусства горных и соляных производств, сочиненныя коллежским советником Францом Людвигом Канкриным. Ч. 7. Отд. 3, содержащее в себе разныя новоучреж-

денныя горныя махины. Переведено Николаем Бусырским. Спб., тип. Горного училища, 1789.

/8/, 28 с.; 25 л. черт.

Конволют

298. *Людовици, Карл Гюнтер*. Начертание полной купеческой системы, купно с начальными основаниями торговой науки, и с приобщением краткой истории о торговле, водою и сухим путем отправляющейся, из которой можно притом усмотреть настоящее состояние европейской торговли, производящейся и в другия части света, к услугам прилежащих к торговле, сочиненное Карлом Гинтером Людовицием, и в пользу российского купечества переведенное надворным советником Федором Сапожниковым. Ч. 1. М., Унив. тип. у Н. Новикова, 1789.

/6/, 1—296, 295—342, 345—476, /1/, 468 с.

299. *Мальгин Тимофей Семенович*. Зерцало российских государей с 862 по 1789 год, изображающее их родословие, союзы, потомство, время рождения, царствования, кончины и вкратце деянии с достопамятными происшествиями. Сочинил из повествований достоверных российских писателей в удовольствие любящих отечественную историю, в пользу же и ради удобнейшего руководства к познанию оной юношеству Тимофей Мальгин, коллежский ассессор. Спб., при имп. Академии наук, 1789.

6, 101, 2 с.

300. Русская летопись по Никонову списку изданная под смотрением имп. Академии наук. 4, 5, 6 и 8. Спб., при имп. Академии наук, 1789—1792.

3 т.

Ч. 5. С 1407 по 1462 год. 1789. 3, 290 с.

Ч. 6. До конца 1534 года. 1790. 3, 261 с.

Ч. 8. С 1583 до 1630 года. 1792. 2, 256. 18 с.

301. Словарь коммерческий, содержащий познание об товарах всех стран, и названиях вещей главных и новейших, относящихся до коммерции, также до домо-строительства; познание художеств, рукоделий, фабрик, рудных дел, красок, пряных зелий, трав, дорогих камней и проч. Пер. с французского языка Васильем Левши-

ным. Ч. 2—7. М., в тип. комп. Типографич., с указного дозволения, 1789—1792.

6 т.

Ч. 2. Г. Д. Е. Ж. З. И. 1789. 496 с.

Ч. 3. К—Л. 1790. 574 с.

Ч. 4. М. Н. О. 1790. 1—47, 49—64, 64—468 с.

Ч. 5. П. Р. 1790. 1—464, 449—462. /=478/ с.

Ч. 6. От С. — до Т. 1791. 416 с.

Ч. 7. От Т—до Я. 1792. 500 с.

302. Стат Главного Кригс-коммиссариата и его конторы, с принадлежащими к коммиссариатскому департаменту коммиссиями. [Утвержден: 19 сентября 1764 в Санктпетербурге. Спб., тип. Гос. воен. коллегии, 1789].

15 с.

[Конволют]

303. [Таможенный устав 1755 года //М., тип. Губ. правления, не ранее 1789]. [2], 35 с.

304. [Указы, манифесты и другие правительственные постановления, объявленные из Государственной военной коллегии. За 1788 год. Спб., 1789].

94 с.

Без тит. л. и заголовка. Издательский конволют, сост. из 55 пронумер. изданий. На первых шести страницах «Оглавление указам. 1788 г.»

305. *Щербатов, Михаил Михайлович*. Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю, в оправдание на некоторые сокрытия и явныя охуления, учиненныя его Истории от господина генерал-майора Болтина, творца Примечаний на Историю древняя и нынешняя России, г. Леклерка. М., Унив. тип. у Н. Новикова, 1789. 149, [1] с.

1790

306. *Безу Этьен*. Навигационные или мореходные исследования, сочинены г. Безу, с французского подлинника на Российский язык переведены и дополнены Семеном Гурьевым. Изданы по ее имп. величества повелению. /Ч. 1/ Спб., в тип. Горного училища, 1790.

8, XIV, 311 с.; 17 л. черт.

307. ... Генеральный регламент или устав, по которому государственные коллегии, також и все оные принадлежащих к ним канцелярей и кантор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют. М., Сенат. тип., б.г. 47. 5 с.

Напеч. в 1790-х гг.

308. *Ильинский, Николай Степанович*. Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания. Закрывающее в себе многия достойныя любопытства происходимости составленное из многих древних летописцев, надписей, записок и Российской истории Николаем Ильинским. Ч. 1—2. Спб., тип. Б.Л.Гека, 1790—1791.

Ч. 1. 1790. 4, 67 с.

Ч. 2. 1791. 7 с.

Конволют

309. *Канкрин, Франц Людвиг*. Первые основания искусства горных и соляных производств, сочиненныя коллежским советником Францем Людвигом Канкрином. Ч. 7. Отд. 2, содержащее в себе строение горных машин. Переведено Николаем Бусырским. Спб., тип. Горного училища, 1790.

/3/, IV, /2/ 213 с.; 65 л. черт.

Конволют

310. *Крестинин, Василий Васильевич*. Начертание истории города Холмогор сочинено архангелогородским гражданином Васильем Крестининым. Спб., при Имп. Акад. наук, 1790.

I—V, IV / = VI/, 44 с., 2 л. табл.

311. *Миллер Герард Фридрих*. Известие о дворянах российских. О их древнем происхождении, о старинных чинах, и какие их были должности при государях, царях и великих князьях; о выборе доказательств на дворянство; о родословной книге; о владении деревень; о службе предков и собственной и о дипломах. Сочиненное коллежским советником Ф...И...Миллером. Издано И: Р: с присоединением некоторых, относящихся к тому же предмету статей. Спб., 1790.

8, 494, 5 с.

312. О дворянстве. [Жалованная грамота. Утверждена 21 апреля 1785 г.] [М., Сенатская тип.], б.г.

[I], VIII, 24 с.

Изд. 1790-х годов.

Конволют.

313. О дворянстве. [Жалованная грамота. Утверждена 21 апреля 1785 г.] [конец XVIII — нач. XIX в.]

[I], VIII, 24 с.

Рукоп. текст на с. 7.

314. Оценка лекарствам. При том: Устав аптекарский. Устав повивальным бабкам. Устав о должной плате медицинским чинам. 2-е изд. Спб., Имп. тип., 1790. 152 с.

315. Почтенный купец, или бухгалтерия, показывающая каким образом производить собственной, по комиссиям и товарищеский торг, как в государстве, так и вне онаго, водою и сухим путем; состоящая в трех частях 1) в мемориале, 2) в журнале и 3) в главной книге, и преподающая в трех-годичном производстве онаго торга как незнающие бухгалтерской науки научиться оной, так и сообразующиеся с теми купеческими оборотами, каковы здесь как бы в практике находятся, иметь совершенную исправность и избегать всех погрешностей в торговых своих записках. Перевод с немецкого. Печатано на иждивение П. М. Пнмрв. М., в тип. Пономарева, 1790.

Ч. 1. 6, 84, 5, 52, 2, 60, 40 с.

Ч. 2. 1—25, 22, 23, 28—44, 44—47, 49—77, 1, 81—218, 209, 220—222 / = 220/ с.

Ч. 3. 9 с., 1—80 л., 5 с., 1—30, 32, 33, 35 / = 33/ л. 2 экз.

316. Словарь исторический, или Сокращенная библиотека, заключающая в себе жития и деяния: патриархов, царей, императоров и королей; великих полководцев, министров и градоначальников; богов и ироев древняго язычества; пап римских, учителей церковных, философов древних и нынешних веков, историков, стихотворцев, ораторов, богословов, юриспрудентов, медиков и прочих, с показанием главнейших их сочинений; ученых женщин, искусных живописцев и прочих художни-

ков, и вообще всех знатных и славных особ во всех веках и из всех в свете земель, в котором содержится все любопытства достойнейшее и полезнейшее из священной и светской истории. Перевод с французских исторических словарей, с приобщением к оному деяний и жития великих князей и государей всероссийских, и прочих мужеством, подвигами и дарованиями отличившихся ко благоденствию и славе монархов своих и отечества особ. Ч. 3—14. М., Унив. тип. у В. Окорокова, 1790—1798.

12 т.

Ч. 3. № 71—100. Вааза—Ган. 1790. 480 с.

Ч. 4. № 101—104, 1—40. Граньер—Гуссейн. 1790 — /1791?/ 710 с.

Ч. 5. № 41—71. Дабильон—Енихады. 1781. 496 с.

Ч. 6. № 72—105, 1—5. Жавень—Карл. 1791. 626 с.

Ч. 7. № 6—35. Карманьол—Лигтфут. 1792. 480 с.

Ч. 8. № 36—77. Линда—Марсе. 1792. 671 с.

Ч. 9. № 78—104, 1. Марси—Мятлев. 1792. 446 с.

Ч. 10. № 2—35. Наама—Петрункевич. 1793. 539 с.

Ч. 11. № 36—68. Петр—Сеян. 1793. 524 с.

Ч. 12. 69—105. Сибелий—Тюрен. 1793. 592 с.

Ч. 13. Уберги—Фуст. 1795—/1798/. 1—97, 93, 100—101, 101—491 с.

Ч. 14. Хабрей—Оукидид. 1798. 308 с.

317. Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1—4. Спб., 1790—1791.

4 т.

Ч. 1. А—Д. 1790. 2, 454, 1 с.

Ч. 2. Д—Л. 1791. 2, 499 с.

Ч. 3. Л—С. 1791. 2, 518 с.

Ч. 4. С—О. 1791. 2, 618 с.

318. /Указы е. и. в. самодержицы всероссийской из государственной военной коллегии. За 1789 г./ . /Спб., 1790/.

90 с.

1791

319. *Голиков, Иван Иванович*. Дополнение к Деяниям Петра Великого. Т. 5—17. М., Унив. тип., у В. Огорокова, 1791—1796.

13 т.

Т. 5, содержащий в себе продолжение дополнения к 1-му тому...1791. XVI, 352, 1 с.

Т. 6, содержащий в себе дополнение ко 2-му тому... 1791. XX, IV, 347 с.

Т. 7, содержащий в себе дополнение ко 2-му тому... 1791. XX, IV, 454, 1 с. 2 экз.

Т. 8, содержащий в себе продолжение дополнения ко 2-му тому... Дополнение к 3-му тому. 1792. 472., XVIII, 1 с.

Т. 9, содержащий в себе продолжение дополнения к 3-му тому... Дополнение к 4-му тому. 1792. 400, 2, XVIII с.

Т. 10, содержащий в себе продолжение дополнения к 4-му тому... 1792. 479, 8, XX с.

Т. 11. К 1716 и 1717 годам. 1794. XXIV, 508 с.

Т. 12. К 1718 и 1719 годам. 1794. XX, 372, 2 с.

Т. 13. К 1720, 1721 и 1722 годам. 1794. XII, 408 с.

Т. 14. К 1723, 1724 и 1725 годам, и до кончины его величества. 1794. VIII, 404, 1 с. 2 экз.

Т. 15. ... содержащее полное описание славных Полтавских победы и предшествовавшая измены Мазепы. 1795. XIX, 400, 1 с.; 1 л. схем.

Т. 16. ... содержащее последствие славной Полтавской победы, особливо же пленение у Днепра под Переволочною избывшею от меча российского под Полтавою всей остальной шведской армии, и торжественное вшествие победоносного ироя в Москву, и проч. 1795. XII. 462., 2 с.

Т. 17. ... содержащее анекдоты, касающиеся до сего великого государя. 1796. XIII, 464, 3 с.

320. История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам. Спб., иждивением имп. Академии наук, 1791.

6, X, 263 с.

321. *Лангер Карл Генрих*. Полный географический лексикон, содержащий в себе по азбучному порядку подробное описание всех частей света, из новейших и

достовернейших известий собранный обоим прав доктором, бывшим при имп. Московском университете юриспруденции профессором, Кенигсбергского и Иенского ученых обществ членом Карлом Гейнрхом Лангером.

Ч. 1—3. М., в тип. при театре у Хр. Клаудия и его иждивением, 1791—1792.

4 т.

Ч. 1. /А—Д/. 1791. 8, 443, 4 с.

Ч. 2. /Е—П/. /1791/. 476 с. Конволют.

Ч. 3. /Р—Я/. /1792/. 383 с. Конволют.

Ч. 3. /Р—Я/. 1792. 2, 383, 4 с. На тит. л.: Р—О.

322. Новиков, Василий Васильевич. Театр судоведения, или Чтения для судей и всех любителей юриспруденции, содержащее достопримечательныя и любопытныя судебныя дела, юридическия исследования знаменитых правоискусников и прочия сего рода произшествия, удобные просвещать, трогать, возбуждать к добродетели и составлять полезное и приятное времяпровождение. Собрал Василий Новиков. Ч. 1—6. М., Унив. тип. у В. Огорокова, 1791—1792.

Ч. 1. 1791. /8/, 222, 1 с.; фронт. (ил).

Ч. 2. 1791. /2/, 210 с.

Конволют

Ч. 3. 1791. /2/, 153, /1/ с.

Ч. 4. 1791. /2/, 143, /1/ с.

Конволют

Ч. 5. 1791. /2/, 167 с.

Ч. 6. 1792. /2/, 165 с.

Конволют

323. Собрание всех помещенных в Ведомостях обеих столиц, с 1787 по 1791 год включительно, реляций о военных действиях против неприятелей Российской империи. Ч. 1—2. М., Унив. тип. у В. Огорокова, 1791.

Ч. 1. Содержащая в себе реляции о действиях против турков, с начала войны по самое подписание прелиминарных пунктов мира июля 31 дня сего 1791 года. 4, 212 с.

Ч. 2. Содержащая в себе реляции о действиях против шведов, с самого начала войны по заключение мира в 1790 году, и ратификацию мирного договора. 4, 135 с.

324. *Шлецер, Август Людвиг*. Представление всеобщей истории, сочиненное Августом Людвигом Шлецером, профессором в Геттингге, с немецкого перевел Имп. Московского университета бакалавр Александр Барсов. М., Унив. тип., у В. Околокова, 1791, /10/, 268 с.

1792

325. *Максимович, Лев Максимович*. Путеводитель к древностям и достопамятностям московским, руководствующий любопытствующего по четырем частям сея столицы к дее-место-описательному познанию всех заслуживающих примечание мест и зданий, как-то: соборов, монастырей, церквей, государственных и частных заведений как старых, так и новых, с надписей и из других достоверных источников собранный, и для удобнейшего оных приискывания азбучною росписью умноженный. Ч. 1—4. М., Унив. тип. у В. Околокова, 1792—1793.

2 т.

Ч. 1. 1792. 309, 1 — XLVII, XLIII, /= XLVIII/ с.

Ч. 2. 1792. 230, XXXV с.

Конволют

Ч. 3. 1793. 103 с.

Ч. 4. 1793. 296 с.

Конволют

326. *Мальгин Тимофей Семенович*. Чиновник российских государей с разными в Европе и Азии христианскими и махOMETанскими владетельными и прочими высокими лицами о взаимных чрез грамоты сношениях издревле по 1672 г., как обоюдные между собою титла употребляли и знаки дружества, почтения, преимущества и величия изъявляли. Выбрал сокращенно из подлинной рукописной книги, сочиненной по велению великого государя, царя Алексея Михайловича, всея России самодержца в 1672 г., и для любопытства любителей отечественной истории издал Имп. Российской академии член, коллежский ассессор Тимофей Мальгин. Спб., при имп. Акад. наук, 1792.

15, 128 с.

327. Правда русская или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. С приложением древняго оных наречия и слога на употребительные ныне, и с объяснением слов и названий из употребления вышедших. Изданы любителями отечественной истории. Спб., тип. Св. правит. Синода, 1792.

2, VIII, 3, 100, XVI с.

328. Список воинскому департаменту и находящимся в штате при войске в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам, также кавалерам военного ордена и старшинам в иррегулярных войсках на 1792 г. Спб., /1792/.

6, 412, 2 с.

329. Указы... Екатерины Алексеевны... состоявшиеся 1769 года с января по 1770 й год. Напечатаны по высочайшему е.и.в. повелению. Спб., при Сенате, 1792.

2, 119 с.

[Конволют]

330. Чулков, Михаил Дмитриевич. Словарь юридический, или свод российских узаконений, временных учреждений, суда и расправы. Часть первая по азбучному порядку; часть вторая по старшинству годов, месяцев и числ от Уложения, или с 7157 года. Собранный над. сов. правит. Сената секрет. Михайлом Чулковым. Ч. 1—2. М., Унив. тип. у В. Огорокова, 1792 [не ранее 1796].

Ч. 1. 1792. 36, 1—229, 228, 232—831 с.

Ч. 2. [Отделение 1. С 1649 по 1732 год]. 1792. 2, 828 с.

Ч. 2. Отделение 2. С 1732 по 1755 год. [Не ранее 1793]. 2, 829—1616 с.

Ч. 2. Отделение 3. С 1755 по 1775 год. [Не ранее 1793]. 2, 1617—2209, 2230—2431 [=2411] с.

Ч. 2. Отделение 4. С 1775 по 1796. [Не ранее 1796]. 2, 2433—3046, 3033.

2 экз.

331. Штат Морскому шляхетному кадетскому корпусу по 600-му числу кадет. /Утвержден в Царском Селе июня 12 дня 1792 года/. /Спб., Сенатская тип., 1792/.

3, 8, 13, 6 с.

Без тит. л.

3 экз.

332. *Щербатов, Михаил Михайлович*. Примечания на ответ господина генерал-майора Болтина, на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, содержащая в себе любопытныя и полезныя сведения для любителей российской истории, також истинныя оправдания и прямыя доказательства против его возражений, критики и охулений. М., Унив. тип. у В. Огорокова, 1792. /2/ XVI, 624 с.

1793

333. *Болтин, Иван Никитич*. Критическия примечания генерал-майора Болтина на первый-второй том истории князя Щербатова /Т. 1—2/ Спб., тип. Корпуса чужестранных единоверцев, 1793—1794.

/Т. 1/ 1793. /2/, XLIV, 352, /1/ с.

/Т. 2/. 1794. /2/, 479, /1/ с.

334. *Болтин, Иван Никитич*. Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. Изд. 2-е. Иждивен. И. Глазунова. Во граде св. Петра, Имп. тип., 1793. 160 с.

335. Екатерина II. Родословник князей великих и удельных рода Рюрика. Спб., имп. тип., 1793.

2, 277 с. 2 экз.

336. *Люде, Яков*. Изображение мундиров российско-императорского войска, состоящих из 88 лиц иллюминированных. Спб., /тип. Сухопутн. кад. корпуса, /1793/. 71 л. ил.

Экз. деф. отсут. 11 с., 17 л. ил.

337. Русская летопись с Воскресенского списка подаренного в оной Воскресенской монастырь патриархом Никоном в 1658. Ч. 1—2. Спб., при имп. Академии наук, 1793.

2 т.

Ч. 1. 1793. 31, 305 с.

Ч. 2. 1794. 5, 320 с.

338. Список Воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам, также кавалерам Военного ордена и старшинам в иррегулярных войсках на 1793 год. Спб., при Гос. военной коллегии, /1793/. 460, 2, 5 с.

339. Указы... имп. Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския, состоявшиеся в 1764 году. Напечатаны по высочайшему ея имп. величества повелению. М., Сенатская тип., /ок. 1793/.

VIII, 606 с.

340. Указы... имп. Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския, состоявшиеся в 1765 году. Напечатаны по высочайшему ея имп. величества повелению. М., Сенатская тип., [ок. 1793].

IV, 273 с.

341. Указы... имп. Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския, состоявшиеся генваря с 1 июля по 1 число 1766 года. Напечатаны по высочайшему ея имп. величества повелению. М., Сенатская тип., [ок. 1793].

VIII, 387 с. 2 экз.

342. Указы... Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския, состоявшиеся в 1767 году... М., Сенат. тип., [ок. 1793].

VIII, 400 с.

343. Указы... Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския, состоявшиеся с 1766 июля с 1 генваря по 1 число 1767 года... М., Сенат. тип., [ок. 1793].

VI, 387—892 с.

344. Указы... имп. Екатерины Алексеевны... состоявшиеся в 1768 году... М., Сенатская тип., [ок. 1793].

VI, 104 с.

345. Указы... имп. Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской, состоявшиеся в 1769 году. Напечатаны по высочайшему ея имп. величества повелению. М., Сенатская тип. [ок. 1793].

[2], IV, 118 с.; 1 л. табл.

346. [Указы, манифесты и другие правительственные постановления, объявленные из Государственной военной коллегии. За 1792 г.][Спб., тип. Гос. воен. коллегии, 1793].

162 с.

Без тит. л. и заголовка. Издат. конвюлот, состоящий из 48 пронумерованных изданий. На первых 6 с. «Оглавление указам 1792 г.».

347. ... Учреждения для управления губерний Всероссийския империи. [Ч. 1]—2. [М.], Моск. Сенатская тип., 1789.

[Ч. 1]. Гл. I—XXVIII, 4, VIII, 220 с.

Ч. 2. Гл. XXIX—XXXI, 221—291, 14 с.

[Изд. не ранее 1793 г]

1794

348. *Чулков, Михаил Дмитриевич*. Словарь юридический или свод российских узаконений, временных учреждений, суда и расправы. Часть первая по азбучному порядку; часть вторая по старшинству годов, месяцев и числ от уложения, или с 7157 года собранный над. сов. правит. сената секрет. Михайлом Чулковым. [Изд. 2-е]. М., Унив. тип., у В. Огорокова, 1793.

Ч. 1. 8, 831 с. 3 экз.

349. Словарь юридический или свод российских узаконений, временных учреждений суда и расправы. Часть первая по азбучному порядку; часть вторая по старшинству годов, месяцев и числ от Уложения, или с 7157 года собранный над. сов. правит. сената секрет. Михайлом Чулковым. [Изд. 2-е]. М., Унив. тип., у В. Огорокова, 1793.

Ч. 1. [8], [28], 831 с. 2 экз.

350. *Георги, Иван Иванович*. Описание российско-императорского столичного города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях оногo. Сочинение И. Г. Георги, врачебная науки доктора, Российско-императорской и Королевской Прусской академии испытателей естества, Курфирстского Вольного экономического и Берлинского общества испытателей естес-

ва, члена. С планом Ч. 1—3. Спб., при Имп. Шляхетн. сухопутн. кад. корпусе, 1794.

Ч. 1. 8, XI, 14, 272 с.; 1 л. план.

Ч. 2. 2, 273—576 с.

Ч. 3. 2, 577—757 с.

351. *Иванишков, Александр Николаевич*. Кавалерский свиток, в коем показаны все ордены в Европе, причины их учреждения, знаки и торжественные одежды. Изд. А—И. Спб., печ. с дозв. указн. по Невской перспективе у Аничк. Мосту, в доме г. Зубова [тип. Богдановича], 1794.

37, 1 с.

352. Список Воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам, также кавалерам Военного ордена и старшинам иррегулярных войсках на 1794 год. Спб., при Гос. воен. коллегии. /1794/. 6, 476 с.

1795

353. *Оссон, Игнас Мураджа де*. Полная картина Оттоманския империи в двух частях: первая замыкает в себе законоположение магометанства; другая историю Оттоманския империи. Труды г. д'Оссона. Украшена рисунками и чертежами. Т. 1. Переложен с фр. на российский язык по высоч. соизволению Михайлом Веревкиным. Спб., при имп. Академии наук, 1795.

Т. 1. 4, LVII, 429, 8 с. с ил.

354. *Раич, Иоанн*. История разных славенских народов, наипаче Болгарь, Хорватовъ и сербов, изъ тмы забвения изъята, и во свете исторический произведенная Иоанном Раичем, архимандритом во Свято-Архангельском монастыре Ковиль. А ныне по высочайшему ея имп. величества повелению с первого в Вене издания напечатана. Спб., тип. Корпуса чужестранных единоверцов, 1795. XXXVII, 317 с., 1 л. карт. С портр. авт.

В СК изд. отсутствует. См. Сопиков В. С. Опыт российской библиографии... Ч. 3. № 4880; Геннади Г. Справочный словарь о русских писателях и ученых... Т. 3. С. 235.

355. Регламент благочестивейшаго государя Петра Великаго отца отечества имп. и самодержца всероссийскаго, о управлении Адмиралтейства и Верфи и о должностях Коллегии адмиралтейской и прочих всех чинов при Адмиралтействе обретающихся. Печатан 6-м тиснением. [Ч. 1.] – 2. [Спб.], при Имп. Акад. наук, 1795.

[Ч. 1]. 2, 16, 202 с.

Ч. 2. 2, 7, 63 с.

356. Российская летопись по списку Софейскому Великаго Новаграда в продолжение издаваемых манускриптов Библиотеки Академии наук по ее повелению. Ч. 1. Спб., при имп. Академии наук, 1795. 7, 372 с.

357. [Таможенный устав 1755 года]. [Спб., тип. Сухопутн. кад. корпуса, не ранее 1795].

[39 с.]

Экз. деф. отсут. с. 41 – 48.

Конволют

358. [Указы, манифесты и другие правительственные постановления, объявленные из Государственной Военной коллегии. За 1794 г.] [Спб., 1795].

234 с.

Без тит. л. и заголовка.

Издан. конволют, состоящий из 66 пронумер. изданий. На первых восьми страницах «Оглавление указам 1794 г.»

359. Устав воинской о должности генералов-фельдмаршалов, и всего генералитета, и протчих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведениях, что каждому чинить должно. Напечатана повелением ея имп. величества, 9-м тиснением. Спб., при Имп. Акад. наук, 1795. 114, 138 с.

360. *Шишков Александр Семенович*. Трехязычный морской словарь на английском, французском и русском языках в трех частях. Собрал и объяснил флота капитан Александр Шишков. [Спб.], тип. Морского шляхетн. кад. корпуса, 1795.

6, VIII, 84, 169, 41 с.

361. Ювеналий (Воейков, Иван Григорьевич). Краткое историческое начертание жизни лейбгвардии подпоручика Феодора Михайловича Булгакова. И заветы его, сочиненные им к сыну своему. Собраны игуменом Ювеналием из фамилий Воейковых. В пользу духовную, истинного христианина и честного человека. Печатаны иждивением друга покойного Ф.Д.Р.Б.Л.К.В. [Федора Булгакова]. М., Сенатская тип., у В. Окорокова, 1795. 14 с., 1 л. ил.

1796

362. Екатерина II, имп. Наказ е. и. в. Екатерины Вторья самодержицы всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения, с принадлежащими к тому приложениями. М., Сенатская тип., 1796.

134, 258 с.

362^a. Список Военному департаменту и находящимся в штате при войске в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету, шефам и штаб-офицерам, также кавалерам Военного ордена и старшинам в иррегулярных войсках на 1796 год. Спб., при Гос. воен. коллегии, [1796]. 6, 454 с.

Экз. деф. отсут. с. 455—542.

363. Список военному департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету, шефам и штаб-офицерам, также кавалерам военного ордена и старшинам в иррегулярных войсках на 1796 год. Спб., при Гос. военной коллегии, [1796].

6, 542 с.

364. Список находящимся в статской службе чинам на 1796 год. [Спб., тип. Брейткопфа, 1796]

2, LI, 268 с.

365. Указы... имп. Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския, состоявшиеся в 1764 г. Напечатаны по высочайшему ея имп. величества повелению. Спб., при Имп. Акад. наук, [не ранее 1796]. VIII, 1—322, 833—840, 341—606 с.

366. Указы... имп. Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския, состоявшиеся в 1765 году. Напечатаны по высочайшему повелению. Спб., при Имп. Акад. наук [не ранее 1796].

[2], IV, 273 с. 3 экз.

367. [Указы, манифесты и другие правительственные постановления, объявленные из Государственной военной коллегии. За 1795 г.] [Спб., 1796].

292 с.

Без тит. л. и заголовка.

Издат. конволют, состоящий из 72 пронумерованных изданий. На первых восьми страницах «Оглавление указам 1795 г.»

368. [Указы государя императора Павла Первого, самодержца всероссийского. [С ноября по декабрь 1796 г.] М., Сенат. тип., [1796].

108 л.

Издат. конволют. Огл. отсут.

369. [Указы е.и.в. самодержца всероссийского из правительствующего Сената. Ноябрь — дек. 1796 г., янв. 1797 г.] [Спб., 1796 — 1797].

95 с.

Имеется рукоп. реестр указам, рукоп. копии указов.

370. Уложение по которому суд и росправа во всяких делах в Российском государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении е. в. государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея России самодержца в лето от сотворения мира 7156. 9-м тиснением. Спб., при имп. Акад. наук, 1796.

2, 256, 36 с.

[Портр. отсут.]

371. Уложение, по которому суд и росправа во всяких делах в российском государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении его величества государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея России самодержца в лето от сотворения мира 7156. 9-м тиснением. Спб., при имп. Акад. наук, 1796.

2, 238 с.

[Экз. деф.]

1797

372. ... Воинский устав о полевой пехотной службе с планами. М., Сенатская тип., 1797. VII, 322 с., 13 л. табл.

372^a. ... Воинский устав о полевой пехотной службе. М., при гос. военной коллегии, 1797.
2, VIII, 357 с.; 11 л. планов.

373. Конвенция между их величествами императором всероссийским и королем прусским, за приступлением к оной и его величества императора римского об окончательном разделе Польши между взаимными их державами, заключенная в Санкт-Петербурге генваря 15/26 дня 1797 г. Спб., имп. тип., 1797.

22 с. [Текст на рус. и польск. яз.]

374. Межевая инструкция канцеляриям и канторам, с методами и указами к оной принадлежащими. М., Сенат. тип., 1797. 589 с. разд. паг., 2 л. форм.

374 а. Общий тариф для всех портовых и пограничных таможен Российской империи, кроме состоящих таможен в Астраханской, Оренбургской, Тобольской и Иркутской губерниях. [Утв.] В Гатчине 12 октября 1797 года. Ч. 1—2. Спб., при правит. Сенате, [1797].

Ч. 1. О привозных из чужих краев в Россию товарах. 2, XIV, 117 с.

Ч. 2. Об отпускных из Росии товарах. 119—186 с.

375. Тактические правила или наставление воинским эволюциям с планами. [Спб.], тип. Морск. шляхетн. кад. корпуса, 1797.

2, III, 1—248, 149 [=249] с; 13 л. план.

376. Трактат о торговле и мореплавании между Росийскую империею и короною Великобританскою заключенный в Санктпетербурге февраля 10/21 дня 1797 года. [Спб., тип. Губернского правления, 1797]

2, 28 с.

Текст парал. на рус. и франц. яз.

377. Указ государя имп. Павла Первого, самодержца всероссийского об учреждении школы при Сенате для юнкеров. Спб. [1797]

9 с.

378. [Указы, манифесты и другие правительственные постановления, объявленные из Государственной Военной коллегии. За 1796 г.] [Спб., 1797]

8, 72 с.

Без тит. л.

Издат. конволют, состоящий из 29 изданий. № 8 с. оглавление — «Реестр печатным указам 1796 г» (рук.).

379. [Указы, манифесты и другие правительственные постановления, объявленные из Государственной Военной коллегии. За 1796 г.]. [Спб., 1797]

24, 194 с.

Без тит. л. и заголовка.

Издат. конволют, состоящий из пронумерованных указов с № 30 по № 119. На 24 рукоп. страницах оглавление печатным указам.

380. [Указы е.и.в. самодержца всероссийского из правит. Сената за январь — февраль 1797 год] [Спб., 1797]

60 л.

Рукоп. реестр указам.

381. [Указы е. и. в. самодержца всероссийского из правительствующего Сената. За янв.-июнь 1797 г.] [Спб., 1797]

287 с.

Рукоп. реестр указам.

382. Устав Военного флота по высочайшему повелению государя имп. Павла Первого изданный в 1797-м году. [Спб.], тип. Морск. шляхетн. кад. корпуса, того же года [1797]. 2, III, 360 с.; фронт. (ил.) 1 л. табл.

382^a. Учреждение об императорской фамилии. М., печ. при Сенате, апреля 5 дня 1797. 2, X, III с. 4 экз.

383. Учреждение об императорской фамилии. [Спб.], тип. Морск. шляхетн. кад. корпуса, 1797.

VIII, 2, III с.

384. Учреждение об императорской фамилии. [Спб., печ. при Губ. правлении, 1797].

[2], VIII, 79 с.

385. Учреждение об императорской фамилии. [Спб., тип. Гос. воен. коллегии], апреля 5 дня 1797.
2, X, 77 с.

386. Учреждение об императорской фамилии. [М., печ. при Моск. губ. правлении, августа дня 1797].
2, X, 92 с.

387. [Штаты губерниям. Конфирмованные декабря 31 дня 1796 г. М., Сенат. тип., 1797].
140 с.
Конволют

388. [Штаты губерниям. М., 1797]
128 с.

[Штаты, конфирмованные Павлом I 31 дек. 1796 г. На отд. нenum. л.]

1798

389. *Захарьин, Петр Михайлович*. Новый синопсис или краткое описание о происхождении славенороссийского народа, владычествование всероссийских государей в Нове городе, Киеве, Владимире и Москве, с подробным повествованием, поражения страшнога татарских войск полководца Мамаю, от Дмитрия Иоанновича великого князя московского, и о последующих по нем великих князях и царях до вступления на престол государя имп. Петра Великого, из разных повестописателей собранное и дополненное поручиком Петром Захарьиным. Николаев, Черном. адмиралтейская тип., 1798.

12, 1 — 239, 244 — 273, 276 — 277, 279 — 358, 336 с.

390. *Иннокентий (Гизель)*. Синопсис или краткое описание от различных летописцев, о начале славенского народа, о первых Киевских князях, и о житии святого благовернаго и великого князя Владимира, всея России первейшаго самодержца, и о его наследниках, даже до благочестивейшаго государя царя и великого князя Федора Алексиевича, самодержца всероссийскаго, осмым тиснением изданное в пользу любителям истории. Спб., при имп. Академии наук, 1798.

238 с.

391. Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. Ч. 1—4. Спб., печ. у И. К. Шнора, 1798—1799.

4 т.

Ч. 1. 1798. XXVI, 233 с.

Ч. 2. 1798. XI, 243 с.

Ч. 3. 1799. VII, 327 с.

Ч. 4. 1799. VI, 200 с.

392. Полный немецко-российский лексикон, из большого граматикально-критического словаря г. Аделунга составленный, с присовокуплением всех для совершенного познания немецкого языка нужных словоизречений и объяснений; издано обществом ученых людей. Ч. 2. М — Z. Спб., 1798.

4, 1060, 4 с.

393. Полной французской и российской лексикон, с последняго издания лексикона Французской академии на российской язык переведенный 2-е издание рачительнейше сличенное с французским оригиналом, исправленное и дополненное статским советником И. Татищевым. Т. I. А—К. Спб., Имп. тип. у И. Вейтбрехта, 1798.

4, VIII, 957 с.

394. *Правиков, Федор Денисьевич*. Памятник из законов... собранный по азбучному порядку трудами сенатского переводчика Федора Правикова. Ч. 1—4. Владимир, тип. губ. правления, 1798—1804.

5 т.

Ч. 1. ...руководствующий к познанию приказного обряда... 1798. 12, 1—472, 471—478, 481—604 с.

Ч. 2. ...руководствующий к познанию должностей, возложенных на присутственные места и на обретающихся в них, собранный трудами сенатского секретаря Федора Правикова. 1799. 8, 520 с.

Ч. 3. Отделение 1. ...руководствующий к познанию их, собранный трудами надворного советника Федора Правикова. 1800. 6, 596 с. /изд. не ранее 1802/.

Ч. 3. Отделение 2. ...руководствующий к познанию их, собранный трудами надворного советника Федора Правикова. 1802. 4, 597—1164 с.

Ч. 4. ...с дополнением всех значущихся в прежних трех частях материй вновь состоявшимися узаконениями и другими нужными обстоятельствами, собранный трудами надворного советника Федора Правикова. Ч. 4. М., 1804. 3, 343 с.

395. [Указы, манифесты и другие правительственные постановления, объявленные из Государственной военной коллегии. За 1797 год]. [Спб., тип. Гос. воен. коллегии, 1798].

Т. I. 1797 года генваря с 1-го июля по 1-е. X, 452 с.
Оглавл. указам с № 1 по № 160.

396. [Указы, манифесты и другие правительственные постановления, объявленные из Государственной военной коллегии. За 1797 г. Т. I. генваря с 1-го июля по 1-е. Спб., 1798].

Разд. паг.

Без тит. л. и заголовка издат. конволют. Оглавление пронумерованных указов отсутствует. Экз. деф. — с № 1 по № 160 с пропуск.

397. [Указы, манифесты и другие правительственные постановления, объявленные из Государственной военной коллегии. За 1797 г. Т. 2. 1797 года июля с 1-го генваря по 1-е 1798 года. Спб., 1798].

XV, 623 с.

Без тит. л. и заголовка. Издат. конволют; сост. из пронум. указов с № 161 по № 372. На с. I—XV «Оглавление указам ...»

398. Устав столичного города Санктпетербурга. [Утв.] Сентября 12 дня 1798 года. В Гатчине. — [Спб., тип. Гос. воен. коллегии, 1798].

5, 23, 9 с.

399. Устав столичного города Санктпетербурга. [Утв.] сентября 12 дня 1798 года. В Гатчине. — [М., при Сенате, 1798].

4, 28, 8 с.

400. Устав столичного города Санктпетербурга. [Утв.] Сентября 12 дня 1798 года. В Гатчине. [Спб., 1798].

6, 23, 8, 2, 7, 2 с.

401. Штаты училищ для учеников штурманских и корабельной архитектуры, по повелению государя императора Павла Первого. Особым Комитетом сочиненные в 1798-м году и е.и.в. высочайше конфирмованные того же года августа в 20-й день. Спб., 1798.

2, 8 л.

Конволют

402. *Яковкин, Илья Федорович*. Летосчислительное изображение Российской истории. Иждивением и трудами Ильи Яковкина. Спб., при имп. Академии наук, 1798.

2, 42 с.

1799

403. *Журавлев, Андрей Иванович*. Полное историческое известие о древних стригольниках, и новых раскольниках, так называемых, старообрядцах, об их учении, делах и разногласиях. Собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем, церкви Сошествия святого духа, что на Большой Охте, протоиереем Андреем Иоанновым. Изд. 3-е, исправлено и умножено прибавлениями. Ч. 1 — 4. Спб., при имп. Акад. наук, 1799.

III, 434 с.; 1 л. портр.; 11 л. ил.

404. *Иларионов, Егор*. Услаждение жизни моей, или христианин во уединении уклонившийся от мира. Российское сочинение. М., Губ. тип., у А. Решетникова, 1799.

6, 172, II с.

405. *Кук, Джеймс*. Путешествие в южной половине земного шара и вокруг онаго учиненное в продолжение 1772, 73, 74 и 75 годов, английскими королевскими судами Резолюциейю и Адвентюрором под начальством капитана Иакова Кука. С франц. перевел Логин Голенищев Кутузов. Ч. 4. Спб., 1799.

4. III, 243, XXXIX с.; 4 л. карт., черт.

406. *Ларошфуко-Лианкур, Франсуа Александр Фредерик, де*. Историческое описание о наказании преступников в Филадельфии. Перевел с немецкого языка Семен Венечанской. М., Унив. тип. у Ридигера и Клаудия. 1799. 111 с., 1 л. табл.

407. Правда русская или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. С приложением древнего оных наречия и слога на употребительные ныне, и с объяснением слов и названий из употребления вышедших. Изданы любителями отечественной истории. /М./, Моск. Синодальная тип., 1799. /2/, VIII, /13/, 104, XVI с.

408. Список состоящим в гражданской службе чинам... на 1799 год. [Ч. 1—2. Спб., 1799]

[Ч. 1] ...первых пяти классов...

2, 93, 2 с.

[Ч. 2]. ...шестого и седьмого классов...

238, 1 с.

409. Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти государя имп. Петра Великого самодержца всероссийского. Состоявшиеся с 1714, по кончину его имп. величества, генваря по 28 число, 1725 году. Печатаны 4-м тиснением. /Спб./, при Имп. Акад. наук, 1799.

2, 1096 с.

410. [Устав столичного города Москвы. [Утв.] генваря 17 дня 1799 года в Санктпетербурге. Спб., Сенатская тип., 1799]. 3, 23, 11 с.

3, 44 с.

411. *Шишков, Александр Семенович*. Список кораблям и прочим судам всего российского флота от начала заведения оного до нынешних времен, с историческими, вообще о действиях флотов и о каждом судне, примечаниями. Собрал, из достоверных записок и журналов, контр-адмирал Александр Шишков.

Ч. 1. Содержащая в себе царствование государя Петра Великого. [Спб.], тип. Морск. шляхетн. кад. корпуса, 1799. [7], 323 с.

1800

412. *Беляев, Осип Петрович*. Кабинет Петра Великого. Издано по высочайшему повелению, Имп. Академии наук унтер-библиотекарем Осипом Беляевым. Отд. 1—3. Спб., Имп. тип., 1800.

3 т.

Отд. 1, содержащее в себе подробное описание воскового его величества изображения, Военной и гражданской одежды, собственноручных его изделий, и всех вообще достопамятных вещей лично Великому сему монарху принадлежавших, и ныне в Санктпетербургской имп. Акад. наук Кунсткамере сохраняющихся, с присовокуплением к ним четырех гравированных фигур. [8], 215 с., 3 л. ил.

Отд. 2, содержащее в себе подробное историческое описание всех вообще достопамятных как естественных, так и искусственных вещей, в Кунсткамере Санктпетербургской имп. Академии наук, сохраняющихся, с присовокуплением многих таблиц, и разных любопытных анекдотов. [3], 287 с.

Отд. 3, заключающее в себе описание древних и новейших российских и иностранных монет и медалей; разных драгоценнейших золотых и серебряных редкостей; российских и чужестранных минералов; окаменелостей, кораллов, раковин, травников, и на конец разных живописных картин, с присовокуплением многих таблиц. [3], 1 – 263, 266 – 278 с.

413. [Всевысочайшие приказы, отданные в присутствии е.и.в. государя императора]. 1799 года. [Спб., тип. Гос. воен. коллегии, 1800].

1 – 294, 297 – 304, 303 – 388.

Приказы по армии с 1 января по 31 дек. 1799 г.

414. *Гогреве, Иоганн Людвиг*. Описание судоходных каналов, выкопанных в Англии с 1759 года и ныне по большей части оконченных, для внутренняго сообщения знатнейших торговых городов, с присовокуплением опыта истории о внутреннем судоходстве и всех до ныне внутри и вне Европы известных судоходных каналах, сочиненное на немецком языке королевским великобританским и курфиршеским брауншвейг-линебургским инженер-капитаном И. Л. Гогревом и переведенное на российской язык Гаврилой Борзовым, с приложением 23 рис. Напечатано по высочайшему повелению. Отд. 1 и 2. Спб., при Имп. Акад. наук, 1800.

8, VI, 230, 2 с.; 23 л. карт., черт., план.

415. *Григорович-Барский, Василий Григорьевич*. Пешеходца Василия Григоровича-Барского-Плаки-Албова, уроженца киевского, монаха антиохийского, Путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимися, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году, им самим писанное. Изданное 5-м тиснением. Ч. 1—2. Спб., иждивением имп. Акад. наук, 1800.

Ч. 1, содержащая в себе странствование его с 1723 по 1735 год. XII, 411 с.

Ч. 2, содержащая в себе странствование его с 1735 по 1747 год. 411—796 с.

416. *Плавильщиков, Алексей Алексеевич*. Журнал правовередения на 1796 год; или Содержание именных высочайших и Правительствующего Сената указов, в течение 1796 года изданных, с показанием: когда они состоялись, где напечатаны или в какие места посланы. М., Губ. тип. у А. Решетникова, 1800.

66, X с.

Конволют

417. *Плавильщиков, Алексей Алексеевич*. Журнал правовередения на 1797 год; или содержание именных высочайших и Правительствующего сената указов, в течение 1797 года изданных, с показанием: когда они состоялись, где напечатаны, или в какие места посланы. М., Губ. тип. у А. Решетникова, 1801.

282, XXIV с.

Конволют

418. *Плавильщиков, Алексей Алексеевич*. Журнал правовередения на 1797 год; или содержание именных высочайших и правительствующего Сената указов, в течение 1797 года изданных, с показанием: когда они состоялись, где напечатаны, или в какие места посланы. М., Губ. тип. у А. Решетникова, 1801.

282, XXIV с.

419. *Правиков, Федор Денисьевич*. Памятник из законов, руководствующий к познанию их; собранный

трудами надворного советника Федора Правикова. Ч. 3. Отделение 1. Владимир, тип. Губ. правления, 1800.

596 с.

[Изд. 1-е].

420. Постановление Коммерц-коллегии [Утв.] Сентября 13 дня 1800 года. Гатчина. [М., Сенатская тип., 1800] 7, [2] с.

Без тит. л.

Экз. деф. Начало см. после с. 7.

Конволют

421. Список состоящим в гражданской службе чинам второго, третьяго, четвертаго и пятаго классов на 1800 год. [Спб., 1800].

2, 101, 1 с.

422. Список состоящим в гражданской службе чинам шестого и седьмаго классов на 1800 год. [Спб., 1800].

2, XXVI, 282, 12, 2 с.

423. *Стриттер, Иван Михайлович*. История Российского государства, сочиненная статским советником и кавалером Иваном Стриттером. Ч. 1—3. Спб., печ. у содержателя тип. Комиссии об учреждении школ, Федора Брункова, 1800—1802.

Ч. 1. 1800. 6, 635 с.; 6 л. табл.

Ч. 2. 1801. 2, 530 с.

Ч. 3. 1802. 2, 328 с.

Публикация Е. К. Авраменко
С.-Петербург

РЕЦЕНЗИИ

Статьи о Пушкине в английском сборнике к 70-летию Ю. М. Лотмана

Literary Tradition and Practice in Russian Culture. Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yury Mikhailovich Lotman «Russian Culture: Structure and Tradition», 2–6 July 1992 Keele University, United Kingdom. Edited by Valentina Polukhina, Joe Andrew and Robert Reid, Amsterdam-Atlanta, GA, Rodopi, 1993.

В июле 1992 г. в английском университете г. Киль состоялась представительная конференция, в которой участвовали ученые Англии, США, Италии, России, Эстонии, Финляндии, Швеции, Германии, Дании, Голландии, Франции, Швейцарии, Японии. Такое крупное мероприятие оказалось возможным благодаря энергии коллег из Киль-университета и помощи славистов из итальянского университета г. Бергамо во главе с профессором Ниной Каучишвили. Финансовую помощь оказали еще некоторые банки и фонды, а патронами конференции были сэр Исая Берлин, Иосиф Бродский и другие известные лица.

К сожалению, болезненное состояние «виновника» конференции Ю. М. Лотмана не позволило ему приехать в Англию. Но он прислал доклад. Некоторые другие предполагавшие приехать коллеги по разным причинам тоже не смогли прибыть и прислали свои статьи-доклады. Трудов накопилось так много, что три сотрудника Киль-университета, фактические организаторы конференции — Валентина Полухина, Джо Эндрю, Роберт Рид, — выступают теперь и как издатели

материалов конференции, которые сформированы в три объемистых тома.

Второй том вышел*, третий печатается, а первый, благодаря издательству Родопи (Амстердам, Голландия — Атланта, Джорджия, США), уже давно известен ученым. Он содержит статьи 20 ученых на самые разные литературоведческие темы. Статьи посвящены и классикам русской литературы (Гоголь, Тютчев, Тургенев, Л. Толстой, Лесков, Цветаева, Пастернак, Мандельштам и др.), и современным писателям, постепенно входящим в «классику» (Бродский, Битов), и интересным второстепенным литераторам (из XIX в. — Елена Ган, из XX — польский футурист Александр Ват). Большинство статей — на английском языке, шесть — на русском.

Естественно, нас больше всего интересуют статьи о Пушкине. Том разделен на три жанрово-тематических части: «Общие работы», «Поэзия», «Проза». Во втором отделе есть статьи о поэтах пушкинского окружения: Евгения Пермякова о «Записных книжках» кн. Вяземского (почему-то она попала в «Поэзию»: наверное, имя поэта и диссертация автора именно о Вяземском-поэте загипнотизировали составителей), Игоря Пильщикова «Бродский и Баратынский», где используются и пушкинские стихи; в третьем отделе Пушкин весомо фигурирует в статье Пекка Песонена о прозе Андрея Битова, немного — в статье Нины Перлиной о неоконченных эпизодах в «Мертвых душах» Гоголя. Но главные пушкинские материалы — в первом отделе. Он содержит всего две статьи: Ю. М. Лотман. Смерть как проблема сюжета; В.Н. Топоров. О «резонантном» пространстве литературы. Статьи принадлежат выдающимся нашим ученым, и обе фактически посвящены Пушкину.

Больно и даже жутковато ощущать, что статья на серьезнейшую, глубочайшую тему создавалась Ю. М. Лот-

---

* Structure and tradition in russian society. Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yury Mikhailovich Lotman: «Russian culture: structure and tradition», 2—6 July 1992 Keele University, United Kingdom. Edited by Robert Reid, Joe Andrew and Valentina Polukhina. Helsinki, 1994.

маном во время предсмертных его недугов, в полном понимании, что скоро наступит конец — и тем величественнее звучат написанные им строки. Конечно, всем участникам данного сборника хотелось преподнести Ю.М. Лотману научный подарок. Валентина Полухина в Предисловии, датированным июлем 1993 г., прямо обращается к Юрию Михайловичу... Увы, дни его уже были сочтены, в октябре он ушел из жизни.

Статья Ю.М. Лотмана, как обычно, насыщена идеями, культурологическими и литературоведческими. Замечательны рассуждения об осмысленности человеческой деятельности, приводящей к целенаправленности и, следовательно, к пониманию конца; о доминантной роли начала-конца в искусстве (когда демонстративный отказ Пушкина «закончить» «Евгения Онегина» лишь подтверждает этот принцип); о создании циклических, во времени, моделей мира как своего рода преодолении линейного пути к концу, преодолении смерти; об осознании смерти как сложного акта скрещения космических и человеческих структур; о максимальной смысловой нагрузке в случае ранней, т. е. насильственной смерти; о героическом «безумии» как способе преодолеть смерть и т. д. Эти идеи Ю. М. Лотмана будят мысль читателей, стимулируют расширение проблематики, включение ее в другие пласты и аспекты.

Написать такую творческую статью, будучи смертельно больным, конечно, подвиг. Автору невозможно было при этом избежать некоторых неточностей. Например, вряд ли справедлива такая категорическая формулировка: «Литературное произведение, вводя в сюжетный план тему смерти, фактически должно при этом подвергнуть ее отрицанию» (с. 6). Слишком односторонне сказано. Ведь далее, в том же абзаце, Ю.М. Лотман справедливо связывает «относительность изображения смерти на сцене» и «абсолютность ее в жизни». Насчет «абсолютности» в жизни тоже еще бабушка на двое сказала, но по крайней мере на сцене, пусть и относительно, смерть существует. Так что вряд ли стоит говорить о ее *полном* отрицании в художественном сюжете.

Статья почти целиком базируется на пушкинском материале и лишь под конец автор переходит к интересной проблеме мемуарной лжи как способа изменить, переписать историю — тогда главным объектом становятся воспоминания Д.И. Завалишина. И создается такое ощущение, что статья не кончена: как будто бы автор должен был вернуться к главной теме статьи. Мы, разумеется, никогда не узнаем, почему получилось именно так и почему возникает чувство незаконченности, но можно поугадывать... Не владело ли Ю. М. Лотманом сознательное желание сделать финал незавершенным? А может быть, и не было сознательного желания, все это создалось стихийно. Наверное, не так уж важно, сознательно или нет, важно, что такая открытость финала, бесконечность на сюжетном уровне статьи демонстрирует тоже относительность конца и неисчерпаемость жизни.

Статья В.Н. Топорова посвящена «захватам» писателем материалов из других текстов: чужих (на эту тему — первый раздел статьи «Пушкин и Проперций») или своих (второй раздел, о Пастернаке). Удачен физический термин «резонанс»: «эхо», «учеба», «заимствование», «цитата», «скрытая цитата» и т. п. — предполагают одностороннее движение от дающего к воспринимающему, а резонанс всегда подразумевает именно взаимосвязанность и усиление взаимосвязанности. Вряд ли целесообразно говорить об «обратной связи»: Проперций не знал Пушкина! А Пушкин, сознательно или бессознательно, вместе с сознательными читателями (уникальный В.Н. Топоров благодаря этой статье расширяет их круг), создает эффект именно резонанса: мы не только раструбом воронки, в новом свете воспринимаем сложно расширяющееся у Пушкина наследие Проперция, но и «опрокидываем» это пространство назад, по-новому прочитывая, в свете пушкинского творчества, и древнее наследие Проперция... И, кстати сказать, эффект резонанса оказывается хорошим критерием — банальный повтор перед нами или творческое преображение: лишь во втором случае возникает резонанс, в первом он невозможен.

Всегда скромный В.Н. Топоров после названия своей статьи дал в скобках подзаголовок: «Несколько замечаний», но эти замечания вылились, помимо 5-страничного введения, в законченную работу «Пушкин и Проперций» (13 стр.), в существенные штудии о Пастернаке (12 стр.) и в обстоятельные примечания (16 стр. петита).

Изумительная эрудиция автора особенно проявляется в пушкинском разделе (у меня возникло лишь одно дополнение: жаль, что не упомянуты фундаментальные работы Ю.П. Суздальского на тему «Пушкин и античность»). Пушкин прямо нигде не упоминал и не цитировал Проперция, но В.Н.Топоров обнаружил и свел воедино немало отсылок, описаний, цитат, переводов из Проперция в тогдашней русской печати, поэтому имел полное право почти художественно сказать, что в русской культуре 1810-х гг. «склубляется некий "проперцианский" комплекс» (с. 26), который не мог не воздействовать на отзывчивого Пушкина.

Опуская обилие частных наблюдений, а также привлечение барочного испанского поэта Кеведо как своеобразного усилителя резонансной связи Проперций—Пушкин (см. с. 32), остановлюсь на самой главной теме, подробно рассмотренной В.Н. Топоровым.

Речь идет об очень существенных для Проперция словесных формулах, в разных вариантах трактующих силу любви поэта, должной сохраниться и посмертно, и жажды, чтобы и любимая осталась верной; формулах, которые, опять же в разных вариантах, трансформируются у Пушкина (например, замечательно, что знаменитая пушкинская строка «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» восходит к проперцианской «*in amore dolere volo*» — «хочу страдать любя»).

Потрясает переключка, которая невольно возникает между статьями Топорова и Лотмана: ведь и здесь, главным образом, идет речь о смерти, вернее о смерти-бессмертии, о любви после смерти, об открытости, незавершенности человеческой жизни.

В.Н. Топоров во введении к своей статье так говорит о «подобном», необходимом ядре резонанса: «...подобное не может не иметь (...) своей телеологии, и, если

угодно, своей мистики» (с. 20–21). Воистину. Можно воочию наблюдать, что интерес В.Н. Топорова к резонансным взаимосвязям в литературе совершенно мистически оказался подкрепленным неожиданным резонансом, возникающим в сознании читателя обеих статей первого раздела ценного литературоведческого сборника.

Б.Ф. Егоров
С.-Петербург

Новый вклад в изучение старообрядческого книгопечатания

И.В. Починская. Старообрядческое книгопечатание XVIII — первой четверти XIX веков. Екатеринбург, 1994.

Издание книги И.В. Починской о старообрядческом книгопечатании ожидалось исследователями старопечатной кириллической книги. В публиковавшихся ею в течение ряда лет статьях и тезисах можно было обнаружить такие заключения или мнения, которые заставляли предполагать знакомство ее с новыми, не известными науке материалами. Однако только в книге И.В. Починская смогла, наконец, последовательно и подробно изложить результаты своих изысканий, что было невозможно при обращении к жанру небольшого научного сообщения, и это позволяет теперь в полной мере оценить то, чего достигла исследовательница в изучении старообрядческого книгопечатания.

Книга И.В.Починской состоит из двух частей: исследования и альбома орнаментики старообрядческих изданий, дополненного выборочным описанием этих изданий. Обе части имеют самостоятельное значение, и поэтому каждая из них требует специального рассмотрения.

В исследовании (С. 9–83) И.В. Починская попыталась выяснить, какова была роль стародубских слобод в развитии старообрядческого книгопечатания, что способствовало изданию книг для старообрядцев в той или иной из существовавших типографий или возникнове-

нию в том или ином селении собственно старообрядческих типографий, наконец, каковы были истоки такого явления, как старообрядческая книга XVIII — первой четверти XIX в. Для решения этих вопросов исследовательница вполне последовательно рассматривает историю печатания книг для старообрядцев, причем (и это несомненное достоинство ее труда) в отличие от большинства своих предшественников (что легко уяснить из истории изучения старообрядческого книгопечатания, представленной в введении к книге — С. 3—8) на основе архивных материалов, почерпнутых в результате целенаправленного поиска в ряде архивохранилищ России, Белоруссии, Литвы и Украины. Архивные поиски И.В. Починской увенчались несомненным успехом: благодаря этой работе ей удалось уточнить некоторые даты, касающиеся деятельности типографий (например, дату закрытия разрешенных типографий в Клинцах, см. С. 52—53), ввести в научный оборот новые имена, связанные со старообрядческим книгопечатанием (см., к примеру, С. 48), новые и очень интересные сведения о таких деятелях, как В. Железников, Д. Федоров, К. Колычев.

Вместе с тем, в исследовании нельзя не заметить абсолютизации И.В. Починской архивных сведений, выразившейся в отсутствии критики материалов архивных документов или, быть может, в предпочтении извлеченных из архивов свидетельств всем прочим. Особенно это заметно в доверии автора к материалам допросных статей, которые должны рассматриваться как требующие наиболее строгой критики, поскольку довольно трудно представить человека, который бы на следствии не пытался умалить своих прегрешений, но заботился только об интересах следствия и говорил исключительно правду. Однако И.В. Починская предпочитает доверять А. Карташеву, объявившему на дознании 1817 г., что типография в Клинцах была устроена им и его отцом лишь в 1805 г., так как о высочайшем дозволении им стало известно в 1803 г. (С. 60), даже несмотря на то, что известие об этом дозволении достигло Стародубья в действительности раньше (на него уже в 1802 г. ссылался купец Козин из Зыбковского посада, прося о позволении ему завести типографию), и несмот-

ря на то, что существует достаточное количество клинцовских изданий на бумаге 1799—1805 гг., в выходных сведениях которых встречается указание «с Верховного дозволения», «в типографии, дозволенной Высочайшею Властью» и т. п., а также несмотря на то, что еще до 1805 г. появились перепечатки с некоторых из этих изданий в Махновке.

Недостаточностью критики архивных свидетельств, кажется, следует объяснить и ту приверженность автора к архивным материалам, которая видна в появлении некоторых упущений и недочетов в случаях, когда поиск в архивах не дал положительного результата. Так, по-видимому, именно это стало причиной неупоминания в исследованиях ясской типографии, существование которой в 90-х гг. XVIII в. все-таки нужно признать, поскольку иначе, к примеру, просто невозможно объяснить, для чего старообрядцам, если указание на Яссы в качестве места издания было ложным, потребовалось ссылаться на покровительство кн. Потемкина. Отсутствие необходимых архивных документов, очевидно, позволило И.В. Починской предположить также, что типография Д. Рукавишникова и В. и Я. Железниковых продолжала свою деятельность в течение 90-х гг. XVIII в. (С. 54). При этом она не сообщает, сколько и каких изданий вышло из этой типографии в указанное время, что, впрочем, не удивительно, так как типографский материал Железниковых появляется в эти годы в ясских изданиях, а типографский материал Д. Рукавишникова почти весь остается без употребления.

Несмотря на то, что методы решения поставленных в работе И.В. Починской вопросов вызывают некоторые возражения, главные выводы, к которым она приходит, следует считать вполне доказанными. Нет сомнения, что именно Стародубье явилось тем центром, который имел наибольшее влияние на книгопечатную деятельность старообрядцев в XVIII — первой четверти XIX в., а также, что старообрядческая книга представляет собою «особый тип книги» (правда, И.В. Починская не показывает, в чем заключалась эта особенность старообрядческой книги, кроме ее непохожести на московскую XVII в.). Утверждение автора, что в старообрядческой

книге «синтезированы традиции русской, белорусской, украинской книжности» (С. 69), к сожалению, осталось без доказательств, поскольку исследование не дает представления о том, каковы были эти традиции и что именно могли синтезировать старообрядцы.

Что касается альбома орнаментики (а это 71 лист с 455 изображениями гравированных украшений старообрядческих изданий), то о нем, безусловно, следует говорить как о не менее ценной, чем исследование, части труда И.В. Починской. В отличие от уже публиковавшегося альбома старообрядческой орнаментики¹ он воспроизводит не только заставки и концовки, но и рамки для маргиналий, инициалы, гравюры старообрядческих изданий, причем главным образом — изданий XVIII в. (кроме клинцовских), украшения которых вовсе не вошли в предшествовавший ему альбом.

При рассмотрении альбома, составленного И.В. Починской, возникает, между тем, вопрос о принципах воспроизведения в нем гравированных украшений старообрядческих изданий, и поскольку это в книге нигде не оговаривается, приходится ограничиваться предположением о том, каковы были эти принципы. Даже предварительные наблюдения показывают, что орнаментика в альбоме в отступление от принятых правил воспроизводится, к сожалению, не всегда в натуральную величину. Свидетельством тому может служить, к примеру, несоразмерность оттисков с одной доски, представляющих собой разные степени разрушения этой доски (ср. № 38, 39, 40, 41; № 51 и 52). В связи с этим напрашивается вывод о том, что при пользовании альбомом, приложенным И.В. Починской к своей книге, следует учитывать только особенности рисунка, но никак не размеры воспроизводимых в нем гравированных украшений.

В качестве дополнительных к альбому орнаментики материалов в книге представлены выборочные (к сожалению) описания старообрядческих изданий (С. 85—150). Всего таких описаний 89 (к 87 описаниям, имеющим последовательный счет, нужно добавить одно, получившее номер с индексом «а» — № 59а, и еще одно, которое не отделено от описания другого издания, являющегося 1-м аллигатом издательского конво-

люта, как раз и ставшего предметом описания, — см. № 39). В этом каталоге, по большей части — впервые, дана весьма подробная характеристика книг, до того так подробно никогда не описывавшихся, отчего эта часть книги И.В.Починской, приобретая значение пособия, незаменимого при отождествлении экземпляров старообрядческих книг, требует наиболее внимательного рассмотрения. При этом представленные описания изданий нуждаются в оценке с двух точек зрения, так как для того, чтобы понять, как работать с каталогом, необходимо уяснить, во-первых, принятые автором принципы построения каталога, и во-вторых, принципы собственно описаний изданий.

Расположение описаний старообрядческих изданий в книге И.В. Починской не имеет сплошной хронологической последовательности; все издания разбиты на группы по типографиям, в которых они были напечатаны, и уже эти группы следуют одна за другой в алфавитном (по месту издания) порядке. Внутри групп применен хронологический принцип выстраивания материала, и, так как старообрядцы часто указывали в своих изданиях неверные выходные сведения, автору часто приходится пользоваться приемами относительной хронологии для датировки изданий. Применение этих приемов И.В. Починской не может не вызвать некоторых возражений, поскольку установление относительной датировки книги возможно только при учете совокупности ее характеристик, к числу которых нужно отнести время изготовления бумаги, на которой напечатана книга, состояние досок орнаментики, употребленной для ее украшения, ее типографские особенности (количество строк на листе, формат, способ простановки сигнатуры и колонцифр и т. д., здесь важно учитывать историю указанных типографских признаков, а также взаимовлияние разных печатных традиций и возможность усвоения несвойственных типографских признаков путем перепечатывания изданий), наконец, состав издания, его место в типологии книги определенного вида, а также некоторые другие, не обязательные для всех изданий, но способствующие относительной датировке книги приметы. Таким образом, относитель-

ная датировка изучаемого издания очень сложна, и любой неучет каких-либо особенностей издания неизбежно ведет к ошибке. К примеру, издание Святцев (Б. м., 1784) имело все основания быть датированным как концом XVIII, так и началом XIX в., даже несмотря на то, что пасхалия в нем начиналась с 1774 г. Имея заставки, употреблявшиеся сначала в ясской типографии, а затем в Янове, оно по состоянию досок, с которых заставки печатались, было ближе к изданиям середины первого десятилетия XIX в. Времени же изготовления бумаги точно установить не удалось. Поэтому описание Святцев было помещено среди описаний изданий, напечатанных в начале XIX в. в Махновке и Янове². Между тем эти Святцы следовало датировать иначе и отнести ко второй половине 90-х гг. XVIII в., так как при их печати применялась такая система набора тетрадей, которая была свойственна только нескольким изданиям этого периода, а именно: при формате в 8-ю долю листа каждая тетрадь набиралась не на развернутом листе, а на полулисте, так что при складке в каждой тетради оказывалось не по 8, а по 4 листа. Это обстоятельство, наряду с уже учтенными особенностями Святцев, и позволило исправить допущенную прежде ошибку в их датировке³.

К сожалению, И.В. Починская далеко не всегда учитывает всю совокупность характеристик изданий, основываясь при их относительной датировке главным образом на времени изготовления бумаги, на которой эти издания были напечатаны. Дата изготовления бумаги, конечно же, имеет большой вес при датировке издания, однако исследование времени изготовления бумаги может иметь неудовлетворительные результаты, что связано как с существованием ошибочных датировок в альбомах филиграней⁴, так и с тем, что поиски абсолютно идентичной филигрании часто не приносят успеха, а попытка датировать бумагу по принадлежности ее филиграней к определенному их виду весьма неточна, так как определенный вид водяных знаков мог употребляться на одной бумажной мельнице в течение одного или нескольких десятков лет. Поэтому привлечение только тех сведений, которые дает изучение бумаги, не спасает от неверных датировок. Они встре-

чаются и в работе И.В. Починской. Так, группа из трех виленских изданий, напечатанных, согласно выходным сведениям, в 1767—1768 гг., отнесена ею к периоду около 1780—1782 гг. (см. № 9—11), основанием чему послужило обнаружение в изданиях поучений аввы Дорофея (№ 9) и Ефрема Сирина (№ 10) бумаги, датируемой по альбому филиграней Тромонина именно этим временем⁵. О филигранях бумаги, на которой напечатана Псалтирь (№ 11), И.В. Починская ничего не сообщает⁶, однако располагает ее следом за первыми двумя книгами, что не удивительно, так как все три настолько выделяются среди других виленских изданий, что, безусловно, должны рассматриваться как напечатанные в одно время. Между тем, относя эти издания к началу 80-х гг., И.В. Починская не принимает во внимание, сколь ярки по сравнению с другими изданиями их особенности, а именно: что орнаментика, примененная при их печатании, за исключением нескольких инициалов, более не встречается в виленских изданиях, что книги поучений аввы Дорофея и Ефрема Сирина имеют необычный формат в 8-ю долю листа (обычно во 2-ю долю), что сигнатуры в них проставляются на четырех (из восьми) первых листах тетради (обычно на одном или двух), что книга поучений Ефрема Сирина снабжена листом с типографскими погрешностями (обычно в старообрядческих изданиях ошибки не исправлялись) и т. д. Особо нужно упомянуть об одном из вариантов книги поучений Ефрема Сирина, в котором обнаруживается титульный лист с разрешением на печатание книги, данным «споспешником Епископии Пинской, книг в епархии Митрополитанской Киевской печатаемых разсуждателем» Гедеоном Горбацким, на его обороте⁷. То, как и по каким причинам был напечатан подобный титульный лист, не вполне ясно. И хотя униатские издания той эпохи могли снабжаться подобными цензурными разрешениями, не известно, получали ли когда-нибудь виленские типографы дозволение на печатание книг для старообрядцев. Однако этот вариант титульного листа заслуживает самого пристального внимания, поскольку может способствовать выяснению действительного времени выхода издания.

Упомянутый в нем Гедеон Горбацкий 21 апреля 1769 г. стал униатским пинским епископом⁸, следовательно, «споспешником Епископии Пинской» (под «споспешником», видимо, нужно понимать должность «оффициала»⁹) он мог быть назван лишь до этого срока. Таким образом, поучения Ефрема Сирина были изданы в Вильне до 1769 г. и, нужно думать, действительно в 1768 г. Естественно, затем, было бы считать, что и в книге поучений аввы Дорофея и в Псалтири названа верная дата выхода. Что касается Псалтири 1768 г. (№ 11), то следует заметить, что она никак не могла быть издана позже Псалтири (Вильно, 1780), напечатанной, по мнению И.В. Починской, в 1782 г., но поставленной ею в ряду виленских изданий до издания 1768 г., т. е. в качестве более раннего издания (№ 8). Об этом свидетельствует наблюдение над составом изданий. Псалтирь 1768 г. была напечатана с Псалтири (Могилев, 1711), изданной в 60-х гг. XVIII в. (№ 52), при этом виленское издание было дополнено девятью нумерованными листами в конце книги, с текстом канона за умерших. Виленское издание 1780 г. было напечатано с издания 1778 г., для которого, в свою очередь, послужила источником Псалтирь 1768 г. Особенностью двух более поздних изданий (1778 и 1780 гг.) является то, что канон за умерших, появившийся в Псалтири 1768 г., получил в них свое место в составе книги; он помещен между каноном за единоумершего и статьей «Како писати в Синодики». Последовательность типологического развития книги нельзя не учитывать и в случае с четырьмя малыми Канонниками (все: Почаев, 1782); логика изменения их состава показывает, что они были напечатаны в несколько ином порядке, чем тот, который предположила И.В. Починская, а именно: № 55, 54, 57, 56.

При оценке принятых И.В. Починской принципов описания изданий нужно иметь в виду, что целью составленного ею каталога вовсе не был учет находящихся в составе определенной коллекции или коллекций экземпляров известных изданий, напротив, она попыталась дать здесь такие описания изданий, которые создавали бы основу для отождествления новых экземпляров. А это необходимо требует описания под-

робного, насыщенного большим количеством деталей, которые в своей совокупности создавали бы представление об издании; первостепенное значение приобретает также требование точности в сообщении этих деталей. В выполнении указанных требований И.В. Починская, к сожалению, не достигает совершенства: ее описания не настолько подробны, насколько этого хотелось бы, а большое количество опечаток (хотя эта претензия должна быть адресована в первую очередь издательству) только затрудняет идентификацию экземпляров описанных изданий.

Кроме опечаток в описания вкралось немало неточностей, которые, кажется, были вызваны тем, что в своей работе И.В. Починская использовала методикку, разработанную в прошедшем десятилетии уральскими учеными¹⁰, но не получившую своевременной критики. Так, при выведении листовой формулы для изданий с буквенными сигнатурами И.В. Починская ограничивается указанием первой и последней буквы сигнатурного ряда и приводит итоги подсчета количества букв в сигнатурном ряду. Результатом этого является не только невозможность представить, как в действительности выглядит сигнатурный ряд, но и нередко превращение листовой формулы в непригодную для употребления с целью отождествления экземпляра книги с ее описанием. К примеру, в описании варшавского 1785 г. Цветника священноинока Дорофея (№ 1) показано, что это издание имеет 3 сигнатурных ряда по 41 букве в каждом и тетради, состоящие из 4 листов; в итоге получается 492 листа (нечетное количество листов, получившееся в итоге у И.В. Починской, видимо, следует считать опечаткой); в действительности же издание включает в себе лишь 480 листов, а сигнатурные ряды — всего по 40 букв. Более сложный случай представляет собою Златоуст (№ 29). В нем, если считать все сигнатурные ряды, тянущиеся от а до v, включающими в себя по 40 букв, может быть только 340, но никак не 342 листа. Секрет легко разгадать, если иметь возможность подсчитать, сколько букв в предпоследнем сигнатурном ряду (а это можно сделать по более подробному описанию издания¹¹), их там оказывается 41.

Невнимание к сигнатурному ряду, заложенное в уральской методике описания изданий, проявляется далее: в пропуске отдельных частей сигнатурного ряда (№ 24), в дополнении описаний лишними, отсутствующими в издании, тетрадами (№ 43), в произвольном восстановлении листовой формулы при описании дефектного экземпляра, что ведет к искажению формулы (№ 21, 23), в появлении уравнений, одна часть которых содержит четное число листов, другая — нечетное (№ 10, 21, 30). Наконец, невнимание к сигнатурному ряду приводит порой к возникновению в описании вполне фантастических сведений о количественных характеристиках издания. Так, по мнению И.В. Починской, книга поучений аввы Дорофея (Вильно, 1767) имеет полный сигнатурный ряд $a-v$ из 41 буквы и тетради по 8 листов, что дает 332 л. (см № 9), на самом деле листовая формула издания такова: $[1]^{1+2} A^8 - \text{Щ}^8, Ъ^4 = 231$ л. ($A - \text{Щ} = 28$ букв). Похожее положение с супрасльсской Азбукой 1781 г. (№ 73), для которой, если пользоваться сведениями И.В. Починской, едва ли подходит знак равенства между всеми тремя частями уравнения ($A^8 - Z^8 =$ л. 1 — 48, 45 — 59, $1\text{нн} = 60$ л., $A - Z = 9$ букв; в действительности: $A^8 - S^8 =$ л. 1 — 48, 45 — 59, $1\text{нн} = 64$ л., $A - S = 8$ букв).

Крайне неудобной представляется и принятая уральскими учеными система указаний на неверность выходных сведений. По крайней мере довольно нелегко угадать, что Часослов (Вильно, 1772) следует искать как «Часослов. Вильно, не ранее 1808» (№ 27), особенно если требующий идентификации экземпляр, допустим, напечатан сплошь на бумаге 1806 г.

Ряд вопросов вызывает также употребление в книге унифицированных названий изданий, выдержанное, в целом, вполне последовательно (непоследовательность замечена лишь однажды, ср. № 18. Служба, житие и чудеса Николая Чудотворца, и № 30. Службы, тропари, кондаки и житие...Николы архиепископа Мирликийскаго великаго чудотворца). Зачем, к примеру, использовать название «Иоанн Златоуст. Поучения» (№ 28, 29) для сборника Златоуст, в котором, как известно, обнаруживаются поучения не только Иоанна Златоус-

та? Что значит «Псалтирь с Месяцесловом» (№ 44 — 46, 87), когда в русской традиции имели распространение лишь Псалтирь с воследованием и просто Псалтирь? Для чего придумывать необъяснимое название «Сборник 12 псалмов» (№ 64) для широко-распространенного Чина 12 псалмов, пусть и напечатанного с дополнениями?

Нельзя согласиться, наконец, и с описанием в качестве отдельных изданий функциональных вариантов книг, — с описанием части Минеи общей с праздничной как Минеи праздничной (№ 79) или частей старообрядческой Псалтири как Сборника 12 месяцев (№ 65), как Псалтири (№ 47) и Месяцеслова (№ 48).

Таким образом, книга И.В. Починской не избежала ряда недочетов и неточностей. Однако природу их следует видеть в недостаточной разработанности в нашей науке теоретических проблем описания кириллической книги, поскольку только этим и можно объяснить представленные здесь замечания, касающиеся работы, представляющей собой несомненный и весомый вклад в изучение кириллического книгопечатания.

Примечания

¹ Вознесенский А.В. Кириллические издания старообрядческих типографий XVIII — начала XIX века: Каталог. Л., 1991. Здесь альбом занимает 24 листа и включает в себе 162 изображения книжных орнаментов.

² Вознесенский А.В. Кириллические издания, № 175.

³ См.: Вознесенский А.В. Предварительный список старообрядческих кириллических изданий XVIII века. СПб., 1994. № 247а.

⁴ О природе таких ошибок см.: Лауцявичюс Э. Бумага в Литве в XV — XVIII веках. Вильнюс, 1989. С.15—16.

⁵ Филиграния, обнаруживаемые И.В. Починской, классифицируются по альбому Тромонина как № 521 (1782 г.), 529 (ок.1780 г.) и 1477 (ок.1780 г.). Мне не удалось найти филиграния № 521, которую, по свидетельству Тромонина, имело некое печатное издание (?). Филигрань № 529, или вернее № 528—529, имела бумага фабрики Переяславцевых. Такую бумагу, с филигранями типа «Pro patria», имеющую буквы «ГУБР ФСГП», относят к 1757 и 1760 гг. (Uchastkina Z.V. A History of Russian hand papermills and their watermarks/Ed. by J.S.G. Simmons. Hilversum, 1962. № 695, 698) или 1759—1766 гг. (Кукушкина М.В. Филиграния на бумаге русских фабрик XVIII — начала XIX в.: (Обзор собрания П.А. Картавова)//Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. 2. С. 315, № 207).

Филигрань № 1477, другой частью которой является филигрань № 551, имела бумага фабрики Я.М. Евреинова. В альбоме З.В. Участкиной можно найти рисунок, довольно похожий на тот, что приводится Тромониным, однако датирована эта филигрань 1765 г. (Uchastkina Z.V. A History, № 565), М.В. Кукушкина подобные водяные знаки («РФЯЕ») относит к 1762—1772 гг. (Кукушкина М.В. Филигранные, С. 321, № 289).

⁶ Экземпляр библиотеки С.-Петербургского университета, к примеру, напечатан на бумаге фабрики Я.М. Евреинова (см. сноску 5).

⁷ См.: Вознесенский А.В. Предварительный список, № 15.

⁸ Чистович И.А. Очерк истории западно-русской церкви. СПб., 1884. Ч. 2. С. 400.

⁹ Об униатских епархиальных чинах см. там же, с. 390.

¹⁰ Мосин А.Г., Мудрова Н.А., Починская И.В. Описание старопечатных книг: Методические указания. Свердловск, 1989.

¹¹ Вознесенский А.В. Кириллические издания, № 141.

А.В. Вознесенский
С.-Петербург

Звездный час Николая Львова

Львов Н.А. Избранные сочинения. Предисл. Д.С. Лихачева. Вступ. ст., сост., подг. текста и комм. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Перечень архитектурных работ подготовлен А.В. Татариновым. Кельн; Веймар; Вена: Белау; СПб., 1994. 422 с. (Новая рус. словесность и культура. Т. 1). тираж 1200 экз.

При жизни он пребывал в тени, хотя энциклопедизм его гуманитарных занятий способен потрясти воображение — архитектор, поэт, драматург, фольклорист и пр. После смерти оказался в забвении (скорее — пренебрежении). В XX веке на него обратили должное внимание и как на писателя (несомненная заслуга Г.А. Гуковского — см. P.S. — и Б.И. Коплана), и — преимущественно — как на архитектора.

И вот, на исходе века, свершилось — вышел превосходно изданный «Акрополем» том, где множество текстов опубликовано впервые. Собственно говоря, заглавие книги более чем условно. Кроме стихотворений (большинство при жизни автора не предназначалось к печати), здесь наличествуют басни, эпиграммы, экспромты, поэмы, пьесы (при жизни опубликована одна), переводы (из Анакреона, Сафо, Вольтера, Расина и др.),

статьи, письма, а также — в виде приложений — статьи Г.Р. Державина, М.Н. Муравьева (отца декабристов), Ф.Н. Львова и скрупулезный список архитектурных работ — итог многолетних изысканий А.В. Татаринова. Так что книга могла бы по праву называться «Сочинения» (поскольку «Собрание сочинений» Н.А. Львова должно также включать фольклорные записи, чертежи, исследования по геологии, ноты — он был еще и музыкально одарен...).

Это — единственный, на мой взгляд, упрек составителю, вложившему в книгу не только всю свою душу (слава Богу, обошлось без денег — подсобили немецкие спонсоры), но и собранное и осмысленное при подготовке монографической кандидатской диссертации, что видно особенно из вступительной статьи и вполне академического комментария.

Как отмечено во вступительном этюде акад. Д.С. Лихачева, «Н.А. Львов — явление исключительное для России конца XVIII века своею способностью откликаться на все возможные требования, с которыми страна обращалась к людям творчества: ученым, поэтам, инженерам, архитекторам, садоводам, фольклористам, создателям книг».

P.S. Рецензия уже находилась в редакции, когда в архиве РНБ я обнаружил документы, позволяющие усомниться в авторстве статьи «Неизданные стихи Н.А. Львова» («Литературное наследство». Т. 9/10. М., 1933. С. 264—286), где она снабжена подзаголовком: «Публикация З. Артамоновой». Эта работа с соответствующей ссылкой максимально использована составителем. По устному свидетельству К.Ю. Лаппо-Данилевского, несоответствие высокого уровня работы безвестности автора всегда его удивляло. Кто же был малоизвестный предшественник составителя?

В капитальном указателе Ю.В. Стенника и В.П. Степанова «История русской литературы XVIII века» (1968), выполненном под руководством и при большом личном участии П.Н. Беркова, неведомая «З. Артамонова» идентифицирована с Зоей Владимировной Гуковской (1907—1973), историком французской литературы и пе-

реводчицей, второй женой Г.А. Гуковского. Он был не только составителем, но и основным автором тома, причем по всем разделам. Столь обильное участие заставило Г.А. Гуковского в одном случае укрыться под псевдонимом «Г. Александров», в свое время раскрытом И.Ф. Масанову П.Н. Берковым.

Собирая материал для статьи о З.В. Гуковской для готовящегося второго тома Словаря сотрудников Публичной библиотеки, я ознакомился не только с ее личными делами в архивах РНБ, Петербургского университета и Педагогического университета им. А.И. Герцена, но и беседовал с Константином Аркадьевичем и Татьяной Константиновной Долиниными, которым, наряду с сотрудниками перечисленных архивохранилищ, приношу самую сердечную благодарность.

Зоя Владимировна Артамонова, дочь врача, умершего от тифа в 1919 г., в 1928 г. переселилась из Самарканда в Ленинград и поступила на литературное отделение Высших курсов искусствоведения, где работал Г.А. Гуковский. С 1929 г. работала в Публичной библиотеке сначала корректором, затем — библиографом. В 1930 г. поступила на учебу в ЛГУ, продолжая работу в библиотеке. В 1933 г., прекратив работу в библиотеке, стала аспиранткой профессора В.Ф. Шишмарева и в дальнейшем ее деятельность была связана только с Университетом и Педагогическим институтом (не считая работы счетоводом во время ссылки). В служебных документах З.В. Гуковской имеются списки опубликованных и неопубликованных работ, причем в личном деле (РНБ) на вопрос анкеты, заполненной 27 февраля 1933 г., имеются ли печатные работы, дан ответ «нет», хотя рукопись статьи, о которой мы говорим, уже существовала и едва ли том не находился в производстве, а в двух других делах в идентичных списках работ наряду с рукописями, так и не увидевшими света, фигурирует и... «Литературное наследство Н.А. Львова» с указанием места публикации, но без упоминания подписи. При этом «Неизданные стихи Н.А. Львова» — не только единственная публикация З.В. Гуковской под девичьей фамилией, но и связанная с русской литературой.

Даже служа в Публичной библиотеке, З.В. Гуковская не могла заниматься в рукописном отделе без необходимого прошения. Между тем в обследованных мною прошениях читателей (в частности, за 1925—1933 гг.) ни З.В. Артамонова, ни З.В. Гуковская не фигурируют (в т. ч. нет и прошений за них профессоров) Обнаружились другие...

*В Правление Гос Публичной библиотеки
студента В.Г.К.И.
Сергея Борисовича
Рудакова*

Заявление

Ввиду необходимости ознакомиться для исследования творчества Н.А. Львова с рукописями, переданными в Библиотеку Я.К. Гротом и находящимися в бумагах Державина, прошу разрешить мне работать в рукописном отделе с указанным материалом.

26.III.29.

Рудаков

Прошу удовлетворить ходатайство С.Б. Рудакова, работающего над эпохой Державина в научном плане, производящего в этой области самостоятельное исследование. В частности, работа его по изучению творчества Н. Львова обещает быть весьма ценной, в особенности если принять во внимание малую исследованность данного поэта.

26.III.1929.

*И. о. декана слов. отг. В.Г.К.И.
Гр. Гуковский*

(Арх. РНБ, ф. 2, Заявления и анкеты..., 1929—1930. Р — С. Л. 50—51об). В этом же деле имеются и другие прошения С.Б. Рудакова, в т. ч. на право пользоваться журналами конца XVIII — начала XIX в. «в связи с работой над рукописями Львова» (л. 52), на пользование книгами в связи с занятиями А.А. Дельвигом, исследованием державинской эпохи и др. (л. 32 и 49). После согласования вопроса с зав. рукописным отделом И.А. Бычковым С.Б. Рудаков был допущен к рукописям (резолюция 28 марта 1929 г., л. 50).

Из воспоминаний Э.Г. Герштейн известно, как сложилась судьба воронежского знакомого Осипа Мандельштама: см. «Введение» к книге «Мандельштам в Воронеже (по письмам С.Б. Рудакова)» — («Подъем». 1988. № 6. С. 121–122). С З.В. Артамоновой (затем Гуковской) они были, видимо, однокурсниками; в 1930 г. С.Б. Рудаков уехал в Керчь и, бывая наездами в Ленинграде, участвовал в работе Ю.Н. Тынянова над однотомником В.К. Кюхельбекера. Э.Г. Герштейн публикует характеристику, написанную Ю.Н. Тыняновым 5 декабря 1935 г., с целью вызволить С.Б. Рудакова (С. 122). Сказанное в ней полностью соответствует и работе С.Б. Рудакова над Н.А. Львовым (Э.Г. Герштейн вскользь упоминает, что С.Б. Рудаков был знаком с Г.А. Гуковским). Но если в издании Кюхельбекера 1937 г. могло быть названо имя «подмастерья» (благодарность за помощь), в томе Литнаследства 1933 г. оно появиться не могло (по «независящим обстоятельствам»).

Я не акцентировал внимания на странной ошибке в списках работ З.В. Гуковской. Причина ее, как мне думается, в том, что в этой же книге помещен обзор Г.А. Гуковского «Литературное наследство Г.Р. Державина». Близость тем, качественный уровень статьи о Н.А. Львове, обнаруженные архивные документы дают основание утверждать, что в данном случае «З. Артамонова» — неизвестный псевдоним Г.А. Гуковского, полностью использовавшего находившиеся у него материалы, собранные его бывшим студентом, но не имевшего возможности назвать его имя в печати.

М.Д.Эльзон
С.-Петербург

Северная Коринна

Lives in letters. Princess Zinaida Volkonskaya and her correspondence. Bayara Aroutunova. Slavica Publishers. Inc. Columbus, 1994. 205 p.

Заголовок этой книги заставит обратить на себя внимание исследователей, занимающихся русской

культурой и историей первой половины XIX в. Книга предлагает познакомиться с эпистолярным наследием княгини З.А. Волконской (1792—1862) и ее сына, князя А.Н. Волконского (1811—1878), сохранившимся в библиотеке Гарвардского университета (США).

Жизнь «Северной Коринны» (так современники называли Волконскую) напоминает удивительную легенду. Дочь известного дипломата и писателя А.А. Белосельского-Белозерского, жена Н.Г. Волконского, флигель-адъютанта императора Александра I, княгиня более известна как радушная хозяйка литературно-артистического московского салона середины 1820-х годов. Ее гостями были все знаменитости, посещавшие старую столицу (А.С. Пушкин, А. Мицкевич, Е.П. Риччи и многие другие).

Волконскую можно назвать и первой диссиденткой среди русских женщин — в ее доме собирались люди, не питавшие симпатий к новому императору Николаю I. По желанию последнего княгиня, принявшая католичество и отказавшаяся поступиться принципами, покинула Россию и обосновалась в Италии. Здесь она и прожила более 30 лет. Римская резиденция Волконской была доступна для всех: здесь подолгу жили художники и литераторы, музыканты и ученые. Но не только любимцам муз благоволила княгиня. Когда в начале 1860-х годов страшный мор поразил Вечный город, Волконская помогала всем страждущим. За это римляне прозвали русскую женщину «Беатой» («Благочестивой»). Когда Волконская умерла, о ней скорбели и в России, и в Италии.

После смерти «Северной Коринны» остался ее архив, картины и скульптуры. В конце концов это наследие после долгих перипетий оказалось в США. Долгие годы документальное наследие Волконской было недоступно широкому кругу исследователей. И вот перед нами переписка знаменитой мятежной княгини, изданная сотрудницей Гарвардского университета Байрой Арутюновой. Книга вышла с посвящением известному слависту, профессору Гарвардского университета Р.О. Якобсону, одному из первых обратившемуся к эпистолярному наследию З.А. Волконской. Состави-

тельница этого сборника разделила эпистолярное наследие на две части: письма к З.А. Волконской и ее сыну, дипломату А.Н. Волконскому. В первую вошли письма известных литераторов (Е.А. Баратынский, П.А. Вяземский, М.И. Глинка, В.А. Жуковский, И.И. Козлов, А.И. Тургенев, А. Л. Ж. де Сталь) и государственных деятелей (Александр I, кардинал Э. Консалви) к З.А. Волконской. В другую — письма П.А. Вяземского и Я.Н. Толстого, адресованные ее сыну. Здесь же одно послание писателя И.С. Тургенева к князю А.П. Голицыну — дипломату и литератору. Эти документы датируются 1812—1868 гг. и были написаны в России, Германии, Италии, Франции, Австрии, Швейцарии. Переписка помогает определить круг знакомых Волконских в России и за рубежом.

Составительница сборника проделала большую подготовительную работу. Ею были всесторонне изучены публикуемые документы, составлено его археографическое и текстологическое описание: указаны размер и особенности бумаги, на которой написаны письма, упомянуты все дополнительные пометы, сопутствующие посланиям, в т. ч. и на конвертах. Отмечены особенности французского языка писем. Обозначено, опубликованы ли документы. Каждое письмо прокомментировано — составительница постаралась расшифровать те или иные факты, определить лиц, о которых упоминается в тексте. Публикуемым документам предшествуют предисловия, рассказывающие о корреспондентах Волконских, истории их отношений. При подготовке комментариев Б. Арутюнова широко использовала ранее вышедшие работы, посвященные этой знаменитой семье, политической и культурной жизни Европы. В книге приведена обширная библиография, приводимая в примечаниях. Имеется здесь и именной указатель. Завершают это интересное издание иллюстрации — портреты Зинаиды Волконской, членов ее семьи и корреспондентов, факсимиле публикуемых писем, виды мест, связанных с пребыванием княгини. Это делает книгу еще более привлекательной. В том, что она будет полезна исследователям, сомнений нет.

Публикация гарвардских материалов из переписки Волконских, так успешно завершенная Арутюновой,

самым лучшим образом пополняет собой круг изданий, посвященных русской культуре XIX в., ее международным связям.

М.Ш.Файнштейн
С.-Петербург

Скучны ли «Ученые записки»?

Русская филология. Уч. зап. Сост. и ред. В.С. Баевский. Смоленск, 1994. 431 с. (Смоленский гуманитарный ун-т). Тираж 750 экз.

Существуют жанры, само именование которых вызывает определенные ассоциации. Ну что, допустим, притягательного для широкого филологического читателя в таких, к примеру, словах, как «Труды», «Ученые записки»?

Профессор В.С. Баевский, имя которого не нуждается в представлении, похоже, осуществил переворот в нашем сознании. Подготовленная им книга, без преувеличения, упоительна.

Сборник открывается прекрасным блоком материалов памяти Ю.М. Лотмана. Здесь и публикация его речи при открытии конференции «Великая Французская революция и пути русского освободительного движения» (Тарту, дек. 1989 г.) (публикаторы В.С. Баевский и Э.Л. Котова), воспоминания о нем, и — с купюрами — письма З.Г. Минц и Ю.М. Лотмана к редактору-составителю (увы, уже известные читателям первого номера нашего журнала). Далее следуют (с перебивкой «Архив») разделы: «Миф и фольклор», «Стилистика и теория текста», «История поэзии», «Рождены Смоленской землей», «Русско-белорусско-украинские культурные контакты», «Пути преподавания литературы в школе» (нервных прошу не вздрагивать — здесь только одна статья, «Идея развития творческих возможностей личности в педагогическом наследии И.Ф. Анненского» Р.С. Меркина); в этом отношении сборник «нового СГУ» — см. аббревиатуру на корешке — явно оппозиционен к оцениваемому в этом же разделе изданию его саратовского «однофамильца»).

Основной автор сборника — сам В.С. Баевский, и я не вижу в этом ничего предосудительного, поскольку всё, опубликованное им здесь, равно интересно — и воспоминания о незабвенном «ЮрМихе», и теоретическая статья «Стихотворная цитата в тексте», и примиряющая заметка о произнесении фамилии «Бальмонт», и обширная публикация фактически неизвестного доселе Л.Д. Семёнова-Тян-Шанского, и, наконец, статья «Лирика Б. Пастернака в украинских переводах» (на материалах 1990 года).

Существенный интерес представляют статьи М.Н. Капрусовой «Дерево — двойник человека в мифологической и народно-поэтической традиции» (ср. гумилёвское: «Я знаю, что деревьям, а не нам...»), Э.М. Береговской «"Чем больше голова, тем сильнее мигрень" (Функционально-стилистическая характеристика однофразового текста)», Г.Н. Ермоленко «Жанровая пародия в творчестве А.П. Сумарокова», работы о Вяч. Иванове, Пастернаке, Мандельштаме (Л.В. Павловой, Л.Л. Горелик, И.В. Романовой, М.Л. Котовой, Н.В. Кузиной), посмертная публикация А.В. Македонова — анализ рабочих тетрадей Твардовского. Для общего филологического развития небезынтересны статьи Ю.А. Лабынцева «Современная мировая украинистика», Л.Л. Щавинской «Н.И. Горбачевский — исследователь белорусской, литовской, русской и украинской старины», О.А. Левченко «Творчество Янки Купалы и традиция русской романтической баллады».

Особую ценность тому придают публикации неизвестных стихотворений С.Е. Раича (из РГАЛИ и Пушкинского Дома) с большой сопроводительной статьей публикатора Б.Г. Меркина «Архаист-новатор» («в пику» Тынянову) и — на мой взгляд, «гвоздь» тома — писем Твардовского (великолепная работа И. Брайнина).

«В назидание другим» отмечу, что в томе помещены также фотографии, связанные с Ю.М. Лотманом и Л.Д. Семёновым-Тян-Шанским (второй блок качественнее).

Остается только надеяться, что прекрасно начатое издание не остановится на первом томе и в нем увидят

свет публикации, в том числе по семейным архивам (писем Твардовского, например...).

М.Д. Эльзон
С.-Петербург

И педагогу, и исследователю

Русская литературная критика. Изг-во Саратовского ун-та, 1994. 191 с. Тираж 1000 экз.

Рецензируемый сборник — третий в издании, успешно осуществляемом с 1988 г. филологами — учениками и духовными наследниками А.П. Скафтымова, Ю.Г. Оксмана, Е.И. Покусаева. Теперь уж нет и безвременно ушедшей Т.И. Усакиной, и А.А. Жук, посмертной публикацией которой («Конспект вступительной лекции по курсу истории русской литературной критики») открывается сборник.

Центральное место в нём занимают пропедевтические материалы, связанные с курсами, спецкурсами, спецсеминарами, практическими занятиями. Они безусловно представляют интерес для вузовских работников, далеких от мысли, что делаемое ими — предел совершенства.

Данью памяти А.П. Скафтымова следует считать републикацию двух его статей, одна из которых (обзор юбилейной литературы о Достоевском 1921 г.) почему-то оказалась вне поля зрения библиографов (послесловие и примечания Г.Н. Ангоновой).

Наибольший же интерес для филолога (на мой взгляд) представляют завершающие сборник две публикации С.Я. Долининой. Это впервые публикуемые письма П.В. Анненкова к В.П. Боткину и А.В. Дружинину и текстологические уточнения к давно известному письму И.С. Тургенева к П.В. Анненкову от 9 декабря 1855 г. со стихотворением Некрасова «Замолкни, муза мести и печали!..» В изданиях 1961 (Письма, т. 2) и 1987 (то же, т. 3) годов публикация была осуществлена по тексту «Литгазеты» (1931, № 13) с учетом машинописной копии из архива М.К. Клемана. Автограф был найден

С.Я. Долининой в Отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого в фонде В.П. Боткина. Самым интересным исправлением следует считать характеристику Толстого: он заслужил от Тургенева прозвище «троглодит» не за «дикую ревность», а за «дикую рьяность»...

Остается пожелать курирующему сборники проф. В.В. Прозорову уделять подобным материалам (хотя бы и не столь сенсационным) больше внимания и не перегружать явно научные сборники различными темниками и программами.

М.Д. Эльзон
С.-Петербург

Интернациональная «Philologia»

Рижский филологический сборник. Вып. I. Русская литература в историко-культурном контексте. Рига, 1994. 128 с.

Мы уже «на собственной шкуре» ощутили последствия «беловежского сидения». И хотя и «до того» между жителями союзных республик отношения были отнюдь не идиллическими, но все-таки не стоит забывать о рижском гнезде русской эмиграции, далеко не хлебном (в 1941—1943 гг.), Ташкенте, приютившем эвакуированных ленинградцев, к которым казах Джамбул обращался «дети мои» (Ахматовой, например), и о многом другом.

И вот — 1994-й. Первый сборник по проблеме «Литература в историко-культурном контексте». Круг авторов как бы ограничен — по данным аннотации это «представители четырех поколений филологов-русистов, чьи научные биографии связаны с деятельностью кафедры русской литературы Латвийского университета». Но аннотация не скрывает: «Центральное место в первом выпуске сборника занимают работы, присланные в Ригу из Иерусалима, Москвы и Петербурга».

Думаю, что и раньше сборник мог бы называться интернациональным («Дружба народов»). Теперь же он

явно на авансцене мировой филологической культуры (раздел «Русистика»).

Рецензируемый сборник безусловно элитарен в лучшем смысле этого слова. Не боюсь даже назвать его рафинированным. Одни заглавия статей заставляют учащенно биться истинно-филологическое сердце: «Своеобразии русской гимнографии второй половины XVII века» (Т.В. Тополевская), «Псевдоним как способ внутрилитературного поведения» (А. Блума), «"Мифотворчество" в эстетических теориях и художественной практике русских символистов» (А.П. Юлова). Большинство же работ посвящено конкретным именам и произведениям — поддельщику А.И. Сулакадзе <ву> («Словесное воздухоплавание» Д.В. Невской), источникам пушкинского «Эхо» (О.К. Скачкова), «возможному лубочному подтексту» «Скверного анекдота» Достоевского (С.Н. Дауговиш), творческой истории лесковского «Чертогона» (Ю.Л. Сидяков), и др. Это «и др.» скрывает имена Мандельштама и Заболоцкого, Блока и Вяч. Иванова, Гумилёва и Ходасевича... Да простят меня не названные авторы, чьи «меда капли» есть в сборнике!

Наибольшее же впечатление лично на меня произвели две разные по жанру работы — блистательная (без преувеличения) статья А.Ф. Белоусова «Внук дьячка» (о тургеневском Базарове) и публикация Р.Д. Тименчика (бывшего рижанина, ныне жителя города Ершалаима) «Неопубликованное письмо Георгия Адамовича к Николаю Гумилеву». Статья А.Ф. Белоусова, буде она напечатана в начале 1930-х, в 1960-х навлекла бы на голову автора обвинения в вульгарном социологизме. Теперь же спокойно воспринимается заявленная и идеально освещенная в статье тема борьбы выходцев из духовенства с дворянской культурой. Жаль только, что автор (вслед за создателями Академического Тургенева) не счёл нужным выяснить происхождение фамилии героя «Отцов и детей» — то ли от «базара», «рынка» (символ народной гущи), то ли... от протоиерея Иоанна Иоанновича Базарова, в середине 1850-х — настоятеля русской церкви в Штутгарте. Эта гипотеза требует углубления в переписку, мемуары и т.д., но на уровне заявки небезынтересна.

Безусловно крупнейший (на сегодняшний день) исследователь акмеизма, Р.Д. Тименчик выступает в сборнике в скромной роли публикатора. Конечно, письмо Г.В. Адамовича к Н.С. Гумилеву, некогда принадлежавшее Ю.Г. Оксману, само по себе примечательно. Прежде всего — своей содержательностью. При нынешнем этапе исследования Гумилева любой документ, связанный с ним и не бывший в «забугорной» печати — безусловная находка. Тем более это относится к документам подобного рода. С интересом воспринимается «неколелопреклоненное» отношение Г. Адамовича к «солнцу русской поэзии», вылившееся в более поздний «бунт». Но с точки зрения эдиционной техники хотелось бы большей точности подачи — хотя бы в датировке (крайне приблизительное ограничение 1920 годом заставляет думать, что Р.Д. Тименчик по каким-либо причинам не смог или не захотел дать более конкретную датировку). Хотелось бы также узнать хоть что-нибудь о Е.С. Карандашевой, в доме которой написано письмо.

Осмысление «Литературы в историко-культурном контексте» продолжается. Надеюсь, что второй выпуск будет если не лучше, то уж по крайней мере на том же качественном уровне, что и рекомендуемый к чтению подписчикам и постоянным читателям нашего журнала.

*М.Д. Эльзон
С.-Петербург*

Новый итальянский журнал: «Russica Romana»

На фоне добротной итальянской периодики по славистике (журналы и университетские сборники) появилось еще одно издание, выходящее в Риме. В редакцию входят профессора двух римских университетов М. Колуччи (директор), Ч.Дж. Де Микелис, Р. Джулиани (секретарь), а также их коллеги из Пизы (С. Гардзонио) и Палермо (Дж.М. Базиле). Создан также Научный совет журнала, обеспечивающий, как сказано в предуведомлении, научную добросовестность публикаций. В него вошли 18 ученых, известные русисты Италии, России (во главе с М. Гаспаровым и Б. Успенским), Западной Европы (севернее Италии!) и США.

Вышел первый том журнала за 1994 г., солидный и объемистый: 344 страницы большого формата. Структура и содержание тома позволяют судить о методах и намерениях редакции. Читателям предлагаются четыре раздела: статьи, материалы, заметки и дискуссии, рецензии. Языки публикуемых трудов — главным образом, итальянский и русский (приблизительно пополам), одна статья — на английском. В разделе рецензий имеется еще французский текст.

Методологически заметны две тенденции в работе редакции, весьма симпатичные рецензенту: внимание к мало известным даже специалистам темам и персонажам и публикация архивных материалов. Последнее, мне кажется, особенно украшает том. Прежде всего это публикация в первом разделе конспективных заметок известного итальянского слависта А.М. Рипеллино, посвященных толстовской «Анне Карениной» (1974—1975) и содержащих анализ проблематики, композиции, сюжета, образов. Ученый постоянно рассматривает фон и перспективы, т. е. связывает роман с традицией (частично — с западноевропейской, но более подробно — с русской: Пушкин, Гоголь, Тургенев, Островский, Достоевский, даже Козьма Прутков) и проводит нити в XX век (Андрей Белый, Маяковский, Эйзенштейн, Пастернак и др.). Публикация, вступительная заметка и комментарии принадлежат Рите Джулиани.

Затем следует статья Г.О. Винокура «Баратынский и символисты» (1925), обстоятельнейше прокомментированная публикатором Карлой Соливетти. Отражая самую гущу тогдашних научных и литературных споров вокруг футуризма и других методов, статья Винокура содержит и непреходящие научные открытия.

В отделе «Материалы» бросается в глаза сенсационная статья Августы Д. Бобель «Анна Ахматова в неизвестных рисунках Модильяни», с приложением девяти репродукций. Ведь считалось, что из многочисленных рисунков Модильяни, посвященных нашей соотечественнице, сохранился единственный — он многократно воспроизводился в изданиях А. Ахматовой. Но некоторые рукописи, к счастью, не горят. Оказалось, что меценат и друг художника парижский врач Поль Алек-

сандр перед Первой мировой войной собрал 430 рисунков и эскизов Модильяни, и эти сокровища почти столетие лежали под спудом. Лишь в 1993 году сын коллекционера Ноэль Александр устроил в Венеции выставку. Автор статьи, изучив все материалы, совершенно бесспорно определила девять рисунков, изображающих Ахматову. В самом деле, репродукции не оставляют места сомнениям: перед нами русская подруга Модильяни! Два рисунка изображают героиню в спортивном костюме, упражняющуюся на трапеции, семь — «ню» в разных изящных позах. Слава Богу, что А.Д. Бобель обнаружила эти рисунки, слава Богу, что итальянцы обнародовали их: боюсь, что ни при какой погоде «голую» великую поэтессу у нас не напечатали бы, хотя рисунки скромны и возвышенны.

Две другие публикации из раздела «Материалы» после ахматовского-модильянинского открытия выглядят, конечно, бледновато, но сами по себе они интересны и ценны.

Валентина Росси представила, со статьей и комментариями, три текста С.П. Шевырева из московского архива РГАЛИ (бывшего ЦГАЛИ): прозаический очерк «Накануне праздника св. Петра в Риме» (1831) и два стихотворных послания: «Соболевскому» (конец 1820-х — начало 1830-х гг.) и «Николаю Васильевичу Бергу перед отъездом в Италию» (1859). Жаль, что В. Росси не коснулась богатейшей россыпи шевыревских архивов Петербурга, особенно — в рукописном отделе РНБ, т. е. в бывшей Публичке: вот где источник для обильных открытий!

Джордано Цифер публикует, сопроводив вступительной заметкой, небольшое письмо (на визитной карточке) Ф. де Соссюра к Вяч. Иванову в ответ на подарок последнего, книгу стихов: тоже из московского архива, из бывшей Ленинки, ныне — РГБ.

Вернемся, однако, к первому, статейному отделу. Открывает том англоязычная статья Рикардо Пиккио об Епифании Премудром, которую мне как неспециалисту по древней литературе трудно оценивать; отрадно, что статья посвящена поэтике, художественному своеобразию «молитвенных» трудов Епифания.

Чезаре Дж. Микелис в статье «Доминиканец, инквизиция и ересь жидовствующих» (перевожу на русский: статья — на итальянском языке) интересно сопоставляет, типологически и генетически, известную русскую ересь конца XV века с идеями, развивавшимися нестандартными, т. е. тоже еретическими, религиозными группами у западных католических соседей; характеризуются католические деятели при новгородском архиепископе Геннадии (римский посол Джорджио дела Торре и доминиканец Вениамин).

Русскоязычная статья Лауры Росси «"Маленькая трилогия" Михаила Муравьева» посвящена детальному анализу прозаических книг писателя — «Эмилиевы письма» и «Обитатели предместия» (автор выделила еще из первой книги «Берновские письма»). Очень ценна в статье комментаторская характеристика ирландского литератора Мартина Шерлока, упоминаемого Муравьевым (с. 65—67), и сопоставления двух писателей (с. 67—69). Отрадно, что к растущей за последние годы литературы о Муравьеве (кроме упомянутых Л. Росси отмечу еще труды Л.Н. Душиной, Б.О. Кормана, Л.Ф. Луцевич, Т.Т. Савченко, С.А. Сионовой, В.Н. Топорова) прибавилась еще хорошая статья итальянской исследовательницы.

В статье В.А. Мильчиной и А.Л. Осповата «Чаадаев и маркиз де Кюстин: ответная реплика 1843 г.» сообщается об архивной находке: записи в парижском дневнике А.И. Тургенева, позволяющей датировать 1843 годом (вместо прежней датировки 1839 г.) записку Чаадаева к Н.Д. Шаховской и уточнить, что именно хотел передать де Кюстину русский мыслитель.

Отдел «Заметки и дискуссии» включает три статьи. Статья-рецензия Микеле Колуччи «A proposito di "La questione russa. Identità e destino", di Vittorio Strada» посвящена целостному сборнику статей известнейшего русиста Витторио Страды, объединенных общей темой «Русский вопрос» (книга вышла в Венеции в 1991 г.). Рецензент сочувственно, но с некоторыми сомнениями и возражениями, анализирует интересную книгу, содержащую и историческую картину развития России, и современные культурологические очерки; как всегда,

В. Страда оригинален в целом ряде своих концепций и формулировок: чего стоит, например, определение социалистического реализма как «парадоксального синтеза антихристианской религиозности Горького и гегелевско-марксистской тотальности Лукача».

Чезаре Дж. Де Микелис в небольшой статье «Puškin: fiabe e massoneria» подробно отвечает на сомнения Г. Левинтона — И. Охотина («Литературное обозрение», 1991, № 11) относительно намеков Пушкина в сюжете «Царя Никиты» на закрытие масонских лож, намеков, гипотезу о которых высказал Де Микелис в издании пушкинских сказок в стихах: A.S. Puškin, *Fiabe in versi*, Venezia, 1990. Теперь же автор гипотезы расширил свои аргументы. Вообще же тема «Пушкин и масонство» — одна из самых загадочных и перспективных. Отмечу, что с докладом на эту тему, с сообщением добавочных материалов о Пушкине-масоне, выступил известный французский литературовед А. Звигильский на Третьей международной пушкинской конференции в Одессе, в мае 1995 г.

Обстоятельна и убедительна статья Стефано Гардзонио «Об издательской судьбе баллады "Тень Баркова". Критический обзор». Исследователь весьма аргументированно оспаривает стремление А. Чернова перенести датировку баллады на тридцатые годы и приписать ее А. Воейкову («Синтаксис», 1991) и соглашается с традиционной датировкой серединой десятых годов, а также и с осторожным приписыванием баллады Пушкину: «...авторство Пушкина выглядит весьма убедительно, хотя, на мой взгляд, требуются некоторые оговорки» (с. 216). Именно так, утверждая, что *скорее всего* автор — Пушкин, считают петербургские пушкинисты, готовящие академическое полное собрание сочинений Пушкина; «Тень Баркова» не включается в собрание, а будет издана в виде приложения отдельной книгой.

Статья С. Гардзонио окончательно разъяснила мне одну небольшую загадку, которая много лет оставалась в моей научной душе без объяснений. Л.Б. Модзалевский опубликовал в 16-18 томе «Литературного наследства» письма П. Мериме к С.А. Соболевскому; в письме

от 18 января 1835 г. французский писатель сообщает русскому другу, что он и теоретически, и практически вспоминает словарики русских «ненормативных», говоря по-нынешнему, слов, который ему подарил Соболевский, и приводит печатными буквами, кириллицей, одно слово, которое Модзалевский воспроизвел немислимым набором одной русской и четырех латинских букв, т. е. преподнес чистую абракадабру (см. французский текст письма на с. 760, русский перевод — с. 766); но в неважной фотокопии письма на с. 763 любой мальчишка прочтет не абракадабру, а матерное словечко; меня давно занимало: сознательно ли Модзалевский напутал в условиях советской цензуры (чтобы разрешили напечатать письмо) или ничего не понял? Анекдотический пример, приведенный С. Гардзонио из расшифровки «Тени Баркова», осуществленной М. Цявловским (см. на с. 213 строку «У старца нежный секелек»), убедил меня, что почтенные наши пушкинисты, очевидно, вырастали в тепличной атмосфере интеллигентских столичных квартир и просто не знали значения «ненормативных» слов.

Чрезвычайно богат отдел рецензий. Он включает 34 рецензии на 47 книг и 5 отдельных статей по самым различным аспектам русистики (в одном случае — украинистики). На авантитуле тома перечислены десять кураторов десяти секций библиографического отдела; эти секции следующие: четыре периода русской литературы, от древности до современности; фольклор; филология и текстология; лингвистика; история; философская и религиозная мысль; эстетика, изобразительные искусства, театр. И всем кураторам пришлось трудиться — в том включены рецензии всех десяти секций!

Очень широк пространственный спектр объектов: говорится о трудах, напечатанных в России, Италии, Эстонии, Польше, Чехии, Германии, Австрии, Швейцарии, Голландии, Англии, США. Рецензируются книги, вышедшие, главным образом, в 1991–1992 гг., частично — в 1990; одна книга — 1989 года. По изобилию и широте библиографического обзора журнал может служить образцом для нашего издания и ему подобных. Здесь каждый найдет важный для себя материал.

Я как бывший тартуанец заинтересовался трудами, связанными с «тартуской школой», и приятно удивился, увидев обилие таких трудов, отрецензированных в томе. Прежде всего, это рецензия Розы Джаквинты на два тома «Семиотики» (№ 24 и 25, 1992) и на библиографические указатели к трудам по русской литературе и семиотике, выпущенные Тартуским университетом (1992). Затем — рецензия Андрея Топоркова на таллинский двухтомник «Школьный быт и фольклор. Учебный материал по русскому фольклору» (отв. редактор С.Н. Морозов, составитель А.Ф. Белоусов; 1992), ряд участников которого — выпускники Тартуского университета. Затем — рецензия Даниелы Рицци на калифорнийский (Беркли) сборник «Cultural Mythologies of Russian Modernism...» (1992), в котором два ответственных редактора из трех — бывшие тартуанцы: Б. Гаспаров и И. Паперно (рецензент прямо подчеркивает их биографическую и научную связь с «тартуской школой»). Еще одна бывшая тартуанка, ученица Ю.М. Лотмана И. Рейфман (бывшая Душечкина) удостоена рецензии Джованны Мораччи за книгу «Vasilii Trediakovsky» (Stanford, 1990). Отмечу также рецензии на труды москвичей, теснейше связанных с «тартуской школой», фактически участников ее создания: рецензия Лауры Росси на книгу В.Н. Топорова «Пушкин и Гольдсмит в контексте русской гольдсмитианы» (Вена, 1992) и Джованны Мораччи на большую статью Б.А. Успенского (совместно с М.С. Гринберг) «Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х — начале 1750-х годов» («Russian Literature», т. 31 — 32, 1992). Наконец, в качестве одного из авторов раздела (рецензия на три книги о русских духовных стихах) выступает ученица Ю.М. Лотмана, доцент Тартуского университета, а ныне римлянка Мария Плоханова. Таким образом, добрая четверть рецензируемых в обширном разделе трудов так или иначе связана с Тарту.

Подтверждаются таким образом тесные связи итальянских русистов с «тартуской школой». С удовольствием сообщаю, что в недавнем «Лотмановском сборнике» (М., 1995) помещена ценная статья М. Де Микиел «О восприятии работ Ю.М. Лотмана в Италии» с полной

библиографией трудов Лотмана, изданных (в переводах) в Италии (всего 51 работа!).

В заключение два небольших технических замечания. Почему-то у всех авторов итальянцев (и вообще у всех западных славистов) и в тексте, и в оглавлении приводятся полные имена, а у русских — лишь инициалы. Впрочем, в отделе рецензий и русские имена даются полностью, а в одном случае — у Андрея Львовича Топоркова — и отчество раскрыто. Желательна, конечно, унификация.

Потом просьба внимательнее описывать названия рецензируемых книг в оглавлении: тартуские издания в оглавлении лишены 25-го тома «Семиотики»; в трудах В.Н. Земскова приведены лишь начальные и заключительные слова описываемого ряда статей.

Еще одно корректорское замечание: встречаются досадные опечатки. Особенно они опасны в именах. Например, томичка Э.М. Жилякова именуется Е.М. Жиляковой (с. 75).

Эти огрехи несерьезные. В целом же первый блин совсем не комом, издание явно будет иметь успех. Пожелаем же редакции и далее выпускать ценные тома нового журнала.

Б.Ф. Егоров
С.-Петербург

Четыре русских писателя в интерпретации американской славистики

Cynthia Simmons. Their Fathers' Voice. Vassily Aksyonov, Venedikt Erofeev, Eduard Limonov, and Sasha Sokolov. Peter Lang. New York, 1993.

Монография известного американского ученого, специалиста в области русской литературы XX века С. Симмонс посвящена творчеству четырех русских писателей, чьи произведения, созданные в 60-е — 70-е гг. нынешнего столетия долгое время находились под запретом, образуя т. н. «подпольную литературу»: В. Аксенова, Вен. Ерофеева, Э. Лимонова и Саши Соколова.

Книга не случайно носит название «Голос их отцов». Одной из главных задач автора являлось опре-

деление истоков творческой, эстетической позиции писателей, несомненно составляющих отдельный период в истории отечественной литературы. Эпоха, в которую работали исследуемые писатели, проф. С. Симмонс называет «пост-сталинистской» (пынешняя, в которой продолжают они работать, называется уже иначе?), уделяя немало места характеристике социально-исторических реалий той эпохи. Автор использует широкий круг источников, среди которых важное место занимают культурологические теории М. Бахтина, психолого-аналитические труды К.-Г. Юнга, З. Фрейда, антропологические и социологические исследования последних лет, работы в области семиотики. В результате проф. С. Симмонс предлагает новый подход к вопросу о формировании художественных особенностей «подпольной» литературы исследуемого периода.

Книга содержит шесть глав. В первой автор анализирует несколько литературно-эстетических понятий, лежащих в основе рассматриваемого явления, касается историографии вопроса. «Пост-сталинизм» рассматривается в качестве единого культурного феномена, обладающего неповторимыми уникальными чертами, но, тем не менее, тесно связанного с предшествующими периодами русской культуры. Особое место уделено влиянию социально-исторической обстановки на склад литературно-эстетического мышления названных писателей. В анализе использованы, в основном, разработки М. Бахтина в области народной «карнавальной» культуры. Широко освещены исследования по эстетике модернизма в «пост-структуралистской» научной литературе. Прослежена специфика «эзопова языка» литературы «русского подполья»

Вторая – пятая главы посвящены творчеству исследуемого квартета в связи с их наиболее популярными произведениями. Во второй главе проф. С. Симмонс обращается к роману В. Аксенова «Ожог», приводя обширные биографические сведения о писателе. По мнению автора монографии, факты биографии В. Аксенова широко отражены в его сочинениях, в том числе и в романе «Ожог». Проф. С. Симмонс сжато, но

достаточно отчетливо выделяет основные особенности поэтики романа, его структуры.

Третья глава посвящена творчеству Вен. Ерофеева и его наиболее популярному произведению «Москва-Петушки». Здесь особенно глубоко прослеживается преемственность некоторых традиций русской классической литературы, присутствующих в поэме, таких как мотив «путешествия» (Радищев, Гоголь) и др. По мнению автора монографии, все действующие лица поэмы Вен. Ерофеева олицетворяют те или иные социальные группы советского общества. Отдельно проводится сопоставительный анализ поэмы Вен. Ерофеева и «Ожог» В. Аксенова. Особенно подробно останавливается автор на характеристике языка обоих произведений.

В четвертой главе на материале повести «Это я, Эдичка» исследуется творчество Э. Лимонова. Произведенный анализ двух предыдущих произведений позволяет сопоставить с ними, в свою очередь, и творчество Э. Лимонова — в самых различных аспектах поэтики и эстетики «пост-сталинистской эпохи».

Наконец, исследуя творчество последнего из четверки русских писателей, избранных проф. С. Симмонс для своего исследования, Саши Соколова с его романом «Школа для дураков» американская славистка применяет фрейдовско-юнгианскую методику исследования.

Как свидетельствует проф. С. Симмонс в заключение, значение проанализированных ею литературных явлений выходит за рамки индивидуальной творческой судьбы названных писателей, но характеризует определенный этап в развитии русской литературы.

Разнообразная методика исследования вместе с тонкой индивидуальной манерой работы американского профессора С. Симмонс делает ее монографию серьезным вкладом в современную филологию.

*В. Дмитриев
С-Петербург*

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

Эстония. 1995. 25 апреля. В. Якобсон под заголовком «Он выше всего ценил независимость мысли...» публикует интервью с почётным профессором Тартуского университета, доктором философских наук Л. Н. Столовичем. «Мы познакомились с Ю.М. Лотманом в 1953 году в Тарту. Когда тогдашний ректор ТГУ Ф.Д. Клемент пригласил меня прочитать курс лекций по эстетике, Ю.М. Лотман преподавал в Учительском институте. Он был необычайно человечен и прост, умел разговаривать с любым человеком. Ведь сам Ю.М. Лотман прошел большую жизненную школу, всю войну был на фронте. И одновременно он был человеком высочайшей культуры. Его душа, по словам поэта, "трудилась" постоянно. Во время войны он учил французский язык. Он как-то рассказывал о таком эпизоде: охраняемый им немецкий пленный офицер-аристократ был потрясен, увидев, как молодой советский солдат читает французскую книжку! Юрий Михайлович был настолько значительной личностью, что ему не надо было кем-то казаться.

Помимо громадной научной работы, у него постоянно было немало житейских забот: с Зарой Григорьевной Минц они вырастили троих детей, в доме у них всегда было полно народа, он кормил полфакультета, был человеком необычайно щедрым. Очень часто у него жили гости из других городов. И если случалось что-то очень неприятное, хотелось рассказать именно ему, ибо никто не мог так тебя понять, как он.

Мы оба разделяли общедемократические взгляды людей, которых сейчас называют шестидесятниками. В конце 60-х политическая атмосфера в Тарту стала душной. Было принято закрытое постановление ЦК Компартии Эстонии, в котором Ю. М. Лотману, Р. Н. Блюму, В. Пальму, Ю. Вооглайду и мне инкриминировались «идеологические прегрешения». Ю. М. Лотману в вину ставились в первую очередь сами

занятия семиотикой как явлением, не соответствующим марксистско-ленинской методологии. Его подпись стояла под нашим коллективным письмом к XXIII съезду КПСС, в котором содержался протест против возможности реабилитации на съезде И. Сталина, он подписался и под письмом в «Комсомольскую правду» по поводу опубликованной там после ближневосточной войны 1967 года дикой антисемитской статьи. Но к политической деятельности Юрий Михайлович относился с прозорливой осторожностью. Как-то он сказал: «В наше время есть только один критерий — это личная порядочность». Наверное, это критерий для любого времени. Он был знаком со многими деятелями диссидентского движения, по-человечески помогал им... Однажды в Тарту приезжал А.И. Солженицын и встречался с Ю.М. Лотманом. И это не могло не вызывать интереса у вышестоящих органов!

Среди людей, останавливавшихся у него, была поэтесса Наталья Горбаневская — одна из семерых смельчаков, вышедших с протестом на Красную площадь, когда советские танки вошли в Чехословакию. Ее не посадили только потому, что у нее тогда был грудной ребенок. Она останавливалась у Лотманов, ее старший сын целое лето провел в его семье. А КГБ тем временем собирало компромат, чтобы устроить над ней показательный процесс. Под этим предлогом у Ю.М. Лотмана дома был проведен семичасовой обыск. Ничего не нашли, кроме военных орденов и медалей. «Это откуда?», — спросил сотрудник, производивший обыск. «А это я украл», — ответил Юрий Михайлович.

Перемены, произошедшие во время перестройки, Юрий Михайлович воспринимал положительно. Во время августовского путча 1991 года уже больной Юрий Михайлович сказал: «Ах, как бы я хотел там быть, у Белого дома!». Польский писатель Станислав Ежи Лец как-то сказал: «Диоген говорил с камнем во рту — тоже мне, помеха!» Мы на себе испытали, что такое зажатый рот.

Постоянными были нападки в прессе на семиотику и тех, кто ею занимался. Западная общественность протестовала против подобного отношения. И как-то в «Литературной газете» партийный публицист Александр Кривицкий (умная сволочь!), давая ответ на подобного рода письмо одного немецкого журналиста, в качестве примера, подтверждающего наличие в СССР всяческих свобод, привел тот факт, что в Тарту ученые занимаются семиотикой и даже издают «Труды по знаковым системам». Я прочитал эту статью Юрию Михайловичу, тот напряжённо слушал и когда понял, что удара не будет, с облегчением вздохнул: «Тьфу, нашел пятак в говне!»

Чувство юмора вообще помогало ему выстоять во многих ситуациях.

Естественно, что меня в силу моей специальности очень интересует отношение Ю. М. Лотмана к философии. Тогдашняя официальная философия его разве что раздражала. Однако философией он много занимался как историк культуры, но полагал, что «профессиональный философ — "едок приправ", а нужно приправу подавать к основному блюду». Его отношение к теории изменилось, когда он открыл для себя семиотику. В последние годы он много размышлял над философскими проблемами. Я думаю, что, проживи он еще 5 лет, он начал бы писать философские работы. Но каковы были бы его философские взгляды — это сложный вопрос.

«Он выше всего ценил независимость мысли», — писал Ю. М. Лотман о Н.Карамзине. Это можно сказать и о нём самом.

Я очень признателен Юрию Михайловичу, что он за год до своей кончины написал предисловие к моей книге «Красота. Добро. Истина. (Очерк истории эстетической аксиологии)», которая вышла в 1994 году в Москве. В ней, кстати, он выразил свои симпатии к Канту, которого высоко ценил как мыслителя и создателя гуманистической этики.

В рецензии на первое издание словаря «Философы России» в качестве одного из недостатков этого словаря указывается отсутствие в нём имени Ю.М. Лотмана. Я сейчас подготовил статью о Юрии Михайловиче для второго издания этого словаря. Подобная статья написана мной и для «Словаря русской философии», который сейчас готовится к печати в Москве в издательстве «Республика».

Петрозаводск. 1995. 10 марта. С. Лойтер рассказывает о живущем в Петрозаводске филологе П. А. Рудневе. «Нет необходимости доказывать, что Петрозаводск — город серьезной и многоаспектной филологической науки. Петр Александрович Руднев среди филологов Петрозаводска — личность совершенно особенная, я бы сказала, исключительная».

Руднев — ученый-стиховед. Он автор фундаментального исследования «Метрика Александра Блока», которое позволило академику Виктору Жирмунскому назвать его «новатором в изучении стиха». В нём Руднев ввел термин «полиметрическая композиция», прочно вошедший в стиховедческую науку. Более 70 научных работ Руднева опубликовано в авторитетнейших изданиях по теории и истории стиха. Его монография «Введение в науку о русском стихе» стала библиографической редкостью. Авторитет Руднева-ученого

Брюсова... я ссылаюсь на Вас как на одного из самых авторитетных для меня исследователей по стиху» — писал в 1984 году ленинградский профессор Дмитрий Максимов.

Выдающийся ученый нашего времени Ю. М. Лотман, с которым Рудневу довелось работать в Тартуском университете, называл его «одним из ведущих специалистов в области русского стиха». Хорошо известный филолог, стиховед, издатель античных авторов серии «Литературные памятники» академик Михаил Гаспаров писал о том, что Руднев «заглянул в глубину связи между формой и содержанием, а его методологический опыт представляет еще больший интерес для всех, кому придется заниматься стилистикой стиха».

Заслуги Руднева-стиховеда по достоинству оценили не только коллеги-ученые, но и поэты. И среди них особенно Давид Самойлов, который сам занимался стиховедением, написал «Книгу о рифме» и много советовался с Рудневым. Это из его письма: «Очень приятно, что в разных городах строятся части стиховедческого здания». Добавлю: вдвойне приятно, что стиховедческое здание усилиями Петра Руднева и его учеников, среди которых и его жена доцент Карельского пединститута Лидия Новинская, возводилось и возводится в Петрозаводске.

Говоря о Рудневе-стиховеде, хочу назвать издание, которое наверняка известно многим петрозаводчанам и имеется в их библиотеках. Это томик стихов Афанасия Фета, вышедший в издательстве «Карелия» в 1986 году. Он составлен, прокомментирован Рудневым и предварён его оригинальной статьей о личности, жизни и творчестве поэта.

Если Руднева — академического ученого знают в основном специалисты, коллеги, то Руднева-преподавателя знают и ценят многие. Помню, как приехал он в Петрозаводск в 1973 году, пройдя по конкурсу в качестве доцента кафедры литературы Карельского пединститута. И с первых же лекций обратил на себя внимание своей неординарностью, преподавательской страстностью. Он сразу вызвал восхищение одних и неприятие других. Он привез с собой в Петрозаводск идеи тартуской семиотической школы, идеи Ю. М. Лотмана и с присущей ему увлеченностью знакомил с ними всех, кому было интересно. Но самое главное, что он привез, — это новую культуру вузовской лекции.

Петрозаводск не обойден интересными преподавателями-филологами. Но «на Руднева» ходили не только свои «кафедралы» (некоторые из них полностью прослушали его курсы «История русской литературы второй половины XIX века», «Теория литературы», спецкурс по стилистике стиха), но и

студенты других факультетов, и преподаватели университета и консерватории.

Проблемность, глубина лекций Руднева всякий раз соединялись с огромной библиографической оснащённостью. Причем это не было просто называнием сведений, имен, фактов. Лекция оказывалась приглашением к раздумью над творчеством писателя, отдельным произведением, литературным явлением, к раздумью, в котором сталкивались разные точки зрения, скрещивались разные прочтения и подходы. Все это одушевлялось — это не преувеличение — чисто рудневским уважительным отношением к труду разных исследователей, которых Петр Александрович всегда и неизменно называл по имени-отчеству.

Не напрасно выкладывался до последнего на своих лекциях Петр Александрович, не напрасно священнодействовал. Его учительство с благодарностью вспоминают коллеги, а многие выпускники с гордостью говорят: «Мы учились у Руднева», «Мы сдавали Рудневу».

Из всего сказанного мною создается образ такого академического ученого, образованного, эрудированного, но неприступного и стоящего «над». Но это не совсем так. Руднев — человек, открытый для общения, и особенно — с молодежью. Более того, молодежь он чрезвычайно любит, дорожит её мнением. В отношениях с ней у него нет никакой снисходительности и высокомерия. Его демократизм не показной, а органичный. В его хлебосольном и гостеприимном доме постоянно шумно. Помимо всего прочего Руднев великолепно умеет шутить, сочинять пародии, шаржи, акростихи и дружеские послания.

Можно много и долго рассказывать об этом замечательном филологе, «Первоучителем» (так называет его сам П. А.), а затем и другом которого был философ и филолог-классик А. Ф. Лосев. Я могла бы рассказать о Рудневе-интеллекте в том понимании этого слова, которое употребляет Д. С. Лихачев: «обладающий умственной порядочностью», «свободный в своих убеждениях», «не подчиняющийся идеологическим обязательствам».

Я могла бы рассказать о Рудневе — честном, добром, щедром человеке, живущем чрезвычайно скромно, но достойно.

Я могла бы рассказать о Рудневе — преданном, надежном друге.

Сейчас Петр Александрович, ветеран Великой Отечественной войны, на пенсии. Он не преподаёт студентам, но остается для многих учителем: к нему постоянно обращаются за советом, помощью, консультацией.

Он пишет книгу мемуаров, фрагменты из которой печатались в газете «Лицей». Он много и замечательно корреспондирует: письма Руднева по своей эпичности, основательности и чувству юмора — маленькие художественные произведения.

Напоследок приведу тютчевские строки — его любимые:

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня.
Тяжело мне, замирают ноги.
Друг мой милый, видишь ли меня?

Мы видим вас, Пётр Александрович Руднев».

Вечерний Оренбург. 1995. 16 февраля. В статье В. Горячок «Рекомендую тебе Пушкина» в центре внимания — Григорий Сильч Карелин, известный русский исследователь и путешественник. В 1824 г. он получает от своей невесты А.Н. Семенович автографы стихотворений Пушкина, которые, в свою очередь, ей подарила подруга Софья Салтыкова, в будущем — баронесса Дельвиг. Автор приводит строки из письма Софьи к Сашеньке (хранится в архиве Г.С. Карелина) от 13 октября 1824 г.: «Я передала Ольге и господину Плетнёву всё, что ты поручила сказать им, последний мил, как никогда; каждый раз, что я его вижу я люблю его все больше... Он принёс мне несколько отрывков из новой поэмы, которой занят в настоящий момент Пушкин, и настоятельно просит меня послать их тебе, что я и делаю. Сохрани их, — это драгоценность, так как это руки самого Пушкина; он прислал эти отрывки Дельвигу, который отдал их Плетневу, и только мы четверо знаем эти стихи... Очень прошу тебя, милый друг, сказать мне твое мнение об этих стихах. Что касается меня, то я нахожу их очаровательными, в особенности, начиная от этого места: „Он пел любовь, любви послушный!“ Весь этот кусок очень красив, не правда ли?»

В 1827 г. А. Дельвиг отправляет с Карелиным в Оренбург альманах «Северные цветы», сопроводив его стихотворным посланием Александре Николаевне:

От вас бы к нам, с краев Востока,
Ждать должно песен и цветов:
В соседстве вашем дух пророка.
Волшебной свежестью стихов,
Живит поклонников Корана;
Близ вас поют певцы Ирана,
Гафиз и Сади — соловьи!
Но вы, упорствуя, молчите:
Так в наказание примите
Цветы замершие мои.

В публикации приводится еще одно письмо Софьи А. Карелиной: «Посылаю тебе „Северные цветы“, с портретом Пушкина и тысячу нежностей вам обоим, милым и добрым друзьям нашим, от нас обоих, истинно любящих вас... Вот тебе наш милый добрый Пушкин, полюби его. Рекомендую тебе его. Его портрет поразительно похож, как будто ты видишь его самого. Как бы ты полюбила его, Саша, ежели бы видела его, как я, всякий день. Это человек, который выигрывает, когда его узнаешь...»

Автор приводит косвенные доказательства того, что во время пребывания в Оренбурге в сентябре 1833 г. Пушкин посетил дом Карелиных. Местонахождение этого дома прежде было неизвестно. Автор публикации на основании находок, сделанных в Оренбургском архиве, установил место жительства Карелиных, а значит, и еще один пушкинский адрес. Это несохранившееся здание — собственный дом коллежской ассессорши А.Н. Карелиной — находилось в районе современных улиц Пушкинской и Ленинской, западнее ул. 9 Января и восточнее ул. Бурзянцева. Здесь же родилась младшая дочь Карелиных — Лиза — родная бабушка А. Блока.

Вечерний Омск. 1995. 6 января. Искусствовед И. Девятьярова рассказывает о подготовке к выпуску в Омске альбома «Капитан воздушных фрегатов», посвященного Л. Н. Мартынову. «Впервые увидят почитатели местной истории в этом альбоме и портрет поэта-пушкиниста Георгия Владимировича Маслова (1895 — 1920), сыгравшего определенную роль в формировании поэтического сознания „капитана воздушных фрегатов“».

«Это был не свой брат-гимназист. Не подросток, не мальчик. Конечно, это был молодой человек, но мне, четырнадцатилетнему, он, естественно, показался более чем взрослым. Он был высокого роста, с задранный головой и острым носом. Одет он был в военную форму, но без погон. На голове была английская фуражка... Вот так я познакомился с Георгием Масловым. Когда он назвал себя, я сказал, что знаю некоторые его стихи по газетам, а когда он спросил, нравится ли мне его творчество, я, помню, смутился, но затем с неожиданной даже для себя уверенностью заявил, что его стихи хороши и печальны».

Эти воспоминания Леонида Мартынова уносят нас в Омск 1919 года, в «белую столицу». Сюда путями гражданской войны попал из Петрограда Георгий Маслов — поэт, филолог, участник знаменитого Пушкинского историко-литературного общества при университете. В Омске стихи Маслова публиковались в местных газетах и журналах, звучали на заседаниях литературно-художественного кружка и на «Вечерах о

России» в Гарнизонном собрании. Тогда появилось его известное стихотворение, а котором Омск назван «приютом благодородных муз». Таланту поэта не суждено было развиваться: во время колчаковской эвакуации он умер в Красноярске от тифа в возрасте двадцати пяти лет.

Портрет Маслова, оставленный в редких воспоминаниях, немногословен как и его биография. Единственным, известным на сегодняшний день его изображением является живописный портрет в форме студента университета — двубортной тужурке с золотыми пуговицами и белым крахмальным воротником. Маслов предстает на портрете русоволосым мечтательным юношей, с одухотворенным взглядом. Автор портрета неизвестен, но им вполне может быть брат поэта, учившийся в эти годы в Петербургской Академии художеств.

Портрет хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, в фонде жены Г. В. Маслова — Е. М. Тагер. Туда он был передан в начале 1970-х годов вдовой литературоведа Ю. Г. Оксмана.

Публикация этого портрета в альбоме совпадает с юбилеем, о котором, может быть, следует напомнить: в 1995 году исполняется 100 лет со дня рождения Георгия Маслова.

Кабардино-Балкарская правда. 1994. 4 октября. К. Ф. Александрин, «почти ровесник века», вспоминает о встречах с Есениным в 1924 году. «Поклонники есенинской лирики пригласили поэта в скромный городок — станицу Урюпинскую, чтобы на Донщине послушали его стихи. Получив телеграмму о прибытии, делегация от молодежи встречала Есенина. Помнится это был предутренний час, рассвет, и мы спешим, спотыкаясь, чтобы успеть к поезду...

В эти минуты на небосклоне во всю ширь распахнулась зарница. Такая разноцветная, радужная, что, казалось, своей красотой обняла нас, обворожила.

В дверях вагона появился Есенин. Точно такой, как на фотографии. Кто-то из нас, встречающих, крикнул:

— Здравия желаем, Есенин!

Он улыбался, сходя по ступенькам. Мы его окружили. Рукопожатия. Вручили большой букет, в середине которого красовался «лазоревоый цветок», выделяясь ярким пламенем. Есенин синими глазами посматривал на каждого, покуривая из позолоченной трубки.

Он показался сутуловатым. Светлые, как рожь, волосы с пробором, низко опущенные в прическе. Красивое, полукруглое, полуженское лицо светилось добротой и вызывало уважение к себе.

Он был невысокого роста, около 30 лет. Серый летний костюм был элегантным, подходил ему. Такого же цвета была кефи. В руке он держал темно-коричневый кожаный саквояж с медными застежками.

С вокзала направились в глубь города, к дому одного из встречавших. Рассказывали гостю о станице Урюпинской, о местной природе — в темных лесах грибы, калина, всякая ягода, хмель и др. А уж зайцев и лисиц — уйма! Только не ленись охотиться. Объяснили: Урюпин — татарское название. Переводится — яма.

Рассказывали о казачьем быте и традициях, напевали старинные мотивы казачьих песен. Есенин интересовался, как живут казаки, есть ли у молодежи стремление к художественной литературе, что читают, есть ли тут местные поэты, писатели. Только повернули в переулок — навстречу Иван Кузьмич — станичник, бывший ординарец Буденного. В руке у него рогатая палка, рядом несколько коз. Кузьмич пожимает руку, спрашивает Есенина, поправляя старую казачью фуражку набекрень:

— Откель, браток?

— С Москвы,

— Кем Вы?

— Поэт.

— Братцы! Я люблю поэтов. Мой внучек часто стихи читает. Я то плачу, то смеюсь, — покручивает усы Кузьмич.

— Сергей Александрович, — обратился к Есенину, — милость прошу, скажи и ты стишок Кузьмичу.

Есенин вынул из кармана синюю тетрадь, читает:

Сядь ко мне на крылечко,
Тихо склонись ко плечу,
Синюю звездочку свечкой
Я пред тобой засвечу.

Кузьмич прижал к сердцу руку Есенина, обещая завтра прибыть в дом, где остановился поэт.

Пришли в усадьбу моего друга Василия. Хозяйка, быстрая казачка Антонина, нарядилась по-праздничному в честь гостя, надела кашемировое девичье платье, приготовила блины, пирожки и бражку. За столом спели несколько старинных казачьих песен. Есенину особенно понравилась «Поехал казак во чужбину далекую...» Высоким первым голосом запевал Иван Кузьмич.

Местная газета поместила заметку о приезде Есенина. Известила, что вечером в городском саду Есенин будет читать стихи.

Переполненный народом сад сверкал бенгальскими огнями. Все аллеи пронизаны тонким запахом цветов, трав. С правобережья Хопра приплыла вечерняя прохлада и опустилась над городом.

Где-то за горами чуть сверкала молния.

На эстраде в городском саду стоял Есенин. Он то рассказывал о своей жизни, то читал стихи. Публика награждала его бурными аплодисментами. Духовой оркестр исполнял любимые танцы Есенина — вальсы. Танцевал он с местными барышнями, вальсировали почти все, кто находился в саду.

На другой день Сергей Александрович посетил местную библиотеку. Купались в реке Хопер, загорали на бархатных песочных холмах.

День был воскресный. Есенин побывал в Красном и Белом соборах (позже разрушенных).

Рассказывали Есенину о знаменитой Урюпинской ярмарке (Крещенской), куда приезжали все купцы России и даже иностранцы.

Потом Есенин подарил нам несколько экземпляров своих стихотворений.

Вечером были устроены проводы. Поезд увез дорогого гостя на Кавказ.

Эта встреча на всю жизнь запечатлелась в моем сердце. Помню интонации его голоса, жестикуляцию. Слышу, как он говорит, что своим творчеством обязан поэтам Блоку, Белому и Клоеву. Особенно Блоку, который научил творить лирические стихи. А если сейчас поэтов мало, то потом, когда пройдет время, появятся новые люди с новыми стихами, рассказами. В этом он убежден, так как Россия богата талантами. И щемяще-горестно звучат в памяти слова стихотворения, которое он прочитал напоследок:

Мы теперь уходим понемногу
 В ту страну, где тишь и благодать.
 Может быть, и скоро мне в дорогу
 Бренные пожитки собирать.

Слишком я любил на этом свете
 Все, что душу облекает в плоть.
 Мир осинам, что, раскинув ветви,
 Загляделись в розовую водь.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
 Мял цветы, валялся на траве.
 И зверье, как братьев наших меньших,
 Никогда не бил по голове.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

Весть (Калуга). 1995. 11 февраля. Публикуется отрывок из незавершенной мемуарной книги покойного писателя И. Шеметова.

«На этот раз майор вызвал меня в полдень.

— Прошу рассказать о ваших знакомствах, — сказал он вежливо-строго.

— О всех знакомствах? — спросил я с робким удивлением.

— Нет, о наиболее близких.

Я начал с друзей — с Николая Модестова и Сергея Чететкина. Рассказав о взаимоотношениях с ними, перешел к другим студентам нашей группы.

— Всех не перебирайте, — остановил меня майор. — Скажите, что это за компания, которую в дневниках называете «друзьями ночи»?

— Это мы и есть: Модестов, Чететкин и я. Мы часто бродили ночами по улицам, в парке.

— Обсуждали какие-то идеи, замыслы?

— Просто говорили, спорили.

— Темы?

— Самые разные, больше литературные. Чететкин читал стихи.

— Свои?

— Свои и блоковские, пастернаковские, есенинские.

— Понятно. А с писателями города общались? Сами ведь пишете, искали, наверное, связи с профессионалами?

— Да, я знаком с писательницей Шелкуновой, романисткой. С поэтом Палашниковым.

— С Домбровским, — подсказал майор.

— С Домбровским встречался только однажды.

— В ресторане?

— Да, в ресторане.

— Вы знали, что он выслан из Москвы?

— Слышал.

— Вы переписывались с ним?

— Нет, послал ему только одно письмо.

— В дневнике вы описали томскую встречу со ссыльным поэтом Клюевым. Это была первая встреча?

— Первая и единственная.

— Ну хорошо, круг ваших знакомств мы бегло очертили. Пунктиром, так сказать. Закончим сегодняшнюю беседу. Завтра вплотную приступим к работе. Очень прошу вас — восстановите в памяти подробности вашей связи с писателями.

Вот тут-то я и понял, почему он, начальник отдела, пожелал сам «работать» со мной.

В камере, едва захлопнулась за мной дверь, слышался легкий дробный стук в стену. Это неведомому моему соседу не терпелось что-то узнать обо мне. Он ежедневно пытался вызвать меня на перестук, но я, не понимая секретных арестантских сигналов, ничем не отвечал на них. Не ответил и сейчас.

Торопливо выхлебал я остывший обеденный супишко, съел скудную порцию перловой каши и, оставив на ужин ополовиненную утром хлебную пайку, встал с койки.

Итак, дело начинает несколько проясняться, думал я, мотаясь в сумраке своего узилища. Майор занят более значительными фигурами — писателями. Они, конечно, арестованы. Потянули за собой и тебя, лопоухого студентика. Потянули? Грешил на профессора Бута, теперь на этих? Проклятая зараза подозрительности! Никуда тебя писатели не тянут, а просто рассказывают о своих знакомствах, как и ты. Но Домбровский еще в позапрошлом году, говорили, выехал в Москву. Стало быть, в здешней тюрьме он не сидит и никаких его показаний у майора нет. А Клюев...

Клюев — в далеком Томске. Что с ним теперь? Все еще отбывает ссылку? Все живет на Старо-Ачинской улице в том старинном деревянном доме? Привет тебе от арестанта, поэтизгнанник. Помнишь ли визит рабфаковца? Едва ли. А мне никогда не забыть той встречи.

Я поднимаюсь по морозно скрипящим дощатым ступенькам на крылечко с перилами. Я стучу в дверь. Ее открывает пожилая женщина, распахнуто добродушная, родственница каждого встречного. Она проводит меня по холодным сенцам в домовито теплую прихожую.

— Вы к Николаю Алексеевичу?.. Раздевайтесь, пожалуйста. Присаживайтесь. — Она открывает одну из трех дверей, уходит в комнату и вскоре оттуда выходит. — Обождите, он примет вас чуть погодя. Посидите, я приготовлю чай.

Я жду на деревянном диванчике и каюсь. Зачем приперся? Поэту не до меня. Видишь — пишет, не хочет отрываться. Не сбежать ли? Хозяйка в кухне. Одеться и потихоньку выйти. Но он сам же пожелал со мной повидаться. Для чего? Чтоб высмеять мою повесть? Ишь, писатель нашелся! Прочел «Поднятую целину» и решил описать коллективизацию в своей деревне. Посчитал, что образованием я выше Шолохова. У того — семь классов, у меня — последний курс рабфака. Глупец, с кем захотел тягаться!.. Но разве я тягался? О печати и не думал, а для себя писал повестушку. Черт дернул дать ее на прочтение дружку-рабфаковцу. Не знал, что тот живет на

Старо-Ачинской улице, в соседстве с опальным поэтом, к которому и попадет моя повесть. Теперь вот сиди и жди, когда примет и начнет журить незадачливого прозаика бард крестьянской поэзии, старший друг Есенина.

С нетерпением и опаской я поглядывал на белую филечатую дверь, отделявшую меня от строгого судьи. Но вот она открылась, и вышел из комнаты священник в черном подряснике, а за ним — лысый, с серо-седенькой бородой, простенький хилый старик. Я никак не мог поверить, что вижу того самого Ключева, о былой славе которого тайно рассказывала мне наша рабфаковская преподавательница, тайно же дававшая читать его залежалые сборники стихов, как и томики Есенина.

Пока священник заматывался у вешалки длинным шарфом и надевал шубу, старик поэт стоял посреди прихожей. Он был в сереньком пиджаке нараспашку, в сатиновой выцветшей косоворотке, в подшитых кожей валенках. Он напоминал отдаленно Толстого, и руки его по-толстовски были заложены за поясной ремешок.

Священник, одевшись, низко поклонился поэту.

— Храни вас Бог, Николай Алексеевич.

— Благодарствую, — поклонился и поэт. — Спасибо за приношение. — Проводив священника взглядом, он обратился ко мне: — Милости просим. — И протянул к открытой двери руку, вынув ее из-под ремешка.

Мы вошли в очень маленькую чистую комнату с опрятно убранной никелированной кроватью, занимающей всю длину боковой стены. Старик посадил меня к столу, а сам сел сбоку, спиной к окну. Увидев на белой пикейной скатерти грудку сдобных домашних булок и прутяную корзиночку с яйцами, я понял, за какое приношение благодарил поэт священника. Тот, конечно, подкармливает ссыльного, как, наверное, подкармливает и сочувственная хозяйка.

— Таким я и представлял вас по рукописи, — сказал Николай Алексеевич, рассматривая меня ласково, точно видел родного сына, выросшего за долгие годы разлуки. — Прочитал я повесть и захотелось поговорить с автором. Попросил вашего друга передать, чтоб вы пришли. Спасибо, не погнушались навестить старика невольника. — Не вынимая левой руки из-за пояса, правой он взял с подоконника мою красную с красным обрезом тетрадь. Меня бросило в жар: сейчас начнет листать и любезно обличать писаку в бездарности и безграмотности.

Но поэт, не открыв тетради, положил ее на стол передо мной.

— Скажите, дружок, вы серьезно взялись писать? — спросил он ласково.

— Да нет, это я так, попробовать, — промямлил я.

— А вы не смущайтесь, голубчик, — сказал он. — Не боги горшки обжигают. Я нахожу, что у вас есть художественное чутье. Правда, за повесть братья рано. Не по возрасту рано, а, как бы сказать, по языковой зрелости, по умению зримо изображать. Воздержитесь от повестей и рассказов. Возьмитесь-ка лучше за этюды. Вот посмотрите. — Он повернулся к окну и показал на деревце, так пышно закуржавевшее, точно все ветви обросли густой белой хвоей. — Глядите, какое чудо. Можно ли обрисовать словами? Трудно, но надо пытаться. Пойдите с каким-нибудь другом гулять, найдите подобное или по-иному диковинное дерево, постойте около него подольше. После опишите. Дайте другу достаточно времени, чтобы он забыл вашу прогулку, а потом прочитайте ему свой этюд. Если он будет хвалить описание — не верьте этой похвале. Напишите этюд снова и опять прочтите. Так переписывайте до тех пор, пока ваш друг не скажет: «Я где-то видел точно такое дерево». Можно задавать себе другие уроки. Пойдите, к примеру, на речку. Поднимите с гальки какой-нибудь любопытный камушек и подыщите для его описания двадцать эпитетов. Такие упражнения хорошо развивают язык. Маловато у вас слов в обороте. Рано взялись за повесть... «Слом». Почему вы так назвали ее?

— Хотел показать полную ломку деревенского уклада.

— Вы радовались этой великой ломке?

— Да, вся молодежь тогда радовалась, начиналось что-то совершенно новое.

— Да, новое, новое... Сколько вам было годиков в начале коллективизации?

— Пятнадцать.

— Понятно. Повесть не уничтожайте, лет через десять вернетесь к ней и напишете заново — совсем иначе.

Нет, уничтожу, решил я. Сожгу, чтоб больше никто не узнал о моей позорной неудаче. Хозяйка принесла на подносике фарфоровый чайник, стаканы и сахарницу.

— Благодарю вас, мой ангел, — сказал Николай Алексеевич. Он вынул из-под пояса левую руку и с помощью правой положил ее на стол. И тут я понял, что она парализована. Перед тем, как прийти в этот дом, я узнал от друга, что поэт был сослан на самый север Томской области, в тасжно-болотный Нарым, там тяжело заболел и только потом, после долгого ходатайства, был переведен в Томск. Можно было легко

представить, что перенес он в карательном Нарыме, если выбрался оттуда с бездействующей рукой, больным и таким старым, а ему ведь, я знал, едва перевалило за пятьдесят.

— Угощайтесь, пожалуйста, берите булочку, — говорил старик.

— Нет, нет, есть не хочется, — отказывался я, хотя жил впроголодь и мог бы сейчас умять всю горку попадьиной сдобы. — Нет, я только выпью чаю.

— Какой, однако, стеснительный молодой человек. Давно не встречал таких. А скажите, дружок, может, вы и стихи пишете?

— Нет, не пишу. Но много читаю.

— Кто же из поэтов нашего века вам ближе? Тот, кого ныне славят? Маяковский?

— Нет, Есенин. И вы.

— Вот как! Значит, молодежь нас знает? Не думал. Выходит, мы не совсем забыты. Отрадно. Есенин — глубинно русский песнопевец. Придет время, Россия будет отмываться его чистоструйной поэзией от пожарищной копоти. Читаете, говорите, и мои стихи?

— Да, читаю.

— А где достаете?.

— У добрых людей.

— Что-нибудь помните?

— Наизусть — мало, некоторые отрывки. Кое-что про Есенина.

— Что именно?

— Ну, хотя бы вот это:

В твоих глазах дымок от хат.
Глубинный сон речного ила,
Рязанский маковый закат —
Твои певучие чернила.

— Спасибо, родной мой, — до слез растрогался старик. — Сладкое, грустное утешение. Господи, как я любил шаловливого Сережу!

Он поднял свисавший угол белой скатерти и, нагнувшись, утер ослезившиеся глаза.

Но тут камера осветилась, и старик, так отчетливо видимый во мгле, исчез. Я перестал сновать и сел на койку, оставшись наедине с собой гадать о судьбе ссыльного поэта. Живет ли он еще в том домике, так тепло приютившем изгнанника? Может, сидит в тюрьме? А может, посадят его теперь, обнаружив мой дневник? Неужели я навлеку на старика арест и допросы?

Пройдет четверть века, я увижу на книжном прилавке маленький голубой томик Николая Клюева и узнаю, что в тот тюремный час, когда я с тревогой о нем думал, его в живых уже не было. А спустя еще восемнадцать лет до меня дойдет из Томска тамошняя газета, в которой прочту и о том, каков был последний год поэта: в начале весны — арест, затем три месяца тяжелой болезни на тюремной койке, временное освобождение, другое жилище, грязная квартирнка со злой хозяйкой и гудящим роем мух, потом опять арест, допросы и конец мукам — расстрел.

Уже четвертый год поэт лежал на пустыре, зарытый вместе с другими расстрелянными в одной из общих ям. А я опасался, что затяну его в тюрьму. И клял себя за все дневники. Для какого дьявола их писал! Писал, беспечно болтал. Вот теперь за все отчитывайся перед майором госбезопасности. Завтра он приступит к подробным допросам».

Эстония. 1995. 27 мая. В переводе А. Боярова и «с небольшими сокращениями» по тексту *THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS* от 27 ноября 1994 г. публикуется статья И. Бродского «"Посткоммунистический кошмар"». Комментарий к выступлению президента Чехии Вацлава Гавела и Университете Джорджа Вашингтона».

«Уважаемый Господин Президент! Я решил написать Вам это письмо, поскольку есть нечто, что нас объединяет, — мы оба писатели. Наш труд, как никакой другой, требует внимательного отношения к словам, прежде чем доверить их бумаге или, как в случае, о котором речь, микрофону. Даже участвуя в общественных делах, мы стараемся избегать общих фраз, латинизмов и какого-либо жаргона. Это может быть трудно в диалоге или при общении с немногими собеседниками, для которых такой подход покажется даже претенциозным. Однако в монологе или одиноких размышлениях это, по-моему, вполне достижимо, хотя, естественно, необходимо приравниваться к публике.

У нас есть еще нечто общее, Господин Президент, — наше прошлое в наших полицейских государствах. Или говоря менее пышно — в наших тюрьмах, где недостаток пространства щедро возмещался избытком времени, что рано или поздно заставляет человека, независимо от его темперамента, призадуматься. Вы, конечно, провели в заключении больше времени, я, однако, оказался в своем задолго до Пражской Весны. Кроме того, несмотря на мое почти патриотическое убеждение, что безнадежность пропахшей урином дыры где-то в чреве России скорее открывает глаза на жестокое своеволие экзистенции, чем то, что я когда-то представлял себе

как ухоженный, отдельно стоящий домик в цивилизованной Праге. Мне кажется, мы с Вами, как существа мыслящие, должны быть вполне равны.

...Решение написать это письмо я принял после того, как недавно прочел текст одного из Ваших последних выступлений, выводы которого по поводу прошлого, настоящего и будущего настолько отличаются от моих, что я подумал — кто-то из нас должен быть не прав. И поскольку речь идет о настоящем и будущем, и не только Вашем или Вашей страны, но и всей планеты, я решил обратиться к Вам с открытым письмом. Если бы суть касалась лишь прошлого, я бы не стал этого делать, или, написав такое письмо, пометил его как «личное».

Ваша речь, которую мне довелось читать, была напечатана в *THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS* под заголовком «Посткоммунистический кошмар». В ее начале Вы вспоминаете время, когда друзья и знакомые отворачивались от Вас на улице, поскольку Ваши отношения с властями были напряженными и Вы находились под надзором полиции. Далее Вы пытаетесь изложить причины, почему Вас избегали, и предполагаете в своей обычной благожелательной манере, которая и принесла Вам заслуженную известность, что этим людям Вы просто доставляли неудобства; а «неудобств — согласно приводимой Вами повседневной мудрости — следует избегать». Далее в своей речи Вы описываете посткоммунистическую реальность (в Восточной Европе, косвенно касаясь ситуации на Балканах) и приравниваете манеру поведения демократического мира перед лицом этой реальности к такому «избеганию неудобств».

Это великолепное выступление, полное тонких замечаний и с убедительным заключением; позвольте мне, однако, вернуться к исходной точке. Кажется мне, Господин Президент, что Ваша столь известная корректность сослужила не слишком добрую службу в Ваших расчетах с прошлым. Настолько ли Вы уверены, что те люди избегали Вас тогда лишь по причине обеспокоенности и страха перед «возможными преследованиями», а не потому, что, учитывая кажущуюся стабильность системы, они попросту сняли Вас со счетов? Уверены ли Вы, что по меньшей мере некоторые из них просто не замечали Вас, как человека меченого и обреченного, на которого и время-то тратить не стоит? Не кажется ли Вам, что вместо того, или вместе с тем, чтобы быть неудобным (как Вы это о себе утверждаете), Вы были как раз удобным примером дурного поведения, а значит, и источником особого морального удовлетворения, подобного тому, что больные люди доставляют здоровому большинству?

То, что ход событий доказал, что правда на Вашей стороне, а не на их, не имеет большого значения. Вас списали в расход прежде всего потому, что даже по меркам нашей половины столетия Вы вовсе не были мучеником. А кроме того, не носим ли мы все определенный груз чувства вины, хотя никак не связанный с государством, но тем не менее явно ощутимый? И когда рука государства настигает нас, мы смутно принимаем это за заслуженное возмездие, как удар тупым, но вполне ожидаемым орудием провидения.

Можно быть глубоко уверенным в неправоте государства, но редко приходится доверять собственной добродетели. Не говоря уже о том, что эта самая рука и сажает человека и освобождает его. Вот почему не приходится ни удивляться, что люди избегают тебя, когда выходишь из тюрьмы, ни ожидать, что тебя примут с распростертыми объятиями.

Такие ожидания при таких условиях принесут лишь разочарование, поскольку никто не хочет ворошить в себе запутанную взаимосвязь между собственной виной и возможным возмездием, а в полицейском государстве именно в этом в наибольшей мере выражается геройское поведение. Оно отдаляет человека от других так же, как любое усиленное обращение к добродетели; не говоря уже о том, что героев лучше наблюдать издалека. Как раз поэтому, Господин Президент, упомянутые люди и избегали Вас, что Вы были чем-то вроде пробирки, в которой Добро вступает в реакцию со Злом, и люди эти не вмешивались в ход эксперимента из-за своих сомнений по поводу обоих ингредиентов.

То, что они ошибались, а Вы оказались правы, повторяю, не имеет никакого значения. Они списали Вас со счетов, поскольку руководствовались тем же релятивизмом и собственной выгодой, которые, как мне кажется, помогают им устроиться и сейчас при новой власти и новой системе распределения благ. И как здоровое большинство они наверняка сыграли важную роль в вашей бархатной революции, которая, скажем прямо, как всякая демократия, отстаивала личные интересы. Если все именно так, а мне кажется, что здесь я прав, то они оплатили уже Вам за свое чрезмерное благоразумие и Вы руководите теперь государством, которое больше «их», чем Ваше.

«Многие десятилетия главным кошмаром, мучившим демократический мир, был коммунизм», — так начинаете Вы следующий абзац. «Сегодня, спустя три года после того, как он стал рушиться, словно лавина, похоже, его сменяет другой ужасный сон — посткоммунизм». Затем Вы довольно подробно описываете, как демократический мир реагирует на эко-

номическую, политическую, экологическую и социальную катастрофу, разорвавшую гладкую некогда поверхность. Вы сравниваете эту реакцию с тем «неудобством», которое в свое время причиняла другим Ваша персона, и утверждаете, что такая позиция ведет к тому, чтобы «отвернуться от действительности и, в конце концов, слепо поддаться ей. Это ведет к соглашательству и даже выступлению на стороне разрушительных сил. Последствия такой позиции могут быть самоубийственны».

И как раз здесь, Господин Президент, мне сдается, Ваша метафора подводит Вас. Потому что и коммунистический и посткоммунистический кошмар вовсе не сводится к «неудобству», поскольку он помогал, помогает и будет помогать еще достаточно долго демократическому миру как образ воплощенного зла. И не одному только демократическому миру. Довольно многим из нас, кто в этом кошмаре жил, а особенно тем, кто с ним боролся, он служил источником немало морального удовлетворения. Ведь тот, кто со злом борется или ему противостоит, автоматически воспринимает себя как хорошего и избегает самооценки. Так, может, наступило время, для нас и всего мира, демократического или нет, убрать понятие «коммунизм» из человеческой реальности Восточной Европы, и тогда можно будет увидеть человеческую реальность такой, какой она была и есть — зеркалом.

А таковым всегда является человеческое зло. Географические названия или политическая терминология не являются ни телескопом, ни окном, а лишь отражением нас самих — отрицательного человеческого потенциала. Размеры того, что произошло в нашей части света в течение двух третей этого столетия, нельзя свести лишь к «коммунизму». Общие фразы, как правило, больше путают дело, чем его объясняют, а в случае десятков миллионов убитых и искалеченных судеб целых народов какие-либо общие названия просто неуместны. Хотя соотношение количества палачей к жертвам показывает преобладание последних, масштабы случившегося свидетельствуют, с учетом нашей технической отсталости, что число первых тоже измерялось миллионами, не говоря уже о миллионах пособников.

Проповеди не моя стезя, Господин Президент. Вы, кроме того, и так уже являетесь обращенным. Не мне Вам говорить, что то, что Вы называете «коммунизмом», являло собою потерю человечности, а не политическую проблему. Это была людская проблема, проблема нашего рода, а посему она имела затяжной характер. Ни как писатель, ни тем более как глава страны Вы не должны употреблять терминологию, скрываю-

щую сущность человеческого зла, — терминологию, смею заметить, выдуманную самим злом для прикрытия своих проявлений. И не следует называть этого кошмаром, поскольку потеря человечности не происходила под покровом ночи, на нашем полушарии уж точно.

По сей день слово «коммунизм» — это сплошное удобство, поскольку «-изм» указывает на FAIT ACCOMPLI (завершенное действие. — *перев.*). В славянских языках, как Вы знаете, «-изм» указывает на иноземное происхождение явления, а уж когда слово описывает политическую систему, она считается навязанной. Действительно, наш конкретный «-изм» не был рожден на берегах Волги или Влтавы, а то, что расцвел там с невиданной силой, вовсе не говорит о небывалом плодородии наших земель, поскольку равно бурно он цвел и на других широтах, и в регионах, совершенно разных по своей культуре. Это подсказывает, что наш «-изм» не навязан вовсе, а имеет естественное, чуть ли не универсальное происхождение.

Почему бы не начать с признания, что в этом веке человеческий род подвергся небывало жестокому истреблению, оставив в стороне вопрос, кто или что послужило тому причиной? Что участвующие в нем массы, руководимые личной выгодой, стремясь к ней, понизили общий знаменатель до морального минимума? И что личная выгода этих масс — стабильность жизни и ее уровень, также пониженный — росла за счет других масс, пусть уступающих первым по численности? Отсюда и известное количество жертв.

Удобно относиться к этим вещам, как к ошибке, ужасающему политическому заблуждению, как бы навязанному людям из обезличенного «где-то». И удобно было иметь под рукой живой пример того, как в этом мире не стоит править, и снабдить этот пример окончанием «-изм», так же как удобно снабжать его послесловием «как надо было» и предлогом «пост». (И легко вообразить себе наш «-изм» приукрашенным своим «пост-», удобно скольльзящим в будущее на устах недомков.)

А настоящим «неудобством», особенно для ковбоев промышленно развитых демократий Запада, было бы признать катастрофу, случившуюся в нашей части мира, за первый отчаянный крик массового общества — крик, словно доносящийся из будущего мира, и увидеть в нем не «-изм», а бездну, внезапно разверзшуюся в человеческом сердце, чтобы поглотить благородство, сострадательность, внутреннюю культуру, справедливость, и насытившуюся, таким образом, до такой степени, что оставшимся вовне демокра-

там виделась бы достаточно гладкая и единообразная поверхность.

Ковбои, однако, ненавидят зеркала, уж потому хотя бы, что в них можно разглядеть отсталых индейцев скорее, чем на открытом пространстве. Поэтому они предпочитают седлать своих резвых лошадей, вглядываться в свободный от индейцев горизонт, высмеивать отсталость индейцев и извлекать небывалое моральное удовлетворение от того, что их считают ковбоями — сами индейцы прежде всего.

Как человек, которого, бывало, называли монархом-философом, Вы более, чем кто-либо, способны оценить, в какой мере все случившееся с нашим «индейским народом» уходит корнями в Просвещение, с его понятием (на самом деле принадлежащим Эре Открытий и Изобретений) благородного дикаря — человека по сути своей хорошего, но постоянно извращаемого дурными учреждениями. Понятию этому свойственна также уверенность, что исправление этих учреждений вернет врожденную человеческую добродетель. Таким образом, к сделанному ранее признанию или намерению его сделать следует добавить, что именно «индейцам» довелось своими достижениями по усовершенствованию этих учреждений прийти к логическому концу всего замысла — к полицейскому государству. Вероятно, явное хамство этого свершения должно навести «индейцев» на мысль, что им следует несколько попятиться восвояси, что свои институты им следует обратить в менее идеальное состояние. Иначе им не получить «ковбойских» дотаций на свои резервации. И может, действительно существует какая-то связь между добродетелью человека и злом институтов. Если нет, вряд ли стоит допускать, что человек так хорош по натуре.

Не на этой ли развилке дорог теперь мы находимся, Господин Президент, или Вы по меньшей мере? Должны ли «индейцы» торопиться подражать «ковбоям» или должны просить духов об иных возможностях для себя? А может, размеры постигшей их трагедии сами по себе являются гарантией, что ничего подобного больше не случится? Может, их печаль и память о том, что с ними случилось, создадут более мощный залог всеобщего равноправия, чем свободный рынок и двухпалатная законодательная система? А если, несмотря ни на что, они захотели бы улучшить свою Конституцию, то ее следовало бы начать с параграфа, определяющего себя самих и свою историю в этом веке как напоминание Первородного Греха.

«Мы должны открыть для себя новый тип взаимоотношений со своими соседями и со Вселенной, — говорите Вы в

деляющего себя самих и свою историю в этом веке как напоминание Первородного Греха.

«Мы должны открыть для себя новый тип взаимоотношений со своими соседями и со Вселенной, — говорите Вы в конце выступления, — и ее метафизическим порядком, который является источником порядка морального». Метафорический порядок, Господин Президент, допустив его существование вообще, достаточно туманен, а его уклад выражается в полной бессвязности отдельных частей.

Вероятно, настоящая внутренняя культура, Господин Президент, заключается в том, чтобы не строить иллюзий. «Новое понимание», «глобальная ответственность», «плюралистическая метакультура» не намного лучше, чем всеобъемлющие утопии новоиспеченных националистов или предприимчивые фантазии нуворишей. Такого типа срунда происходит из начального убеждения, пусть с некоторыми сносками, в доброту человека, являющего собой падшего или возможного ангела. Такие речи к лицу, быть может, недотрогам или демагогам, заправляющим делами промышленных демократий, но не Вам, кому следует знать правду о состоянии человеческого сердца.

И Вы, как представляется, имеете ту завидную позицию, благодаря которой можно не только передать свои знания людям, но и каким-то образом повлиять на состояние их сердец, — помочь им стать такими, как Вы. Поскольку Вы стали таким, какой Вы есть благодаря не опыту отсидки, а прочитанным книгам, я предлагаю для начала опубликовать некоторые из них с продолжением в главных ежедневных газетах страны. Беря во внимание численность населения Чехии, это выполнимо с помощью указа, и вряд ли Ваш парламент будет этому противиться. Подарив своему народу Пруста, Кафку, Фолкнера, Платонова, Камю или Джойса, Вы можете по меньшей мере одну нацию в центре Европы обратить в культурный народ.

Это может принести много больше хорошего для будущего планеты, чем подражание «ковбоям». Кроме того, это был бы настоящий посткоммунизм, а не камуфляж старой доктрины с ее ненавистью ко всему миру, самоутверждением любой ценой и невероятным расцветом эгоизма, преследующими теперь Ваше общество. И нет иной вакцины на пошлость человеческого сердца, чем доля сомнения и хороший вкус, которые можно найти в великих литературных произведениях, так же, как и в Ваших. Если темная сторона человека наиболее полно выражается в факте убийства, то свет его лучше всего отражен в искусстве.

«ковбои» верят в законы и сводят демократию к равенству людей перед ними, то есть к прерии, исправно патрулируемой полицией. То, что предлагаю я, — это равенство перед культурой. Вам решать, какой из путей нужен Вашему народу и какая книга нужна для прочтения. Если бы я был на Вашем месте, то начал бы с собственной библиотеки, поскольку видно, что свои моральные приоритеты Вы избрали, не посещая занятия на юрфаке. Искренне Ваш Иосиф Бродский».

*Подготовила
Е. Е. Симановская
(С.-Петербург)*

ХРОНИКА

Бергамо. В ноябре 1994 г. в университете г. Бергамо состоялась международная конференция, посвященная научному (и духовному) наследию Ю.М. Лотмана. В работе конференции приняли участие ученые из разных стран, в первую очередь из России и Тарту, а также из Англии, США, Швейцарии, Польши, Венгрии, Германии, Швеции, и, естественно, итальянские хозяева и гости. Теплая, дружеская атмосфера, созданная бергамскими организаторами вообще и Ниной Каучишвили и Марией Киара Пезенти, в частности, дала возможность всем присутствующим, как докладчикам, так и слушателям, обсуждать в ненапряженной обстановке диалога многочисленные проблемы, выдвинутые в сообщениях. Ниже приведем краткий обзор докладов, с указаниями на прения и на работу круглого стола, завершившего конференцию.

3-го ноября. Конференция открывается приветствием ректора бергамского университета, проф. Е.П. Ферри (E.P. Ferri), и заместителя ректора, проф. М. Корона (M. Corona). Они выражают радость за интереснейшую инициативу, которая сумела собрать столько крупных имен с общей целью изучать итоги и перспективы научных завоеваний великого русского ученого.

1-я сессия: Ю. М. Лотман и Тартуская школа. Председатель Б. А. Успенский. Открывая первую сессию, Б. А. Успенский выдвигает мнение, что еще не наступило время для подведения итогов: творчество Лотмана и его школы принадлежит настоящему, действует и живет с нами и с каждым, кто подходит к лотмановским исследованиям с искренним желанием видеть в них побуждение на дальнейший труд.

Развивает эту мысль и Нина Каучишвили, которая, приветствуя всех присутствующих, посвящает теплые слова человеческим качествам русского ученого, его внутреннему

богатству, его редкой способности внушать силу и порождать стимулы к работе. Н. Каучишвили напоминает также многолетнее плодотворное сотрудничество между Тарту, тартускими сотрудниками и бергамским университетом, которое не только не прервалось, а продолжается как прежде и даже развивается и усиливается.

После вступительных речей начинается чтение докладов.

И. Чернов (Тарту): *Тартуско-московская школа как мифологема* (текст доклада не был представлен автором на конференции).

Л. Киселева (Тарту): *Академическая деятельность Лотмана в Тартуском университете*. На понятии тартуской школы как мифологема основывается также доклад Л. Киселевой, который ставит вопрос о генезисе и характере самой школы. Центральную роль играет именно Кафедра русской литературы, которой Ю.М. Лотман посвятил неустанный труд с 1950 г. вплоть до планов на 1993/94 учебный год. Только кафедра как содружество близких по духу людей позволила преодолеть в эстонской среде недоверие и скрытую враждебность к русской культуре, отстранение печати советской идеологии и наконец сближение эстонской и русской культур.

Б. Егоров (С.-Петербург): *Письма Лотмана*. Для изучения жизни и творчества крупного ученого важно знать его письма, где, несмотря на опасность перлюстрации, излагались ценные нестандартные культурологические мысли, а также сведения о кафедральных событиях, о замыслах, о личных чувствах и переживаниях. В поле зрения автора доклада — четыре комплекса писем Ю.М. Лотмана, из которых два — более ранних (около 100 — родным и около 20 — сокурснице О.Н. Гречиной; особенно ценны письма военного времени) и два — более поздних (около 250 — докладчику, около 250 — сокурснице Ф.С. Сонькиной). Дается обзор тем и сюжетов. Докладчик призывает всех владельцев писем Ю.М. Лотмана объявить о своих архивах, чтобы использовать их при подготовке и комментировании будущих собраний сочинений ученого.

Вл. Александров (Йельский ун-т): *Художественная форма, свобода, случайность*. Доклад развивает интересную полемику с некоторыми современными критическими позициями, касающимися роли случайности и свободы в художественном произведении (ср. работы Г.С. Морсона о Толстом: Gary Saul

Morson. *Hidden in Plain View: Narrative and Creative Potentials in «War and Peace»*. Stanford University Press, 1987, и Б. Бойда о Набокове: Brain Boyd. *Vladimir Nabokov*. Paris, 1990. VI. Nabokov: *The American Years*. Princeton, 1991). По Морсону, толстовская любовь к «лишним» деталям — доказательство того, что для писателя «основное состояние мира — беспорядок». Подобным образом в своей критической биографии Набокова Бойд утверждает, что для писателя в творческом процессе понятия «независимость и узор» (independence and pattern) одинаково важны, что создает своеобразный внутренний парадокс. Ссылаясь на утверждение Лотмана, что «внесистемное в жизни отображается в искусстве как полисистемное» (Структура художественного текста. М., 1970. С. 96), Александров исключает в искусстве как возможность присутствия настоящей случайности, так и возможность выражения настоящей свободы. Напротив, он выдвигает тезис, что все утверждения насчет случайности и насчет свободы в произведениях Набокова и Толстого — не больше, чем выражение мировоззрений самих литературоведов, а не проникновение в суть набоковского или толстовского творчества.

А. Пайман Соколов (A. Puman Sokolov, Дурхам): Юрий Лотман — «в точке поворота». В центре внимания автора доклада находится недогматичный характер исследований Ю.М. Лотмана, его готовность ставить в любой момент под сомнение всякую систему и результаты собственной работы. Его исключительное умение по-новому сопоставить отдельные факты приводит ученого к убеждению, что «мы движемся, а прошлое повертывается к нам», чем и объясняется необходимость неустанного изучения культуры прошлого. Насколько же плодотворна такая методика, показывает почет, которым Лотман пользовался на Западе и которого он наконец, преодолев всяческие препятствия и внутреннюю цензуру, достиг и в России.

II сессия: XVIII и XIX век. Председатель Н. Каучишвили

Б. А. Успенский (Москва — Неаполь): Язык Державина (к 250-летию со дня рождения). Чтобы правильно оценить значение роли Державина в развитии русского поэтического языка, надо освободиться от пушкинского слова, через которое мы его воспринимаем. У Пушкина впервые стирается грань между высоким и низким слогом, он нейтрализует стилистические контрасты. Поэтика Державина, наоборот, основана именно на

контрастах, поскольку у него проблема правильности, определяющая в XVIII в. разработывание системы стилей, заменяется проблемой выразительности. Стиль Державина, объединяющий церковнославянскую и русскую лексику, это, в сущности, стиль макаронический, который разрушает жанровую систему. Таким образом создается гибридный русский язык, которому на содержательном уровне соответствуют, по мнению Успенского, карнавальный характер творчества Державина и тема переряживания и перевоплощения. С замечаниями по поводу доклада Успенского выступают Л. Киселева и М. Лотман.

М. Плюханова (Тарту): *Исследования Ю.М. Лотмана по древнерусской литературе и XVIII веку.* Основные работы Лотмана по древнерусской литературе можно в самых общих чертах охарактеризовать как создание жестких моделей для того, чтобы найти и указать источник сопротивления их жесткости. В этом проявляется умственная свобода ученого, его исключительная способность мыслить несистематически и парадоксально. Таким образом, древнерусский материал является перед ним культурным пространством, в которое неожиданно вторгается персональный принцип. Основной становится тема гетерогенности, взаимодействия существенно разных форм мышления: и Плюханова подчеркивает, как для Лотмана Киевская Русь в ее диалоге с Византией типологически сопоставима с Россией XVIII века в ее отношениях с французским Просвещением. Нетрудно понять, почему Лотман смотрит на период строительства Петербурга как на создание текста, в котором все элементы, и внелитературные, имеют культурное значение. Россия XVIII века для него — Россия Просвещения, и Просвещение им рассматривается как кузница могущественных и противоречивых идей; неслучайно он столько работ посвятил именно Карамзину, в котором видел писателя и мыслителя, сумевшего соединить несоединимые опыты века, чтобы от него вернуться потом к размышлениям о творческой эволюции Пушкина.

Е. Погосян (Тарту): *«Да не молчаливи будем мы... радость не терпит в нас молчания...» К проблематике придворной мифологии петровской эпохи.* Доклад представляет собой попытку определить некоторые характерные черты официального праздника времен Алексея Михайловича в сопоставлении с

эпохой Петра I и, в частности, противопоставление официального и неофициального поведения в разные эпохи. При Алексее Михайловиче религиозные праздники, как правило, сопровождается колокольный звон; при Петре колокольный звон уступает место пушечной стрельбе, которая к тому же становится как будто формой спонтанного ликования подданных и приобретает характер спектакля. Ритуальный жест превращается в форму индивидуального поведения и в то же время выражение индивидуального чувства переносится в сферу церемониального поведения. Для Прокоповича, который сыграл известную роль в разработке новой придворной культуры, норма поведения подданного перед Богом и перед монархом — радость, и радость должна быть звучной: как и в Псалтыри, радость разделяет праведника и грешника, она требует нарушения молчания. И звучность, и зримость ритуала имеют функцию представлять придворную культуру для подданного, воспринимаемого как зрителя.

М. К. Пезенти (M. C. Pesenti, Бергамо): *Динамичность комической культуры, как признак ее гетерогенности.* Автор доклада рассматривает характеры маленького комического жанра любительского театра, жанра «интермедии», или «интерлюдии». Интермедия происходит из школьного театра, в котором преобладает нравоучительная установка, но она становится самостоящим жанром благодаря развитию реалистических и комических элементов, унаследованных не только от сатирических произведений XVII века, но и от повести, фации и лубка. Таким образом, в новом жанре сливаются разнородные, гетерогенные традиции, своеобразно реализуя сложный диалог между «своим» и «чужим», на который во многом опирается, в лотмановской концепции, процесс разработки новой культуры в петровской эпохе.

Е. Фарыно (J. Faryno, Сельце/Турку): *Перевод как форма контакта культур.* Доклад польского ученого дает детальный обзор контактов, «переводных» и личных, которые на протяжении многих лет установились между тартуской школой и польскими читателями-литературоведами. Первый лотмановский текст («Лекции по структуральной поэтике») был привезен из Праги в 1965 г., первые переводы и дискуссии появляются в 1969 г. и вызывают большой интерес. Единственный раз Ю.М. Лотман был в Польше в 1973 г. и читал

лекцию в Варшаве в Институте литературных исследований Польской Академии наук (IBL PAN). Во второй части своего выступления Фарыно обсуждает существенную проблему статуса переводного произведения в инокультурной среде: для читателя, не знающего языка оригинала, перевод становится в свою очередь подлинником. Доклад вызывает несколько прений: Б.А. Успенский и Б. Егоров подчеркивают смелость польских ученых в продолжении контактов с тартускими коллегами в трудные времена; Ж. Нива указывает на сложность переводческой работы, особенно что касается перевода теоретических трудов, именно в связи с трудностью перевода цитат, т. е. художественного перевода.

4-го ноября

III сессия: Теория. Председатель Б. Егоров

Ж. Нива (G. Nivat, Женева): *Как писать историю будущего?*

Насыщенное сообщение Нива исходит из противопоставления разных представлений о будущем в западных и в русской культурах. На Западе стремление к реализации «собственного» будущего принимает черты движения вперед, безграничного применения энергии, и имеет ограничение в социальном договоре, в сообществе, во «вручении себя». В России же (это особенно знаменательно у Гоголя и в «Обломове» Гончарова) стремление вперед почти никогда не имеет конкретной цели, никуда не ведет; неопределенно «открытое время» и отказ от будущего по сути своей производят безгоризонтность, в то время как преобладает лишенная контакта с настоящим мечта. В русской культуре противопоставляются примирение с действительностью и переживание кризиса, ощущение будущего как ожидание кризиса: отношение к будущему принимает черты боязни перед открытостью. Ключевой момент представляет собой революция, в которой не только русские стремятся к будущему, но само будущее мчится на Россию. Доклад вызывает оживленную дискуссию, в которой принимают участие Б. Успенский, М. Лотман, Н. Каучишвили, А. Ковач, Е. Фарыно, Вл. Александров и Б. Егоров.

М. Лотман (Тарту): *Осип Мандельштам: поэтика воплощенного слова.* Мандельштамовские идеи в области лингвистики и семантики намного опередили свое время; теоретические взгляды поэта абсолютно адекватны его собственному твор-

честву, причем очевидно, что не идеи воплощались в стихах, а, напротив, сами эти идеи есть плод его метапоэтических прозрений. Манделштамовская философия слова в основе своей религиозна; это поэтика воплощения слова, которая органически входит в контекст эстетических идей русского православия: как древнерусский лингвистический миф основан на представлении о единстве «славянского» языка с древнегреческим, так для Манделштама «русский язык — язык эллинистический». Но мало этого: основным подтекстом для поэта является начало Евангелия от Иоанна «и Слово стало плотью, ... полное благодати и истины». Этим подтекстом объясняется его представление о слове: слово — «система», включающая как звуковой, так и смысловой образ, но при этом оно не является ни звуком, ни смыслом. Парадоксальным может показаться, наряду с подчеркиванием полной свободы поэзии, утверждение, что никакой свободы творчества нет. Для Манделштама Дант «пишет под диктовку, ... он переводчик». Тонкое изучение цикла стихотворений, написанных с мая 1932 по май 1933, показывает, в заключении, что русский язык, ставший плотью, — живой, плодоносящий язык, и как глубоко отличается манделштамовская концепция слова от символистской, для которой «слово есть образ запечатленный», т. е. икона.

Н. Каучишвили (N. Kauchtschischwili, Бергамо): *Флоренский — Бахтин — Лотман: диалог на расстоянии*. Исходный пункт доклада — важнейшая роль, которую символизм играл в культурной жизни России начала века. Русский символизм сумел соединить вокруг себя художников разного профиля и направления и дал живой импульс художественной и культурной дискуссии. Таким образом, можно говорить о «диалогическом» символизме; подобная склонность к диалогу характеризует впоследствии и развитие авангарда и формализма. Если сослаться на лотмановскую работу «Культура и взрыв», нельзя не заметить, как за грандиозным теоретическим синтезом, представленным символистами, следует устремленный импульс вперед революции. Интересно заметить, что и глубоко отличающиеся друг от друга мыслители, как Флоренский, Бахтин и Лотман, основывают свою теорию именно на диалогической встрече понятий и культур, на необходимости применения разных точек зрения. У них диалог позволяет обогатить собственную позицию чужой культу-

рой, внесением чужой мысли. В частности, Ю.М. Лотман ставит на центральное место оппозицию «свое»/«чужое», поскольку сущность собственного я и собственной культуры можно уловить, только если понять взаимосвязь между текстами, теориями, культурами.

И. Верч (I. Verg, Триест): *Стихи / проза: от Бахтина к Лотману и дальше ...* В своем докладе И. Верч анализирует вопрос о теоретическом разграничении поэзии и прозы и указывает на некоторые общие черты между современным структуралистским подходом (например, у И. Смирнова) и поэтологической традицией М. Бахтина и Ю.М. Лотмана. Исходя из разных функций т. н. референтных и языковых ценностей и из понятия «возвращающей речи» в процессе текстопорождения, докладчик обращает внимание на вопрос о преодолении четкого разграничения между обоими жанрами: текстологические анализы некоторых явно определенных жанровых моделей (у Пушкина, Гоголя и Достоевского), проведенные А. Ковачем, доказывают внутреннюю неустойчивость референтных и языковых ценностей, особенно тогда, когда понятие о преферентной ценности применяется не только к миру реальных, но и моделированному миру (тексту), являющемуся для моделирующего субъекта новым референциальным миром. Таким образом, вопрос о т. н. смешанных жанрах и о «лиризации» прозы требует новой проверки с точки зрения их историко-литературного появления.

А. Ковач (Á. Kovács, Будапешт): *Значение категории «возвращающей речи» для теории литературного дискурса.* Категория «возвращающей речи», служащей в теории текста Ю.М. Лотмана в качестве замены термина формалистов «повтор», обеспечивает возможность различить специфику «художественной структуры» текста от общеязыковой. В докладе прослеживается процесс дифференциации данной категории в таких концептах литературного дискурса, как «пространство и текст» (В.Н. Топоров), «удвоенная рекуррентность» (И.П. Смирнов), и был предложен разбор семантики стихотворного дискурса в «Евгении Онегине» с точки зрения теории «персонального повествования».

И. Смирнов (Мюнхен): *Оскорбляющая невинность (о прозе Владимира Сорокина и самосознании).* Доклад посвящен разбору последнего романа Владимира Сорокина «Сердца четы-

рех», который дает возможность продолжить начатую Ю.М. Лотманом работу в области психофилософии культуры (в частности, его статья «О семиотике понятий "стыд" и "страх" в механизме культуры». 1970). Проза Сорокина требует от нас, чтобы мы толковали не ее, а себя как бы со стороны. Чтобы понять значение его романов, надо освободиться от чувства вины, которое господствует в нас. Если вернуться к Софоклу, увидим, что в «Эдипе» он связывает вину и знание, или, точнее, самосознание субъекта. Самосознание рождает губительную для психики индивида саморефлексию, индивид различает добро и зло, только причинив зло себе; напротив, невинный авторефлексии не знает. Такую невинность автор доклада считает отличительной чертой медиальных средств, которые не чувствуют вину в себе, а сознают голос Другого в себе; таковы и средства коммуникации, и бумага, и радио и телеграф, но таковы и такие литературные герои, как Дон-Кихот и князь Мышкин, или поэт Хлебников. Тексты Сорокина скандальны не столько из-за многочисленных противоестественных ситуаций, которые в них описываются с избытком деталей, сколько из-за того, что, не считаясь с социальностью, они перешагнули через порог, за которым вина исчезает. Тем самым они невинны: и невинность Сорокина заключается в том, что его тексты сообщают о вине без обвинения, изучают ее как предмет собирательного гносеологического интереса. Своим «провокационным» оттенком доклад вызывает оживленную дискуссию.

Р. Казари (R. Casari, Бергамо): *Образ моста как не-место в русской литературе XIX века.* Доклад посвящен разбору образа моста: мост одновременно отделяет и соединяет, подчеркивает разделение между двумя берегами и преодолевает его. Образ моста тесно связан с существенным для русской литературы образом реки, символом предела, границы, в частности — с потусторонним миром: за рекой лежит совсем другой мир, чужой и опасный. В «Запечатленном ангеле» Лесков четко разделяет два мира: мир раскольников, которым было поручено строение моста через Днепр, и мир официального православия, город Киев. Раскольники, так ревностно хранящие старинную религиозную традицию, хоть и боятся контакта с другим берегом, все-таки чувствуют и принимают дух святого города, тем самым признавая необходимость преодолеть духовное расстояние. Подобным образом воспринимает-

ся в Москве первый каменный мост, построенный на Москве-реке; для жителей Замоскворечья перейти на другой берег значит удалиться от святой традиции и идти навстречу греху. В Петербурге же, городе, построенном на воде, двузначность образа моста максимально расширяет свою семантическую сферу: мост связывает свое и чужое, представляет собой место перехода из одного мира в другой, то есть не-место. Указания для дальнейшего развития темы дают прения Н. Каучишвили, А. Ковача, И. Смирнова, М. Лотмана.

Ф. Мельци Д'Эриль (F. Melzi D'Eril, Милан): «Oeuvre au Noir» Маргариты Юрсенар: два варианта главы «La Conversation à Innsbruck». Сообщение представляет собой разбор разных вариантов одной главы знаменитого романа французской писательницы: первоначальный замысел (опубликованный под заглавием «D'après Dueger», 1934), журнальный вариант главы (1964), окончательная редакция романа (1968). Автор доклада ведет подробный сравнительный анализ текстуальных элементов, в частности изучает: черты, характеризующие образы Зенона и его кузена Анри-Максимильена; описание дуэли, в котором Анри-Максимильен ранен; их продолжительную беседу; описание кузницы, в которой Зенон живет и проводит свои алхимические опыты; описание внешности Зенона и особенно его рук. Анализ позволяет заключить, что, если рассказ о дуэли Анри-Максимильена принимает в окончательном варианте более подчеркнутый комический оттенок, описание Зенона и его кузницы постепенно отдаляется от символического образа алхимика со своим оборудованием, изображенного Дюрером («Меланхолия»), и принимает более определенные черты: Зенон становится конкретным человеком-экспериментатором, посвятившим себя попыткам преобразования материи.

А. Локателли (A. Locatelli, Бергамо): О создании «истории литературы» и разнозначности семиосферы. Специалист по английской литературе, занимающаяся преимущественно Шекспиром и теоретической работой, автор доклада пытается осветить влияние на эту область лотмановских концепций. Вместе с этим А. Локателли исследует вопрос взаимоотношений и возможных точек соприкосновения между семиотической теорией Лотмана и некоторыми современными теориями (такими, как культурный материализм и культурологические исследования), разработанными в Англии, США и Италии

такими крупными литературоведами-англистами, как А. Серпиери (A. Serpieri) и М. Паньини (M. Pagnini). Особенный интерес представляет вопрос об уточнении понятия так называемой «истории литературы», которое в семиотической перспективе обогащается и усложняется изучением таких специфических моментов, как проблема авторства, чтение и рецепция, референциальность, контекст.

Э. Гаретто (E. Garetto, Милан): *Автобиографические варианты в творчестве Вл. Набокова*. Автор сообщения подробно рассматривает разные варианты набоковской автобиографии, написанные на английском и русском языках: «Conclusive evidence» (1951), «Другие берега» (1954) и «Speak, Memoгу» (1966). В своих предисловиях Набоков указывает как на трудность перехода с одного языка на другой, так и на «правдивость» этих своих произведений, в которых характерное для него сплетение реального и вымышленного якобы отсутствует. Анализ доказывает, напротив, что и в автобиографической прозе писатель продолжает неустанную работу перевоплощения действительности в вымышленное и, как оказалось, наоборот. Вместе с этим, несмотря на литературную мистификацию, можно заключить, что для Набокова писание мемуаров является как бы попыткой переусвоения собственного прошлого.

5-го ноября

IV сессия: Литература и искусство. Председатель Вл. Александров

П. А. Йенсен (P. A. Jensen, Стокгольм): *«Снежная королева» в ткани «Доктора Живаго»*. В докладе высказывается мнение, что в ткани «Доктора Живаго» важную роль играет сказка Андерсена «Снежная королева». Отголоски ее в пастернаковском романе многочисленны и немаловажны; прежде всего надо упомянуть сходство между Антиповым — Стрельниковым и мальчиком Каем, героем сказки: оба обладают талантом подражания, которым пользуются для того, чтобы осмеивать людей, оба любят математику, точность и абстрактность (у Антипова «живое человеческое лицо стало олицетворением, принципом, изображением идеи»); у обоих специфическую символично-композиционную роль играет деталь увеличительного стекла. Повторяются и образ глазка в наросте льда на оконном стекле, и образ рябины — границы мира жизни с

миром небытия. Другой существенной параллелью является также противопоставление у Пастернака, как у Андерсена, сердца рассудку; именно способность любить придает и Герде (в «Снежной королеве»), и Ларе их непобедимую жизненную силу. С прениями выступают Б. Успенский, И. Смирнов, Ж. Нива, А. Ковач.

Дж. Эндрю (J. Andrew, Киил): *Воскресение и перерождение у Бабеля: «Мой первый гусь»*. Доклад основывается на трех теоретических опорах: на понятии хронотопа у Бахтина, на лотмановских положениях о сюжете в типологическом освещении и на замечаниях английского литературоведа Терезы Де Лауретис (Teresa De Lauretis), которая, развивая теорию Лотмана, рассматривает типологическую функцию женских образов в развертывании сюжета. На этой основе автор доклада пытается определить то, что он называет «кистью типологических мотивов», и применяет ее к «Конармии» Бабеля. С особенным вниманием рассматривается рассказ «Переход через Збруч» (мотивы «вхождения в закрытое пространство / переход через порог», «вхождение в мертвый дом», «вечер», «женщина как препятствие»); в последующих шести рассказах внимание сосредоточивается на сплетении мотивов «обезглавливание / кастрирование / слепота». К этим в рассказе «Мой первый гусь» прибавляются мотивы «верх / низ», «вечер / смерть», «половое общение» и, наконец, «выходение из закрытого пространства / воскрешение». В рассказе «Мой первый гусь» этот последний, существенный мотив не доведен до полного развития. Только в двух последних рассказах бабелевского цикла («Сын рабби» и «Аргмак») лотмановская «кисть» мотивов «смерть / половое общение / возрождение» развивается как бы более совершенно, доведя героя Лютова — наконец принятого казаками, как своего — до новой жизни, до перерождения.

Ч. Серге (C. Segre, Павия): *Последние работы Лотмана*. Большой интерес и восхищение вызвал доклад крупного итальянского семиолога и литературоведа Чезаре Серге. Он следил за исследованиями Лотмана с самого начала, первым опубликовал на итальянском языке его работы в журнале «Strumenti critici» («Критические инструменты»), специально посвященном вопросам теории литературы. Серге считает, что последние работы ученого, и в частности «Литература и взрыв»,

призывают к переосмыслению лотмановского наследия, в том числе и тех проблем, которые остались как бы нерешенными, не до конца изученными. К ним относятся, среди других, положение лингвистической структуры внутри структуры культурной и понятие семиосферы, относящееся к культурной взаимосвязи, более чем к лингвистической. Но большая заслуга Лотмана заключается в том, что он динамизировал само понятие структуры, спасая его от статичности и открывая перспективы развития в историческое (местами даже в эсхатологическое) направление. История занимает у русского ученого все более существенное место, рядом с убеждением в первенстве искусства: кажется, что именно искусство рождает понятие взрыва, которое позволяет выйти из механической схемы структурализма и преодолеть строго бинарную модель мира. Искусство — носитель принципа свободы, вплоть до свободы от структуры, до эксперимента; читая искусство (и историю) прошлого, мы понимаем настоящее, а переход от настоящего к будущему уподобляется взрыву, скрывает в себе непредвиденные перемены. Как все его искания, и последние работы Ю.М. Лотмана не предлагают читателю готовую концепцию, а заставляют задуматься, тем самым обогащая его. В прениях выступают Н. Каучишвили, Л. Киселева, М.Ю. Лотман, А. Ковач.

У. Перси (U. Persi, Бергамо): *Художник Возрождения и русский изограф: «свое» и «чужое» в контексте «Леонардо да Винчи» Д. Мережковского.* В романе Д. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» живо описана сцена, в которой на ужине в миланском замке сталкиваются глубоко различные понятия этикета, миланскому обычаю противопоставляются требования русского посла. Контакт между двумя культурами тем труднее, что русские гости говорят лишь на непонятном, «варварском» языке. В данном контексте образ Леонардо показывает многостороннее значение своей функции: задавая гостям вопросы о России, художник устанавливает контакт и позволяет осуществлять взаимное обогащение культур, плодотворной диалектики «своего» и «чужого». Подобную роль Леонардо играет и во встрече с молодым русским изографом Евтихием; он видит, как на написанной им иконе присутствуют, на божью славу, все силы и элементы природы, подобно тому, как в его картинах (в «Джоконде» в частности) все научно обоснованные детали только указывают на духовную натуру

человека и на высшее совершенство Творца. Таким образом, у Леонардо, как у Евтихия, в искусстве принцип духовности и принцип науки гармонически встречаются и сливаются.

Дж.П. Пиретто (G.P. Piretto, Милан): *Иосиф Бродский: Венецианка и Венеция. Проблемы быта.* На основе произведения «Набережная неизлечимых» (написанного на английском языке и сразу переведенного на итальянский и русский) автор доклада показывает, как Бродский сумел освободиться от всех стереотипных образов города Венеции — исторических, литературных и эмоциональных. Это происходит любопытным образом, вопреки авторскому ожиданию: при встрече с красивой, но чужой по духу Венецианкой представление о городе и вообще об Италии как о культурном мифе сменяется прозаичностью бытового поведения. Театрализация поведения, характеризовавшая, в Ленинграде, отношения между русскими и итальянцами, уступает быту и происходит то, что Лотман определил как «уход из мира условной и неискренней жизни ... то есть как понижение уровня семиотичности поведения».

С. Бурины (S. Burini, Бергамо): *Георгий Якулов как пример иконической риторики.* Исходя из лотмановского положения, что любое произведение искусства можно рассматривать в качестве текста, автор доклада предлагает тонкий анализ живописных работ Георгия Якулова с семиотической точки зрения. Для разбора живописного «текста» весьма эффективным оказывается применение театрального кода, поскольку театр представляет собой как бы промежуточное пространство между существующим и изображаемым. Кроме того, в картинах Якулова различается структурное единство двух специфических подтекстов, двух живописных систем — восточной и западной (на художника большое влияние оказывает восточное искусство, в частности, миниатюра). Очень важным в изучении творчества художника является также лотмановская концепция риторики: риторика рассматривается им как перенесение в одну семиотическую сферу структурных принципов другой сферы; на этом основании автор доклада выдвигает мнение, что творчество Якулова можно считать ярким примером иконической риторики.

Круглый стол

Конференция завершается круглым столом под председательством Ч. Сегре. Принимают участие Б.А. Успенский, Б.Ф. Егоров, М.Ю. Лотман и А. Кастольди (A. Castoldi), декан Факультета иностранных языков.

М. Лотман сообщает о проекте, по инициативе ректора Тартуского университета, создать «Фонд Лотмана». Цель — не только память (т. е. издание его трудов и т. п.), но и сохранение и продолжение традиции, возобновление летних школ (начиная со следующего лета). Что касается издания «Трудов», после заключения первой (25 выпусков под руководством Юрия Михайловича) начнется новая серия. Во главе Фонда будет постоянная комиссия, членами которой станут и некоторые иностранные ученые. Секретарем Фонда будет Анн Мальц.

Л. Киселева просит всех присутствующих передать Фонду опубликованные ими работы Лотмана и о Лотмане, равно как возможные уточнения и дополнения к библиографии, опубликованной в книге «Лотман 70».

А. Кастольди подчеркивает роль Кафедры славистики вообще и Нины Каучишвили в частности. Он выдвигает мысль, что в Лотмановском Фонде должен участвовать также представитель бергамского университета. Предлагает еще проводить ежегодные совместные семинары с целью проверки проделанного пути (возможно, в рамках бергамской аспирантуры по теории анализа текста, в тесной связи с журналом «Литературный диалог» («Il confronto letterario»), издаваемом университетом г. Павии). Диалог тем более необходим, что иногда культурные категории, крайне важные для русской литературы, не столь же существенны для других (например, проблема Просвещения).

Н. Каучишвили выдвигает конкретное предложение: начать постоянное сотрудничество между университетами Бергамо и Павии (где преподает Ч. Сегре) для сбора документов и для работы в различных направлениях — лингвистическом, семиологическом, литературном, историко-культурологическом.

Вл. Александров: в США Лотмана читают в основном только слависты, а специалисты по истории литературы и по семиотике считают его теории уже чуть ли не устаревшими. Напро-

тив, надо сделать так, чтобы его достижения признавались настоящей действующей силой и исходным пунктом для всеобщей дискуссии.

Б. Егоров сообщает о подготовительной работе над изданием нескольких «Собраний сочинений» Ю.М. Лотмана; главным редактором одного из них является именно он. Для дальнейшего исследования предлагается несколько тем: эволюция Лотмана; Лотман и другие семиотические школы; Лотман и Бахтин (тем более в связи с бахтинским 100-летием в 1995 г.). Надо опасаться нового своеобразного явления — паразитизма, связанного с именем Лотмана, который породил даже некую «марксистскую семиотику».

Дискуссию завершает **Б.А. Успенский**: самый большой риск заключается в том, что имя Лотмана может отделиться от того, кем он был на самом деле; задача всех его друзей, учеников и последователей сделать так, чтобы этого не произошло. Надо еще задать вопрос: можно ли на самом деле говорить о тартуской школе? И что такое «школа»? Ответ может быть следующий: создают школу люди, которые работают честно, верят в то, чем занимаются, считают это необходимым и существенным и которых сближает полное отсутствие какой бы то ни было идеологии в подходе к научному труду.

*Р. Джакушта
Удине*

С.-Петербург. 6, 7, 8 апреля 1995 г. в Российском институте истории искусств (Зубовском) состоялась международная конференция, посвященная памяти Юрия Михайловича Лотмана. Конференция была организована ведущим научным сотрудником РИИИ С.М. Даниэлем и профессором И.А. Черновым, возглавляющим кафедру семиотики Тартуского университета, при финансовой поддержке Международного Фонда Сороса «Культурная инициатива» (в рамках East-East Program). В конференции приняли участие петербургские и тартуские ученые, а также их коллеги из Таллинна и Москвы.

Конференцию открыл **С.М. Даниэль**. Докладчик обратил внимание аудитории на символическую закономерность проведения «лотмановских чтений» в стенах Зубовского ин-

ститута. Открытый в 1912 году, Институт истории искусств сохранил статус научного учреждения в советское время благодаря остроумной выходке его основателя графа В.П. Зубова, после октябрьского переворота конфисковавшего у себя собственное владение и возглавившего Институт на правах должностного лица новой формации. С Институтом истории искусств связана деятельность Ю.Н. Тынянова, В.Б. Шкловского, Б.М. Эйхенбаума, В.М. Жирмунского, Б.В. Томашевского, Г.А. Гуковского — будущих наставников Ю.М. Лотмана, прямых и «заочных». Докладчик коснулся вопроса об эволюции семиотического движения в отечественной науке, утверждая при этом постоянство его филологической ориентации. Здоровое оживление в аудитории вызвала пародия на тартускую «школу» 1974 года, написанная тогда же коллективом молодых исследователей: «Еще раз к оппозиции Фомы и Еремы *sub specie semiologicae*» (Н.В. Брагинская, О.А. Седакова, А.Г. Левинтон, Н.Е. Прянишников, С.М. Даниэль). Текст обнаружил способность не только хранить информацию о прозвучавших тогда докладах, но и воскрешать самый дух тартуских встреч. Влияние тартуской школы и персонально Ю.М. Лотмана простиралось так далеко, что сильно беспокоило КГБ. Тема «семиотика и власть», по мнению докладчика, нуждается в специальном изучении.

Б.Ф. Егоров (Санкт-Петербург) в свойственной ему живой манере поделился воспоминаниями о ранних годах столь знаменитой впоследствии кафедры Тартуского университета. Ближайший сотрудник Ю.М. Лотмана, стоявший у колыбели тартуской школы, Б.Ф. Егоров сохранил в памяти множество интереснейших подробностей, составляющих богатый материал для изучения истории семиотического движения. Он рассказал о взаимоотношениях кафедры с местной администрацией, о том, какие трудности пришлось преодолеть на пути к изданию «Ученых записок». Особенный интерес вызвало цитированное Б.Ф. Егоровым письмо К.И. Чуковского об одном из томов серии «Труды по русской филологии». Не лишнее забавной (и, кажется, рассчитанной) риторики, это письмо содержит высокую оценку научной работы кафедры и представляет собой замечательный документ, свидетельствующий о живой связи ученых-филологов разных поколений.

Л.Н. Киселева (Тарту), возглавившая кафедру русской литературы в недавнее время, рассказала о сегодняшних

проблемах кафедры. Традиция, завещанная выдающимися учителями, взывает к продолжению и развитию, что по мере сил пытаются делать сотрудники снова молодой кафедры. Л.Н. Киселева поделилась планами своего научного коллектива. Собственно же исследовательская часть выступления Л.Н. Киселевой была посвящена вопросу о карамзинских истоках концепции «официальной народности». Акцент был сделан не на уваровском варианте формулы «самодержавие — православие — народность», а на органической для Жуковского (в это время) концепции государства как семьи (самодержец — отец, подданные — дети), восходящей к историческим взглядам Карамзина и нашедшей отражение в тексте «Боже, царя храни» и хорах оперы «Жизнь за царя».

Л.Н. Березовчук (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Ю.М. Лотман. "Культура и взрыв": когнитивный базис тернарных оппозиций». Анализ, предпринятый с позиций когнитивного подхода, привел автора к выводу, что последняя книга Ю.М. Лотмана, будто бы ориентированная на изучение динамики культурных процессов, реально посвящена формированию представления об аномальных состояниях, возникающих в процессах информационного обмена. Так называемая «тернарность» является познавательным базисом взаимодействий «нормативной» и «аномальной» культур. Доклад Л.Н. Березовчук вызвал оживленную полемику. Выступавшие (М.Ю. Лотман, С.М. Даниэль), в частности, отмечали вполне органичную связь идей книги «Культура и взрыв» с предшествующими работами ученого (например, статьей «Динамическая модель семиотической системы»).

Первый день конференции завершился свободной дискуссией о научном творчестве Ю.М. Лотмана и его школы, в которой приняли участие Б.Ф. Егоров, К.А. Кумпан, Л.Н. Березовчук, Л.Н. Киселева, М.Ю. Лотман, Б.Ф. Шифрин, А.А. Данилевский и другие.

Второй день конференции был целиком посвящен историко-литературным проблемам отечественной культуры.

В докладе **Р.Г. Лейбова (Тарту)** рассматривалась устойчивая связь «наполеоновского», «разбойничьего» и «самозванческого» сюжетов в русской литературе; связь эта прослеживается от начала XIX века до литературы XX-го. Особое внимание

автор уделил стихотворению Лермонтова «Предсказание» (в контексте событий 1830 года) и пушкинскому «Борису Годунову». Выявлен возможный источник отмеченной интерпретации сюжетов — публицистика и массовая поэзия 1812 года.

Л. Л. Пильд (Тарту) посвятила свое выступление уяснению литературной позиции И.С. Тургенева начала 1850-х годов. Акцент был сделан на «антиконцептуальном пафосе» писателя.

С. Н. Доценко (Таллинн) последовательно рассмотрел сложение «петербургского текста» в творчестве Ремизова. Тем самым проблема, открытая исследованиями В.Н. Топорова, получила еще одно измерение.

А. А. Данилевский (Тарту) сосредоточил внимание на выявлении «петербургского подтекста» в романе Набокова «Приглашение на казнь». Последний был сопоставлен с набоковским «Даром», точнее — с его знаменитой IV главой. Множество переключек между двумя текстами послужило основанием для вывода: судьба Цинцинната Ц. может рассматриваться как завуалированное изображение истории ареста, заточения и гражданской казни Н.Г. Чернышевского. Соответственно, в изображении города, где живет Цинциннат Ц., проступают черты Петербурга. По мнению докладчика, это — один из важнейших подтекстов романа.

П. Г. Торопыгин (Тарту) обратился к деятельности С.С. Уварова, рассмотрев его идеологические установки в биографическом контексте, что позволило обозначить вопросы, которые легко обойти стороной (не заметить) в расширенном историко-идеологическом контексте.

Завершивший работу второго дня конференции доклад **Ю. К. Пяли (Тарту)** был посвящен пьесе Иосифа Бродского «Мрамор». Сложность текста не помешала докладчице предпринять оригинальный опыт его прочтения.

Судя по реакции аудитории и растущему числу заявок на выступления, конференция вызвала большой интерес. Во всяком случае, третий и последний день никак не свидетельствовал, что дело идет к концу, скорее наоборот.

В докладе **Л. Ф. Чертова (Санкт-Петербург)** «О визуальных пространственных кодах» рассматривались особенности семиотических систем, план выражения которых образуется

зрительно воспринимаемыми пространственными отношениями. Семиотизированное посредством того или иного кода пространство обладает специфическими качествами: размерностью (больше единицы), кривизной, однородностью или неоднородностью, изотропностью или анизотропностью, дискретностью или непрерывностью и т. д. Изучение подобных характеристик значимого пространства может составить предмет своеобразной «семантической топологии», без которой остаются нераскрытыми важные особенности плана выражения пространственных кодов. Каждый из этих кодов имеет также и специфический план содержания, не переводимый полностью в план содержания вербального языка. Такая непереводимость характерна, в частности, для предметно-функционального и архитектурного кодов, план содержания которых образуют двигательные образы разных уровней. Особенностью визуальных пространственных кодов является также то, что связь плана выражения с планом содержания в них не обусловлена, как правило, чисто конвенционально, хотя в той или иной мере испытывает воздействие культуры.

Обширный доклад **Т. В. Черниговской (Санкт-Петербург)** «Кросс-культурные и нейросемиотические аспекты эволюции сознания» был посвящен обсуждению роли семиотики и, конкретно, идей Ю.М. Лотмана в развитии нейропсихологии, кросс-культурной и детской психологии. Сообщалось о семинарах, научных обществах и изданиях, связанных с проблематикой эволюции сознания и языка (Вальтер Кох — Бохум, Германия; Петер Гржибек с его журналом «Знаколог» и книгой «Психосемиотика — Нейросемиотика» — Бохум, Германия и Грац, Австрия; Ян Винд, «Общество возникновения и развития языка» и его труды — Нидерланды, и т. д.). Т.В. Черниговская рассказала о совместной работе с нейрофизиологами Петербурга (Л.Я. Балонов, В.Л. Деглин) и тартускими семиотиками (Ю.М. Лотман, Вяч.Вс. Иванов, Б.А. Успенский и др.). Обсуждалась идея гетерогенности сознания — как для отдельного индивида, так и для общества; было отмечено, что эволюция типов сознания характеризуется вектором от правополушарных когнитивных типов к левополушарным с тенденцией к увеличению правополушарных компонентов. Поставлен ряд кардинальных вопросов. Что считать «нормой» и «прогрессом» в развитии сознания и можно ли так ставить вопрос вообще? Есть ли, в таком случае,

более и менее развитые культуры и типы сознания и как это влияет на кросс-культурные исследования? Как нейрофизиологически и анатомически обеспечивается возникновение и развитие сознания и языка и что об этом известно сейчас? Приведены некоторые экспериментально полученные доказательства правомерности параллелей между особенностями функций правого полушария и детского мышления, а также особенностями мышления людей из традиционных сообществ (архаизм, мифологизм, гештальтность, эмпиризм и т. д.).

В докладе **Г. З. Каганова (Москва)** с энигматическим названием «Стрелка Васильевского острова: равнина Лациума или гора Мориа?» рассматривалась история проектирования и строительства Биржи. Опыт Кваренги докладчик интерпретировал в «римском» духе, трактуя замысел архитектора как наполнение Невской дельты, отчасти уже поросшей зданиями, — духом истинной античности, образами священной древности. Строительство кваренгиевой Биржи остановилось, и похоже, что архитектор был этим доволен: опыт в жанре руин удался. Проект новой Биржи, принадлежавший Тома де Томону, заключал в себе, по мнению докладчика, масонскую программу, что косвенно подтверждается связью Томона с венским и петербургским масонством. С этой точки зрения докладчик и попытался истолковать ансамбль стрелки Васильевского острова. К началу нашего столетия эзотерические значения этого ансамбля ушли из поля зрения образованных ценителей, будучи замещены чисто эстетическим отношением.

Выступление **М. Ю. Лотмана (Тарту)** затронуло исключительно интересную проблему «философского фона» тартуской семиотики (чему М.Ю. Лотман уже отдал должное). Проблема эта имеет как мировоззренческий, так и научно-методологический аспекты. Докладчик коснулся кантовской и гегельянской философских традиций, их рецепции тартуской семиотической школой. Был также затронут вопрос о философском наследии П.А. Флоренского, постоянно привлекавшем внимание Ю.М. Лотмана.

Краткое сообщение **Ф.Р. Балонова (Санкт-Петербург)** «Индоевропейские «громовые травы» (ключевые семантические аспекты)» было посвящено растительным атрибутам богов-громовержцев.

Б.Ф. Шифрин (Санкт-Петербург) высказал ряд соображений о палиндроме. Остранение причинности — первое слово палиндрома втайне мотивировано последним — сближает его со сновидением. Вообще же навык бессознательной визуальности воспитывается любой стиховой строкой. Но визуальность творческого акта, как и визуальность сна, это лишь метафора. Автор палиндрома — своего рода сомнамбула с ее пошатывающейся точностью. Интуиция равновесия, а не напряжение зрения движет его мыслью.

Перенасыщенность программы в последний (к тому же субботний, т. е. выходной) день, к сожалению, не способствовала развертыванию свободной дискуссии, хотя многие того хотели. Впрочем, будучи должны покинуть Зеленый зал РИИИ, участники конференции продолжали дискуссию вне стен института. Этот неподдельный энтузиазм лишний раз свидетельствует о том, сколь многим мы обязаны живому духу идей Юрия Михайловича Лотмана.

Помощь, оказанная Международным Фондом Сороса, позволяет надеяться на издание материалов конференции.*

*С. М. Даниэль
С.-Петербург*

---

* Автор обзора должен принести извинения докладчикам, сообщения которых охарактеризованы слишком лаконично. Поскольку сокращенное изложение текста — дело небезопасное, автор обзора в тех случаях, когда он не располагал достаточным (письменным) материалом, счел за лучшее просто обозначить тему, нежели исказить мысль докладчика.

RUSSIAN STUDIES 1996. Т. II. № 1(5)–4(8).

БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ

СТАТЬИ

Д. Сегал (Иерусалим). Русская семантическая поэтика двадцать лет спустя.

Ф. З. Канунова (Томск). Г. С. Батеньков и В. А. Жуковский.

Л. К. Долгополов (С.-Петербург). Владимир Маяковский и Юрий Живаго (Заметки и предположения).

М. Амусин (Иерусалим). «В Петербурге мы сойдемся снова...» (Ленинградская школа прозаиков и Петербургский текст русской литературы).

КОММЕНТАРИИ

В. Гитин (Гарвард). Текст как «точка зрения»: Лексические отрицания у Баратынского.

А. Е. Барза: (С.-Петербург). «Тоска» Анненского.

О. Лекманов (Москва). Еще один мужик (к теме «Гумилев и Клюев»).

ОБЗОРЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Из варшавского архива Д. В. Философова. Обзор, статьи и публ. Дж. С. Дюрранта (Ньюфаундленд);

Из архива архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Шаховского). Предисловие, публ. и коммент. Е. А. Голлербаха (С.-Петербург);

Поль Моран. Я жгу Москву. Перевод Мих. Яснова. Статья и коммент. М. А. Золотоносова (С.-Петербург).

СУДЬБЫ ФИЛОЛОГОВ

Б. Я. Бухштаб. Л. Я. Гинзбург. О. М. Фрейденберг.

Рецензии. Хроника. По страницам газет. И другие материалы по всем отделам ЕЖЕКВАРТАЛЬНИКА.

Цена одного номера

для частных лиц — 12 USS

для учреждений — 15 USS

Стоимость годовой подписки

для частных лиц — 40 USS

для учреждений — 50 USS

Зарубежную подписку осуществляет фирма:

**Kubon & Sagner Heßstr. 39/41,
80798, München, Germany**

RUSSIAN STUDIES

ЕЖЕКВАРТАЛЬНИК РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ И КУЛЬТУРЫ

РОССИЯ, С.-ПЕТЕРБУРГ, а/я 290

Тел.: (812) 583 5256, (812) 233 1829

RUSSIAN STUDIES 1995. Т. I. № 1—4.

СТАТЬИ

А. Лазари (Лодзь). Политика и литература. Категория «народности» в русской идеологии и эстетике.

А. Либерман (Миннеаполис). Поэтический мир Лермонтова.

И. Серман (Иерусалим). Достоевский и Просвещение.

М. А. Золотоносов (С.-Петербург). ЗК: Загадки криминально-идеологического контекста и культурный смысл.

КОММЕНТАРИИ

Ж.-Ф. Жаккар (Женева). Между «до» и «после». Эротический элемент в поэме Пушкина «Руслан и Людмила».

А. В. Лавров (С.-Петербург). Из комментариев к стихотворениям А. Блока.

И. А. Доронченков (С.-Петербург). Орфей в раю (Стихотворение М. Кузмина «Катакомбы» и живопись раннехристианских под-земелий).

Ю. И. Глебов (Москва). «Влюбленность» Владимира Набокова: потайной источник.

ОБЗОРЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции (Из архива Соломона Познера). Статья и публ. В. Е. Кельнера (С.-Петербург), В. Познер (Франция).

А. Л. Никитин (Москва). Мистические ордена в культурной жизни советской России.

СУДЬБЫ ФИЛОЛОГОВ

К 100-летию со дня рождения В. Я. Проппа.

ПЕРЕПИСКА ФИЛОЛОГОВ

Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана. Предисловие, составление и подгот. текстов А. А. Жук (Саратов). Публ. В. В. Прозорова (Саратов).

Ретросп. библиогр. Рецензии. По страницам газет. Хроника. и другие материалы по всем разделам ЕЖЕКВАРТАЛЬНИКА.

RUSSIAN STUDIES

ЕЖЕКВАРТАЛЬНИК РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ И КУЛЬТУРЫ

РОССИЯ, С.-ПЕТЕРБУРГ, а/я 290

Тел.: (812) 583 5256, (812) 233 1829

Зарубежную подписку осуществляет фирма:

Kubon & Sagner Heßstr. 39/41,
80798, München, Germany

Цена одного номера

для частных лиц — 12 US\$

для учреждений — 15 US\$

Стоимость годовой подписки

для частных лиц — 40 US\$

для учреждений — 50 US\$

Художник И. Менчиков
Корректор С. А. Батюто
Художественный редактор В. Бахтин
Технический редактор К. К. Быстров

Сдано в набор 1.05.95. Подписано в печать 15.10.95. Формат
Гарнитура "Тип Таймс". Тираж 1000 экз. Зак № *0/115*

Отпечатано в типографии
рекламно-издательской фирмы «ИНТЕГРАФ»

Телефоны: (812) 183-63-37; 183-60-95.